

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главные редакторы:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)
Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Тихомиров Ю. А., доктор юридических наук, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Заместители главных редакторов:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, куратор направления «Монетарная теория и цифровые финансы» (г. Москва, Россия)
Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, куратор направления «Юридических наук» (г. Казань, Россия)
Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, куратор направления экономических наук (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)
Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)
Бегичев И. Р., кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, старший научный сотрудник Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голиченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МПОА) (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Нуреев Р. М., доктор экономических наук, профессор, глава департамента экономической теории в Финансовом университете при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Тарасенко О. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., доктор философии в области экономики, профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)

Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческий Средиземноморский университет (г. Ираклион, Греция)

Джеффри Ш., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в FCIS Университета в Мариборе; президент Европейской ассоциации криминологов (ESC) (г. Марибор, Словения)

Рубин Э. Л., профессор права и политологии Школы права Университета Вандербильта (г. Нешвилл, шт. Теннесси, США)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, проректор по научной работе Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, председатель Союза криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрум Д., доктор социальных экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель –

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова»

Издатель –

ООО «ТЦО «Таглитат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Сайт: rusjel.ru

Журнал включен

в Перечень ВАК по группе специальностей 08.00.00 – экономические науки

Индексируется в EBSCO, ERICH PLUS, HeinOnline, CyberLeninka, RePEC, DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:

Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков РТ
Е. Н. Беляева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационное свидетельство:
ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:
Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 28. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 25.02.2022. Заказ № 18
Дата выхода в свет 30.03.2022
Цена свободная

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязова»,
ООО «ТЦО «Таглитат», 2022
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Вестфалика»:
420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое.
При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.
Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.
 Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

EDITORIAL BOARD

Co-editors-in-Chief:

Bikeev I. I., Vice Editor-in-Chief, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work, Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

Kleyner G. B., Doctor of Economics, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tihomirov Yu. A., Doctor of Law, Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation (Moscow, Russia)

Deputies of the Co-editors-in-Chief:

Andryushin S. A., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, supervisor of Monetary theory and Digital finance section (Moscow, Russia)

Kabanov P. A., Doctor of Law, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, supervisor of Law section (Kazan, Russia)

Kramin T. V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, supervisor of Economic section (Kazan, Russia)

Executive secretary:

Grigoryev R. A., Ph.D. Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Antonova I. I., Doctor of Economics, Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Baranov V. M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

Begishev I. R., PhD (Law), Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Volchik V. V., Doctor of Economics, Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Gilinskiy Ya. I., Doctor of Law, Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, Russia)

Golichenko O. G., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Efimtseva T. V., Doctor of Law, Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (MSYuA) (Orenburg, Russia)

Kachalov R. M., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Korytcev M. A., Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Southern Federal University, (Rostov-on-Don, Russia)

Kudryavtseva O. V., Doctor of Economics, Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Lazarev V. V., Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Latov Yu. V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Lipen S.V. Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Makarova O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Saint Petersburg University (Saint-Petersburg, Russia)

Nureev R. M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of "Macroeconomics" of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tarasenko O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Khislamova Z. I., PhD (Law), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)

Shafirov V. M. Doctor of Law, Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Shestakov D. A., Doctor of Law, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)

Shinkevich A. I., Doctor of Economics, Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

Alm J., PhD Economics, Professor and Chair Department of Economics University Tulane (New Orleans, USA)

Apostolakis A., PhD Economics, Assistant Hellenic Mediterranean University (Irakleion, Greece)

Jaffry Sh., PhD Economics, Professor, University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

Kamenkov V. S., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Head of Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)

Kury H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Freiburg (Friburg, Germany)

Meško G., Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

Rubin E. L., Professor of Law and Political Science, Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)

Serrano-Mailló A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

Turetskiy N. N., Doctor of Law, Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Fidrmuc Ja., Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The founder –

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher –

Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties 08.00.00 – Economic Sciences

The Journal is indexed in EBSCO, ERICH PLUS, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal

through the United Catalogue "Press of Russia"

Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretidinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild E. N. Belyaeva

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration certificate:

PI № ФЦ77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60x84/8. Printing sheets: 28. Circulation 1000 copies

Signed for printing 25.02.2022. Order № 18

Date of publishing 30.03.2022

Free price

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2022

Printed at printing house "Vestfalika" LLC:

420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

5

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

- Никонова А. А.** Трилемма Кейнса с позиций тетрады
Клейнера на фоне катаклизмов в обществе 5
- Петренко Т. В.** Изменение парадигмы экономической
науки в условиях инновационного развития 26

40

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

- Кирилук И. Л.** Модельные риски в финансовой сфере
в условиях использования искусственного
интеллекта и машинного обучения 40
- Кочергин Д. А.** Цифровые валюты центральных банков:
опыт внедрения цифрового юаня и развитие
концепции цифрового рубля 51

79

ФОКУС НА РЕГИОНЫ

- Кузнецова Ю. А.** Характеристики пространственного
развития инноваций в законодательных актах
макрорегионов Сибири 79

94

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Лазарев В. В.** Методология конструктивизма
в конституционном обустройстве государства
и общества 94

106

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Кобец П. Н.** Правовые основы привлечения к уголовной
ответственности медицинских работников
за совершение противоправных деяний
в советский и постсоветский периоды 106

5

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

- Nikonova A. A.** Keynes Trilemma from the Viewpoint of
Kleiner Tetrad under the Cataclysms in the Society 6
- Petrenko T. V.** Changing the Paradigm of the Economic
Science under Innovative Development 26

40

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

- Kirilyuk I. L.** Model Risks in the Financial Sphere under
the Conditions of the Use of Artificial Intelligence
and Machine Learning 40
- Kochergin D. A.** Central Bank Digital Currencies:
Experience of Introducing a Digital Yuan and
Development of a Digital Ruble Conception 51

79

FOCUS ON REGIONS

- Kuznetsova Yu. A.** Characteristics of the Spatial
Development of Innovations in Legislative Acts
of Siberian Macroregions 79

94

CONSTITUTIONAL LAW

- Lazarev V. V.** Methodology of Constructivism
in the Constitutional Arrangement of the State
and Society 94

106

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Kobets P. N.** Legal Bases
for Prosecution of Medical Staff
for Illegal Acts During the Soviet
and Post-soviet Periods 106

122	122
ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	THE DIALECTICS OF ANTI-CORRUPTION
<i>Мельникова А. Л., Мицул А. С.</i> Роль кинематографа в проведении антикоррупционного просвещения: мировой опыт..... 122	<i>Melnikova A. L., Mitsul A. S.</i> Role of Cinematography in Anticorruption Enlightenment: Global Experience..... 122
136	136
ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ	TRANSLATED ARTICLES
<i>Бен-Шахар О.</i> Загрязнение информационной среды..... 136	<i>Ben-Shahar O.</i> Data Pollution..... 136
<i>Рубин Э. Л.</i> Распространение принципов демократии на корпоративное управление и далее: теория народного экономического суверенитета 176	<i>Rubin E. L.</i> Extending Democracy to Corporate Governance and Beyond: a Theory of Popular Economic Sovereignty 176
202	202
ДИСКУССИИ	DISCUSSIONS
<i>Ю. В. Латов.</i> Существует ли в России запрос на социалистические перемены? 202	<i>Latov Yu. V.</i> Does an Enquiry for Socialistic Changes Exist in Russia? 202
219	219
ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК	INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS
220	220
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	RULES FOR THE AUTHORS

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.5-25>

УДК 330.1:338.12:338.2

JEL: E12, E2, H1, O1, O2, P00

А. А. НИКОНОВА¹

¹ Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, г. Москва, Россия

ТРИЛЕММА КЕЙНСА С ПОЗИЦИЙ ТЕТРАДЫ КЛЕЙНЕРА НА ФОНЕ КАТАКЛИЗМОВ В ОБЩЕСТВЕ

Никонова Алла Александровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
E-mail: prettyal@cemi.rssi.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9115-3795>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AAR-8177-2020>
eLIBRARY ID: 77659 SPIN-код 2505-0803

Аннотация

Цель: изучение отношений пары секторов общественной системы в тетраде Г. Б. Клейнера, государства и социума, в разных ситуациях. Подтверждение гипотезы о различии в запросах социума и реакции государства на изменение окружающей среды, включая нынешний кризис; исследование факторов и возможных путей к сбалансированности взаимодействий пары секторов.

Методы: трилемма Дж. М. Кейнса исследована в приложении к внутренней политике государства с позиций системной экономической парадигмы, развиваемой в ЦЭМИ РАН под руководством Г. Б. Клейнера.

Результаты: при помощи модели тетрады идентифицированы условия для сбалансированных взаимодействий между государством и социумом в интерпретации трилеммы Кейнса с позиций благосостояния, свобод, справедливости. На основе пространственно-временного анализа подтверждена гипотеза Кейнса о несовместимости этих целей в политике государства одновременно. Значимость адаптивной политики растет в период нестабильности, когда структура запросов людей меняется: потребность в свободе становится менее актуальной, чем запрос на защиту и качество жизни.

Научная новизна: на основе представления о циклическом характере взаимодействия государства и общества в ходе общественного развития установлены закономерности спорадического возникновения и воспроизводства угроз обществу в случае отсутствия реактивного реагирования на изменения в запросах агентов при обмене ресурсами в макросистеме. К ключевым факторам отнесены имманентные базовые условия и основы человеческого

существования, являющиеся первопричиной подвижного баланса в динамике отношений (баланса ожиданий общества и государственной политики) в зависимости от того, как эти потребности удовлетворяются. Подтверждена эмпирически гипотеза о тесной связи этих движущих факторов с критическими признаками общественных отношений в существующей модели экономики РФ и других стран. Расширение познания связи между структурно-функциональными характеристиками макросистемы вносит вклад в решение центральной задачи системных исследований.

Практическая значимость: результаты выявили предпосылки для распределения акцентов государственной политики в условиях современных катаклизмов. Совместное использование трилеммы Кейнса и тетрады Клейнера в таком ракурсе исследований может способствовать формированию синтетического подхода к анализу и моделированию взаимных ожиданий ключевых агентов, согласованию запросов и выработке дивергентных мер политики, способствующих гармонии системы.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, государство, социум, система, взаимодействие, системная экономическая парадигма, благосостояние, свобода, справедливость

Расширенный вариант доклада, представленного на VI Международной научно-практической конференции «Системный анализ в экономике 2020» 10.12.2020 в Финансовом университете при Правительстве РФ [1].

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Никонова А. А. Трилемма Кейнса с позиций тетрады Клейнера на фоне катаклизмов в обществе // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 5–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.5-25>

The scientific article

A. A. NIKONOVA¹

¹ Central Economics and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

KEYNES TRILEMMA FROM THE VIEWPOINT OF KLEINER TETRAD UNDER THE CATACLYSMS IN THE SOCIETY

Alla A. Nikonova, Candidate of Sciences in Economics, Leading Researcher, Central Economics and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences
E-mail: prettyal@cemi.rssi.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9115-3795>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AAR-8177-2020>
eLIBRARY ID: 77659 SPIN-код 2505-0803

Abstract

Objective: to study the relations of a pair of the social system sectors in G. B. Kleiner's tetrad, the state and the society, in different situations; to confirm the hypothesis about the difference in the society's demands and the state's response to environmental change, including the current crisis; to investigate the factors and possible ways to balance the interactions of the pair of sectors.

Methods: the trilemma of J. M. Keynes is studied in the application to the internal policy of the state from the standpoint of the systemic economic paradigm developed at the CEMI RAS under the supervision of G. B. Kleiner.

Results: using the tetrad model, the conditions for balanced interactions between the state and society are identified in the interpretation of the Keynes trilemma from the standpoint of welfare, freedoms, and justice. Based on the spatial-temporal analysis, Keynes' hypothesis of the incompatibility of these goals simultaneously in the state policy is confirmed. The importance of adaptive policy is growing in a period of instability, when the structure of people's requests is changing: the need for freedom becomes less relevant than the request for protection and quality of life.

Scientific novelty: based on the idea of the cyclical nature of the interaction between the state and society in the course of social development, patterns of sporadic occurrence and reproduction of threats to society in the absence of a reactive response to changes in the requests of agents during the exchange of resources in the macro-system are established. The key factors include the immanent basic conditions and foundations of human existence, which are the root cause of the shifting balance in the dynamics of relations (the balance of expectations of society and state policy), depending on how these needs are met. The hypothesis of a close connection of these driving factors with the critical signs of social relations in the existing model of the economy of the Russian Federation and other countries is empirically confirmed. The expansion of knowledge of the relationship between the structural and functional characteristics of the macro-system contributes to the solution of the central task of systems research.

Practical significance: the results revealed the prerequisites for the shifting of the public policy accents under the modern cataclysms. The joint use of the Keynes trilemma and Kleiner's tetrad in such a research perspective can contribute to the formation of a synthetic approach to the analysis and modeling of mutual expectations of the key agents, the coordination of requests, and the development of divergent policies that contribute to the system harmonization.

Keywords: Economics and national economy management, State, Society, System, Interaction, Systemic economic paradigm, Welfare, Freedom, Justice

The expanded version of a report presented at the 6th International scientific-practical conference "Systemic analysis in economy 2020" on December 10, 2020 at Finacial University under the Russian Government [1].

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Nikonova, A. A. (2022). Keynes Trilemma from the Viewpoint of Kleiner Tetrad under the Cataclysms in the Society. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 5–25 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.5-25>

Введение

Рост новой экономики основан на знаниях и *NBIC*-парадигме [2], трансформирующейся под влиянием глобальных вызовов, приближая модель к целям человеческого развития [3]. С этих позиций вклад человеческих факторов – талантов, интеллекта, знаний, особых способностей индивидов – в экономику, а также социальные ориентиры определяют траекторию социально-экономической системы (далее – СЭС), целостность, долгосрочную устойчивость [4–6].

Особенности трансформационного кризиса вызывают существенные изменения в технологиях и отношениях акторов (*actors*) в связи с ростом как возможностей, так и ограничений в запросах, ресурсах, способностях. Меняются не только технологии, но и способы создания их, структура факторов роста, принципы взаимодействий субъектов, затрагивая все регионы, экологию, политику, культуру, другие стороны жизни экономики и общества.

С точки зрения теории СЭС рассматривается как система систем [7, п. 9; 8]. Социум играет в ней особую роль: генерирует, закрепляет, передает другим секторам моральные, ценностные, ментальные,

интеллектуальные основы устойчивости и гармонии общества, влияющие на поведение акторов [9] – субъектов, представляющих сектора СЭС.

В период катаклизмов роль государства как регулятора, координатора, адаптера растет по мере роста неопределенности, вызванной кардинальными переменами. Ибо ни один из агентов (субъектов, принимающих решения) не обладает ресурсами и способностями для того, чтобы справиться в одиночку с исполнением его функций в системе и адаптироваться к новым условиям. Проблемы качества исполнения функций государством обостряются в нестабильной ситуации трансформационного кризиса, спровоцированного и усиленного объявленной пандемией [10].

Перспективы «сверхновой» экономики – интеллектуальной – повышают значимость «отношенческой компоненты» и социума как носителя и генератора знаний, интеллекта, особых способностей [4. С. 36], вызывают необходимость в соответствующих мерах поддержки со стороны государства. Вместе с этим меры могут нарушить баланс и усилить перекося в политике, согласно трилемме Дж. М. Кейнса [11, 12], предположившего невозможность одновременного

достижения трех базовых целей государственной политики: свободы (в интерпретации – демократии), справедливости (равного доступа и распределения благ) и эффективности (благополучия в материальном и ином выражении).

В связи с этим в период общественных катаклизмов интересы науки и практики сосредоточены на долгосрочной стратегии перехода к новой модели отношений и выработке соответствующей государственной политики, способствующей росту интеллектуального и социального потенциала для грядущих перемен.

Цель данной работы – показать, как государство справляется со своими функциями в жестких условиях трансформационного перехода в РФ и какие требования выдвигает ему системная парадигма. Задача – выполнить анализ чувствительности социальной системы в целях лучшего понимания запросов людей в разных ситуациях, идентифицировать связи между государством и социумом в модели макросистемы и системные свойства ключевых факторов гармонии в движении СЭС. Результаты будут способствовать обоснованию структурно-функциональных характеристик тетрадной модели СЭС, познанию закономерности распределения приоритетов политики в динамичной среде.

В когнитивных целях исследуем две модели. Релевантность совместного применения обусловлена способностью дополнения друг друга в целях более реалистичного и детального описания СЭС как системы взаимодействий ключевых акторов, для того чтобы на основе полученных результатов ответить на вопросы о способах и механизмах гармонизации СЭС в разных ситуациях. В целях исследования взаимодействия акторов интерпретированы как «диалог» ожиданий (запросов) и балансирование их реализации, т. е. обеспечение всех секторов СЭС доступом к ресурсам пространства и времени и источникам способностей [13. С. 135].

Цели исследования обусловлены рядом открытых вопросов в теории, методологии и практике по изучаемой теме. Например, компромисса в политике достичь не удастся. Ресурсы, действительно, ограничены. Известные подходы к согласованию сторон (в том числе асимметрично) на основе общественного контракта [14] и модели взаимодействий [15. С. 4, 7] дают эффект гармонии в силу регулярности доставки друг другу ожидаемых ресурсов и способностей [16,

17], предсказуемости конфликтов [18. Р. 8], но предполагают иметь механизмы и институты участия и контроля гражданского общества. Из опыта развивающихся стран [19, 20] следует вывод о значимости эволюции отношений и иной страновой специфики для модели договора. Степень гармонии в отношениях варьируется по странам. Она зависит от содержания прав и обязанностей в договоре, пространственного и временного охвата, исполнения [15. Рр. 5–8], институциональных форм взаимодействий [21], реакции государства на рост ожиданий социума, особенно в период катаклизмов [17, 19, 20, 22]. Нарратив касается тесноты связи между адаптивной политикой, признанием паритета интересов сторон, уровнем доверия, обеспечивающей сплоченность и идентичность народа, стабильность страны. Мало изучены проблемы запросов и цикличности изменений в ожиданиях сторон [23]. Модель Кейнса может быть использована для анализа вне зависимости от наличия формального договора, полагая присутствие его в явном или неявном виде в любой юрисдикции.

Основными барьерами в РФ выступают, по нашему мнению, (1) огромная дистанция между акторами и слабые коммуникации; (2) организационные и управленческие факторы, определяющие характер экономической, социальной и иной политики, рассматриваемые в данном случае как ресурсы и способности властных структур, называемых здесь «государством». Прежде всего, это несистемность решений¹ и иных воздействий, стратегий и управления [24. С. 6–20], дисменеджмент на макроуровне [7. Пп. 35–40; 25. С. 9–11], «ошибки (непоследовательность, некомплексность и т. п.) проводимой экономической политики. На это указывают представители экспертного сообщества. Соответственно предлагаются различные меры по устранению допущенных ошибок. Вместе с тем действенность таких мер зависит от того, насколько они опираются на фундаментальные положения экономической теории» [26. С. 19].

Модель тетрады [7, 13, 27, 28] – адекватный инструмент, удобный и пригодный для описания структуры СЭС, изучения функционирования, ана-

¹ Но и такие решения не исполняются вне ответственности за результат. Например, см.: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/885/8852a97cd45346ecea99d20b1d265d0f.pdf>; <http://audit.gov.ru/upload/iblock/94c/94cb719b9702e15f8092d998273c68a0.pdf>

лиза связей между основными секторами, познания условий сбалансированности и гармонии, зависимых от качества исполнения функций каждым из игроков, согласно системной парадигме. Модель можно совершенствовать путем уточнения форм² и содержания отношений (в данном случае между двумя акторами – государством и социумом) в результате анализа запросов социума и «ответов» государства в разных условиях изменчивой среды.

Изучение структуры ожиданий населения и их динамики, связанных с окружающим миром и политикой власти, в рамках трилеммы Кейнса [11, 12] может расширить представление об отношениях этой пары в тетраде СЭС и понимание запросов населения страны, опираясь на статистику и результаты опросов. Применение обеих моделей представляется своевременным и научно обоснованным для моделирования связей между государством и социумом.

Методология и методы

Справедливость трилеммы Кейнса обоснована теоретически и эмпирически в известных в науке приложениях: к политике международной интеграции [29; 30. Р. 201], регулированию рынку труда [31], введению базового дохода [32].

Дж. М. Кейнс, впечатленный посещением молодой Российской республики, увидел в ней доказательство утверждения о возможности максимизировать одновременно не более двух из трех составляющих политики государства в отношении социума (рис. 1):

- 1) свобода индивидуального выбора (демократические основы страны);
- 2) социальная справедливость (социальное государство – равный доступ к благам, равные права и законы для всех, возможности получения прав);
- 3) экономическая эффективность (эффективное государство, помогающее справиться с житейскими трудностями, решить проблемы бедности, охраны здоровья, безопасности, развития).

Трилемма Кейнса, говорит о том, что даже в случае известных потребностей и запросов социума нельзя удовлетворить их полностью, как бы ни хотелось правительству. Придется идти на компромисс.

С системной точки зрения компромисс должен быть согласован со всеми акторами. Системная экономическая парадигма предполагает достигать гармонии в отношениях четырех подсистем (секторов) СЭС – социума, государства, бизнеса, экономики – путем взаимодействий между секторами, осуществляемых в обмене ресурсами и способностями, которыми они

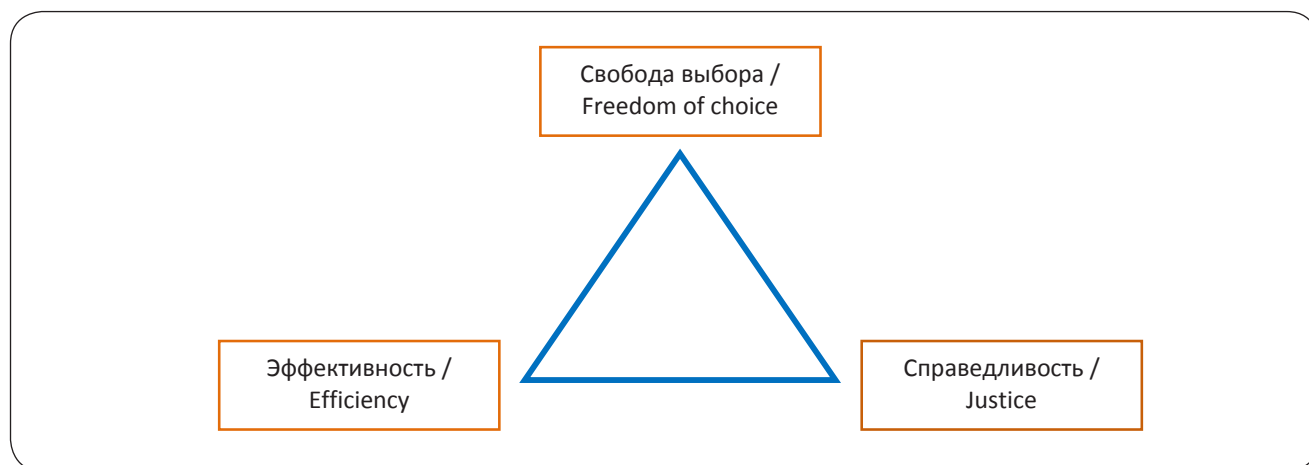

Рис. 1. Трилемма Дж. М. Кейнса

Источник: построено на основе [11, 12].

Fig. 1. J. M. Keynes trilemma

Source: based on [11, 12].

² Здесь не рассматриваются, см. подробнее [21].

обладают и в которых нуждается контрагент для исполнения функций в системе (рис. 2). Базовым императивом и условием гармонии отношений и баланса взаимодействий между секторами является такой обмен, который обеспечивает реализацию функционала каждого из них и укрепление статуса в системе. Это в идеале [28. С. 61].

Государство путем регуляторных мер направляет бизнес к действиям в интересах страны. От качества таких инструментов зависят склонность и мотивации бизнеса к вложениям в экономику, в итоге – структура производства, распределения, обмена, потребления благ в секторе «экономика», следом – передача в сектор «социум» благ и рабочих мест того или иного

- 1 – а) полномочия власти; лояльность; доверие; б) запрос на защиту, свободу, справедливость / 1 – a) government authorities; loyalty; trust; b) demand for protection, freedom, justice
2 – а) безопасность; стимулирование возможности и развития социума при помощи научно-образовательной, культурной, социальной, демографической политики; б) запрос на доверие / 2 – a) safety; stimulating the ability and development of the society through scientific-educational, cultural, social and demographic policies; b) demand for trust
3 – а) организация и регулирование бизнеса и развития на долгосрочный период; б) запрос на соблюдение правил игры, поддержание национальных приоритетов / 3 – a) organization and regulation of business and development long term; b) demand for observing the rules of game, maintenance of national priorities
4 – а) выплата налогов; следование национальной стратегии; б) запрос на благоприятные условия среды, защиту, стабильность / 4 – a) paying taxes; following a national strategy; b) demand for favorable conditions, protection, stability
5 – а) интенсивность вложений, стимулирующая виды деятельности; б) запрос на рыночные ниши и пространство для инвестиционных проектов / 5 – a) intensity of investments stimulating activity; b) demand for market niches and space for investment projects
6 – а) площадки для деятельности; рынки; б) запрос на воспроизводство, технологии, капитал / 6 – a) platform for activities; markets; b) demand for reproduction, technologies, capital
7 – а) блага, рабочие места, инициирование трудовой активности; б) запрос на квалификацию способности, самоотдачу кадров / 7 – a) goods, jobs, initiating working activity; b) demand for qualification, skills, dedication of the personnel
8 – а) трудовой ресурс: рабочее время, опыт, знания; б) запрос на возмещение затрат сил / 8 – a) labor resource: working time, experience, knowledge; b) demand for reimbursement of labor expenditures

Рис. 2. Тетрада секторов СЭС: нормативная модель

Источник: адаптировано по [27. С. 16; 28. С. 61–62].

Fig. 2. Tetrad of the sectors of the socio-economic system: normative model

Source: adapted from [27. P. 16; 28. Pp. 61–62].

качества, соответствующих структуре экономики. Кроме того, через распределение социум получает на входе сигнал о мере справедливости модели экономики. В ответ на запрос на человеческое развитие государство проводит политику, ориентированную на интенсивность роста и использование социального потенциала. В результате либо снижение социальных диспропорций, подъем творческой активности, душевного, морального, физического здоровья общества, либо бедность, неудовлетворенность, в конечном счете снижение доверия к власти.

Далее исследованы отношения пары государства и социума: они менее изучены.

С позиций системной парадигмы роль государства в отношении социального сектора – защищать, служить социальным целям, целям духовного и интеллектуального развития, координировать взаимодействия с другими секторами, выступать в качестве адаптера в период флуктуаций. Рассмотрим эти функции через призму трилеммы Кейнса с целью понимания альтернатив в распределении их с тем или иным перевесом в динамике.

На основе представления о взаимодействиях государства и социума в модели тетрады СЭС и трилемме Кейнса можно утверждать, что в разные периоды, в зависимости от ситуации, может быть сделан разный выбор приоритетов политики между углами треугольника (см. рис. 1). Свободы, справедливость и эффективность (фактически уровень и качество жизни) значимы для социума по-разному в разных условиях; тогда он выражает разные запросы к государству. Степень удовлетворения ожиданий зависит от комплекса разнонаправленных внутренних и внешних условий и факторов.

Смещение политики в сторону свобод отвечало запросам и ожиданиям социума в период перехода России к рынку. Однако реформы осуществлялись в форме, ущемляющей справедливость и вызывающей снижение благосостояния основной части граждан. Государство не защитило самые уязвимые слои населения. Бедность и порядок распределения доходов вырастали в проблему неравенства, нищеты, несправедливой оплаты труда, падения престижа интеллектуального труда [25. С. 3, 6; 33]. Структура запросов социума стала меняться в период закрепления экономической псевдорыночной модели.

Причины, законы, императивы, движители в законах переключения политики мало исследованы с по-

зиций системного представления взаимоотношений между государством и социумом. Влияние культурных и институциональных основ на выбор политики в трилемме подтверждается исторически и географически [34]. Такой ракурс исследований представляется перспективным с точки зрения системных законов общества. Однако подобные исследования единичны.

Познание закономерности выбора политики и государственного управления устойчивым развитием предполагается осуществить при помощи пространственно-временного анализа основных секторов СЭС с позиций системной теории о связях и взаимодействиях между ними в меняющейся реальности. Это может внести весомый вклад в науку о движении общественных систем и практические подходы к управлению изменениями. Обоснование влияния ценностных особенностей, культуры, доверия и их изменчивости на политику государства составляет элементы новизны данного исследования.

Публикация [35. С. 66–67] и аргументы в [36] со ссылкой на труды Кейнса [37] указывают на признание им значимой роли ценностей, морали, убеждения, общественного мнения, доверия в устройстве общества. По его мнению, лица, принимающие решения, должны *готовить почву* для своей политики, он рассматривал *формирование среды* и консенсус сторон как непереносимые условия любой политики. Однако такие идеи требуют уточнения и специального анализа; это включено в предмет исследования данной работы.

Взаимодействия государства и социума в динамике можно наблюдать по изменению «реперных точек» в основе «общественного договора» – по отклонениям между запросами (ожиданиями) общества и обязательствами государства. Это можно видеть в *оценках населения*, которые можно рассматривать и как *ожидания*, и как *критерий качества исполнения функций* государства в СЭС. Основные из них расположены в вершинах треугольника согласно трилемме Кейнса: это базовые запросы социума к государству и политике в отношении социума. Потоки ожиданий и мер политики должны быть сбалансированы с точки зрения системной парадигмы, но способы балансирования меняются в зависимости от внешней и внутренней динамики.

Для обоснования перспектив изменения существующей модели отношений и формулирования требований к государству в целях гармонизации

взаимодействий секторов СЭС следует анализировать потоки между секторами, согласно механизмам прямых и обратных связей тетрадной модели, где запросы и ожидания социума могут быть отслежены при помощи методов опросов, наблюдений, статистики, других инструментов. Результаты сопоставления рассматриваются как признаки степени сбалансированности межсекторальных взаимодействий, отражаемой в динамике уровня доверия на фоне катаклизмов. Эмпирические оценки уровня доверия могут рассматриваться как критерий гармонии отношений [38, 39].

Такие подходы и результаты продемонстрированы ниже применительно к ряду стран в периоды глобальных катаклизмов и внутренней нестабильности.

Результаты

Рассмотрим изменение запросов, или ожиданий, населения РФ под влиянием изменения ситуации в стране в период 1999–2020 гг. Под «запросом» будем понимать проблему, которая волнует индивидов и требует разрешения, в данном случае при помощи государственной политики. Сила запроса определяется как удельный вес населения, для которого проблема наиболее актуальна (болезненна, существенна) в текущее время.

1. Динамика ожиданий эффективного государства.

К началу XXI в. Россия перешла от хаоса перестройки к стабилизации: жажда свободы была частично удовлетворена и сменилась критической потребностью большей части населения в росте уровня жизни и снижении катастрофической бедности, вызванной высочайшей дифференциацией доходов и обнищанием народа за период реформ. В нулевые годы благосостояние стало, наконец, расти уверенными темпами и насущная потребность в социальной помощи государства ощущалась слабее, чем ранее. Так, по данным социологического опроса ИС РАН³, проблема бедности была главной проблемой для 57 % населения в 1999 г. против 29 % в 2005 г. Мировой кризис в 2008–2009 гг., падение реальных доходов на протяжении нескольких

лет вылились в рост недовольства материальным положением и слабой защитой благосостояния со стороны власти. Доля таких респондентов увеличилась до 56 % к 2019 г., т. е. вернулась к индикатору на рубеже веков. Правительство не спешило с ответом на этот вызов. Пандемические срывы экономики привели к снижению доходов населения первых децильных групп и вымыванию среднего класса. Точечные меры поддержки семей с детьми и прочих особо нуждающихся групп населения не решили проблему материальных трудностей у трети занятых в экономике (прекариата).

Вместе с этим на первый план постепенно выдвигались иные проблемы. Институционализация неравенства приобретало все больший размах: за четверть века реформ произошло закрепление вопиющей несправедливости как нормы жизни экономики и общества на фоне роста богатств и могущества олигархата [24. С. 10–11; 33] даже в период кризиса⁴. Поэтому запросы населения смещаются в сторону справедливости.

2. Динамика запросов на справедливость.

По мере прозрения населения по поводу создания в стране олигархически-бюрократического капитализма, модели искаженного рынка, коррумпированности власти, запросы граждан на равенство перед законом увеличились в части распределения доходов с 22 (1999) до 29 % (2005), в части социальной справедливости – в среднем с 20 (2016) до 34 % (2019). Наиболее заметный рост запроса на справедливость наблюдался в группе лиц с высокими доходами: с 36 (2016) до 57 % (2019) и в группе лиц с высшим образованием: с 42 (2016) до 63 % (2019), которые, очевидно, отчетливее других диагностировали дефицит справедливости в законодательстве, исполнительной власти, системе распределения.

Кроме того, создаваемая модель СЭС, обстановка в обществе, тренды глобализации формировали предпосылки для недовольства уровнем демократизации жизни и прав человека.

³ О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан: отчет ФНИЦ ИС РАН по итогам массового социологического исследования. Т. 1. М., 2019. URL: https://arb.ru/arb/press-on-arb/chto_volnuet_biznes_i_obshchestvo-10341568/. Результаты других опросов россиян немного различаются по абсолютным значениям, но сходятся в тенденциях и распределении оценок (например, опросы Фонда общественного мнения. URL: <https://fom.ru/Dominanty>).

⁴ Рид К. Доклад Credit Suisse вскрывает значительный рост неравенства в распределении мирового богатства на фоне пандемии в 2020 г. URL: <https://www.wsns.org/ru/articles/2021/06/24/ineq-j24.html>. С марта по декабрь 2021 г. богатство миллиардеров в мире выросло на 60 % (Inequality Kills. Oxfam International, 2022. P. 18. URL: <https://policy-practice.oxfam.org/resources/inequality-kills-the-unparalleled-action-needed-to-combat-unprecedented-inequal-621341/>).

3. Динамика запросов на демократические свободы.

Запросы на демократические институты и свободы не оправдались в той степени, в которой ожидалось: с течением реформ утвердился примат права сильного (богатого и/или близкого к власти) [25. С. 11], распространялось «телефонное право». Соответственно, увеличилась доля населения, выражающего критическую потребность в демократии и создании правового государства: примерно с 20 (1999) до 27 % (2017) и до 37 % (2019). Впоследствии народ воспринял недальновидные меры антивирусной политики еще острее – как покушение на конституционные свободы.

Таким образом, за период 1999–2019 гг. структура запросов социума менялась под влиянием ситуации, политики, модели отношений (рис. 3).

Запросы на уровень и качество жизни были удовлетворены к 2019 г. ниже уровня ожиданий. Это привело к осознанию *необходимости перемен*: во-первых, перехода к новой экономической модели, в основании которой были бы такие факторы роста, которые смогли бы дать высокотехнологичные рабочие места⁵ и рост оплаты труда населения (как это заявлено властью,

но не исполнено). Во-вторых – перехода к более справедливому обществу на основе новой модели отношений между социумом, государством, бизнесом.

В 2019–2020 гг. катаклизмы в обществе перевернули треугольник Кейнса под влиянием кризиса, спровоцированного пандемической паникой. В итоге треугольник ожиданий смещен в сторону безопасности, снижены притязания на свободу и справедливость (рис. 4). Повышен запрос на рост финансирования социального страхования, медицины, образования, культуры. В 2020 г. впервые респонденты назвали важнейшими угрозы внутренние, а не внешние и продемонстрировали следующее изменение структуры основных проблем в краткосрочной динамике (2019–2020): дороговизна жизни 57 % (2019), 61 % (2020); угроза ухудшения медобслуживания 37 % (2019), 57 % (2020); увольнение и безработица 22 % (2019), 34 % (2020); разделение общества на богатых и бедных 29 % (2020) [40; 41. С. 9]⁵. По самооценке россиян, 29 % из них «живут в бедности, недоедая» [41. С. 17].

Динамика структуры ожиданий за 2017–2020 гг. выглядит еще контрастнее (рис. 5).

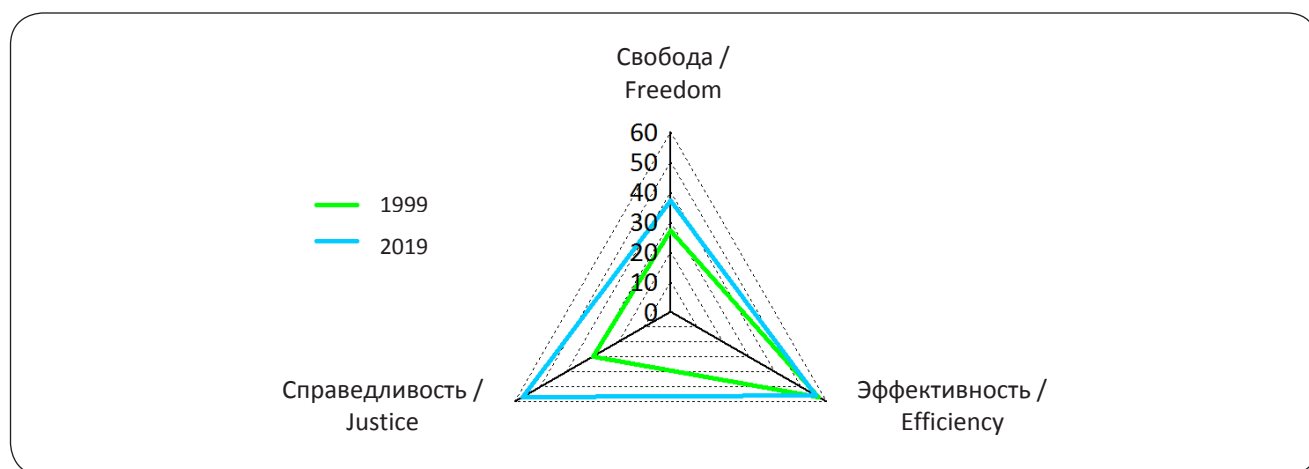

Рис. 3. Запросы социума в 1999 и в 2019 гг. (количество респондентов, %)

Источник: построено по данным ФНИСЦ РАН⁶.

Fig. 3. Demands of the society in 1999 and in 2019 (number of the respondents, %)

Source: based on the data of the Federal Scientific-research Center for Sociology of the Russian Academy of Sciences and [41, pp. 9–24, 92]

⁵ О насущных проблемах. 2019. С. 25–54.

⁶ Там же.

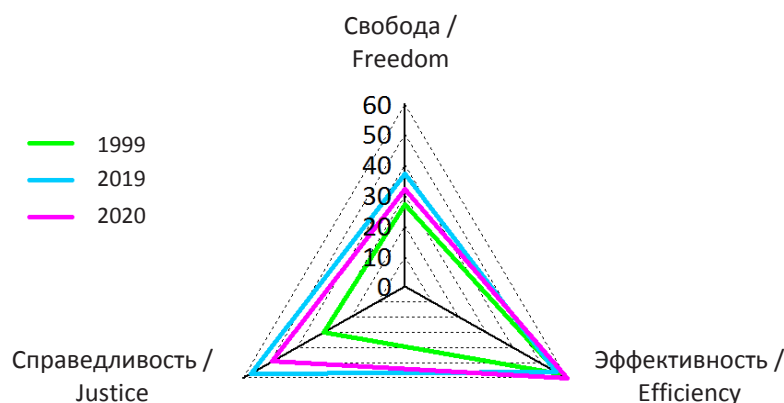

Рис. 4. Запросы социума в 1999, 2019 и 2020 гг. (количество респондентов, %)

Источник: построено по данным ФНИСЦ РАН⁷ и [41. С. 9–24, 92].

Fig. 4. Demands of the society in 1999, 2019 and in 2020 (number of the respondents, %)

Source: based on the data of the Federal Scientific-research Center for Sociology of the Russian Academy of Sciences and [41, pp. 9–24, 92].

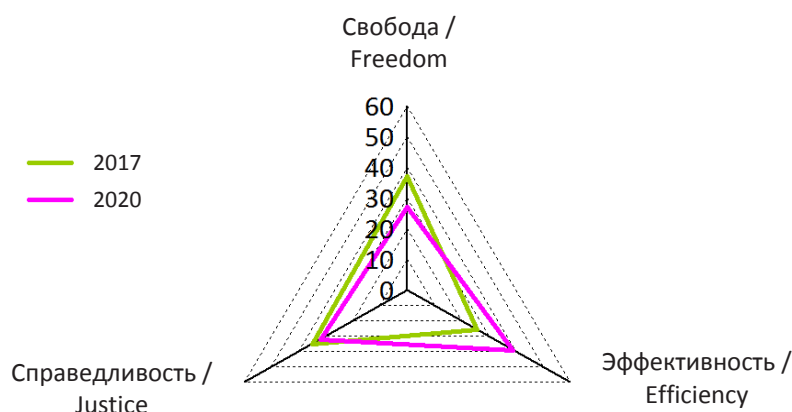

Рис. 5. Запросы социума в 2017 и в 2020 гг. (количество респондентов, %)

Источник: построено по данным РВК, Института институциональных проектов⁸ и [42].

Fig. 5. Demands of the society in 2017 and in 2020 (number of the respondents, %)

Source: built on the data of RVC, Institute for Institutional Projects, and [42].

⁷ Там же.

⁸ Аузан А. Скрытая угроза или источник надежды? Как общество воспринимает цифровые технологии после пандемии? // Открытые инновации. Форум. Москва, Сколково. 19.10.2020. URL: <https://openinnovations.ru/live/387>

По результатам опроса⁶, граждане склоняются скорее к росту уровня жизни, нежели к свободам. Эффективной защиты от государства ожидают 3/5 респондентов старше 18 лет, 2/5 респондентов готовы поступиться справедливым устройством системы и столько же людей – свободами, но среди молодых таковых меньше – 44 %.

За полтора года (2019 – сентябрь 2020 г.) увеличилась доля людей, предъявляющих государству требования заботиться о каждом члене общества. Доля людей, предпочитающих максимально быстрое повышение уровня жизни, увеличилась на 13 п. п. Напротив, на 10 п. п. уменьшилась доля граждан, желающих, чтобы они имели свободный выбор и свободы не ограничивались. Доля индивидов, выступающих за соблюдение справедливости, сократилась на 3 п. п. Объявление пандемии воспринимается населением скорее как угроза, нежели возможность (даже с введением дистанционного режима труда), особенно в тех субъектах РФ, где заболеваемость и смертность выше. (Впрочем, результаты «оптимизации» здравоохранения вызывают озабоченность населения повсеместно.)

Выявлено непонимание гражданами сути происходящих перемен. Это можно объяснить краткосрочным характером мышления россиян: так, всего 14 % из них строят планы более чем на три года вперед [42]. Это облегчает манипулирование со стороны властей. Здесь государственная научно-образовательная политика может и должна восполнить вакуум стратегирования перемен в сфере человеческого развития, улучшения предсказуемости в организации экономики и жизнедеятельности людей.

Вместе с этим в РФ не созданы системные механизмы предъявления, отстаивания и реализации общественных запросов на основе прямых и обратных связей между контрагентами. Запросы делегированы власти и удовлетворяются в ручном режиме (см. Прямую линию с Президентом РФ⁷): не существует ни форм, ни каналов передачи ожиданий властным структурам. О взаимодействиях можно говорить условно. Модель отношений выстраивается «сверху»,

в основе ее лежат представления власти, но не социума об устройстве общества. Социум выключен, по сути, из структуры системных взаимодействий: 58 % граждан ощущают отчуждение власти и только 8 % полагают, что «власти заботятся о жизни простых людей» [41. С. 86].

В результате доверие меняется по мере ответа власти на ожидания людей. Так, за период 2014–2019 гг. уровень его снизился ко всем институтам власти; в 2020 г. – вырос как реакция на кризис и ожидание защиты (рис. 6).

Заметен рост доверия россиян к правительству Примакова, «вытянувшего» страну в период кризиса 2008–2009 гг. К 2019 г. доверие к Президенту РФ, Правительству, Госдуме упало наиболее сильно по сравнению с периодом высоких цен на нефть. В целом «по критерию выполнения органами власти своих основных обязанностей перед обществом состояние социального государства в РФ можно охарактеризовать как критическое» [41. С. 47], а отношения между государством и социумом – мало сбалансированными по критерию доверия.

Изменение запросов социума в других странах

Подобные тенденции в запросах социума и реакции его на изменение окружающего мира отмечаются за рубежом по мере усиления глобализации и обострения ее противоречий. По результатам опроса в США [43], в конце XX в. западное общество, пребывая в благоденствии, ценило выше всего свободы и упивалось возможностями исповедовать индивидуальную мораль. Такая идеология зиждилась на предпосылке о том, что люди разделяют такие общие ценности, как индивидуальная свобода, и если каждый будет соблюдать их, то воцарится гармония, общество будет процветать, экономика будет эффективной.

Развитие глобальных процессов разрушило эти представления: привело к росту поляризации, расслоению, неравенству, меритократии в качестве критических проявлений пределов существующей модели отношений [22. Рр. 74–94, 136–138]. Тогда возник запрос социума на введение ограничений, причем даже демократических свобод, в пользу роста справедливости. Вместе с этим снизился уровень доверия: в 1960-е гг. в США 77 % респондентов доверяли правительству; в 1990-е гг. – только 20 %.

⁶ Там же.

⁷ Прямая линия с Владимиром Путиным. Президент России. Официальный сайт. 30.06.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65973> (дата обращения: 01.08.2021).

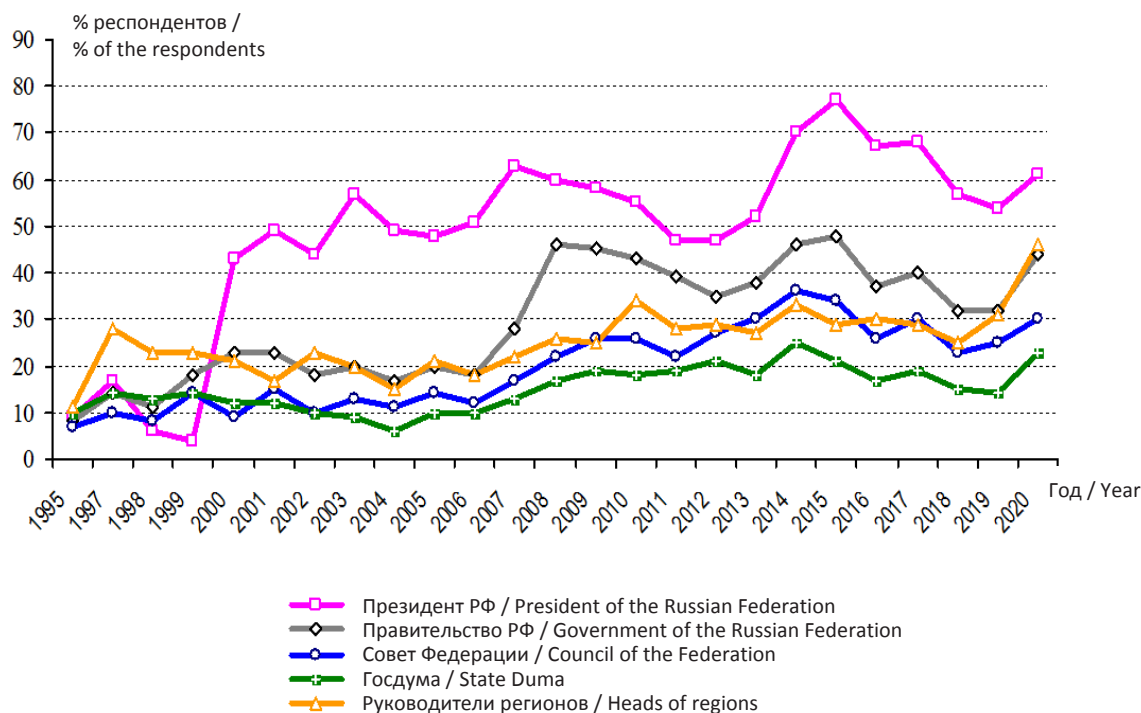

Рис. 6. Уровень доверия россиян

Источник: построено по данным ФНИСЦ РАН [41. С. 24–25].

Fig. 6. Level of trust of the Russians

Source: based on the data of the Federal Scientific-research Center for Sociology of the Russian Academy of Sciences [41, pp. 24–25].

Более того – падает доверие «по горизонтали», друг к другу: 30,3 % опрошенных в Чикагском университете полагают, что большинству людей можно доверять [44]. Напротив, там, где социальная направленность политики ощущается сильнее, наблюдается рост доверия: 75 % в Дании, 65 % в Нидерландах [39. Р. 73].

Объявление пандемии подстегнуло депрессивное настроение людей по всему миру, но отозвалось на состоянии социума в разных странах по-разному – в зависимости от политики государства в ответ на очевидную потребность в материальной и нематериальной защите. В Германии такая поддержка – как бизнеса, так и населения – оказана вовремя в полной мере. Безопасность вышла на первый план требований народа к правительству, они удовлетворены. В Скандинавских странах, Южной Кореи, Австралии введен комплекс антикризисных мер и способов защиты в структуре здравоохранения населения.

В США, напротив, верховные органы полагали, что далеко не все такие способы защиты народа входят в компетенции власти. Далеко не все обращения граждан услышаны, государственные учреждения тормозили процесс оказания помощи населению, смертность росла. Митинги протестующей молодежи и убийство Флойда еще более обострили признаки незащитности социума. По опросу института Гэллапа, 80 % респондентов диагностировали ситуацию как бесконтрольную, 71 % выказал недовольство ситуацией в стране [45].

Обсуждение

Результаты изучения отношений одной пары тетрады СЭС дают материал для обоснования влияния их по всей цепи прямых и обратных связей в системе. Выявлены дисбалансы (дисфункции – нарушение нормативного исполнения функций игроками в си-

стеме), связанные с обязательствами государства в отношении населения – способствовать интенсивному использованию пространственных ресурсов социума при помощи разнообразной политики безопасности, особенно в кризис.

С системных позиций безопасность – симбиоз экономической, технологической, культурной, геополитической и других видов безопасности, понимаемый как создание динамических способностей во всех секторах СЭС для роста и устойчивости в период общественных катаклизмов. Стратегии и политика государства в РФ приводят к (1) снижению безопасности, понимаемой системно; (2) ограничению свобод, включая физические проявления, свободы творчества, роста талантов, научных поисковых исследований; (3) снижению эффективности в использовании национальных ресурсов, в том числе человеческих, росту бюрократии и транзакционных издержек, например, созданию транзакционного сектора в сфере управления наукой.

В сфере политики развития – образования, науки, культуры – недостаточны вложения в экономику знаний, несмотря на стратегические цели [5, 24, 46, 47]. Государство передает свои функции бизнесу, например, в сфере Сбер-образования, и таким образом проигрывает бизнесу в социальной сфере. Но и витальные потребности трети россиян не удовлетворены в полной мере. Социальное неравенство, апатия, снижение инициативы – признаки снижения социального потенциала, способности к активности. В результате соседним секторам недостает пространственно-временных ресурсов (труда – кадров нужной квалификации в нужном месте в нужное время) и способностей (активности и инфорсменты – культуры, воспитанности, честности, внимания, самоотдачи, творческой активности); теряются лояльность и доверие к власти (рис. 7).

Замкнутый круг. Экономический рост ограничен неравенством. Оно есть следствие структурных диспропорций и однородной структурной политики в РФ [48. С. 4–5]. Неравенство создает конфликты в отношениях агентов, препятствует новациям, технологическим изменениям, увеличению разнообразия видов деятельности и структуры экономики. Поэтому снизить его трудно, как и добиться экономического роста при наличии неравенства. Тогда у государства ограничена возможность интенсивно

поставлять общественные блага социуму, как этого требует демократия [49], осуществлять инвестиции в публичном секторе, давать льготы бизнесу. В итоге падает доверие [44].

Модель настроения общества в виде триады (рис. 8), замкнутой на факторы входа в сектор «социум» (см. рис. 7), подтверждается эмпирически для РФ и других стран [25. С. 13–14; 44; 50. Рр. 1–7; 51; 52].

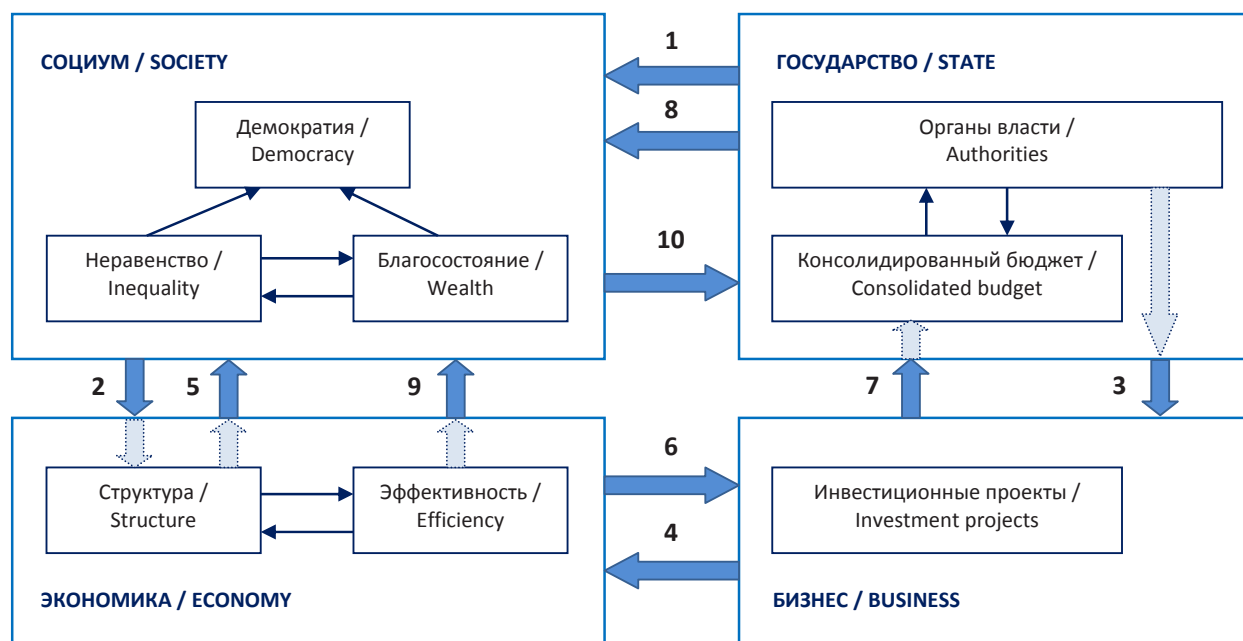
Все это происходит в динамике, изменчивость системы усиливает дисбаланс взаимодействий. «Действия агента основаны на предположениях о возникающих свойствах системы, но действия изменяют эти свойства в бесконечной динамике» (пер. А. А. Никоновой. – Ред.) [8. Р. 365].

Выход со стороны государства видится в проведении *одновременно*:

- (1) политики снижения неравенства (налоговой, распределения и перераспределения доходов);
- (2) долгосрочной макроэкономической и промышленной политики структурной модернизации;
- (3) стимулирования диверсификации структурной инвестиционной политики бизнеса.

Соотношение мер различно в разные периоды. Длительность избранных регуляторных мер, как и интенсивность распространения социальной и прочей политики, обусловлена фазой экономического цикла. Выбор требует *системного мышления* стратега «с акцентом на динамической эффективности с течением времени, что является истинным источником повышения уровня жизни в противоположность фокусированию на статической эффективности, связанной с распределением ресурсов» (пер. А. А. Никоновой. – Ред.); между статической эффективностью и динамической стабильностью должен быть компромисс [8. Р. 365].

Кризисные коллизии наряду с кардинальными технологическими и структурными сдвигами привели к росту неопределенности, но вместе с этим создали критические прецеденты и весомые предпосылки для запроса населения на смещение направлений государственной политики, согласно трилемме Кейнса, в разных странах в сторону большего обеспечения безопасности, нежели даже справедливости, в ситуации угрозы для жизни. *Признаки принципиального переключения* в сторону безопасности можно заметить в политике протекционизма, а в сторону справедливости – в идее базового дохода в духе общества всеобщего благосостояния.

1 – политика снижения неравенства и развития человека недостаточна для роста его потенциала и активности / Policy of reducing inequality and human development is insufficient for the growth of a human potential and activity

2 – неравенство препятствует сотрудничеству, координации, инновациям, структурным преобразованиям в экономике / Inequality impedes cooperation, coordination, innovations, structural transformations in the economy

3 – Однородность и фрагментарность структурной промышленной и макроэкономической политики дает сигнал бизнесу / Homogeneity and fragmentation of the structural industrial and macroeconomic policy gives a signal to business

4 – снижение разнообразия структурной инвестиционной политики, интенсивности, диверсификации вложений / Decreased diversity of the structural investment policy, intensity, diversification of investments

5 – Нехватка высокопроизводительных рабочих мест с высокой оплатой труда; снижение доступа к благам / Deficit of high-performance jobs with high payment; reduced access to goods

6 – снижение доходов ниже ожидаемого и приемлемого уровня / Decrease of income below the expected and acceptable level

7 – снижение активности в наполнении бюджета за счет налогов / Decreased activity in pumping up the budget with taxes

8 – снижение интенсивности в предоставлении общественных благ и финансировании публичного сектора / Decreased intensity of providing public goods and financing the public sector

9 – снижение активности в создании рабочих мест, улучшении структуры, росте эффективности, увеличении занятости / Decreased activity in creating jobs, improving the structure, accelerating the efficiency, increasing employment

10 – рост запроса на снижение неравенства и рост благосостояния; ухудшение настроения общества, снижение доверия / Growing demand for reducing inequality and accelerating wealth; decreased attitude and trust of the society

Рис. 7. Тетрада секторов СЭС РФ: дескриптивная модель

Источник: разработано автором на основе [28. С. 61–63].

Fig. 7. Tetrad of the sectors of the Russian socio-economic system: descriptive model

Source: developed by the author based on [28, pp. 61–63].

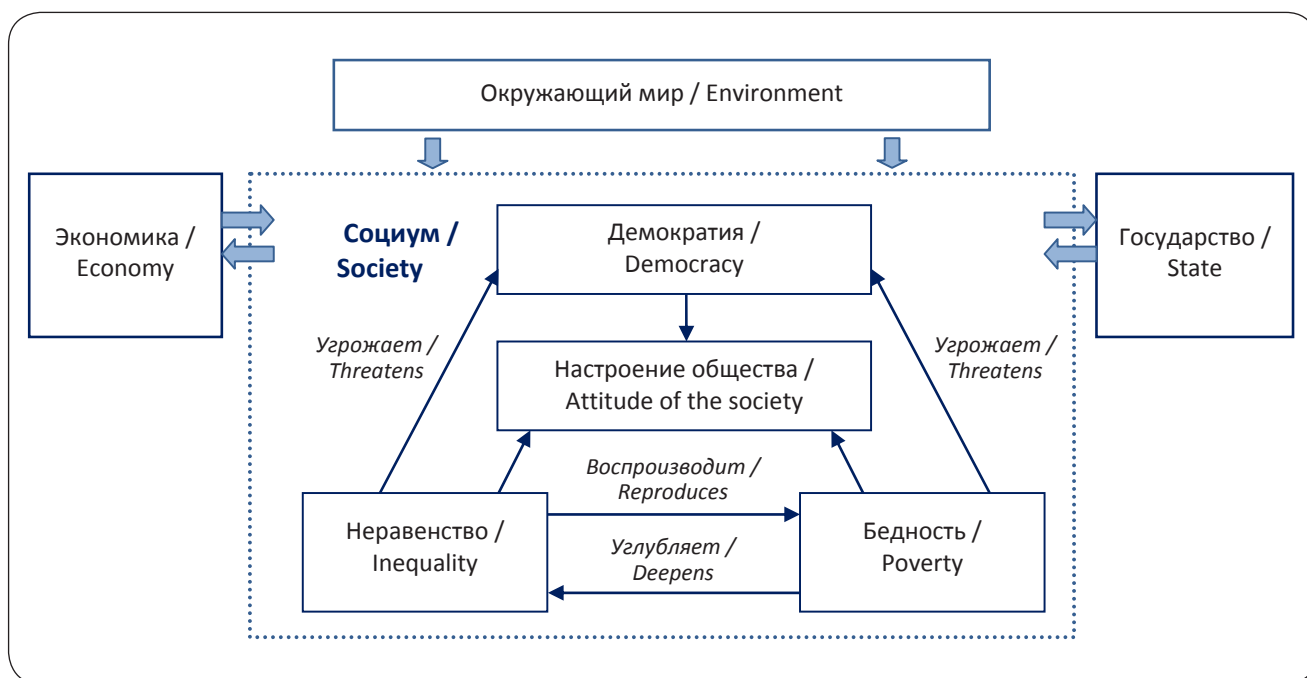

Рис. 8. Социальный сектор: триада настроения общества

Источник: построено автором на основе [22, 25, 44, 45, 50–53].

Fig. 8. Social sector: triad of the social attitudes

Source: developed by the author based on [22, 25, 44, 45, 50–53].

Однако в ответе на запрос народа на эффективность есть риск использования настроения социума в целях усиления неправового режима и в интересах отдельной узкой группы лиц в отсутствие института общественного контроля и системной концепции движения СЭС.

В отличие от США в ряде других стран (Германии, Скандинавии) социальный сектор более интегрирован в систему связей с государством и экономикой, там обмен ресурсами между этими секторами происходит более гармонично с точки зрения получения каждым из контрагентов тех ресурсов, которые требуются для реализации его функционала. Это сыграло адаптивную роль в период катаклизмов в Дании, где 72 % респондентов ощутили рост сплоченности во время борьбы с вирусом, тогда как в США – только 18 % [17].

Солитаризм и прочное сотрудничество могут способствовать росту степени доверия между акторами (индивидами или группами индивидов), но также будут зависеть от уровня доверия в обществе. Феномен взаимной зависимости доверия и поведения власти

подметил Ф. Фукуяма [38]. Передача требуемых контрагенту ресурсов и способностей сопровождается ожиданием ответного шага от него и вера (доверие) в то, что такой шаг произойдет.

Доверие связано с понятием справедливости и отражает степень исполнения должных обязательств в отношениях между контрагентами [39. Р. 73], в конечном счете моральное состояние нации [51]. Наиболее уязвимые группы населения испытывают разочарование, чувство незащищенности, несправедливость отношения властей в большей мере, нежели состоятельные и привилегированные слои по всем признакам [22], но и тем и другим свойственны сомнения по поводу перспектив существующей модели отношений.

Для формирования доверия нужен общенациональный диалог между всеми сторонами на равных. На этом пути много преград. Диалог будет результативным, если ценности, которые исповедуют акторы, разделяются всеми сторонами, а культура организации диалога и правила игры в обществе приемлемы для

всех. Однако таких условий нет ни в РФ, ни в США, наблюдается институциональная асимметрия в отношениях между субъектами, принятые законы («Об основах общественного контроля в РФ» № 212-ФЗ и др.) не работают.

Критические требования социума заставляют власть менять отношение к людям под влиянием изменения общественных моральных норм. Триггером могло стать что угодно, в данной ситуации это симбиоз обстоятельств. В [54] можно найти объяснение, как происходит *переход в структуре коллективных ценностей* и изменения в выборе политики в период сильных катаклизмов.

Диалог может строиться на основе понимания и согласования взаимных ожиданий (может быть, путем доверенности). Такое сотрудничество предполагает, что контрагенты, разделяя ценности, стремятся в выборе поведения наилучшим образом способствовать функционалу контрагента при условии неухудшения своего функционала. Практика двойных стандартов, норм, ценностей создает большой барьер к согласованию взаимодействий, значит, к устойчивости национальной системы. Со стороны общества в РФ отсутствуют какие-либо механизмы противостояния и заметного выражения мнений по этому поводу и человеческих потребностей в целом.

Склонность игроков следовать золотому правилу нравственности может привести к выигрышу для всех и *сплоченности* [55. Р. 102] с заботой друг о друге, которая *могла бы привести к синергии* и обеспечению устойчивости системы в целом.

Заключение

Исследуемые модели дополняют друг друга: трилемма помогает «перевести» запросы социума на язык функций государства в модели тетрады секторов СЭС; исследовать взаимные ожидания и ответы контрагентов как на ресурсы власти, так и на ресурсы социума и их динамику в разных условиях и ситуациях изменчивой среды; выявить факторы дисбаланса – неспособности исполнять функции акторами СЭС, например, роста дистанции (в случае пространственного ресурса) и/или замедления доставки временного ресурса; оценить степень сбалансированности СЭС в период трансформаций.

По результатам анализа социально ориентированная политика способствует улучшению настроения

народа более заметно в критические периоды, нежели в относительно стабильные периоды. Отсутствие компенсаторных мер для населения в критические периоды сказывается на ухудшении настроения населения сильнее, нежели социально ориентированная политика способствует улучшению настроения народа в такие времена.

Анализ подтверждает повышение роли адапционных функций государства в период кризисов и трансформаций. Степень соответствия политики запросам социума обеспечивает гомеостаз и улучшение адаптивных свойств системы [56]. «Огосударствление», даже в абсолютной степени, не гарантирует ничего и не характеризует степени сбалансированности секторов СЭС: участие государства должно меняться в зависимости от ситуации.

Трактовка эмпирических данных в рамках трилеммы Кейнса с позиций тетрады Клейнера говорит о необходимости перманентного перераспределения ресурсов в системе согласно запросам социума, стадии развития страны и мировой системы. Спиральная динамика общественного развития предполагает соответствующие подвижные акценты в распределении временных ресурсов власти и способностей *в рамках сочетания трех направлений политики, указанных выше*. Например, интенсифицировать воздействия на рост эффективности путем структурной макроэкономической политики в период нестабильности, фокусироваться на политике снижения неравенства в период депрессии; способствовать демократизации в период оживления и подъема. В любом случае: а) расширить пространство для политики устойчивости СЭС, снижения неравенства; поощрять диверсификацию инвестиций; б) отказаться от ограничительной политики в сфере здравоохранения, образования, науки; в) принимать стратегические решения на основе системной теории (импорта средовой компоненты).

Стержневое условие для баланса в обмене между государством и социумом – консенсус сторон. Достигнуть его можно путем общенационального диалога на основе понимания взаимных ожиданий и разделения ценностей. Наполнение конструкции Кейнса данными об изменении ожиданий социума и последующей интерпретации их на межсекторный обмен ресурсами в системе может быть предметом и системной основой для такого диалога и консенсуса

по поводу модели будущего устройства России. Выбирать придется из четырех альтернатив: рыночного капитализма, государственного капитализма, архаичного рыночного социализма, государственного социализма (подробнее в [42]).

Путь к организации диалога включает несколько шагов:

- мониторинг ожиданий сторон;
- сеть каналов связей;
- развитие институтов гражданского общества и публичного дискурса;
- культура взаимодействий на базе разделяемых ценностей;
- умение, желание и способность реагировать сообразно золотому правилу нравственности.

Перспективны дальнейшие исследования ценностных основ общественного консенсуса, организации диалога, компромисса в разных условиях турбулентной среды. Остаются дискуссионными вопросы общественной пользы, критериев выбора приоритетов политики.

Представляется актуальным ранжировать понятие безопасности: финансовая безопасность, социальная, эмоциональная, безопасность идентичности личности.

Трудно разрешимы проблемы оценки плохо формализуемых индикаторов ожиданий, полноты и надежности данных, получаемых из опросов или статистики.

Все эти вопросы – в области междисциплинарных исследований.

Список литературы

1. Никонова А. А. Трилемма Кейнса с позиций тетрады Клейнера в период трансформации экономики // Системный анализ в экономике – 2020 : сб. трудов VI Междунар. научно-практической конф.-биеннале (9–11 декабря 2020 г.) / под общ. ред. Г. Б. Клейнера, С. Е. Щепетовой. Москва: Наука, 2021. С. 82–87 (рус., англ.). DOI: 10.33278/SAE-2020.book1.082-087
2. Modelling the joint impact of R&D and ICT on productivity: A frontier analysis approach / F. Pieri, M. Vecchi, F. Venturini // Research Policy. 2018. Vol. 47 (9). Pp.1842–1852. DOI: 10.1016/j.respol.2018.06.013
3. Mirzaei M. NBIC: convergence of Nano-Bio-Info-Cogno concepts // Advanced Journal of Science and Engineering. 2020. Vol. 4 (1). Pp. 104–105. DOI: 10.22034/AJSE2014104
4. Клейнер Г. Б. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний // Экономическое возрождение России. 2020. № 1 (63). С. 35–42.
5. Аганбегян А. Г. О приоритетах социальной политики. Москва: Дело, 2019. 512 с.
6. Бодронов С. Д. На пути к нооэкономике: человек, технологии, общество // Мир перемен. 2020. № 2. С. 24–39.
7. Клейнер Г. Б. Системные проблемы отечественной экономики: мезоэкономика, микроэкономика, экономика предприятий // Вестник ЦЭМИ РАН. 21. Вып. 1. Т. 1. DOI: 10.33276/S0000036-2-1
8. White W. R. Recognizing the Economy as a Complex, Adaptive System: Implications for Central Banks // The Changing Fortunes of Central Banking. Hartmann P., Huang H., Schoenmaker D. (eds). Ch. 21. Pp. 359–375. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. DOI: 10.1017/9781108529549
9. Щепетова С. Е. Качество жизни: о факторах феномена «смещения целей и функций» социально-экономических систем // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 6 (3). С. 257–262.
10. Никонова А. А. Системные уроки для постпандемического мира // Научные труды ВЭО. 2020. Т. 223, № 3. С. 143–153. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-143-153
11. Keynes J. M. A Treatise on Money. Vol. 2: The Applied Theory of Money // The Collected Writings of John Maynard Keynes, Vol. VI. London: Macmillan (for the Royal Economic Society), 1971.
12. Keynes J. M. The Dilemma of Modern Socialism // The Political Quarterly. 2011. Vol. 80, Iss. s1. 5 April.
13. Клейнер Г. Б. Принципы двойственности в свете системной экономической теории // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 127–149. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-127-149
14. Schmidt K. M. Contributions of Oliver Hart and Bengt Holmstrom to Contract Theory // Scandinavian Journal of Economics. 2017. Vol. 119 (3). Pp. 489–511. DOI: 10.1111/sjoe.12245
15. The social contract as a tool of analysis: Introduction to the special issue on “Framing the evolution of new social contracts in Middle Eastern and North African countries” / M. Loewe, T. Zintl, A. Houdret // World Development. 2021. Vol. 145 (1). Pp. 104982. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104982
16. Feldmann M., Mazepus H. State-society relations and the sources of support for the Putin regime: Bridging political culture and social contract theory // East European Politics. 2018. Vol. 34 (1). Pp. 57–76. DOI: 10.1080/21599165.2017.1414697

17. Devlin K., Connaughton A. Most Approve of National Response to COVID-19 in 14 Advanced Economies. Washington, DC: Pew Research Center, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/08/27/most-approve-of-national-response-to-covid-19-in-14-advanced-economies/>
18. Cook L. J., Dimitrov M. K. The social contract revisited: Evidence from communist and state capitalist economies // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69 (1). Pp. 8–26. DOI: 10.1080/09668136.2016.1267714
19. Hinnebusch R. The rise and decline of the populist social contract in the Arab world // *World Development*. 2020. Vol. 145. Pp. 105514. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.104661
20. Revkin M. R., Ahram A. I. Perspectives on the rebel social contract: Exit, voice, and loyalty in the Islamic State in Iraq and Syria // *World Development*. 2020. Vol. 145. Pp. 104981. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104981
21. Klein S., Lee Ch.-S. Towards a Dynamic Theory of Civil Society: The Politics of Forward and Backward Infiltration // *Sociological Theory*. 2019. Vol. 37 (1). Pp. 62–88. DOI: 10.1177/0735275119830451
22. Hidden Tribes: A Study of America's Polarized Landscape / St. Hawkins, D. Yudkin, M. Juan-Torres, T. Dixon. New York, NY: More in Common, 2018. 156 p.
23. Haldenwang Ch. von. The relevance of legitimization: A new framework for analysis // *Contemporary Politics*. 2017. Vol. 23 (3). Pp. 269–286. DOI: 10.1080/13569775.2017.1304322
24. Варшавский А. Е. О стратегии научно-технологического развития российской экономики // *Общество и экономика*. 2017. № 6. С. 5–27.
25. Львов Д. С. Какая экономика нужна России // *Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз*. 2003. № 20. С. 3–15.
26. Сорокин Д. С. Политическая экономия технологической модернизации России // *Экономическое возрождение России*. 2020. № 1 (63). С. 18–25.
27. Клейнер Г. Б. Какая мезоэкономика нужна России? Региональный разрез в свете системной экономической теории // *Вестник Финансового университета*. 2014. № 4. С. 6–22.
28. Клейнер Г. Б. Системная реконструкция российского социально-экономического пространства // *Экономическое возрождение России*. 2020. № 2 (64). С. 59–69. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-59-69
29. Rodrik D. How Far Will International Economic Integration Go? // *Journal of Economic Perspectives*. 2000. № 1 (14). Pp. 177–186.
30. Rodrik, D. *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*, New York: W.W. Norton & Company, 2011.
31. MPCs, MPEs, and Multipliers: A Trilemma for New Keynesian Models / A. Auclert, B. Bardóczy, M. Rognlie // *The Review of Economics and Statistics*. 2021. Pp. 1–41. DOI:10.1162/rest_a_01072/
32. Martinelli L. Basic Income Trilemma: Affordability, Adequacy, and the Advantages of Radically Simplified Welfare // *Journal of Social Policy*. Iss. 3 (49), July 2020. Pp. 461–482. DOI: 10.1017/S0047279419000424
33. Варшавский А. Е. Чрезмерное неравенство доходов – проблемы и угрозы для России // *Социологические исследования*. 2019. № 8. С. 52–61. DOI: 10.31857/S013216250006136-2
34. Zalewski D. A. Confronting the Trilemma: Culture, Institutions, and Macroeconomic Disequilibria // *Journal of Economic Issues*. 2020. № 2 (54). Pp. 294–315. DOI:10.1080/00213624.2020.1742061
35. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков // *Вопросы экономики*. 2009. № 6. С. 60–69.
36. Carabelli A. M., Cedrini M. A. From Theory to Policy? Keynes's Distinction between 'Apparatus of Thought' and 'Apparatus of Action', with an Eye to the European Debt Crisis // *Challenge*. 2015. № 6 (58). Pp. 509–531.
37. Keynes J. M. *The collected writings: activities, 1940–44: shaping the post-war world: the Clearing union*. Cambridge University Press. 1980. Vol. 25.
38. Fukuyama F. The thing that determines a country's resistance to the coronavirus // *The Atlantic*, 30.03.2020. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/03/thing-determines-how-well-countries-respond-coronavirus/609025/>
39. Putnam R. D. *Bowling Alone: America's Declining Social Capital*. New York, NY: Simon & Schuster, 2001. 544 p.
40. Латова Н. В. Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // *Социологические исследования*. 2021. № 4. С. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250013734-0
41. Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов / В. К. Левашов (отв. ред.), Н. М. Великая, И. С. Шушпанова и др. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021
42. Auzan A. A. The economy under the pandemic and afterwards // *Population and Economics*. 2020. Vol. 4 (2). Pp. 4–12. DOI: 10.3897/popecon.4.e53403
43. Wolfe A. *Moral Freedom: The Search for Virtue in a World of Choice*. New York, NY: W.W. Norton, 2002. 256 p.

44. Rothstein B. How the Trust Trap Perpetuates Inequality // Scientific American. 2018. Vol. 319 (5). URL: <https://www.scientificamerican.com/article/how-the-trust-trap-perpetuates-inequality/>
45. Murray M. Poll: 80 percent of voters say things are out of control in the U.S. // NBC News/Wall Street Journal. June 7, 2020. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/meet-the-press/poll-80-percent-voters-say-things-are-out-control-u-n1226276>
46. Комков Н. И. Научно-технологическое развитие: ограничения и возможности // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5 (164). С. 11–21. DOI: 10.1134/S1075700717050094
47. Четверикова О. Н. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. Москва: Благословение, 2015. 117 с.
48. Структурно-инвестиционная политика в целях модернизации экономики России / В. В. Ивантер, Д. Р. Белоусов, А. А. Блохин и др. // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4 (163). С. 3–16. DOI: 10.1134/S1075700717040086
49. Storm S. Financialization and economic development: a debate on the social efficiency of modern finance // Development and Change. 2018. Vol. 49 (2). Pp. 302–329. DOI: 10.1111/dech.12385
50. Inglehart R. F. Cultural Evolution. People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge University Press. 16 March, 2018. DOI: 10.1017/9781108613880.001
51. Vallier K. Trust in a Polarized Age. Oxford, England: Oxford University Press, 2020. 324 p. DOI:10.1093/oso/9780190887223.001.0001
52. Levin Yu. A Time to Build: From Family and Community to Congress and the Campus, How Recommitting to Our Institutions Can Revive the American Dream. New York, NY: Basic Books, 2020. 205 p.
53. Long H. Where are all the startups? U.S. entrepreneurship near 40-year low // CNN, Business. September 8, 2016. URL: <https://money.cnn.com/2016/09/08/news/economy/us-startups-near-40-year-low/index.html>.
54. Azmanova A. Capitalism on Edge. How Fighting Precarity Can Achieve Radical Change Without Crisis or Utopia. New York, NY: Columbia University Press, 2020. 272 p.
55. Bicchieri C. Cooperation and Communication: Group Identity or Social Norms? // Teamwork / N. Gold (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2005. Pp. 107–135. DOI: 10.1057/9780230523203_6
56. Никонова А. А. Синтез адаптивных систем в нестабильной среде // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11, № 2. С. 162–178. DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.2.162-178

References

1. Nikonova, A. A. (2021). Keynes's trilemma from the standpoint of the Kleiner tetrad in the period of economic transformation. In *Systems Analysis in Economics – 2020: Proceed. of the 6th Intern. Research & Practice Conference-Biennale* (9–11 Dec. 2020) (pp. 82–87). Moscow, "Science" Publ. House (in Engl./Russ.).
2. Pieri, F., Vecchi, M., Venturini, F. (2018). Modelling the joint impact of R&D and ICT on productivity: A frontier analysis approach. *Research Policy*, 47 (9), 1842–1852. DOI: 10.1016/j.respol.2018.06.013
3. Mirzaei, M. (2020). NBIC: convergence of Nano-Bio-Info-Cogno concepts. *Advanced. Journal of Science and Engineering*, 4 (1), 104–105. DOI: 10.22034/AJSE2014104
4. Kleiner, G. B. (2020). Intellectual economy of the new age: post-knowledge economy. *Russia's Economic Revival*, 1 (63), 35–42 (in Russ.).
5. Aganbegyan, A. G. (2019). *On the priorities of social policy*, Moscow, Delo (in Russ.).
6. Bodrunov, S. D. (2020). On the Way to Noonomics: Man, Technology, Society. *Mir Peremen (The World of Transformations)*, 2, 24–39 (in Russ.).
7. Kleiner, G. B. (2018). System problems of the domestic economy: mesoeconomics, microeconomics, enterprise economics. *Herald of CEMI*, 1 (1) (in Russ.). DOI: 10.33276/S0000036-2-1
8. White, W. R. (2018). Recognizing the Economy as a Complex, Adaptive System: Implications for Central Banks. In P. Hartmann, H. Huang, D. Schoenmaker (Eds.). *The Changing Fortunes of Central Banking* (Ch. 21. Pp. 359–375). Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108529549
9. Shchepetova, S. Ye. (2017). Quality of life: on the factors of the phenomenon of "shifting goals and functions" of socio-economic systems. *Economics and Management: problems, solutions*, 3 (6), 257–262 (in Russ.).
10. Nikonova, A. A. (2020). Learn Systemic Lessons for the Post- Pandemic World. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 3 (223), 143–153 (in Russ.).
11. Keynes, J. M. (1971). A Treatise on Money. Vol. 2: The Applied Theory of Money. In *The Collected Writings of John Maynard Keynes*, Vol. VI. London: Macmillan (for the Royal Economic Society).

12. Keynes, J. M. (2011, 5 April). The Dilemma of Modern Socialism. *The Political Quarterly*, 80 (s1).
13. Kleiner, G. B. (2019). The Principles of Duality in the Light of the Systemic Economic Theory. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 127–149 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-127-149
14. Schmidt, K. M. (2017). Contributions of Oliver Hart and Bengt Holmstrom to Contract Theory. *Scandinavian Journal of Economics*. 2017, Vol. 119 (3), 489–511. DOI: 10.1111/sjoe.12245
15. Loewe, M., Zintl, T., Houdret, A. (2021). The social contract as a tool of analysis: Introduction to the special issue on “Framing the evolution of new social contracts in Middle Eastern and North African countries”. *World Development*, 145 (1), 104982. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104982
16. Feldmann, M., Mazepus, H. (2018). State-society relations and the sources of support for the Putin regime: Bridging political culture and social contract theory. *East European Politics*, 34 (1), 57–76. DOI: 10.1080/21599165.2017.1414697
17. Devlin, K., Connaughton, A. (2020). *Most Approve of National Response to COVID-19 in 14 Advanced Economies*. Washington, DC, Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/08/27/most-approve-of-national-response-to-covid-19-in-14-advanced-economies/>
18. Cook, L. J., Dimitrov, M. K. (2017). The social contract revisited: Evidence from communist and state capitalist economies. *Europe-Asia Studies*, 69 (1), 8–26. DOI: 10.1080/09668136.2016.1267714
19. Hinnebusch, R. (2020). The rise and decline of the populist social contract in the Arab world. *World Development*, 145, 105514. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.104661
20. Revkin, M. R., Ahram, A. I. (2020). Perspectives on the rebel social contract: Exit, voice, and loyalty in the Islamic State in Iraq and Syria. *World Development*, 145, 104981. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104981
21. Klein, S., Lee, Ch.-S. (2019). Towards a Dynamic Theory of Civil Society: The Politics of Forward and Backward Infiltration. *Sociological Theory*, 37 (1), 62–88. DOI: 10.1177/0735275119830451
22. Hawkins, St., Yudkin, D., Juan-Torres, M., Dixon, T. (2018). *Hidden Tribes: A Study of America's Polarized Landscape*. New York, NY, More in Common.
23. Haldenwang, Ch. von. (2017). The relevance of legitimation: A new framework for analysis. *Contemporary Politics*, 23 (3), 269–286. DOI: 10.1080/13569775.2017.1304322
24. Varshavsky, A. E. (2017). On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Economy. *Society and economy*, 6, 5–27 (in Russ.).
25. L'vov, D. S. (2003). What Kind of Economy Does Russia Need. *Economic and Social Changes in the Region: Facts, Trends, Forecast*, 1 (20), 3–15 (in Russ.).
26. Sorokin, D. S. (2020). Political Economy of Technological Modernization. *Russia's Economic Revival*, 1 (63), 18–25 (in Russ.).
27. Kleiner, G. B. (2014). What Meseconomy does Russia Need? Regional Economy in the Light of the Systemic Economic Theory. *Herald of Financial University*, 4, 6–22 (in Russ.).
28. Kleiner, G. B. (2020). Systemic reconstruction of Russia's socioeconomic space. *Russia's Economic Revival*, 2 (64), 59–69 (in Russ.). DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-59-69
29. Rodrik, D. (2000). How Far Will International Economic Integration Go?. *Journal of Economic Perspectives*, 1(14), 177–186.
30. Rodrik, D. (2011). *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. New York: W.W. Norton & Company.
31. Auclert, A., Bardóczy, B., Rognlie, M. (2021). MPCs, MPEs, and Multipliers: A Trilemma for New Keynesian Models. *The Review of Economics and Statistics*, 1–41. DOI: 10.1162/rest_a_01072/
32. Martinelli, L. (2020, July). Basic Income Trilemma: Affordability, Adequacy, and the Advantages of Radically Simplified Welfare. *Journal of Social Policy*, 3 (49), 461–482. DOI: 10.1017/S0047279419000424
33. Varshavsky, A. E. (2019). Excessive income inequality – problems and threats for Russia. *Sociological Studies (Socis)*, 8, 52–61 (in Russ.).
34. Zalewski, D. A. (2020). Confronting the Trilemma: Culture, Institutions, and Macroeconomic Disequilibria. *Journal of Economic Issues*, 2 (54), 294–315. DOI: 10.1080/00213624.2020.1742061
35. Keynes, J. M. (2009). Economic Possibilities for Our Grandchildren. *Voprosy Ekonomiki*, 6, 60–69 (in Russ.).
36. Carabelli, A. M., Cedrini, M. A. (2015). From Theory to Policy? Keynes's Distinction between ‘Apparatus of Thought’ and ‘Apparatus of Action’, with an Eye to the European Debt Crisis. *Challenge*, 6 (58), 509–531.
37. Keynes, J. M. (1980). *The collected writings: activities, 1940–44: shaping the post-war world: the Clearing union* (Vol. 25). Cambridge University Press.
38. Fukuyama, F. (2020). The thing that determines a country's resistance to the coronavirus. *The Atlantic*, 30.03.2020. <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/03/thing-determines-how-well-countries-respond-coronavirus/609025/>
39. Putnam, R. D. (2001). *Bowling Alone: America's Declining Social Capital*. New York, NY, Simon & Schuster.

40. Latova, N. V. (2021). Situation in the country and its prospects through the prism of public opinion during the pandemic. *Sociological Studies (Socis)*, 4, 37–49 (in Russ.).
41. Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. (2021). *Social state and civil society in the context of the implementation of national projects* (V. K. Levashov, ed.). Moscow, Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology of the RAS (in Russ.).
42. Auzan, A. A. (2020). The economy under the pandemic and afterwards. *Population and Economics*, 2 (4), 4–12.
43. Wolfe, A. (2002). *Moral Freedom: The Search for Virtue in a World of Choice*. New York, NY, W.W. Norton.
44. Rothstein, B. (2018). How the Trust Trap Perpetuates Inequality. *Scientific American*, 319 (5). <https://www.scientificamerican.com/article/how-the-trust-trap-perpetuates-inequality/>
45. Murray, M. (2020, June 7). Poll: 80 percent of voters say things are out of control in the U.S. *NBC News/Wall Street Journal*. <https://www.nbcnews.com/politics/meet-the-press/poll-80-percent-voters-say-things-are-out-control-u-n1226276>
46. Komkov, N. I. (2017). Scientific and Technological Development: Limitations and Opportunities. *Studies on Russian Economic Development*, 28 (5), 472–479 (in Russ.). DOI: 10.1134/S1075700717050094
47. Chetverikova, O. N. (2015). *Destruction of the Future. Who and how destroys sovereign education in Russia*. Moscow: Blagoslovenie Publ. (in Russ.).
48. Ivanter, V. V., Belousov, D. R., Bloxin, A. A., Borisov, V. N., Budanov, I. A. et al. (2017). Structural and Investment Policy as an Instrument for Modernizing the Russian Economy. *Studies on Russian Economic Development*, 28 (4), 364–372 (in Russ.). DOI: 10.1134/S1075700717040086
49. Storm, S. (2018). Financialization and economic development: a debate on the social efficiency of modern finance. *Development and Change*, 49 (2), 302–329. DOI: 10.1111/dech.12385
50. Inglehart, R. F. (2018, 16 March). *Cultural Evolution. People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108613880.001
51. Vallier, K. (2020). *Trust in a Polarized Age*. Oxford, England: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190887223.001.0001
52. Levin, Yu. (2020). *A Time to Build: From Family and Community to Congress and the Campus, How Recommitting to Our Institutions Can Revive the American Dream*. New York, NY: Basic Books.
53. Long, H. (2016, September 8). Where are all the startups? U.S. entrepreneurship near 40-year low. *CNN, Business*. <https://money.cnn.com/2016/09/08/news/economy/us-startups-near-40-year-low/index.html>.
54. Azmanova, A. (2020). *Capitalism on Edge. How Fighting Precarity Can Achieve Radical Change Without Crisis or Utopia*. New York, NY: Columbia University Press.
55. Bicchieri, C. (2005). Cooperation and Communication: Group Identity or Social Norms? In N. Gold (ed.), *Teamwork* (107–135). London, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230523203_6
56. Nikonova, A. A. (2020). Synthesis of adaptive systems in an unstable environment. *MID (Modernization. Innovation. Development)*, 11 (2), 162–178 (in Russ.). DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.2.162-178

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 10.08.2021

Дата принятия в печать / Accepted 29.01.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.26-39>

УДК 330.101:330.34:001.895:004

JEL: J20, L86, O3, O15

Т. В. ПЕТРЕНКО¹

¹ Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Петренко Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры экономики и финансов, Таганрогский институт управления и экономики

E-mail: t.petrenko@tmei.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0785-6392>

Web of Science Researcher ID: <https://www.researchgate.net/profile/Tatyana-Petrenko-3>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8544-8287, AuthorID: 564913

Аннотация

Цель: анализ эволюции парадигмы экономической науки на пути формирования системной парадигмы, позволяющей изменить стиль научного мышления, генерировать системные решения, в частности, в области трансформации трудового потенциала относительно запросов цифровой экономики.

Методы: основным методом исследования является метод единства исторического и логического в отношении эволюции экономической системы, научных взглядов и принципов, ее характеризующих, а также принцип методологической систематики, позволяющий сформировать представление о современной экономической системе как многомерном объекте.

Результаты: в статье кратко рассмотрены эволюционные этапы парадигмы экономической науки, выявлено, что инновационное развитие, как объективный процесс изменения среды, вызывает модернизацию ключевых подсистем, актуализируя применение системной парадигмы, которая позволяет связать и представить адекватную трактовку возникающим фактам, событиям, явлениям, свойственным современным реалиям цифровой экономики. Потребность в расширении инновационного потенциала трудовых ресурсов, наблюдаемая на всех стадиях воспроизводственного процесса, переосмысление роли труда и его основных компонент выдвигает требования по его качественной модернизации. Симбиоз трудовых отношений с культурными, ментальными и другими подобными подсистемами, формирующими основы трудового сознания и построения трудового поведения, представляется существенным аргументом расширения исследований на основе системного подхода. В этой связи научные и прикладные разработки, направленные на формирование мобильных институциональных механизмов и конструкций, к примеру, институциональных центров взаимодействия, сориентированных на развитие трудового потенциала и его гармоничное совершенствование, позволяют расширить диапазон используемых механизмов, задавая им вектор, отвечающий запросам общества.

Научная новизна: на основе системного подхода предложена характеристика новых институциональных конструкций, связанных с социальным партнерством и позволяющих решить проблему адаптации трудового потенциала к запросам цифровой экономики.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть применены в научной и педагогической деятельности для формирования институциональных центров взаимодействия.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, парадигма экономической науки, институты, инновации, трудовые ресурсы, цифровая экономика, системный подход, институциональный центр взаимодействия

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Петренко Т. В., 2022

© Petrenko T. V., 2022

Как цитировать статью: Петренко Т. В. Изменение парадигмы экономической науки в условиях инновационного развития // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 26–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.26-39>

The scientific article

T. V. PETRENKO¹

¹ Taganrog management and economics institute, Taganrog, Russia

CHANGING THE PARADIGM OF THE ECONOMIC SCIENCE UNDER INNOVATIVE DEVELOPMENT

Tatyana V. Petrenko, PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Finance, Taganrog Institute for Management and Economy

E-mail: t.petrenko@tmei.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0785-6392>

Web of Science Researcher ID: <https://www.researchgate.net/profile/Tatyana-Petrenko-3>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 8544-8287, AuthorID: 564913

Abstract

Objective: to analyze the evolution of the economic science paradigm aimed at forming a system paradigm that allows changing the style of scientific thinking, generating system solutions, in particular, in the field of transformation of labor potential relative to the demands of the digital economy.

Methods: the main method of research is the method of unity of the historical and the logical in relation to the evolution of the economic system, scientific views and principles that characterize it, as well as the principle of methodological system, which allows forming an idea of the modern economic system as a multidimensional object.

Results: the article briefly examines the evolutionary stages of the economics paradigm; it is revealed that innovative development as an objective process of changing the environment causes the modernization of key subsystems, actualizing the application of a system paradigm that allows linking and presenting an adequate interpretation of emerging facts, events, and phenomena characteristic of the modern realities of the digital economy. The need to expand the innovative potential of labor resources, observed at all stages of the reproduction process, rethinking of the role of labor and its main components puts forward the requirements for its qualitative modernization. The symbiosis of labor relations with cultural, mental and other subsystems, forming the foundations of labor consciousness and the construction of labor behavior, is considered to be an essential argument for expanding research based on a systematic approach. In this regard, scientific and applied developments aimed at the formation of mobile institutional mechanisms and structures, like institutional interaction centers focused on the development of labor potential and its harmonious improvement, enable to expand the range of the used mechanisms, setting them a vector that meets the needs of society.

Scientific novelty: based on a systematic approach, a characteristic of new institutional structures is proposed, which is related to social partnership and allows solving the problem of adaptation of labor potential to the demands of the digital economy.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities for the formation of institutional centers of interaction.

Keywords: Economics and national economy management, Paradigm of economic science, Institutions, Innovations, Labor resources, Digital economy, System approach, Institutional center of interaction

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Petrenko, T. V. (2022). Changing the Paradigm of the Economic Science under Innovative Development. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 26–39 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.26-39>

Введение

Современное развитие экономической системы построено на активной роли инновационной компоненты, внедрение которой на всех стадиях воспроизводственного процесса предполагает широкий диапазон изменений, требующих серьезного научного обоснования. Эволюция общества сопряжена с эволюцией науки. «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [1. С. 457]. Философское осмысление мира представляло собой первое в истории науки системное развитие методологии научного поиска, позволившей достичь глубокого и целостного представления об окружающем мире и роли человека как его части. Благодаря философии была сформирована научная база для развития прикладных наук. В экономике это классическая политическая экономия, основывающаяся на известной формуле У. Петти «Труд – отец и активный принцип богатства, Земля – его мать» [2. С. 54]. Классическая политическая экономия предоставила возможность рассмотреть экономическую жизнь целостно – во взаимосвязи науки и практики. Если исходить из теории парадигм Т. Куна, то классическая политическая экономия способствовала обеспечению «...генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования» [3. С. 28], фактически заложив парадигму самой экономической науки. Современные исследователи в области методологии экономической науки, в частности К. Вальтух, подчеркивают, что «Теория стоимости хорошо отвечает известному понятию теории вообще – отвечает критериям внешней оправданности и внутреннего совершенства» [4. С. 793].

Однако эволюция технологических факторов и их использования в хозяйственном процессе, социально-экономические модернизации, как результат промышленного переворота и технологических революций, предполагали изменение парадигмы экономической науки, при этом «...когда парадигма изменяется, обычно происходят значительные изменения в критериях, определяющих правильность как выбора проблем, так и предлагаемых решений» [3. С. 169]. Распространение неоклассической парадигмы, сконцентрировавшейся преимущественно на инструментальных методах анализа, расширение влияния институционализма, а затем появление эволюционной экономической теории определили

конструкцию экономической науки периода развития индустриального и постиндустриального общества [5]. В рамках этих исследований, чаще всего фрагментарно, находили теоретическое обоснование массивы сложных и разносторонних процессов, свойственных экономике, построенной на высоком уровне динамизма и технологического развития.

Определение необходимости исследования подобного общества с системных позиций можно связать с текнологией А. А. Богданова, в соответствии с которой «не может и не должно быть иной точки зрения на жизнь и мир, кроме организационной» [6]. Активизация инновационных процессов и формирование цифровой экономики на новом уровне технологического развития современного мира способствовали распространению системной парадигмы [7]. Расширение предметной области экономической науки послужило основанием для выработки системного подхода, изменившего ракурс ее практического применения.

Системно-интегральная концепция фирмы Г. Б. Клейнера, определяющая системную среду как совокупность базовых внутренних функциональных подсистем: «ментальной, организационно-культурной, институциональной, когнитивной, имущественно-технологической, имитационной и исторической» [8. С. 28] – позволяет представить экономического субъекта в информационном пространстве, где происходит переплетение разнообразных информационных потоков. Их определение способствует не столько росту, сколько ее развитию с учетом выделенных разнообразных системных аспектов.

На основе теоретико-системного подхода к анализу экономики открылась возможность сформировать целостное представление о процессах, происходящих в ней, выявить в единстве многообразие форм экономической жизни, их противоречивое развитие и взаимодействие. Это позволяет понять эволюционные траектории и обосновать институциональные формы, гармонично вписывающиеся в общественные отношения, не вступая с ними в противостояние и обеспечивая устойчивое и поступательное развитие. Это тем более актуально в инновационной среде, модернизирующей трудовой потенциал. Задачами исследования данной статьи выступают: рассмотрение эволюции парадигмы экономической науки на пути формирования системной парадигмы, формирующей

системное представление об изменениях, происходящих в условиях цифровой экономики, характеристика которых позволяет изменить ракурс научного поиска; иллюстрация возможностей применения системной парадигмы в контексте совершенствования трудового потенциала, формирования его качественных характеристик на примере совершенствования профориентационной работы с использованием системного ресурса ее организации в соответствии с требованиями цифровой экономики.

Дальнейшее изложение статьи дано в следующих параграфах: параграф 1 «Эволюция формирования современной парадигмы экономической науки»; параграф 2 «Системный подход к преобразованию трудового потенциала цифровой экономики».

Эволюция формирования современной парадигмы экономической науки

Современное состояние экономики характеризуется высоким уровнем интеллектуализации деятельности и актуализацией тенденций, связанных с ускорением трансформационных процессов, широким распространением экосистем как действенных конструкций для выстраивания разнообразных стратегий [9]. Это способствует появлению новых запросов относительно активного накопления знаний, расширения диапазона возможностей их прикладного использования, а также к творческой, креативной стороне труда [10]. Синергетический эффект при этом формируется благодаря разнообразию влияющих на систему факторов, усиливающих потенциал их взаимодействия и определяющих эмерджентность системы с учетом ментальных особенностей, сложившихся нарративов, воспринимаемых акторами в качестве алгоритмов [11].

Информационное общество несет в себе как новые возможности, так и существенно расширяет угрозы, приобретающие повсеместно глобальные масштабы [12]. Чтобы иметь целостное представление о мире, построенном на цифровых технологиях, широком распространении виртуальной реальности, подрывающей сложившиеся представления об универсуме, требуется системно охватить, научно обосновать и систематизировать представления о происходящих изменениях. Цифровые технологии позволяют создавать условия, превосходящие потенциально все предшествующие эволюционные этапы общества по

уровню жизни и обеспеченности доступа к благам. Однако они порождают зоны неопределенности, формирование которых – важнейший атрибут любого качественного преобразования.

В отличие от всего накопленного за тысячелетия истории человечества опыта инновационное развитие открывает такие возможности, использование которых не может осуществляться без ужесточения общественного контроля или каких-либо его аналогов. Так, бесконтрольная «способность автора “продаваемой” идеи реализовать свой интерес, повлияв на остальных членов общества... действительно приобретает власть над сообществом, двигая действия ее членов в направлении, выгодном автору идеи, но необязательно членам сообщества» [13. С. 31] представляется одной из наиболее существенных, но весьма завуалированных угроз современного мира. Эффективное противостояние негативным тенденциям при этом не должно ограничивать потенциал роста и развития, повышения возможностей распространения нового качества жизни, что определяет необходимость разработки новых институциональных форм организации и регулирования с встроенными фильтрами маршрутизации изменений и контроля за их реализацией.

На этапе индустриального общества был создан институциональный каркас, позволивший поддержать требуемый уровень организации и обеспечить устойчивость системы [14]. Современные реалии требуют не столько модернизации сложившейся институциональной организации, сколько пересмотра на системном уровне компонентного состава ее внутренней структуры. Речь идет о выстраивании взаимосвязей составных частей системы так, чтобы эмерджентные свойства, возникающие в результате синергетического взаимодействия ее компонент, обеспечивали общество требуемым потенциалом роста. Новые институциональные конструкции – мобильные и построенные с учетом системных эффектов – должны позволить быстро реагировать на запросы цифрового мира, что требует глубокого теоретического осмысления. Речь идет о формировании новой экономической парадигмы. Как справедливо заметил Т. Кун: «Новая теория предстает как непосредственная реакция на кризис, причем любой кризис начинается с сомнения в парадигме» [3. С. 73].

События, наблюдаемые в последние десятилетия, демонстрируют весьма ограниченные возможности

экономической теории в объяснении выявляемых на практике закономерностей, которые, накапливаясь, не получают достаточной и достоверной научной аргументации. «Благодаря математизации экономической теории в ее рамках получен ряд общих результатов, фактически указывающих на неполноту или неадекватность аксиоматики основополагающих моделей, что влечет за собой отсутствие ответов на важнейшие вопросы» [15. С. 53]. Потребность в углублении и совершенствовании научного инструментария для целостного представления и характеристики экономической системы, аргументированное определение законов, присущих системе, и их конкретных проявлений на уровне закономерностей и тенденций общественной жизни предполагает интегрирование накопленных знаний и их интерпретаций, т. е. эволюционного изменения стиля научного мышления.

Если говорить об эволюции научного осмысления фактов экономической жизни, впервые определение предметной области исследования было связано с экономией – наукой о ведении домашнего хозяйства, сориентированной на научное обоснование роли хозяйственной жизни и полностью основанной на философии. Переход от системы натурального хозяйства к рыночным отношениям сформировал потребность уточнения предмета экономической науки исходя из нового содержания хозяйственных процессов. Меркантилизм, как первая экономическая школа, постаравшаяся обобщить опыт становления рыночных отношений, но формировавшая выводы исключительно исходя из принципа систематизации эмпирии, отразила переход к новому этапу научного осмысления хозяйственной жизни – формированию собственно самой экономической науки.

Классическая политическая экономия, ориентируясь как на фундаментальные научные основания, так и обобщение фактов экономической жизни, сформировала первую парадигму экономической науки, основанную на трудовой теории стоимости. Выявляя прямые, опосредованные и обратные связи между объективными условиями экономической жизни и ее организацией, институциональным сопровождением, социокультурной средой, а также структурируя стоимость на основе выделения потребительной и меновой стоимости, Адам Смит писал: «Потребительная и меновая стоимость товара – это разнопорядковые явления. Если первая выражает натурально-веще-

ственные свойства товара в их отношении к потребностям покупателей, то вторая – общественно-производственные отношения обмена, обслуживаемые товаром. Это противоположности, которые в своем единстве образуют товар» [16. С. 87]. Таким образом, категория стоимости у классиков политической экономии легла в основу построения стройной и логичной категориальной системы, описывающей рыночные отношения в соответствии с диалектическим синтезом категорий абстрактного и конкретного, в единстве исторического и логического.

Расширение технологических факторов и их роли в хозяйстве, индустриальное развитие и сопряженные с ним институциональные преобразования, сориентированные на примат крупного машинного производства, монополизацию экономики, углубление империалистических тенденций, политических и социокультурных трансформаций, определили и расширение диапазона экономических исследований. Речь идет о широком внедрении в экономическую науку инструментальных и организационных методов, требующих получения конкретных результатов в системе управления производством, процессе технологической комплементации факторов, их совершенствования на основе научной организации труда [17]. Трудовая теория стоимости повсеместно в экономической науке была заменена теоретическими подходами, характеризующими в качестве производительных все факторы, принимающие участие в воспроизводственном процессе. Речь шла об описании возможной субституции факторов, оценке их производительного вклада в создание конечного продукта, что потребовало разработки формальных моделей при их достаточно строгом делении на микро- и макроуровень в исследовании конкретных объектов [18]. Это способствовало расширению предметной области экономической науки в рамках неоклассической парадигмы. Познание экономической жизни было сориентировано на широкое применение эмпирического анализа, его формализованное обобщение при построении аналитических моделей, их графических интерпретаций [19]. Однако подобный уклон в сторону эмпиризма и повсеместное применение принципа «при прочих равных условиях», абстрагирование от конкретных форм организации экономических процессов, их социокультурного сопровождения привели к актуализации вопроса о со-

отнесении научного результата с эвристиками, что способствовало развитию практически параллельно с неоклассической экономической парадигмой институциональной парадигмы.

Институционализм позволил в анализе экономических явлений очертить влияние различных социальных институтов, учитывающих внеэкономические факторы. Подобные институты сориентированы на создание условий эффективной организации экономических процессов так, чтобы обеспечить их целесообразность – экономическую и социальную. Т. Веблен писал, что «...деятельность человека в любой области во многом так же, как если бы эти элементы привычки носили характер врожденной потребности» [20. С. 122–123], на этих привычках и может основываться.

Рационализм в действиях людей маршрутизируется множеством факторов: от ограниченности доступа к информации и праксеологических лимитов рациональности конкретного человека до особенностей менталитета. Анализ принятия решений у институционалистов, начиная с зарождения их идей еще в контексте взглядов представителей немецкой исторической школы до подходов приверженцев нового институционализма, сориентированного на объяснение проблем смежных с экономикой областей в соответствии с экономическими принципами, предполагает использование различных социальных, культурных, исторических и прочих маркеров. Их исследование позволяет выделить причины и последствия оппортунистического поведения [22], выстроить институциональную структуру, ограничивающую его негативные последствия. Однако подобное структурирование не может не опираться на уже имеющиеся условия, сложившиеся в ходе эволюции конкретного общества с учетом специфики его территориальной локации, исторического контекста, а также эволюции социокультурных процессов. Эволюционная парадигма экономической науки, распространение и популярность которой связана преимущественно с именем Й. Шумпетера, сформировала представление о роли традиций в развитии конкретных хозяйств, научных взглядов и их предметного воплощения в экономической динамике, обладающей собственными особенными характеристиками [22]. В рамках эволюционной парадигмы, прежде всего благодаря работам Р. Нельсона и С. Уинтера, наблюдалось

сближение неоклассики и институционализма в соответствии с обоснованием наличия эволюционной основы качественных преобразований экономической жизни, познание которых возможно лишь при условии научной консолидации, также требующей соответствующего осмысления [23].

Теоретический подход, в соответствии с которым приоритеты в деятельности хозяйствующего субъекта выстраиваются не в пользу, так сказать, *Homo economicus* в классическом определении, а *Homo sapiens* [24] в современной экономической науке, приобрел широкую популярность. Речь идет об изучении деятельности людей, сориентированной на достижение ценностных ориентиров, а не на максимизацию полезности и доходности [25]. Подобное представление связано с идеями сторонников поведенческой экономики, и в особенности касается части эмпирических экспериментов, описания поведенческих моделей, находящих практическое воплощение и связанных с применением междисциплинарных подходов к их реализации.

Однако эмпирический уклон в современной науке, очевидно, актуализирует потребность в дальнейшем поиске и расширении диапазона фундаментальных научных подходов, в которых бы, как в классической политической экономии в свое время, были интегрированы различные концептуальные основания. Речь идет о формировании системной парадигмой экономической науки в силу того, что «При соблюдении положений системной парадигмы на первый план вместо причинно-следственных односторонних связей выходит взаимодействие как основная форма взаимоотношений объектов» [26. С. 69], что представляется приоритетным в условиях наблюдаемых качественных модернизаций экономической жизни в период становления и развития цифровой экономики.

Системный подход в качестве приоритетного в выработке научной доктрины был сформулирован еще в тектологии А. А. Богданова в начале XX в. [6], а его актуализацию с учетом современных реалий можно связать с именем Я. Корнаи. Системная парадигма у Корнаи – это «концепция видения объекта и предмета исследований, согласно которой социально-экономическое пространство рассматривается как единая система, заключающая в себе множество относительно самостоятельных подсистем, состав и структура

которых определяется в соответствии с позицией наблюдателя или группы наблюдателей» [27. С. 12].

Опираясь на характеристику системной парадигмы, разрабатываемую Г. Б. Клейнером, можно очертить контуры самой экономической системы. «Сущность системной парадигмы состоит в том, что функционирование экономики, т. е. осуществление процессов производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ, рассматривается сквозь призму создания, взаимодействия и трансформации экономических систем. Базовый для неоклассической парадигмы принцип “методологического индивидуализма” здесь уступает место принципу “методологической систематики”... При этом каждая экономическая система является многомерным объектом, одновременно функционирующим в социальной, административной, политической, технологической, культурной и иных сферах» [8. С. 32]. Для реалий современного социально-экономического развития системный подход, рассматривающий жизнь общества не фрагментарно, деля ее на различные предметные области, а целостно, путем применения системной парадигмы интегрируя научный потенциал различных смежных наук, представляется доминирующим направлением научного поиска, позволяющим изменить ракурс исследований и сформировать адекватную условиям цифровой экономики методологию.

Определение основ функционирования экономической системы способствует не столько росту информации о ее деятельности в данной среде, сколько ее развитию с учетом выделенных разнообразных системных аспектов среды и ее основных компонент.

Системный подход к преобразованию трудового потенциала цифровой экономики

Трудовой потенциал, формируемый на основе человеческого потенциала, базируется на количественных и качественных параметрах, позволяющих продуктивно использовать его в социально-экономической жизни общества для обеспечения поступательного экономического роста и развития. С точки зрения современных требований цифровой экономики наблюдается потребность не столько в накоплении и производительном использовании профессиональных знаний, умений, навыков, а скорее их совершенствования, сориентированного на преобразование поддерживающих характеристик трудового потенциала.

Компетентностный подход здесь связан с определением того, что человек умеет делать, какие компетенции приобретает в процессе деятельности и как сможет ее совершенствовать в будущем. Подобный подход предполагает необходимость формирования потенциала роста компетентности. При этом глобальные проблемы современного мира, фрагментация трудовой жизни вследствие распространения пандемии оказывают различное влияние на отдельные профессиональные группы, вызывая диффузию профессиональных и ценностных установок. Выявить в конкретной среде подобную проблему – задача трудная, а решение ее возможно лишь в случае применения комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных мер, сориентированных на преобразование системы мотивации и коммуникативных основ в выстраивании трудовых взаимодействий.

Таким образом, условия развития и вызовы современного цифрового мира – глобализация и фрагментация жизни, интенсификация и качественная трансформация различных аспектов хозяйства – выдвигают соответствующие требования, адаптация к которым предполагает повсеместное применение методологических оснований системной парадигмы. В области формирования трудового потенциала и его продуктивного использования так же, как во времена господства трудовой теории стоимости, его расширенное воспроизводство приобретает наибольшую актуальность. Происходит это вследствие того, что труд, с его качественными характеристиками и возможностями самосовершенствования, выступает основой роста и развития экономики, ее инновационного преобразования при широком распространении цифровой экономики. Однако новые требования к качеству трудовых действий, связанному с увеличением их интенсивности и насыщенности новыми алгоритмами, правилами, групповой динамикой, необходимостью сотрудничества на различных уровнях взаимодействия, в особенности когда речь идет об инновационных экосистемах, позволяют говорить о том, что сама модель организации процесса формирования трудового потенциала общества, его структуры, внутреннего наполнения системы мотивационными формами и стимулами требует системной перестройки и модернизации [28].

Определяющее влияние на трудовой потенциал и его структурно-квалификационные и профессио-

нально-компетентностные характеристики может оказать установление общих целей системы и ее приоритетов в согласовании с индивидуальными целями людей, задействованных в трудовом процессе. Речь идет о формировании основных импульсов, воздействующих на сознание и определяющих осознание каждым работником собственных целей в контексте целевых системных установок с корректировкой на возможности их восприятия и оценок личного плана (рис. 1).

Согласованное восприятие целей общих и собственных через призму индивидуальных результатов как важной составляющей результата общего и переоценка через него целевых установок системы видится условием переориентации стереотипов трудового сознания на достижение положительного результата в качестве основного мотива трудовой деятельности. Это представляется условием расширения инноваций на каждом этапе воспроизводственного процесса, предполагающих постоянное совершенствование форм, методов и приемов конкретных видов про-

фессиональной деятельности, отражающихся на совершенствовании самой системы. Собственная заинтересованность каждого участника трудового процесса, интерес участия в нем не как рутинной обязанности или обузе, а разнообразной, построенной на удовлетворении совокупности жизненных интересов и установок деятельности – условие обеспечения поступательного развития самой системы. Системный подход здесь «является адекватной теоретической платформой для анализа и сопоставления двух наиболее важных отношений между субъектами экономической деятельности: иерархии как представителя широкой группы отношений неравенства и подобия как представителя широкой группы отношений сходства между экономическими системами» [29. С. 100].

В зависимости от особенностей экономических систем, потенциала их самоорганизации системная модернизация экономики на основе государственной политики может сформировать условия ее развития. Хотелось подчеркнуть необходимость выработки системной стратегии, построенной на использовании

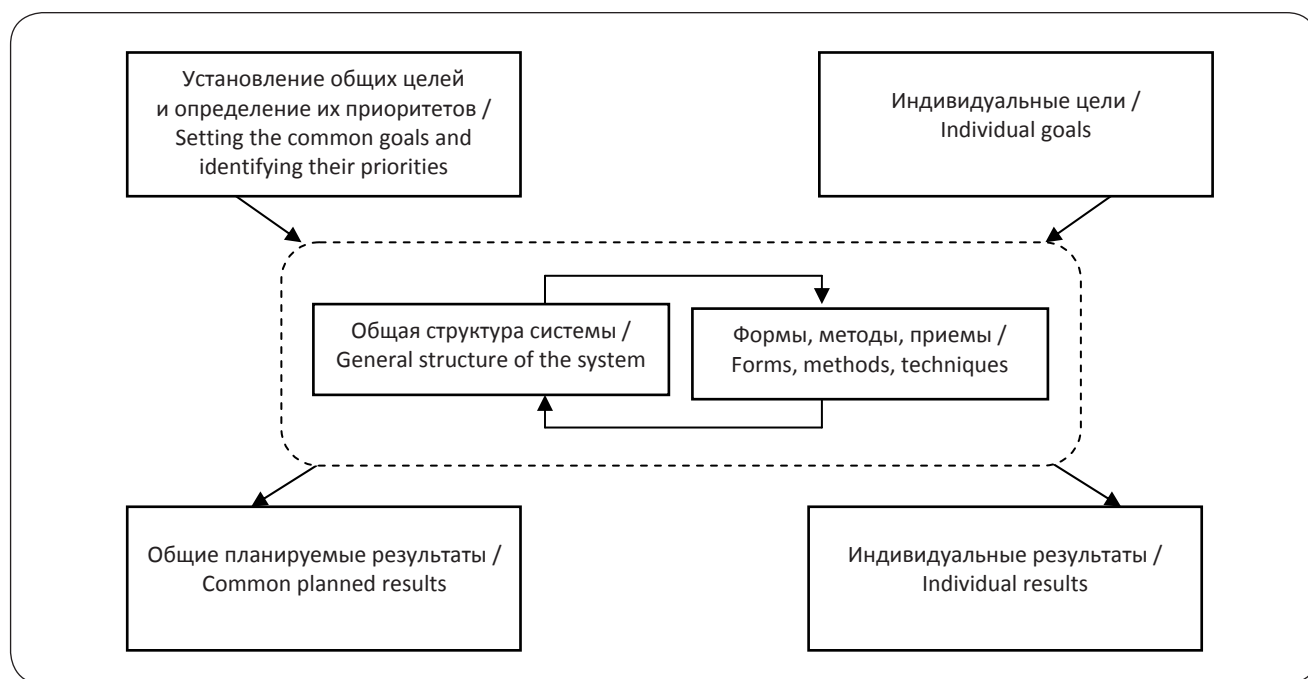

Рис. 1. Системное согласование общих и индивидуальных целей и результатов трудовой деятельности

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Fig. 1. Systemic coordination of the common and individual goals and results of labor activity

Source: compiled by the author by the research results.

моделей, позволяющих проследить совокупность системно-пространственных связей и увязать их с вопросами модернизации трудового потенциала. Это представляется одним из коренных условий преодоления общего экономического кризиса.

Кардинальные изменения в социуме, если они вступают в противоречие со сложившимися правилами и нормами общественной жизни, транслирующимися в модели трудового поведения, неизбежно приводят к распространению вместо желаемых скорее деструктивных реакций работников. Здесь кроется причина существенных трансформаций профессиональной идентичности, наблюдаемых при изменении условий, а главное, требований к отдельным работникам в процессе модернизации технологии, преобразования организационных импульсов и т. п. Это способствует широкому распространению профессионального маргинализма [30], укоренению двойной морали в качестве паттерна.

Проявление двойной морали становится наиболее ощутимым тогда, когда востребованными становятся трудовые действия, принимаемые решения, связанные с расширением зон ответственности, появлением новых алгоритмов, инновационных решений и их внедрения в конкретные виды труда. Причем профессиональный маргинализм в конкретной организации вызывает не только снижение трудового потенциала какого-либо работника, а принимает массовый характер, оказывая непосредственное влияние на особенности организационной культуры. Речь идет, прежде всего, о том, что действия членов одного коллектива, сопряженные со средовыми воздействиями двойной морали, рассматривают маргинальное поведение как наиболее адекватный алгоритм, вполне согласующийся с социальными установками общества. Устранение фильтров двойной морали представляется задачей, решение которой невозможно без учета материальных и социокультурных, средовых факторов, определение контура которых требует применения методологической систематики.

Задача реализации системного подхода к формированию адекватного современным требованиям трудового потенциала, создание конкретных методик организации и регулирования трудовых ресурсов представляются одной из наиболее сложных и значимых для обеспечения процессов ускорения инновационного развития. Ее разрешение предполагает

привлечение всего исследовательского потенциала системной парадигмы экономической науки. Речь идет, в частности, об укреплении институционального каркаса современного общества на основании сходства систем, взаимодействие которых осуществляется в процессе объединения внутреннего наполнения системы и ее внешнего окружения, опосредованно через связи объектных, проектных, процессных и средовых подсистем [29. С. 107–111]. Одним из подобных направлений может стать широкое и координированное внедрение многоуровневой системы социального взаимодействия (социального партнерства), системный потенциал которого представляется весьма существенным и в полной мере не осмысленным. В силу роста задач, требующих скоординированного взаимодействия различных систем, возможности рыночного механизма эти потребности не покрывают. Речь идет, прежде всего, о создании и распределении общественных благ, формирующих положительные экстерналии, выступающие в цифровой экономике одним из условий обеспечения эмерджентности системы. Здесь стоит говорить о выработке новых направлений в формировании трудового потенциала, влиянии на его состав и структуру, а также преобразовании его качественных характеристик с учетом реалий современного общества.

Так, поиск новых возможностей и действенных каналов подготовки, переподготовки рабочей силы, изменения психологических установок в отношении к труду предполагает актуализацию создания мобильных институциональных конструкций, которые сориентированы на решение одной задачи, но с привлечением ресурсов различных профильных организаций на основе как координационных, так и субординационных взаимосвязей. Мобильность обеспечивается на договорной основе, а устойчивость – общей заинтересованностью в решении конкретной задачи, которая за счет внутренних ресурсов отдельных организаций эффективно разрешена быть не может. При этом особенности воспроизводственного процесса, в частности связанные с общественными или другими социально значимыми благами, ограничивают применение рыночного механизма.

Примером эффективности подобного институционального взаимодействия может стать профориентационная работа с молодежью, которая представляется одним из наиболее сложных рубежей формирования

трудового потенциала того качества и подготовленности, который необходим обществу, сориентированному на инновационный путь развития [31]. Речь идет о выстраивании с помощью социального партнерства мобильной и эффективно функционирующей институциональной конструкции, обеспечивающей взаимосвязи всех заинтересованных сторон, в той или иной степени задействованных в работе с молодежью и в задачи которых эта функция включается. Участниками ее могут быть, прежде всего, учебные заведения, как общеобразовательные, так и осуществляющие профильную подготовку, центры занятости населения, молодежные организации. Однако функция профориентации молодежи с учетом ее разноплановости присутствует фрагментарно в работе центров здоровья, отдельных подразделений правоохранительных органов, непосредственно работающих с молодежью, потенциальных работодателей, юношеских библиотечно-информационных центров и т. п.

Системный подход позволяет взглянуть на вопрос организации профориентационной работы через призму объединения внутреннего содержания и внешнего контура системы, усилив за счет согласованных действий предполагаемый эффект от ее реализации. Конечно, речь должна идти о скоординированной работе, методически организованной и содержательно наполненной в соответствии со сложившимися требованиями к трудовому потенциалу, в том числе и в региональном разрезе. На этом этапе возникает потребность в создании институциональных центров взаимодействия (далее – ИЦВ). Термин введен весьма условно и призван отразить общее представление о возможностях выстраивания координационно-субординационных взаимосвязей между отдельными субъектами в части решения единой задачи или реализации конкретной функции не фрагментарно, а согласованно, с целью достижения эмерджентных свойств системы.

Механизм организации и работы ИЦВ может быть представлен следующим образом. Привлечение требуемого потенциала каждого заинтересованного участника взаимодействия координируется ИЦВ на основе заключения договоров о социальном партнерстве. Они осуществляют маршрутизацию возможного взаимодействия – ориентируясь на решение собственных задач, каждая организация в согласованных действиях способствует повышению общей эффективности всех

привлекаемых к работе и заинтересованных в ее положительном результате сторон. Схематично процесс формирования подобных центров проиллюстрирован на рис. 2 [32].

В качестве ИЦВ, и это представляется обязательным условием, могут выступать организации, деятельность которых не сориентирована на финансовый результат. Она должна нести в себе социально значимые цели и установки, прозрачные и воспринимаемые обществом, пользующиеся его, так сказать, доверием и признанием.

Так, в работе с молодежью в части организации ее профориентации в качестве ИЦВ могут быть молодежные общественные организации, юношеские библиотечно-информационные центры и т. п. Главное, чтобы их деятельность была связана с организацией массовой работы с молодежью, построенной на живом интересе, формирование которого привлекает внимание и позволяет реализовать исходные цели подобных организаций.

Наибольшие возможности и заинтересованность в подобной работе относительно реалий нашей страны, по-видимому, имеют библиотеки. Их деятельность ведется не только в рамках сложившихся традиционных направлений, но и предполагает широкий охват населения массовыми мероприятиями, что оговаривается в рамках муниципального заказа и определяет уровень материального вознаграждения (прежде всего премиального) для сотрудников библиотек и управленческого персонала. Создание модельных библиотек, финансирование которых осуществляется в рамках национального проекта «Культура», утвержденного в декабре 2018 г. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам [33], способствует повсеместной активизации подобной работы. За счет средств федерального бюджета реализуется техническое переоснащение библиотек, создание на их основе площадок для разноплановой работы с населением в различных социально значимых областях. Системный подход к организации подобной деятельности и предполагает возможности задействования опосредованно через институциональное согласование различных организаций в выполнении задач, стоящих перед ними. При этом осуществление их возможно не фрагментарно, а с учетом привлечения потенциала внутреннего наполнения различных организационных систем.

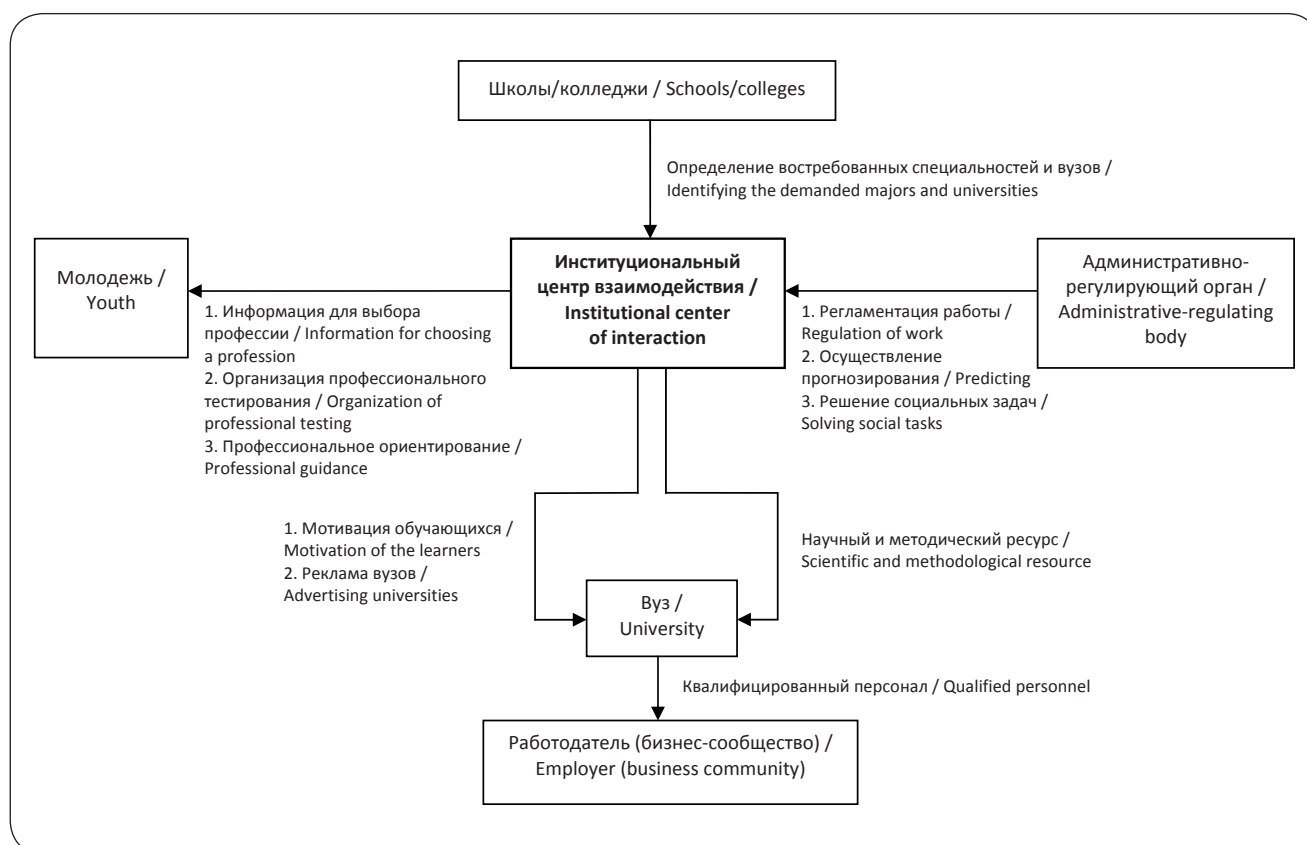

Рис. 2. Схема формирования Институционального центра взаимодействия

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Fig. 2. Scheme of formation of the Institutional center of interaction

Source: compiled by the author by the research results.

Практика создания ИЦВ на площадке юношеского библиотечно-информационного центра в Таганроге продемонстрировала широкий диапазон возможностей, которые предоставляют подобные институциональные конструкции в решении разнообразных задач. Так, благодаря заключенным по инициативе юношеского библиотечно-информационного центра договорам о социальном партнерстве к системной реализации профориентационной работы в рамках совместно разработанной методики были привлечены специалисты различных организаций:

- школьные психологи, непосредственно занимающиеся работой по профориентации в школе;
- преподаватели профильных учебных заведений, наполняющие работу по профессиональному информированию обучающихся конкретным содержанием;

– представители центра здоровья Таганрога, на основе существующих методик проводящие персонифицированное и профильное консультирование.

В планах – расширить количество и профильность участников с учетом интереса, который эта работа вызывает в регионе, и ее результативности для всех задействованных в ней сторон. При этом она не требует дополнительных транзакций, поскольку ведется в рамках реализации собственных задач каждого участника процесса, включающего их во внутренние организационные регламенты. Опыт демонстрирует и повышение интереса к работе самого библиотечного центра, не говоря уже о том социально значимом и экономическом эффекте, который подобная работа приносит и потенциально приносить будет.

Пример создания ИЦВ, деятельность которого базируется на условиях системной самоорганизации ее участников, но несет в себе существенный социально и экономически значимый эффект, фрагментарно демонстрирует наличие новых возможностей, открывающихся перед экономикой в период ее преобразований и связанных с изменением ракурса восприятия системы и возможностей ее организации. Системная парадигма экономической науки позволяет на основе теории систем обобщить опыт происходящих изменений и сформировать новые решения в организационной, управленческой, социокультурной и непосредственно экономической областях с учетом реалий современного мира.

Выводы

Эволюция парадигмы экономической науки на различных этапах экономического развития отражала особенности хозяйственной организации жизни и демонстрировала высокую познавательную ценность науки. Формирование системной парадигмы обусловлено качественными преобразованиями технологических процессов в условиях повсеместной цифровизации, обоснование которых требует, прежде всего, изменения предметной области научного поиска, его расширения в гармонизации. Привлечение

системного ресурса способствует изменению стиля научного мышления и ракурсов для оценки преобразований, траекторий и перспектив, формирования новых подходов к институциональной организации общества. Так, пример создания ИЦВ, построенного на привлечении к согласованной работе различных заинтересованных организаций, иллюстрирует рост качественного наполнения их функционала. Таким образом, можно говорить о формировании эмерджентных свойств системы, прежде всего, связанных с расширением информационных каналов, позволяющих повлиять на принятие молодежью решений в области профессионального выбора. Пример создания ИЦВ демонстрирует, что системные проблемы общества требуют системного осмысления и выработки алгоритмов принятия решений, выходящих за рамки сложившихся моделей *mainstream*. Методология системной экономической теории предоставляет тот научный инструментарий, который позволяет приблизиться к постановке и решению задач современного мира, сформировать прецеденты новых форм координационно-субординационных связей и их институционального сопровождения, адекватно реагирующего на происходящие преобразования, способствуя трансформации трудового потенциала относительно запросов цифровой экономики.

Список литературы

1. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Т. Кун. Структура научных революций: пер. с англ. Москва: АСТ, 2001. С. 455–524.
2. Петти В. Трактат о налогах и сборах // Антология экономической классики: Петти, Смит, Рикардо. Москва: Эконом-Ключ, 1993. 478 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. Москва: АСТ, 2020. 320 с.
4. Вальтух К. К. Теория стоимости: статистическая верификация, информационное обобщение, актуальные выводы // Вестник РАН. 2005. № 9. С. 793–806.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Academia, 2004. 788 с.
6. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука / 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 1989 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5909> (дата обращения: 07.11.2021).
7. Kornai J. The System Paradigm // William Davidson Institute Working Papers Series. 1998. № 278. William Davidson Institute at the University of Michigan.
8. Клейнер Г. Б. Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6, № 3. С. 27–50.
9. Adner R. Ecosystem as structure: An actionable construct for strategy // Journal of Management. 2017. Vol. 43, № 1. Pp. 39–58. URL: <https://doi.org/10.1177/0149206316678451> (дата обращения: 07.11.2021).
10. Архитектоника креативного потенциала экономики: императивы и социомаркеры: монография / Ю. Р. Туманян, О. А. Ищенко-Падукова, И. В. Мовчан. Ростов н/Д, Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2019. 96 с.
11. Shiller R. J. Narrative Economics // American Economic Review. 2017. № 107 (4). Pp. 967–1004.

12. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. Москва: Логос, 2000. 304 с.
13. Тамбовцев В. Л. Идеи, нарративы и изменения в экономике // Terra Economicus. 2019. Т. 17, № 1. С. 24–40.
14. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экон. книги «Начала», 1997. 180 с.
15. Полтерович В. М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 46–66.
16. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики: Петти, Смит, Рикардо. Москва: Эконом-Ключ, 1993. 478 с.
17. Костюк В. Н. Теория эволюции и социальноэкономические процессы. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 176 с.
18. Нестеренко А. В. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 7. С. 4–17.
19. Нуреев Р. М. Предпосылки новой экономической парадигмы: онтология и гносеология // Вопросы экономики. 1993. № 4. С. 133–144.
20. Веблен Т. Теория праздного класса. Москва: Прогресс, 1984. 384 с.
21. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THEISIS. 1993. Т. 1, № 3. С. 39–49.
22. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития / пер. с нем. В. С. Автономова. Москва: Директмедиа Паблишинг, 2008. 137 с.
23. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. Москва: ЗАО «Финстатинформ», 2000. 472 с.
24. Thaler R. H., Sunstein C. R. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness. New Haven and London: Yale University Press. 2008. 304 s.
25. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. Москва: АТС, 2016. 653 с.
26. Клейнер Г. Б. Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. 2002. № 10. С. 47–69.
27. Корнай Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4–22.
28. Davis J. The group dynamics of interorganizational relationships: Collaborating with multiple partners in innovation ecosystems // Administrative Science Quarterly. 2016. № 61 (4). Pp. 1–41. URL: https://www.researchgate.net/publication/302483316_The_Group_Dynamics_of_Interorganizational_Relationships_Collaborating_with_Multiple_Partners_in_Innovation_Ecosystems (дата обращения: 30.01.2022).
29. Клейнер Г. Б. Системная экономика: шаги развития: монография. Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2021. 746 с.
30. Ермолаева Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 4. С. 51–59.
31. Пряжников Е. Ю., Селезнева Е. Ф. Проблемные аспекты формирования профессионального самосознания специалиста на этапе вхождения в профессию // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 11. С. 206–215.
32. Петренко Т. В., Маринова И. В. К вопросу о развитии институтов формирования трудового потенциала современного общества // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (55). С. 74–78.
33. Паспорт национального проекта «Культура». Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). URL: <https://новаябиблиотека.рф/assets/files/pasport-nacproekta-kultura.pdf> (дата обращения: 07.11.2021).

References

1. Lakatos, I. (2001). History of science and its rational reconstructions. In T. Kun. *Struktura nauchnykh revolyutsii* (pp. 455–524). Moscow, AST, 2001 (in Russ.).
2. Petti, V. (1993). Treatise of Taxes & Contributions. In *Antologiya ekonomicheskoi klassiki: Petti, Smit, Rikardo*. Moscow, Ekonov-Klyuch (in Russ.).
3. Kun, T. (2020). *Structure of scientific revolutions*. Moscow, Izdatel'stvo AST (in Russ.).
4. Val'tukh, K. K. (2005). Theory of cost: statistical verification, informational summarization, actual conclusions. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 9, 793–806 (in Russ.).
5. Bell, D. (2004). *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*. Moscow, Academia (in Russ.).
6. Bogdanov, A. A. (1989). *Tectology: common organizational science*. Moscow, Tsentr gumanitarnykh tekhnologii. <https://gtmarket.ru/library/basis/5909> (in Russ.).

7. Kornai, J. (1998). The System Paradigm. *William Davidson Institute Working Papers Series*, 278. William Davidson Institute at the University of Michigan.
8. Kleiner, G. B. (2008). Systemic paradigm and systemic management. *Russian Management Journal*, 6 (3), 27–50 (in Russ.).
9. Adner, R. (2017). Ecosystem as structure: An actionable construct for strategy. *Journal of Management*, 43 (1), 39–58. <https://doi.org/10.1177/0149206316678451>.
10. Tumanyan, Yu. R., Ishchenko-Padukova, O. A., Movchan, I. V. (2019). *Architectonics of the creative potential of economy: imperatives and social markers*, monograph. Rostov-on-Don, Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta (in Russ.).
11. Shiller, R. J. (2017). Narrative Economics. *American Economic Review*, 107 (4), 967–1004.
12. Inozemtsev, V. L. (2000). *Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects*, tutorial for university students. Moscow, Logos.
13. Tambovtsev, V. L. (2019). Ideas, narratives and changes in economics. *Terra Economicus*, 17 (1), 24–40.
14. Nort, D. (1997). *Institutions, institutional changes and functioning of the economy*. Moscow, Fond ekon. knigi “Nachala”.
15. Polterovich, V. M. (1998). Crisis of economic theory. *Economics of Contemporary Russia*, 1, 46–66 (in Russ.).
16. Smit, A. (1993). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. *Antologiya ekonomicheskoi klassiki: Petti, Smit, Rikardo*. Moscow, Ekonov-Klyuch (in Russ.).
17. Kostyuk, V. N. (2001). *Theory of evolution and social-economic processes*. Moscow, Editorial URS (in Russ.).
18. Nesterenko, A. V. (2001). What William Baumol did not mention: contribution of the 20th century to the philosophy of economic activity. *Voprosy ekonomiki*, 7, 4–17 (in Russ.).
19. Nureev, R. M. (1993). Prerequisites of a new economic paradigm: ontology and gnoseology. *Voprosy ekonomiki*, 4, 133–144 (in Russ.).
20. Veblen, T. (1984). *The Theory of the Leisure Class*. Moscow, Progress (in Russ.).
21. Williamson, O. (1993). Behavioral Assumptions. *THEISIS*, 1 (3), 39–49 (in Russ.).
22. Shumpeter, I. A. (2008). *Theory of economic development*. Moscow, Direktmedia Pablishin (in Russ.).
23. Nel'son, R., Uinter, S. (2000). *Evolutionary theory of economic changes*. Moscow, ZAO “Finstatinform” (in Russ.).
24. Thaler, R. H., Sunstein, C. R. (2008). *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness*. New Haven and London, Yale University Press.
25. Kaneman, D. (2016). *Thinking, Fast and Slow*. Moscow, ATS (in Russ.).
26. Kleiner, G. B. (2002). Systemic paradigm and the theory of enterprise. *Voprosy ekonomiki*, 10, 47–69 (in Russ.).
27. Kornai, Ya. (2002). Systemic paradigm. *Voprosy ekonomiki*, 4, 4–22 (in Russ.).
28. Davis, J. (2016). The group dynamics of interorganizational relationships: Collaborating with multiple partners in innovation ecosystems. *Administrative Science Quarterly*, 61 (4), 1–41. https://www.researchgate.net/publication/302483316_The_Group_Dynamics_of_Interorganizational_Relationships_Collaborating_with_Multiple_Partners_in_Innovation_Ecosystems
29. Kleiner, G. B. (2021). *Systemic economics: steps of development*, monograph. Moscow, Izdatel'skii dom “Nauchnaya biblioteka”.
30. Ermolaeva, E. P. (2001). Professional identity and marginalism: concept and reality. *Psikhologicheskii zhurnal*, 22 (4), 51–59 (in Russ.).
31. Pryazhnikova, E. Yu., Selezneva E. F. (2020). Problematic aspects of forming professional self-consciousness of a specialist during joining the profession. *International Journal of Management Theory and Practice*, 11, 206–215 (in Russ.).
32. Petrenko, T. V., Marinova, I. V. (2021). On the question of the development of institutions for forming labor potential of modern society. *Business. Education. Right*, 3 (55), 74–78 (in Russ.).
33. *Passport of the “Culture” national project*. Adopted by the Presidium of the Council under the Russian President on strategic development and national projects (protocol of December 24, 2018, No. 16). <https://новаябиблиотека.рф/assets/files/pasport-nacproekta-kultura.pdf> (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 18.11.2021

Дата принятия в печать / Accepted 15.01.2022

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики С. А. Андрюшин / Rubric editor S. A. Andryushin

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.40-50>

УДК 004.8:336.7

JEL: G1, G2, L86

И. Л. КИРИЛЮК¹

¹ Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

МОДЕЛЬНЫЕ РИСКИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Кириллук Игорь Леонидович, научный сотрудник, Институт экономики РАН

E-mail: igokir@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8935-9241>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-6301-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5931-1402, AuthorID: 39374

Аннотация

Цель: в рамках технологий *RegTech* и *SupTech* оценка трансформации модельных рисков и способов их минимизации при возрастании роли применения методов искусственного интеллекта.

Методы: системный подход к анализу качества экономических моделей. Исторический, логический, статистический методы исследования.

Результаты: рассмотрен российский и зарубежный опыт учета модельных рисков в финансовой отрасли. Изучены теоретические и практические исследования по вопросам регулирования и управления модельными рисками в деятельности организаций финансового сектора. Определено место технологий машинного обучения и искусственного интеллекта при решении современных задач в работе и регулировании работы финансовых организаций. Рассмотрены основные модельные риски, а также направления изменения их специфики в результате развития технологий искусственного интеллекта, в первую очередь машинного обучения, и увеличения возможностей хранения и передачи большого количества данных. Рассмотрены основные методы обработки данных и построения моделей а также их преимущества с точки зрения снижения модельных рисков. Определено, что уменьшение модельных рисков с использованием технологий *RegTech* и *SupTech* возможно за счет развития технологий искусственного интеллекта, что потребует в том числе проработки соответствующего правового поля.

Научная новизна: особенностью статьи является разностороннее рассмотрение проблемы модельных рисков в финансовой отрасли и влияния на них технологий искусственного интеллекта в математическом, юридическом, экономическом аспектах, описание ситуации в этой области как за рубежом, так и в России.

Практическая значимость: изложенная в статье информация может быть использована регулирующими органами и коммерческими банками в задачах, связанных с минимизацией конкретных модельных рисков в их деятельности.

© Кириллук И. Л., 2022

© Kirilyuk I. L., 2022

Ключевые слова: RegTech, SupTech, модельные риски, искусственный интеллект, машинное обучение, облачные технологии, большие данные, финансовый рынок, коммерческие банки

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-510-00009 Бел_а «Трансформация системы монетарного регулирования России и Беларуси в условиях цифровизации экономики».

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кирилук И. Л. Модельные риски в финансовой сфере в условиях использования искусственного интеллекта и машинного обучения // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 40–50. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.40-50>

The scientific article

I. L. KIRILYUK¹

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

MODEL RISKS IN THE FINANCIAL SPHERE UNDER THE CONDITIONS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND MACHINE LEARNING

Igor L. Kirilyuk, Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

E-mail: igokir@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8935-9241>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-6301-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5931-1402, AuthorID: 39374

Abstract

Objective: within the framework of RegTech and SupTech technologies, to assess the transformation of model risks and ways to minimize them under the increasing use of artificial intelligence methods.

Methods: a systematic approach to the analysis of the quality of economic models. Historical, logical, and statistical methods of research.

Results: the Russian and foreign experience of accounting for model risks in the financial industry is considered. Theoretical and practical works on the regulation and management of model risks in the activities of financial sector organizations are studied. The role of machine learning and artificial intelligence technologies in solving the modern problems in the functioning and regulation of financial organizations is determined. The key model risks are considered, as well as the directions of changing their specifics as a result of the artificial intelligence technologies development, primarily machine learning, and increasing the capabilities for storage and transmission of a large amount of data. The main methods of data processing and model construction are considered, as well as their advantages in terms of reducing model risks. It is determined that the reduction of model risks using RegTech and SupTech technologies is possible due to the development of artificial intelligence technologies, which will require, among other things, the elaboration of the appropriate legal field.

Scientific novelty: the unique feature of the article is a comprehensive consideration of the problem of model risks in the finance industry and of the impact of artificial intelligence technologies on them in mathematical, legal, economic aspects, as well as the description of the situation in this area both abroad and in Russia.

Practical significance: the information presented in the article can be used by regulatory authorities and commercial banks in the tasks related to minimizing specific model risks in their activities.

Keywords: RegTech, SupTech, Model risks, Artificial intelligence, Machine learning, Cloud technologies, Big Data, Financial market, Commercial banks

Financial Support: The work was carried out with the financial support of RFBR, grant No.20-510-00009 Bel_a “Transformation of the monetary regulation system of Russia and Belarus under the economy digitalization”.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kirilyuk, I. L. (2022). Model Risks in the Financial Sphere under the Conditions of the Use of Artificial Intelligence and Machine Learning. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 40–50 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.40-50>

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что функционирование и развитие финансового сектора экономики постепенно становятся более зависимыми от результатов математического моделирования. Если в научных кругах модели часто умозрительны, носят демонстрационный характер и цена ошибок в них невелика, то при практических применениях в финансовой отрасли к используемым математическим моделям предъявляются гораздо более жесткие требования. Там ошибки и несовершенство моделей ведут к потере больших денег. Ряд исторических фактов реализованных модельных рисков на примерах фирм *NatWest*, *LTCM* и других разобран, например, в [1]. Поэтому сейчас разработкой, верификацией и валидацией моделей в банках занимаются особые специалисты, в крупных банках – специальные подразделения. Адекватность моделей, применяемых коммерческими банками, определяет их доходы и конкурентоспособность. Для решения значительной части своих задач у банков есть возможность применять стандартные модели, но конкуренция, трансформация банков в экосистемы, их индивидуальные особенности, необходимость оперативно реагировать на изменения в экономике заставляют их создавать свои уникальные модели. При этом применяется все более совершенный и сложный математический аппарат. Многие процессы автоматизированы с помощью математического моделирования. Это делает востребованным осмысление роли модельных рисков, их трансформации в условиях повышающегося значения высоких технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта.

Учитывать модельные риски важно и для регуляторов. От моделей, применяемых центральными банками, зависит финансовая стабильность стран мира. Поэтому они повышают требования к качеству моделей, применяемых контролируемыми ими коммерческими банками. Наличие соответствующего развитого законодательства в ряде стран дополнительно стимулирует финансовые организации разрабатывать

более совершенные модели, поскольку организации могут не только терять свои деньги непосредственно в результате применения некачественных моделей, но также быть оштрафованы регулятором или потерять лицензии, если они не выполняют требования по валидации используемых моделей. Очевидно, предпочтительно, когда надзорные органы предвидят риски и предотвращают проблемы, чем когда они исправляют последствия уже возникших проблем. Центробанкам нужны разнотипные «большие данные» от подконтрольных им банков, чтобы на них обучать свои модели.

Для удобства восприятия дальнейшего изложения приведем здесь несколько определений:

SupTech (Supervisory Technology) – технологии, используемые регуляторами для повышения эффективности контроля и надзора за деятельностью участников финансового рынка ¹.

RegTech (Regulatory Technology) – технологии, используемые финансовыми организациями для повышения эффективности выполнения требований регулятора ².

Технологии искусственного интеллекта подходят для обработки больших данных, поскольку человеческих возможностей может не хватать, а вычислительные способности искусственного интеллекта больше способностей мозга человека. Искусственный интеллект – удобный способ выносить из больших данных ценную информацию, совершенствуя за счет нее прогнозные модели и уменьшая их риски. Финансовая отрасль, как и ее регулирование, порождает большие объемы данных. Сложные правила функционирования финансовой отрасли также делают искусственный интеллект более релевантным, чем использование традиционных подходов, основанных на применении жестко закодированных алгоритмов.

¹ Основные направления развития технологий *SupTech* и *RegTech* на период 2021–2023 годов. Центральный банк Российской Федерации. 2021. 37 с.

² Там же.

Целью работы является описание современного состояния проблемы модельных рисков в финансовом секторе, в его регулировании в условиях развития информационных технологий, в первую очередь технологий искусственного интеллекта, анализ способов минимизации модельных рисков, представляющих интерес для повышения устойчивости банковского сектора.

В соответствии с поставленной целью излагаемый далее материал условно разделен на четыре раздела. В первом приводится общая информация о модельных рисках, краткий обзор исследований по модельным рискам в финансовой сфере. Во втором рассматривается применение информационных технологий, технологий искусственного интеллекта в сфере технологий *SupTech* и *RegTech*. В третьем описывается проблема модельных рисков в условиях развития методов искусственного интеллекта, в первую очередь машинного обучения. В четвертом рассматриваются пути минимизации модельных рисков на основе перспективных направлений в области анализа данных. В конце статьи на основе перечисленных разделов приводятся выводы и рекомендации.

Обзор исследований по модельным рискам в финансовой сфере

Понятие модельных рисков вошло в употребление в финансовой сфере уже в прошлом веке [2]. Эта новизность рисков обусловлена тем, что расчеты по математическим моделям могут недостаточно точно отражать описываемые процессы, содержать существенные ошибки [3–4] (хотя сами модели по природе своей разрабатываются для уменьшения рисков). Эти риски обычно относят к группе операционных рисков [5], связанных с выполнением организациями своих функций.

Для уменьшения проблемы разработан ряд нормативных документов, где описаны требования к используемым финансовыми организациями математическим моделям. Впервые детальные предписания по управлению модельными рисками представил официальный документ ФРС США³ от 2011 г. Там обозначена важность обеспечения проверки без-

опасности использования моделей на всех этапах их жизненного цикла с привлечением независимых экспертов. Позже появился ряд других документов с рекомендациями и указаниями, например, в ЕС разработан документ для банков ECB TRIM⁴. Этой теме уделено внимание и в соглашениях Базельского комитета, где ключевой задачей является повышение качества управления риском в банках и определяются требования к их капиталу, обсуждается валидация финансовых моделей [6].

Управлению модельными рисками посвящены отдельные брошюры четырех крупнейших компаний, предоставляющих аудиторские и консалтинговые услуги [7–10]. Изданы книги, посвященные введению в проблематику модельных рисков в сфере финансов, в которых описывается математический аппарат, необходимый для исследования проблемы, примеры из практики [11–13], также изданы сборники статей [14–15].

В России пока нет документов по рассматриваемой проблеме с подробным уровнем детализации. Термин «модельный риск» закреплен в п. 4.2 Приложения 1 новой редакции Указания Банка России от 15.04.2015 № 3624-У. Также он используется в Положении Банка России от 8 апреля 2020 г. № 716-П⁵. Банк России ставит отдельной задачей оценку рисков для финансовой стабильности при использовании цифровых технологий на финансовом рынке⁶. Также под эгидой Комитета по стандартам Базель II и управлению рисками при Ассоциации российских банков разработан документ [16], где детально расписаны особенности валидации моделей. Представляет интерес подготовка и публикация подобных русскоязычных документов, посвященных Базелю III.

Релевантных российских книг и статей в русскоязычных журналах с использованием термина «модельные риски» очень мало, есть, например,

⁴ Guide for the targeted review of internal models (TRIM). European Central Bank. 2017. 155 p.

⁵ Положение Банка России от 08.04.2020 № 716-П «О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе» // Вестник Банка России. № 51 (2187). 2 июля 2020. С. 13–62.

⁶ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов. Проект для общественного обсуждения от 23.07.2021. Центральный банк Российской Федерации. Москва. 2021. 88 с.

³ Office of the Comptroller of the Currency. Supervisory guidance on model risk management. SR Letter 11–7. Attachment. April 2011. 21 p.

посвященная им статья [4]; теме математических моделей, связанных с Базелем II, посвящена книга [17]. Возможно, это связано с небольшой популярностью словосочетания «модельные риски». Близкими по смыслу темами являются валидация моделей, оценка качества, адекватности, ошибки моделей. Есть удобные для первоначального ознакомления с темой главы, посвященные модельному риску, в отдельных книгах по риск-менеджменту, например, в переводной книге [1] и в книге российских авторов [18].

В недавно вышедшей статье [19] охарактеризовано правовое регулирование модельного риска в Белоруссии, которое там менее проработано, чем в России.

Тема модельных рисков становится предметом обсуждения на крупных мероприятиях. Она была в центре внимания участников круглого стола «Валидация риск-моделей: процессы и лучшие практики российских банков», организованного в ноябре 2018 г. учебным центром Группы «Интерфакс» совместно с проектом *RU Data* и с *PRMIA Russia*. В программе *XVII Russia Risk Conference 2021* – крупнейшей ежегодной конференции для риск-менеджеров – в перечне заявленных тем фигурируют коррекция моделей кредитного риска и трансформация банковских процессов на основе технологий искусственного интеллекта. Гильдией инвестиционных и финансовых аналитиков и риск-менеджеров (ГИФА) и НП «Русское общество управления рисками» разработан профессиональный стандарт «Специалист по управлению финансовыми рисками». В опубликованной в открытых источниках его версии 2.8 от 07.05.2016 среди перечня направлений указана трудовая функция «Специалист по управлению интегрированными рисками – Агрегированный и модельный риски», для которой перечислен детальный список необходимых знаний.

Искусственный интеллект и машинное обучение в регуляторной и надзорной практике

Понятия искусственного интеллекта и машинного обучения приобрели популярность существенно раньше, чем стала актуальной тема модельных рисков, а также надзорные и регуляторные технологии. Однако благодаря увеличению вычислительных мощностей и развитию методов, таких как глубокое обучение, практическая роль технологий искусственного интеллекта значительно возросла в течение 2010-х гг.

Поэтому продолжает увеличиваться и их влияние на специфику модельных рисков.

Машинное обучение – особо популярное направление в искусственном интеллекте. В отличие от методов искусственного интеллекта, использующих логику и дедукцию, связанных с концепцией экспертных систем, оно больше соотносится с математической статистикой, значит, в этом подходе выше роль случайности. Понятие машинного обучения введено А. Самуэлем в 1950-х гг. В рамках этого подхода задачи решаются не напрямую, а при помощи предшествующего обучения системы посредством решения некоторого количества сходных задач. Понятие машинного обучения не имеет четких границ, поскольку даже в классических численных методах задаются начальные или граничные условия, связывающие теорию с эмпирическими данными. Но типичные методы машинного обучения используют данные гораздо интенсивнее, чем классические численные методы. В рамках этого подхода набор данных, в которых нужно выявить закономерности, делят на обучающую и контрольную выборки. Происходит разметка данных, на которых обучается модель, чтобы затем находить свойства, аналогичные свойствам обучающих данных на новых выборках. Роль автоматического обучения в процессе развития численных методов возрастает. Алгоритмы не просто производят вычисления на основе заданной теории, а могут непрерывно обучаться уже в процессе использования на вновь поступающих данных. Дальнейшим этапом можно назвать развитие технологий *AutoML*, автоматизированного машинного обучения, где роль человека еще меньше.

Технологии машинного обучения применимы как к обработке чисел, так и к обработке текстовых документов, вытесняя частично человека и из этой области. Автоматическая обработка текстов полезна при мониторинге СМИ, данных социальных сетей, юридических документов и др.

В рамках регуляторных и надзорных технологий решается ряд практических задач, где востребованы методы искусственного интеллекта [20]. *Regtech* применяется для идентификации клиентов, для управления рисками, для стресс-тестирования⁷, для

⁷ Prudential regulatory authority (UK). Model risk management principles for stress testing. Supervisory statement SS3/18. April 2018. 9 p.

планирования капитала и т. д. *Suptech* используется, например, для упрощения взаимодействия регулятора с финансовыми организациями, для проверки их стабильности, для выявления мошенничества, для противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (ПОД/ФТ/ФРОМУ) [21].

Ключевую роль в деятельности банков играют рейтинговые модели оценки достаточности капитала, с помощью которых организации или физические лица ранжируются по величине рисков для них негативных событий, таких как дефолты. Этим моделям уделяется особое внимание в нормативных документах.

Ранее тема применения искусственного интеллекта в финансовой отрасли обсуждалась в статье автора [22].

Модельные риски, искусственный интеллект и машинное обучение

Выделяют ряд причин, которые могут быть связаны с модельными рисками, например:

- Модель исходно некорректно описывает эмпирические данные. Например, в нее не включены какие-то важные переменные или, наоборот, случайно включены лишние; неправильно выбраны функциональные зависимости, статистические распределения и т. д.

- Модель, хорошо применимая для одних данных, применяют для других данных, для описания которых она менее корректна (например, модель хорошо описывает финансовую систему США, но плохо – российскую реальность). Важно иметь репрезентативную обучающую выборку, вносить данные без ошибок, правильно проводить разметку данных для обучения модели.

- Внешние изменения в моделируемой предметной области изменяют свойства данных и ухудшают свойство модели описывать новые данные.

Более детально классификация причин модельных рисков приведена, например, в [18].

Для разных типов моделей причины и особенности рисков могут существенно различаться, далее рассмотрим трансформацию рисков с развитием технологий искусственного интеллекта.

Модельные риски зависят от доступа к информации, к большим данным (*big data*). Например, для

обучения нейросетей требуются большие наборы данных. Это дает преимущество тем, у кого этого доступа больше, например, центральным банкам над коммерческими, банкам стран с большой численностью населения над банками стран, где населения мало, старым крупным банкам над новыми, что ставит различные экономические системы в неравные условия. Как правило, большие данные хранятся в облаках, а не на персональных компьютерах пользователей и могут быть доступны сторонним организациям через открытые *API*. Это делает их хранение более надежным, позволяет осуществлять доступ к ним из разных мест, но вызывает дополнительные риски несанкционированного доступа к данным, потери контроля над данными. Также большие данные очевидно труднее резервировать, что затрудняет их использование, например, в рамках технологий блокчейн.

Способность обучаться на данных позволяет моделям автоматически и более оперативно адаптироваться к различным изменениям, происходящим в описываемых ими финансово-экономических системах. Однако то, что роль человека при этом уменьшается и что в машинном обучении ошибки менее контролируемы, ставит новые проблемы. Предполагается, что технологиями *AutoML* могут пользоваться люди, лишь слабо владеющие специфическими знаниями и навыками в программировании и в методах обработки данных. Очевидно, это является причиной дополнительных рисков.

Ошибки в алгоритмах машинного обучения могут оказаться менее привычны, чем типичные ошибки человека [23]. Уже не столь очевидно, кто отвечает (в том числе юридически) за ошибки, допущенные такими программами. Ошибки, имеющие отношение к данным, к самой модели, к ее использованию экспертами, непросто различить между собой.

Одним из наиболее известных направлений в рамках технологий машинного обучения являются искусственные нейросети. Они имеют преимущества перед традиционными алгоритмами, когда нет возможности с достаточной точностью аналитически описать закономерности, что характерно для такой сложной системы, как общество, в ситуациях, когда данные зашумлены и изменчивы. При этом даже для эксперта не является очевидным, каким образом в процессе обработки данных нейросетями получают правильные результаты. И неочевидно, при каких условиях можно

получить неправильные результаты. Более того, результаты могут оказаться неправильными случайно в силу статистического характера моделей.

Одной из проблем в моделях машинного обучения является переобучение. Оно накладывает ограничения на целесообразность усложнения модели свыше определенного уровня. То есть до конкретного уровня сложности (определяемой, например, числом используемых переменных) модель выполняет работу на закономерностях, но слишком сложная модель в условиях ограниченных данных обучается на шуме, в результате чего ее способность к прогнозированию снижается по сравнению с упрощенным оптимальным вариантом.

Особые проблемы создают статистические распределения данных с «тяжелыми хвостами». В отличие от нормальных распределений в них нельзя пренебречь рисками крупных негативных событий. Путаница таких распределений с нормальными уже приводила к реализации модельных рисков. Процессы с такими распределениями часто встречаются в финансовой отрасли и могут приводить к неожиданным эффектам [24]. Тяжелые хвосты нельзя путать с выбросами, если данные, отклоняющиеся от типичных, являются не артефактом, а свойством исследуемого процесса, их нельзя исключать при расчетах. Для достаточно точного определения численных характеристик таких распределений требуется существенно больший объем выборок, чем для аналогичных расчетов с использованием нормальных распределений.

Также нужно учитывать, что, поскольку, например, нейросети требуют больших объемов данных для обучения, алгоритм адаптируется к изменениям в них не сразу и является частично обусловленным устаревшими данными.

Банки с меньшим числом клиентов и с короткой историей существования могут иметь недостаточно накопленных собственных данных для обучения своих моделей, а при работе с чужими данными, даже если таковые доступны, могут остаться неучтенными различия в индивидуальных особенностях банков.

Также проблемой является «предвзятость искусственного интеллекта», когда он, обучившись на человеческом поведении, проявляет «поведение», которое по результатам может быть определено как расизм, сексизм и т. п., в частности, значительно чаще отказывает в обслуживании (например, в выдаче банком кредита)

клиентам определенной расы или определенного пола. При использовании моделей важно соблюдать баланс между личной выгодой их хозяев и интересами общества в целом, учитывать этические аспекты, понятные для людей, но не всегда заложенные в алгоритмах.

Минимизация модельных рисков при использовании искусственного интеллекта и машинного обучения

Как видно из истории, кризисные явления, связанные с тем, что существовавшие на какой-то момент времени теории и математические модели экономики не предугадывали какие-либо проблемы, стимулировали развитие качественно новых моделей. Так, кейнсианство возникло по итогам Великой депрессии, мировой кризис 2008 г. показал слабые места моделей того времени, например, моделей *DSGE* и простимулировал несколько нововведений в экономико-математическом моделировании.

Развитие математических и статистических методов обнаруживало недостатки старых моделей и тем самым позволяло снизить модельные риски. Например, развитие математических методов нелинейной динамики, синергетики позволило корректнее работать с нелинейными процессами, теория коинтеграции изменила подход к моделированию экономических систем с нестационарными временными рядами, появление непараметрических методов Монте-Карло, таких как бутстрапы, перестановочные тесты и другие, позволило корректнее описывать системы, в том числе с малыми выборками данных, где распределения величин отличны от нормального и временные ряды нестационарны [25].

Перечисленные нововведения хороши тем, что они в основном наглядно интерпретируемы. Использование нейросетей, даже если оно улучшает способность к прогнозированию, этой особенностью лишено. Ведутся исследования интерпретируемых, объяснимых методов машинного обучения (таких как деревья решений), методов типа *shap*, позволяющего выявить значение каждого признака в прогнозе, делаются попытки увеличить понимание внутренних механизмов работы нейросетей. Нейросети популярны, но не являются панацеей, с помощью которой можно решить любые задачи лучше, чем другими методами.

Точность расчетов алгоритмом машинного обучения сложнее оценить, чем для программы, где

алгоритм фиксирован. Возникает вопрос, когда можно считать, что модель качественно, адекватно описывает данные, для анализа которых она предназначена [26]. Важнейшим свойством финансовых моделей является их способность давать прогнозы, но это не единственный фактор, поскольку модели имеют разную теоретическую обоснованность, разную сложность, позволяют разную скорость вычислений, могут с разной точностью рассчитывать разные показатели в разных диапазонах данных, иметь различную чувствительность к ошибкам в данных, к выбросам, к несбалансированности выборок, с разной точностью прогнозировать различные эффекты и т. п.

Для таких важных финансовых моделей, как рейтинговые, различают прогнозную (калибровка) и дискриминационную способности.

Для оценки дискриминационной способности, определяющей, насколько способность модели относить объекты к заданным классам лучше случайного угадывания, используются коэффициент Джини, критерий Колмогорова – Смирнова и др.

Для оценки калибровки, определяющей способность предсказать в целом уровень некоторого исследуемого эффекта (например, вероятность дефолта) используются биномиальный тест, тест хи-квадрат и т. д.

Модель может быть хорошо откалибрована, но плохо разделять конкретные объекты и, наоборот, хорошо их различать, но слабо давать общие прогнозы для их совокупности.

Стабильность модели, определяемая репрезентативностью данных, использованных при разработке и валидации модели, соответствием их свойств свойствам актуальных данных измеряется *population stability index (PSI)*.

Отсутствие дисбалансов, т. е. избыточной концентрации объектов в каких-либо интервалах рейтинговой шкалы, определяется индексом Херфиндаля.

О критериях адекватности моделей можно подробнее прочесть, например, в [27, 16].

В рамках машинного обучения ошибки моделей раскладываются на три компоненты: смещение (*bias*), разброс (*variance*), неконтролируемая ошибка (*irreducible error*) [28]. Большое смещение имеют, как правило, недообученные модели, большой разброс – переобученные, и приходится искать компромиссный оптимум.

Для минимизации модельных рисков можно использовать, например, такие методы, как:

- бенчмаркинг – сопоставление модели с лучшими моделями других организаций;

- стресс-тестирование, когда функционирование модели проверяется на устойчивость при редких, но вероятных шоках;

- бэкестинг [29], при проведении которого модель тестируется на исторических данных;

- кроссвалидация (синоним – «скользящий контроль»), когда модель обучается на одних данных, а проверяется на других;

- MPP-подход [30], в рамках которого создается вспомогательная модель, которая следит за качеством работы основной модели, обучаясь на ее ошибках.

В сфере финансовой экономики по-прежнему развиваются как методы машинного обучения, так и более традиционные методы, такие как использование теоретически обоснованных *DSGE*-моделей, эконометрические методы. Произойдет ли в ближайшие годы вытеснение каким-либо классом моделей остальных, покажет время. Очевидной тенденцией является развитие комбинирования различных подходов, т. е., возможно, четко различимые классы моделей будут вытесняться гибридными моделями.

В машинном обучении используется метод ансамблирования, когда некоторое число разных моделей комбинируется для создания единой оптимальной модели. Известными разновидностями получающихся ансамблей являются стекинг, бэггинг, бустинг [31].

Совершенствование математического аппарата и его применения может быть простимулировано увеличением потребности в нем в обществе. Для этого, например, проводятся конкурсы моделей, которые позволяют выявить модели с наименьшим риском. Известные соревнования по исследованию данных и машинному обучению – *Kaggle Competitions*.

Важно также учитывать мнения экспертов в тех нестандартных, например в кризисных, ситуациях, для которых пока не разработаны стандартные методы решения проблем.

Выводы

Исследования модельных рисков непосредственно связаны с развитием технологий *RegTech* и *SupTech*, в основе которых находятся современные финансовые и информационные технологии.

Для уменьшения модельных рисков необходимо развивать технологии *RegTech* и *SupTech* на основе технологий искусственного интеллекта, обработки больших данных, облачных технологий (стараясь при этом минимизировать возможности появления связанных с ними новых рисков).

Важно доводить в России законодательную базу в области модельных рисков и рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта, до уровня передовых стран и до более высокого уровня.

Важно изучать разные аспекты адекватности моделей, продвигать правильное использование критериев адекватности.

Надо учитывать, что может иметь место как переоценка, так и недооценка роли искусственного интеллекта по сравнению с ролью человека. Ошибки и ри-

ски человека и искусственного интеллекта разные, что позволяет считать, что они могут компенсировать друг друга (но есть риск, что в каких-то случаях могут и усиливать друг друга).

Для уменьшения модельных рисков, связанных с искусственным интеллектом, важно уделять внимание его прозрачности и непредвзятости, проводя научные исследования в этом направлении и по их результатам внося изменения в соответствующее законодательство.

Востребованность специалистов по модельным рискам в современной России весьма высока при дефиците материалов по теме учебного характера, учитывающих российскую специфику.

Также следует помнить, что экономика – та область, где есть возможность совершенствовать не только модели, но и сами моделируемые процессы.

Список литературы

1. Основы риск-менеджмента / Р. М. Марк, Д. Галэй, М. Круи. Москва: Юрайт, 2015. 390 с.
2. Derman E. Model risk quantitative strategies research notes (April ed.). New York: Goldman Sachs & Co. 1996. 14 p.
3. Model risk of risk models / J. Danielsson, K. R. James, M. Valenzuela, I. Zer // Journal of financial stability. 23. 2016. Pp. 79–91.
4. Тимошенко Ф. С. Контролирование модельного риска: лучшие практики финансового моделирования в процессе бюджетирования // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. № 1. С. 37–42.
5. Бедредин Р. Т. Управление операционными рисками банка. 1-е изд. Москва: Onebook.ru. 2014. 161 с.
6. Basel committee on banking supervision. International convergence of capital measurement and capital standards. A revised framework comprehensive version. June 2006. 347 p.
7. The Deloitte center for regulatory strategy. Model risk management. Building supervisory confidence. 2018. 24 p.
8. Model risk management of AI and machine learning systems / M. Dodgson, F. Ciais, K. D. Georgiev. PwC, 2020. 28 p.
9. Supervisory expectations and sound model risk management practices for artificial intelligence and machine learning / G. Agarwala, A. Latorre, S. Raffel et al. EY, 2020. 20 p.
10. Ni A. Model risk management. A sound practice for meeting current challenges. KPMG. 2016. 9 p.
11. Morini. M. Understanding and Managing Model Risk: A Practical Guide for Quants, Traders and Validators. Wiley. 2011. 448 p.
12. Tunaru R. Model risk in financial markets: from financial engineering to risk management. World Scientific. 2015. 383 p.
13. Meyer Ch., Quell P. Risk Model Validation. Risk Books. 3rd edition. 2020.
14. Christodoulakis G., Satchell S. The Analytics of Risk Model Validation. Academic Press. 2007. 216 p.
15. Sheule H., Rösch D. Model Risk: Identification, Measurement and Management. Risk Books. 2010. 500 p.
16. Валидация / В. Битюцкий, О. Патратий, В. Перевицкая и др. Москва: Комитет по стандартам Базель II и управлению рисками, 2013.
17. Анализ математических моделей Базель II / Ф. Т. Алескерев, И. К. Андриевская, Г. И. Пеникас, В. М. Солодков. 2-е изд., испр. Москва: ФИЗМАТЛИТ, 2013. 296 с.
18. Энциклопедия финансового риск-менеджмента / под ред. А. А. Лобанова, А. В. Чугунова. Москва: Альпина Паблишер, 2003. 785 с.
19. Нестеренок Г. Управление модельным риском // Банкаўскі веснік: інфармацыйна-аналітычны і навучна-практычны журнал Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь. 2021. № 4 (693). С. 31–38.
20. Big data and machine learning in central banking / S. Doerr, L. Gambacorta, J. M. Serena // BIS Working Papers. March 2021. № 930. Bank for International Settlements. 26 p.

21. Выявление финансирования терроризма и отмывания доходов с помощью интеллектуального анализа данных / А. Г. Гасанова, А. Н. Медведев, Е. И. Комоцкий // XII Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.: сборник докладов. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2018. Ч. 1. С. 154–166.
22. Кирилюк И. Л. Методы интеллектуального анализа данных и регулирование цифровой трансформации финансового сектора в России и в мире // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 152–165.
23. Горбань А. Н. Ошибки интеллекта, основанного на данных // Сборник статей по материалам Международной конференции «Интеллектуальные системы в науке и технике» и Шестой всероссийской научно-практической конференции «Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века» (г. Пермь, 12–18 октября 2020 г.). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 654 с.
24. Талей Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд., доп. Москва: Азбука-Аттикус. 2012. 680 с.
25. Кирилюк И. Л., Сенько О. В. Выбор моделей оптимальной сложности методами Монте-Карло (на примере моделей производственных функций регионов Российской Федерации) // Информатика и ее применения. 2020. Т. 14, Вып. 2. С. 111–118.
26. Лапач С. Н., Радченко С. Г. Основные проблемы построения регрессионных моделей // Математичні машини і системи. 2012. № 4. С. 125–133.
27. Bag D. Model validation under Basel II // CRO. Finsight-Media. 2010. Pp. 10–15.
28. Reconciling modern machine-learning practice and the classical bias–variance trade-off / M. Belkin, D. Hsu, S. Ma, S. Mandal // Proc. Natl. Acad. Sci. 2019. № 32 (116). Pp. 15849–15854.
29. Дедова М. С. Сравнение методов бутстрапа временных рядов для целей бэкестирования моделей оценки банковских рисков // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 1. С. 84–109.
30. MPP-challenge: моделирование прогноза качества модели / С. Афанасьев, Д. Котерева, К. Стародуб // Сборник профессиональных материалов для 9-й межотраслевой конференции Scoring Day. 2021, весна. С. 10–21.
31. Замятин А. В. Интеллектуальный анализ данных: учеб. пособие. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2020. 211 с.

References

1. Mark, R., Galai, D., Crouhy, M. (2015). *Bases of risk management*. Moscow, Yurajt (in Russ.).
2. Derman, E. (1996). *Model risk quantitative strategies research notes* (April ed.). New York, Goldman Sachs & Co.
3. Danielsson, J., James, K. R., Valenzuela, M., Zer, I. (2016). Model risk of risk models, *Journal of Financial Stability*, 23, 79–91.
4. Timoshenko, Ph. S. (2016). Controlling model risk: best practices in financial modeling in budgeting process, *Gosudarstvennyy audit. Pravo. Ekonomika*, 1, 37–42 (in Russ.).
5. Bedredinov, R. T. (2014). *Bank operational risk management* (1 ed.). Moscow, Onebook.ru (in Russ.).
6. Basel committee on banking supervision. (June 2006). *International convergence of capital measurement and capital standards. A revised framework comprehensive version*.
7. The Deloitte center for regulatory strategy. (2018). *Model risk management. Building supervisory confidence*.
8. Dodgson, M., Ciaia, F., Georgiev, K. D. (2020). *Model risk management of AI and machine learning systems*. PwC.
9. Agarwala, G., Latorre, A., Raffel, S., Mehta, R., Zhao, J., Nurullayev, A., Clark, B., Tang, R. (2020). *Supervisory expectations and sound model risk management practices for artificial intelligence and machine learning*. EY.
10. Ni, A. (2016). *Model risk management. A sound practice for meeting current challenges*, KPMG.
11. Morini, M. (2011). *Understanding and Managing Model Risk: A Practical Guide for Quants, Traders and Validators*. Wiley.
12. Tunaru, R. (2015). *Model risk in financial markets: from financial engineering to risk management*. World Scientific.
13. Meyer, Ch., Quell, P. (2020). *Risk Model Validation* (3rd ed.).
14. Christodoulakis, G., Satchell, S. (2007). *The Analytics of Risk Model Validation*. Academic Press.
15. Sheule, H., Rösch, D. (2010). *Model Risk: Identification, Measurement and Management*. Risk Books.
16. Bityuckij, V., Patrati, O., Perevickaya, V., Pisarenko, V., Chernyshev, O. (2013). *Validation*. Moscow, Komitet po standartam Basel II i upravleniyu riskami (in Russ.).
17. Aleskerov, F. T., Andrievskaya, I. K., Penikas, G. I., Solodkov, V. M. (2013). *Analysis of mathematical models Bazel II* (2nd ed.). Moscow, FIZMATLIT (in Russ.).
18. Lobanov, A. A., Chugunov, A. V. (eds.) (2003). *Encyclopedia of financial risk management*. Moscow, Alpina Publisher (in Russ.).
19. Nesterenok, G. (2021). Managing the model risk, *Bankauski vesnik: informacionno-analiticheskij i nauchno-prakticheskij zhurnal Nacional'nogo banka Respubliki Belarus*, 4 (693), 31–38 (in Russ.).

20. Doerr, S., Gambacorta, L., Serena, J. M. (2021, March). Big data and machine learning in central banking, *BIS Working Papers*, 930. Bank for International Settlements.
21. Gasanova, A. G., Medvedev, A. N., Komockij, E. (2018). Revealing terrorism and money laundering funding with intellectual data analysis, *XII International conference "Russian regions in the focus of changes"*. Yekaterinburg, 16–18 November 2017: collection of works (pp. 154–166). Ekaterinburg, Izdatel'stvo UMC UPI, 2018, Ch. 1. (in Russ.).
22. Kirilyuk, I. L. (2020). Methods of intellectual data analysis and regulation of the digital transformation of the financial sector in Russia and the world, *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 4, 152–165 (in Russ.).
23. Gorban, A. N. (2020). Errors of a data-based intellect. In *Collection of works of the International conference "Intellectual systems in science and technology" and the 6th All-Russia scientific-practical conference "Artificial intelligence in solving the topical social and economic problems of the 21st century" (Perm, 12–18 October 2020)*. Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, Perm.
24. Taleb, N. N. (2012). *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable* (2d ed.). Moscow, Azbuka-Attikus (in Russ.).
25. Kirilyuk, I. L., Senko, O. V. (2020). Choosing the optimally complex models by Monte-Carlo methods (by the example of the production functions models of the Russian regions), *Informatika i ee primeneniya*, 14 (2), 111–118 (in Russ.).
26. Lapach, S. N., Radchenko, S. G. (2012). Main problems of constructing regression models, *Matematichni mashini i sistemi*, 4, 125–133 (in Russ.).
27. Bag, D. Model validation under Basel II. (2010). *CRO. Finsight-Media* (pp. 10–15).
28. Belkin, M., Hsu, D., Ma, S., Mandal, S. (2019). Reconciling modern machine-learning practice and the classical bias-variance trade-off, *Proc. Natl. Acad. Sci.* 32 (116), 15849–15854.
29. Dedova, M. (2018). A comparison of time-series bootstrap methods in terms of backtesting risk measurement models of banks, *The HSE Economic Journal*, 22 (1), 84–109 (in Russ.).
30. Afanas'ev, S., Kotereva, D., Starodub, K. (2021). MPP-challenge: modeling the model quality prognosis. In *Collection of professional works of the 9th intersectoral conference Scoring Day* (pp. 10–21) (in Russ.).
31. Zamyatin, A. V. (2020). *Intellectual data analysis*, tutorial. Tomsk: Izdatel'skij dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 15.12.2021

Дата принятия в печать / Accepted 10.02.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.51-78>

УДК 336.711:336.74:004

JEL: E42, E52, E58, G21, L86

Д. А. КОЧЕРГИН¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО ЮАНЯ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Кочергин Дмитрий Анатольевич, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: d.kochergin@spbu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7046-1967>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/N-4230-2013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1084-1507, AuthorID: 250810

Аннотация

Цель: определение сущностных основ цифровых валют центральных банков и на основе изучения опыта внедрения цифрового юаня в Китае обоснование направлений совершенствования концепции внедрения цифрового рубля в России и целесообразности выпуска цифровой валюты в Беларуси.

Методы: в статье использованы эмпирический, логический, сравнительный и статистический методы системного подхода, позволяющие определить направления совершенствования концепции развития цифровой валюты центральных банков.

Результаты: определены ключевые характеристики цифровых валют центральных банков, выявлены особенности моделей систем цифровых валют для розничных платежей; исследованы основные характеристики дизайна цифрового юаня, особенности организации его эмиссионно-расчетной системы; рассмотрены основные элементы концепции цифрового рубля Банка России, устройства его эмиссионно-расчетной системы и цифровой платформы; исследован вопрос о целесообразности внедрения цифрового белорусского рубля в Республике Беларусь. Мы предлагаем разработать дополнительные механизмы защиты целостности и конфиденциальности платежной информации, хранимой в реестре Банка России на платформе цифрового рубля, а также дифференцировать инструментарий цифровых кошельков и установить лимиты на отдельные платежные операции с цифровым рублем.

Научная новизна: в исследовании раскрыты особенности модели двухуровневой системы цифровых валют центральных банков для розничных платежей в Китае и России; определены направления совершенствования концепции внедрения цифрового рубля и обоснована целесообразность выпуска цифровой валюты в Республике Беларусь.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы экономистами, центральными банками и кредитными учреждениями при разработке и совершенствовании дизайна национальной цифровой валюты, ее эмиссионно-расчетной модели и развития концепции ее внедрения с учетом мирового опыта.

Ключевые слова: новые формы денег, денежно-кредитная система, платежная система, центральный банк, цифровая валюта центрального банка, модель системы цифровой валюты центрального банка для розничных платежей, цифровой юань, система цифрового юаня, цифровой рубль, платформа цифрового рубля

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-510-00009 Бел_а.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Кочергин Д. А., 2022

© Kochergin D. A., 2022

Как цитировать статью: Кочергин Д. А. Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 51–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.51-78>

The scientific article

D. A. KOCHERGIN¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCIES: EXPERIENCE OF INTRODUCING A DIGITAL YUAN AND DEVELOPMENT OF A DIGITAL RUBLE CONCEPTION

Dmitriy A. Kochergin, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Credit Theory and Financial Management, Saint Petersburg State University
E-mail: d.kochergin@spbu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7046-1967>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/N-4230-2013>
eLIBRARY ID: SPIN-code: 1084-1507, AuthorID: 250810

Abstract

Objective: to determine the essential foundations of digital currencies of central banks and, based on the experience of the digital Yuan introduction in China, to substantiate the directions for improving the concept of the digital ruble introduction in Russia and the feasibility of issuing a digital currency in Belarus.

Methods: the article uses empirical, logical, comparative and statistical methods within a systematic approach to determine the areas for improving the concept of development of a central banks digital currency.

Results: the key characteristics of central banks digital currencies are determined; the features of models of retail digital currency systems are revealed; the main characteristics of the digital Yuan design and the features of its emission-settlement system organization are investigated; the main elements of the digital ruble concept of the Bank of Russia, the structure of its emission-settlement system and digital platform are examined; the issue of the feasibility of introducing the digital Belarusian ruble in the Republic of Belarus is investigated. We propose to develop additional mechanisms to protect the integrity and confidentiality of the payment information stored in the register of the Bank of Russia on the digital ruble platform, to differentiate the tools of digital wallets, and to set limits on individual payment transactions with the digital ruble.

Scientific novelty: the study reveals the features of the model of a two-level system of retail digital currencies of central banks in China and Russia; the directions of improving the concept of the digital ruble introduction are determined and the expediency of issuing digital currency in the Republic of Belarus is justified.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used by economists, central banks and credit institutions in the development and improvement of the national digital currency design, its emission and settlement model and the development of the concept of its implementation, taking the world experience into account.

Keywords: New forms of money, Monetary system, Payment system, Central bank, Central bank digital currency, Model of system of retail central bank digital currency, Digital yuan, System of a digital yuan, Digital ruble, Digital ruble platform

Financial Support: The article is prepared with the financial support of RFBR within a research project No. 20-510-00009 Bel_a.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kochergin, D. A. (2022). Central Bank Digital Currencies: Experience of Introducing a Digital Yuan and Development of a Digital Ruble Conception. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 51–78 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.51-78>

Введение

Развитие цифровой экономики требует создания новых инфраструктур розничных платежей, которые являются безопасными, инклюзивными и эффективными в условиях новой информационной эпохи. В последние годы многие центральные банки (далее – ЦБ) и другие финансовые регуляторы пристально следили за развитием финансовых технологий и стремились адаптировать их для нужд национального денежного обращения. Так появилась концепция цифровых валют центральных банков (*central bank digital currency, CBDC*).

В настоящее время вопросы внедрения центробанковских цифровых валют являются одними из наиболее обсуждаемых среди экономистов и регуляторов во всем мире. Ведущие международные финансовые учреждения, такие как МВФ [1–4], БМР [5–7], Совет по финансовой стабильности G20 [8], опубликовали исследования, посвященные перспективам внедрения цифровых валют в качестве новой формы центробанковских денег. Исследование, проведенное Банком международных расчетов в середине 2021 г., показало, что 86 % центральных банков, представляющих страны с 72 % мирового населения и 91 % мирового ВВП, изучали вопросы выпуска национальной цифровой валюты [9]. Около 20 стран уже приступили к реализации или успешно реализовали пилотные проекты по выпуску *CBDC*. О своем намерении выпустить цифровую валюту уже заявили ведущие мировые центральные банки, такие как ЕЦБ [10, 11], ФРС США [12], ЦБ Японии [13], Банк Англии [14] и др. Отдельные центральные банки, к числу которых относятся ЦБ Багамских островов, Восточно-Карибский ЦБ и Народный банк Китая, уже начали выпуск национальной цифровой валюты.

Научный интерес к изучению вопросов выпуска центробанковских цифровых валют продиктован возможностями, которые открывают новые информационные технологии для создания новых денежных форм и повышения эффективности функционирования денежно-кредитной и платежной систем. Основными мотивами для выпуска центробанковских цифровых валют в настоящее время являются: поддержка денежного суверенитета и финансовой стабильности в условиях активного использования денег частных эмитентов, криптовалют и стейблкоинов; оптимизация денежного обращения и поддержание спроса

на центробанковские деньги; повышение эффективности и безопасности платежей на национальном и международном уровнях; финансовая инклюзия; расширение инструментария денежно-кредитной политики; дедолларизация денежного обращения; геополитические мотивы; последствия COVID-19 и др. [15, 16].

К числу наиболее актуальных вопросов, исследуемых в настоящее время, относятся: модели эмиссии и функциональные особенности центробанковских цифровых валют, дизайн цифровой валюты и кошельков, выгоды и риски имплементации центробанковских цифровых валют для национальных денежных и финансовых систем, а также потенциал их международного использования в трансграничных платежах (*multi-CBDC arrangements*). При этом большинство вопросов, связанных с внедрением центробанковских цифровых валют, по-прежнему остаются дискуссионными, так как цифровые валюты являются абсолютно новым объектом экономического исследования, внедрение которых может существенным образом повлиять на денежные и финансовые системы отдельных стран и мировую финансовую систему.

В апреле 2021 г. Банк России выпустил Концепцию цифрового рубля [17], в которой отражены основные элементы дизайна национальной цифровой валюты, выбрана модель выпуска и обращения цифрового рубля, а также обозначены временные этапы стратегии его внедрения. В то же время многие вопросы, обозначенные в Концепции, которые связаны с функциональными характеристиками цифрового рубля, платежным инструментарием, ролью кредитных и финансовых учреждений в эмиссионно-расчетной системе и другими атрибутами, требуют дальнейших научных исследований.

В этой связи особую важность представляет изучение опыта тех стран, которые продвинулись значительно дальше в вопросах внедрения цифровой валюты, чем Россия. Среди таких стран особое место занимает Китай, который, с одной стороны, достиг больших успехов в развитии проекта по выпуску национальной цифровой валюты, с другой – столкнулся с определенными сложностями, обусловленными масштабом требующихся изменений, необходимостью в имплементации большого числа финансовых инноваций в условиях различного уровня экономического развития провинций страны.

Цель работы состоит в определении сущностных основ цифровых валют центральных банков и на основе изучения опыта внедрения цифрового юаня в Китае обосновании направлений совершенствования концепции внедрения цифрового рубля в России и целесообразности выпуска цифровой валюты в Беларуси.

Интерпретация и основные характеристики цифровых валют

Существует множество подходов к определению цифровых валют центральных банков. Некоторые экономисты определяют центробанковские цифровые валюты как «цифровой актив, выпускаемый Центральным банком с целью осуществления платежей и расчетов в розничных или оптовых транзакциях» [18. Р. 2]. Другие исследователи интерпретируют цифровую валюту Центрального банка как «одну из форм денег Центрального банка, обрабатываемую с помощью электронных устройств, которая широко доступна для использования» [19. Р. 4]. Экономисты Банка международных расчетов в одних исследованиях определяют цифровую валюту как «цифровой платежный инструмент, номинированный в национальной расчетной единице, являющийся прямым обязательством центрального банка» [15. Р. 3], в других публикациях – как «выпущенные центральным банком цифровые деньги, деноминированные в национальной счетной единице, в форме обязательства центрального банка» [9. Р. 4].

В целом современные интерпретации цифровой валюты призваны подчеркнуть ее статус и обозначить ее функциональные особенности в качестве денежной формы. По нашему мнению, *цифровую валюту центральных банков можно определить как новую форму фиатных денег, представленную электронным обязательством ЦБ, номинированную в национальной счетной единице и выступающую как средство платежа и сбережения.*

В табл. 1 представлены сравнительные характеристики современных форм денег.

Как видно из табл. 1, цифровые валюты центральных банков воплощают прямое денежное требование к центральному банку. В то же время они не являются однородными как с точки зрения их технической реализации, так и целевого использования. Как показало ранее проведенное исследование:

«...технологически выпуск цифровой валюты может быть осуществлен либо на основе цифровых токенов, либо на основе счетов (посредством записей об объемах эмиссии, отражаемых на расчетных счетах). Ключевое различие между цифровыми валютами на основе токенов и счетов заключается в форме проверки их подлинности (валидации), необходимой при осуществлении платежной операции. Использование цифровой валюты на основе токенов зависит от способности получателя платежа проверить действительность платежного токена. Напротив, применение денег, хранимых на счетах, зависит от возможности идентификации и аутентификации личности владельца счета» [25].

В связи с отмеченными выше характеристиками цифровых валют следует указать на основные отличия цифровых валют от других форм современных денег. Во-первых, центробанковские цифровые валюты отличаются от двух традиционных форм центробанковских денег – наличных денег (денег универсального использования) и банковских резервов (денег специализированного использования), комбинируя их характеристики [5]. Так, центробанковские цифровые валюты могут универсально приниматься, подобно наличным деньгам, и в то же время выпускаться на электронной основе, как в случае с банковскими резервами.

Во-вторых, цифровые валюты центральных банков отличаются от депозитных денег и электронных денег кредитных учреждений и специализированных провайдеров платежных услуг. Хотя в обоих случаях может использоваться схожая электронная форма обязательства, цифровые валюты воплощают обязательства центрального банка, а депозитные и электронные деньги являются обязательствами частных эмитентов. В-третьих, несмотря на возможность использования схожей эмиссионной технологии (технологии распределенных реестров), цифровые валюты центральных банков также отличаются от криптовалют и стейблкоинов в силу воплощения в цифровой валюте денежного обязательства центрального банка, которое ни криптовалюты, ни стейблкоины не воплощают [20].

В результате цифровые валюты центральных банков следует интерпретировать не просто в качестве третьей формы центробанковских денег, но как новую форму фиатных денег, которая может внедряться как дополнение к наличным и безналичным деньгам или в качестве замены наличных денег. Появление цифровых валют ознаменует новый этап эволюции фиатных денег.

Таблица 1

Сравнительные характеристики цифровых валют и других форм денег
Table 1. Comparative characteristics of digital currencies and other forms of money

Характеристики / Characteristics	Наличные деньги / Cash	Цифровые валюты центральных банков / Digital currencies of central banks		Депозиты до востребования в коммерческих банках (текущие счета) / (Commercial bank sight deposits (current accounts)
		На основе токенов / Token-based	На основе счетов / Account- based	
Требования и его структура / Claim and its structure	Требование на центральный банк / Claim on central bank	Требование на центральный банк / Claim on the central bank		Требование на коммерческий банк / Claim on a commercial bank
Эмиссионная технология / Technology of issues	В форме физических знаков стоимости (на основе токенов) / In the form of physical symbols of value (token- based)	В электронной форме (на основе цифровых токенов в децентрализованном / централизованном реестре) / In a digital form token-based in a decentralized/centralized ledger)	В электронной форме (на основе записи по счетам в централизованном реестре центрального банка) / In a digital form account record in a centralized ledger of a central bank)	В электронной форме (на основе записи по счетам в учетной системе коммерческого банка) / In a digital form (based on account records in the accounting system of a commercial bank)
Поддержка покупательной способности / Backstop of purchasing power	Полная (законное средство платежа) / Full (legal tender)	Полная (законное средство платежа) / Full (legal tender)		Страхование вкладов (до определенного размера и с отсрочкой выплаты) / (Deposit insurance (up to a limit and often with a lag for payout)
Универсальность приема как средства платежа / Universally accepted as a means of payment	Да, за исключением сетей электронной коммерции (могут устанавливаться ограничения на максимальную сумму платежа) / Yes, except e-commerce networks (limits of maximal payment amount may be set)	Да, но могут устанавливаться ограничения на сумму платежа и др. / Yes, but limits of payment amount may be set, etc.	Да, но могут устанавливаться ограничения на целевое использование средств и др. / Yes, but restrictions on the target use of means may be set, etc.	Почти универсальны (являются широко используемыми как в традиционных торговых сетях, так и в сетях электронной коммерции) / Almost universal (are broadly used in both traditional and e-commerce trading networks)
Анонимность использования / Anonymity of use	Да / Yes	Да / Yes	Нет / No	Нет / No
Риски / Risks of access	Потеря, кража, мошенничество / Loss, theft, fraud	Потеря, кража, мошенничество и киберриск / Loss, theft, fraud and cyber risk	Мошенничество и киберриск / Fraud and cyber risk	Мошенничество и киберриск, риск ликвидности и платежеспособности / Fraud and cyber risk, risk of liquidity and solvency
Процентное вознаграждение / Interest fee	Нет / No	Может быть установлено центральным банком / Can be set by the central bank		Устанавливается коммерческим банком на основе ставок денежного рынка / Set by the commercial bank based on the money market rates
Различия в уровнях процентной ставки для разных экономических агентов / Interest rate tiering depending on different economic agents	Нет / No	Нет / No	Да / Yes	Устанавливается коммерческим банком / Set by a commercial bank

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

На рис. 1 показано место центробанковских цифровых валют в классификации современных денег центрального банка.

Как видно на рис. 1, можно выделить два основных типа центробанковской цифровой валюты [5]: 1) для розничных (общецелевых) платежей; 2) для оптовых (специализированных) расчетов¹. В настоящее время большинство проектов по выпуску цифровых валют относится к розничному типу, так как подавляющее большинство центральных банков не предлагает экономическим агентам электронных денег универсального использования.

Также важно подчеркнуть значимость проблемы трансграничного применения центробанковских цифровых денег, так как соглашение трансграничной интероперабельности цифровых валют между центральными банками может позволить универсализовать платежные отношения, оптимизировать период обращения и снизить размер совокупных затрат, связанных с обслуживанием трансграничных платежей [6, 7, 21].

Модели систем цифровых валют

Эмиссия и расчеты цифровой валютой осуществляются в рамках выбранной центральным банком модели эмиссионно-расчетной системы. В такой системе устанавливаются правила, согласно которым денежные требования центрального банка выпускаются, хранятся, передаются и возвращаются эмитенту. Модель также определяет экономические функции, которые выполняют участники расчетов. Модели эмиссионно-расчетной системы отличаются в зависимости от природы денежного требования, метода его хранения и перевода, функций, которые выполняют центральный банк и финансовые посредники. В системах цифровых валют для розничных платежей могут также использоваться разные способы валидации денежных обязательств, инициирования транзакций и идентификации контрагентов. В общем виде можно выделить три основные эмиссионно-рас-

четные модели систем цифровой валюты для розничных платежей. В настоящее время можно выделить три эмиссионно-расчетные модели систем цифровых валют для розничных платежей.

1. *Модель системы с прямой цифровой валютой (одноуровневая система R-CBDC)*. В этой модели цифровая валюта представляет собой прямое денежное требование к центральному банку, который ведет учет всех балансов по счетам розничных платежей и обновляет их при каждой транзакции. Модель системы с прямой цифровой валютой привлекательна своей простотой, поскольку устраняет зависимость ЦБ при проведении расчетов от каких-либо финансовых посредников. Однако использование этой модели влечет за собой риски для центральных банков, которые связаны с поддержанием надежности, высокой скорости функционирования и эффективности платежной системы в условиях широкой эмиссии цифровой валюты. Кроме того, использование модели системы с прямой цифровой валютой ведет к централизации платежных функций в руках государства и снижению конкуренции на национальных рынках платежных услуг, что будет вызывать неизбежное недовольство со стороны большого числа частных банков и других финансовых посредников, специализирующихся на проведении безналичных расчетов.

2. *Модель системы с непрямой цифровой валютой (двухуровневая система R-CBDC)*. Фактически эта модель может быть двух вариантов. В первом варианте модели системы с непрямой цифровой валютой – синтетической валютой (*sCBDC*)², последняя не представляет собой прямое денежное требование к центральному банку. Фактически *sCBDC* воплощает денежное требование к посредникам – коммерческим банкам или другим финансовым учреждениям, т. е. является производной от центробанковской валюты (*CBDC*), размещенной на балансах посредников. Розничные транзакции между потребителями и торговыми точками осуществляются в *sCBDC*. Центральный банк отслеживает только состояние счетов по оптовым платежам в *CBDC* коммерческих банков и других финансовых посредников [23]. Во втором

¹ Общецелевые платежи – это платежи универсального назначения, осуществляемые между физическими лицами, юридическими лицами и банками. Специализированные платежи – это платежи лимитированного целевого назначения, осуществляемые между центральными банками или между ЦБ и коммерческими банками.

² Термин «синтетическая *CBDC*» (*synthetic CBDC*) впервые использовали экономисты [2]. Данный термин эквивалентен понятию «непрямая *CBDC*» (*indirect CBDC*), который можно встретить в исследовании [22].

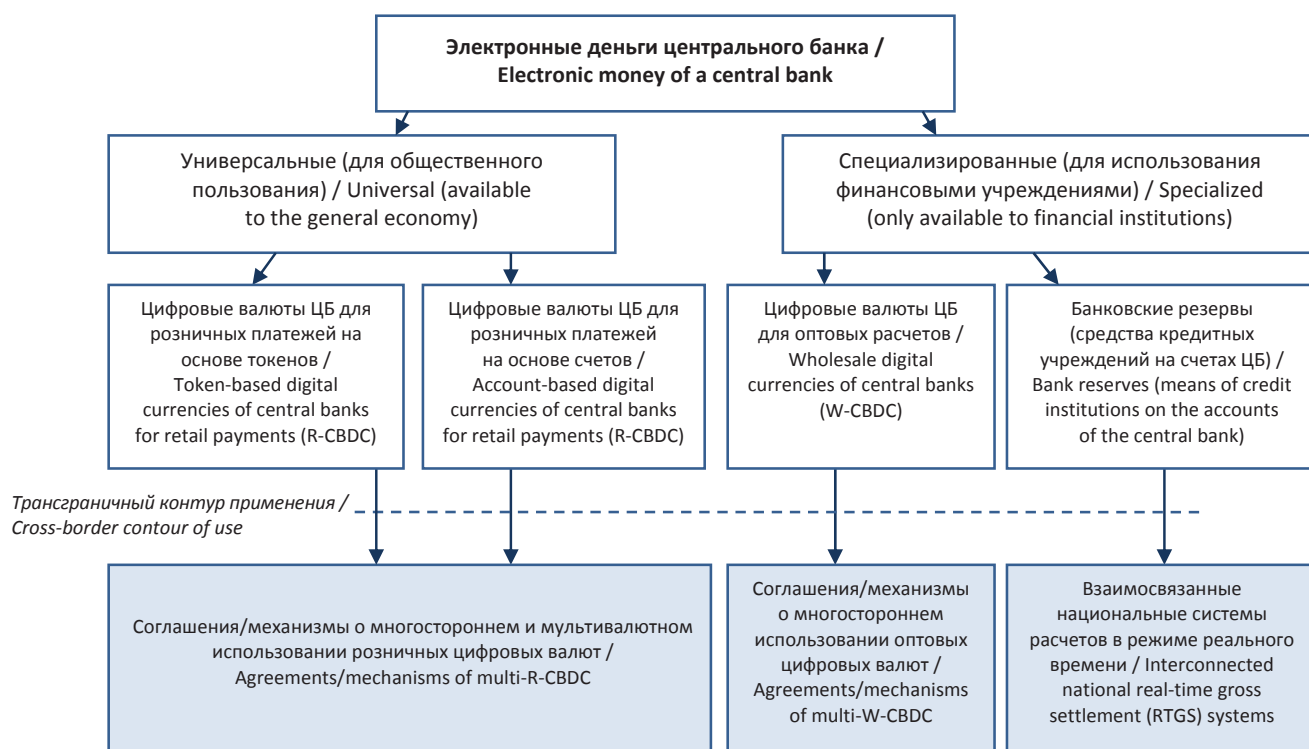

Рис. 1. Место цифровых валют в современной классификации электронных денег центрального банка

Источник: составлено по [6].

Fig. 1. Position of digital currencies in the modern classification of the electronic money of a central bank

Source: compiled with [6].

варианте модели системы с непрямой цифровой валютой – опосредованной валютой (CBDC)³, последняя воплощает прямое денежное требование к центральному банку. Тем не менее по аналогии с предшествующим вариантом центральный банк не проводит розничные транзакции, а только операции с оптовыми балансами уполномоченных финансовых посредников. Уполномоченные кредитные или финансовые учреждения осуществляют операции, связанные с обменом цифровых валют, розничными платежами и организацией их обращения.

Очевидные достоинства данной модели для центральных банков состоят в возможности переложить часть расчетных функций на финансовых посредников и освободиться от ответственности

за разрешение финансовых споров, идентификацию клиентов (KYC) в целях противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ) и сопутствующих услуг. Также в подобных системах можно повысить безопасность и конфиденциальность данных благодаря использованию технологий распределенного учета. Однако у этой модели есть существенный недостаток. Он состоит в том, что центральные банки не могут погашать денежные требования держателей цифровой валюты без информации, полученной от финансовых посредников. Кроме того, могут потребоваться дополнительные пруденциальные нормы, чтобы контролировать деятельность финансовых посредников в отношении точного отражения розничных балансов их клиентов.

3. Модель системы с гибридной цифровой валютой (двухуровневая система R-CBDC). Согласно опубликованному нами исследованию:

³ Термин «опосредованная CBDC» (intermediated CBDC) был введен экономистами банка международных расчетов для характеристики особого варианта модели непрямои CBDC [6].

«...в этой модели цифровая валюта представляет собой прямые денежные требования к ЦБ, но платежи обрабатывает не сам центральный банк, а финансовые посредники. Модель системы с гибридной цифровой валютой может предложить лучшую устойчивость, чем синтетическая модель цифровой валюты, но за счет организации более сложного для ЦБ управления инфраструктурой. В то же время в рамках гибридной системы *R-CBDC* центральному банку проще работать, чем в рамках прямой модели. Так как ЦБ не напрямую взаимодействует с розничными пользователями, он может сосредоточиться на ограниченном числе основных функциональных и управленческих процессов, в то время как финансовые посредники будут непосредственно предоставлять платежные услуги, включая мгновенное подтверждение платежей» [16].

Наше исследование показывает, что среди эмиссионно-расчетных моделей систем цифровой валюты для розничных платежей двухуровневые *R-CBDC* (с опосредованной или гибридной цифровой валютой) являются оптимальным выбором для центральных банков. В таких системах предусматривается выпуск прямых денежных требований к центральному банку, который может быть реализован на гибкой основе с использованием различных информационных технологий, в том числе технологии распределенных реестров. При этом операции с цифровой валютой будут характеризоваться высоким уровнем надежности и скорости проведения. В то же время выпуск цифровой валюты в рамках гибридной системы позволяет сохранить заинтересованность финансовых посредников в оказании платежных услуг, а также сохранить институциональные взаимосвязи, существующие в рамках традиционной двухуровневой банковской системы.

Следует отметить, что влияние цифровых валют для розничных платежей на денежную, платежную и финансовую системы будет зависеть от особенностей их концептуального дизайна и сценария интеграции. Основываясь на анализе различных подходов к эмиссии цифровых валют для розничных платежей, можно выделить три основных сценария интеграции *R-CBDC*: 1) замена наличных денег; 2) дополнение к наличным; 3) параллельное обращение с наличными деньгами [24, 25].

В ранее опубликованном исследовании нами были получены результаты, в соответствии с которыми:

«...в случае замены наличных денег цифровыми деньгами центральных банков влияние на денежно-кредитную систему будет незначительным, поскольку такое замещение приведет к простой замене основного компонента денежного агрегата *M0*. Более значительный эффект будет наблюдаться, когда цифровые валюты станут выпускаться как дополнение к наличным деньгам или иметь параллельное с ними обращение. В этом случае могут измениться структура денежной массы (агрегаты *M1* и *M2*) и балансовые показатели центрального банка, коммерческих банков и нефинансовых институтов [1, 26]. В случаях, когда цифровые валюты будут выпускаться как дополнение к наличным деньгам или иметь параллельное с ними обращение, влияние на денежно-кредитную политику ЦБ может оказаться более существенным. Наиболее вероятно, что это влияние будет выражаться в снижении кредитного портфеля коммерческих банков и росте кредитования со стороны ЦБ, а также усилении роли центральных банков в национальных платежных системах» [16, 25].

Следует иметь в виду, что конечный интеграционный сценарий будет зависеть не только от концептуального дизайна цифровой валюты и действий регулятора, но также обуславливаться предпочтениями пользователей, которые будут определять наиболее востребованные направления применения цифровой валюты [27, 28]. В целом, как показывает наше исследование, большинство рисков, связанных с имплементацией центробанковских цифровых валют (риски стабильности денежно-кредитной и финансовой системы), могут быть смягчены или нивелированы за счет постепенного внедрения цифровых валют в денежный оборот с соответствующей подстройкой инструментария денежно-кредитной политики [29]. Например, регуляторы могут предоставить кредитным учреждениям дополнительную ликвидность в целях поддержания их фондирования, повысить суммы обязательного страхования банковских вкладов, ввести временные и/или количественные лимиты на объемы переводов средств в/из цифровой валюты и др.

Опыт внедрения цифрового юаня как новой формы фиатных денег в Китае

Опыт внедрения *CBDC* в Китае является наиболее важным для научного исследования. Во-первых, он является одним из немногих проектов по внедрению центробанковской цифровой валюты, который находится на финальной стадии реализации. Во-вторых,

учитывая большую численность населения страны (около 1,4 млрд чел.), обширную площадь (около 9,6 млн кв. км) и протяженную географию, проект *CBDC* в Китае является уникальным по своим исходным демографическим и географическим характеристикам. В-третьих, проект *CBDC* в Китае реализуется в течение продолжительного времени (более восьми лет), основывается на значительном временном периоде опытно-внедренческих разработок (более трех лет), а также на большом количестве зарегистрированных патентов (несколько сотен). Данные факторы говорят о том, что проект внедрения *CBDC* в Китае может являться источником внушительного объема экономических, технологических, организационных и функциональных данных, на основе исследования которых могут быть сделаны рекомендации по дизайну и функциональным характеристикам цифровой валюты, внедряемой в России.

Основные этапы разработки и внедрения цифрового юаня

Проект цифровой валюты Народного банка Китая, первоначально именуемый «Цифровая валюта для электронных платежей (*Digital currency/Electronic payment, DCEP*)», в настоящее время переименован и называется «Цифровой юань (*e-CNY*)». На первом этапе проект предусматривает создание электронной платежной системы, в которой цифровой юань будет использоваться для розничных платежей внутри страны. На втором этапе предусматривается достижение интероперабельности цифрового юаня с другими национальными системами *CBDC* и/или внедрение цифровой валюты для оптовых расчетов на основе договоренностей о межнациональном использовании национальных цифровых валют (*multi-CBDC arrangements*) [30].

Прежде всего следует отметить, что Народный банк Китая прилагает большие усилия по изучению, использованию и совершенствованию теорий и технологий, которые лежат в основе существующей экономической модели внедрения цифрового юаня. В настоящее время можно выделить три основных этапа в реализации проекта китайской цифровой валюты: 1) научно-исследовательский этап (2014–2016 гг.); 2) выбор эмиссионно-расчетной модели цифрового юаня и проектирование технологической платформы (2016–2019 гг.); 3) широкомасштабное тестирование

и постепенное внедрение цифрового юаня в обращение (2019–2022 гг.).

В 2014 г. Народный банк Китая (далее – НБК) приступил к реализации первого этапа проекта цифровой юаня. На этом этапе регулятору необходимо было выяснить всевозможные достоинства и недостатки внедрения цифровой валюты в национальную денежную систему, а также технологические возможности реализации цифровой валюты. С этой целью НБК создал специальную исследовательскую группу по изучению вопросов, связанных с целесообразностью внедрения цифровой валюты, сферой ее использования, вопросах выпуска и обращения, ключевыми технологиями, бизнес-моделями, а также международным опытом использования частных цифровых валют. В результате сформировалась исходная теория цифровой фиатной валюты (*theory of digital fiat currency*) [31].

В январе 2016 г. на основании полученных результатов регулятор принял принципиальное решение о создании и внедрении цифровой валюты для розничных платежей в Китае. На базе исследовательской группы в середине 2016 г. был учрежден Научно-исследовательский институт цифровой валюты (*Digital Currency Research Institute, DCRI*), который приступил к разработке концепции и ее проверке (*proof-of-concept*), а также в дальнейшем к пилотным испытаниям цифровой фиатной валюты. В рамках концепции были определены основные параметры дизайна и фундаментальные характеристики цифрового юаня, включая эмиссию цифровой валюты в двухуровневой эмиссионно-расчетной системе, в которой цифровая валюта не связана с банковскими счетами, а также идея «контролируемой/управляемой анонимности» (*managed anonymity*) [31].

В конце 2016 г. Народный банк Китая перешел к реализации второго этапа проекта цифрового юаня. Регулятор начал разрабатывать технологическую платформу для выпуска цифровой валюты и в начале 2017 г. приступил к техническим испытаниям ее отдельных элементов. В конце 2017 г. с одобрения Государственного совета НБК начал масштабный проект исследований и разработок (НИОКР) в области цифрового юаня. Для участия в НИОКР были отобраны крупные коммерческие банки, операторы связи и интернет-компании с высокими размерами активов и высоким технологическим потенциалом. В результате к середине 2019 г. Народным банком

Китай была выбрана эмиссионно-расчетная модель цифровой валюты, закончено проектирование технологической платформы для ее выпуска, определен основной функционал цифрового юаня, включающий управление обменом, обращением, совместимостью и функционированием экосистемы цифровых кошельков⁴.

В декабре 2019 г. НБК перешел к реализации третьего этапа проекта цифрового юаня. К проекту цифрового юаня подключились крупнейшие государственные коммерческие банки страны – «Большая четверка» (*Bank of China, China Construction Bank, Industrial and Commercial Bank of China, Agricultural Bank of China*) и крупнейшие китайские мобильные операторы – «Большая тройка» (*China Mobile, China Unicom и China Telecom*) с целью начала тестирования цифровой валюты [32].

В апреле 2020 г. глава Народного банка Китая И. Ган (*Yi Gang*) заявил о начале широкомасштабных пилотных испытаний цифрового юаня в ряде крупных городов: Шэньчжэне, Сучжоу, Чэнду и Сюньане⁵ – с помощью мобильных приложений для цифровых кошельков, разработанных Сельскохозяйственным банком Китая, а также в районах проведения Олимпийских игр 2022 г. в Пекине. Начиная с ноября 2020 г. к пилотному проекту присоединились Шанхай, Хайнань, Чанша, Сиань, Циндао и Далянь.

Цель пилотных проектов состоит в проверке надежности функционирования эмиссионно-расчетной системы, эффективности бизнес-моделей, вариантов использования и управления рисками, а также в повышении осведомленности общественности о цифровом юане. При выборе пилотной области учитываются такие факторы, как основные национальные и региональные стратегии развития, а также специфические промышленные и экономические особенности городов. В настоящее время пилотная программа охватывает дельту реки Янцзы, дельту Жемчужной реки, регион Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, а также

центральные, западные, северо-восточные и северо-западные регионы Китая⁶.

В середине января 2022 г. было открыто более 261 млн кошельков для хранения цифровых юаней. В обращении находилось около 470 млн юаней (около 73,9 млн долл. США), общая сумма транзакций цифровым юанем превысила 87,5 млрд юаней (около 13,78 млрд долл. США)⁷. В феврале 2022 г. цифровой юань продолжал тестироваться в 11 крупнейших городах страны, где его можно было использовать более чем в 8 млн торговых точек для оплаты коммунальных услуг, услуг общественного питания, транспорта, для покупок в розничной торговле и оплаты государственных услуг. Также цифровой юань использовался в рамках так называемого замкнутого цикла на зимних Олимпийских играх 2022 г. в Пекине, где средняя дневная сумма транзакций в период Олимпиады составляла более 2 млн юаней (315 761 долл. США)⁸.

Коннотации цифрового юаня и основные мотивы его внедрения

По замыслу Народного банка Китая, цифровой юань представляет собой цифровую версию фиатной валюты, выпущенную денежно-кредитным регулятором и оборотом которой управляют уполномоченные операторы. Хотя цифровой юань часто позиционируется НБК как новая форма наличных денег, более детальные характеристики цифрового юаня свидетельствуют о том, что подобная интерпретация не является точной. Например, по заявлению Рабочей группы по исследованию и разработке цифрового юаня НБК, цифровой юань является гибридным платежным инструментом, основанным на комплексном применении технологии цифровых токенов (*value-based*), квази-счетов (*quasi-account-based*) и учетных счетов (*account-based*) и имеющим статус законного платежного средства [31]. Таким образом, цифровой юань, подобно другим центробанковским цифровым

⁴ People's Bank of China, 2021.

⁵ В большинстве случаев в ходе пилотных проектов местные органы власти распространяли цифровые юани посредством проведения лотерей, в форме раздачи так называемых красных конвертов (*хунбао*), в которых по китайской традиции принято вручать чаевые или делать денежные подарки.

⁶ People's Bank of China, 2021.

⁷ Speech by Zou Lan (Head of financial markets at the PBOC) at Press Conference of People's Bank of China. 18.01.2022.

⁸ Speech by Mu Changchun at Atlantic Council-UC San Diego Conference on Digital Currency in China and the Asia Pacific. 15.02.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_K3Y8V-IhwU&t=7s (дата обращения: 18.02.2022).

валютам, правильнее интерпретировать как новую форму денег центрального банка.

Наше исследование показывает, что цифровой юань обладает следующими коннотациями. Во-первых, он обладает всеми основными функциями денег, т. е. является мерой стоимости/расчетной единицей/ средством обращения платежа и средством сбережения. Подобно наличным деньгам, цифровые юани являются обязательствами Народного банка Китая перед держателями, которые обеспечены суверенным кредитом и обладают одинаковым правовым статусом и экономической ценностью [31].

Во-вторых, цифровой юань выпускается в рамках двухуровневой эмиссионно-расчетной системы R-CBDC с централизованным управлением. Право на выпуск цифровых юаней принадлежит государству. Народный банк Китая находится в центре операционной системы цифрового юаня [33, 34]. Он выпускает цифровые юани авторизованным операторам, которые являются коммерческими банками, и управляет ими на протяжении всего их жизненного цикла. Уполномоченные операторы и другие финансовые учреждения предоставляют населению услуги по обмену и обращению цифровой валюты [30, 35].

В-третьих, цифровой юань позиционируется и имплементируется в денежную систему страны как компонент денежного агрегата M0 [31]. Поскольку Китай является большой страной с высокой численностью населения, множеством этнических групп и большими различиями в региональном развитии, платежные привычки людей и потребности различаются. Поэтому НБК пришлось отказаться от первоначальных планов по немедленному замещению наличных денег цифровым юанем [32]. Народный банк Китая не прекратит выпуск наличных денег и не заменит их в обязательном порядке, пока на них существует спрос. Последнее не означает, что денежно-кредитный регулятор откажется от последовательных действий, направленных на снижение общественного спроса на наличные.

В-четвертых, в будущей системе цифровых розничных платежей цифровые юани и средства на электронных счетах авторизованных операторов будут совместимыми и станут рассматриваться в качестве наличных денег в обращении. Коммерческие банки и небанковские платежные учреждения, отвечающие требованиям по борьбе с отмыванием денег и фи-

нансированием терроризма, а также нормативным требованиям, касающимся управления рисками, могут участвовать в системе расчетов цифровым юанем на основе разрешения, выданного центральным банком [31].

Наше исследование показывает, что основными мотивами для внедрения цифровой валюты для розничных платежей в Китае являются: 1) поддержание спроса на центробанковские деньги⁹ и расширение доступа населения к финансовым услугам; 2) стимулирование конкуренции на рынке розничных платежей с частными платежными системами *AliPay* (*Ant Group Co.*) и *WeChat Pay* (*Tencent Holdings Ltd.*)¹⁰ и обеспечение большей безопасности и эффективности платежей; 3) поддержание денежного суверенитета за счет выпуска национальной цифровой валюты с параллельным запретом в Китае всех типов операций с криптовалютами, стейблкоинами и цифровыми токенами, которые получили широкое распространение в стране¹¹; 4) потребность в информатизации экономики посредством широкого использования в финансовой сфере распределенных реестров, искусственного интеллекта, больших данных и их интеграция; 5) необходимость в построении системы цифрового авторитаризма, в целях повышения партийной дисциплины, и ужесточения госконтроля

⁹ В 2016–2020 гг. в Китае наблюдался существенный рост использования безналичных инструментов на душу населения – 69,8; 96,4; 142,2; 223,2 и 243,2 % соответственно (Use of Payment Services/Instruments: Volume of Cashless Payments per Inhabitant. Bank for International Settlements. Payments and Financial Markets Infrastructures. Statistic Explorer. URL: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/CT6C?c=&p=2020> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁰ Ожидается, что в 2022 г. объем средств, переведенных при посредничестве ведущих китайских частных платежных систем *AliPay* и *WeChat Pay*, превысит 293 трлн юаней (около 45 трлн долл. США). (中国移动支付市场趋势预测 2020–2022 (Прогноз тенденций на рынке мобильных платежей в Китае). Analysys.cn. URL: <https://www.analysys.cn/article/detail/20019744> (дата обращения: 08.02.2022) (На кит. яз.).

¹¹ В сентябре 2021 г. Народный банк Китая признал незаконными все виды деятельности, связанные с криптовалютами и стейблкоинами, в том числе их добычу, покупку/продажу, инвестирование, хранение и др. (关于进一步防范和处置虚拟货币交易炒作风险的通知 [Уведомление о дальнейшем предотвращении и устранении риска спекуляций, связанных с операциями с виртуальной валютой. 24.09.2021]. The People's Bank of China. URL: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4348521/index.html> (дата обращения: 16.02.2022) (На кит. яз.).

за транзакциями граждан и компаний¹²; 6) развитие более гибкого инструментария денежно-кредитной политики и мониторинга теневого банкинга; 7) геополитические факторы, связанные с повышением роли юаня в качестве платежного и резервного средства на международном уровне¹³.

Особенности дизайна цифрового юаня

Дизайн цифровой валюты в значительной степени определяет ее функционал и пользовательские характеристики. Основными особенностями дизайна цифрового юаня являются:

- гибридность платежного инструмента. Цифровой юань обладает основными характеристиками наличных денег, но при этом является менее дорогим, более гибким и безопасным в сравнении с наличными деньгами за счет организации расчетов с использованием цифровых токенов;

- отсутствие процентных начислений. Цифровой юань имплементируется в денежную систему как элемент денежного агрегата М0, поэтому, подобно наличным деньгам, не предусматривает выплаты процентных начислений на остатки средств в цифровом кошельке;

- низкие затраты использования. Народный банк Китая не взимает плату с авторизованных операторов за услуги обмена и организацию обращения цифровых юаней, а операторы в свою очередь также не устанавливают какие-либо комиссии для пользователей за платежные операции с использованием цифровых юаней;

- управляемая/контролируемая анонимность. При расчетах цифровыми юанями используется следующий принцип: анонимность при расчетах на небольшие суммы и отслеживаемость при расчетах на крупные суммы. При этом, по утверждению НБК, в системе цифрового юаня большое внимание уделяется защите личных данных и конфиденциальности¹⁴;

- безопасность. В цифровом юане используется множество технологий, включая цифровые сертификаты, цифровые подписи, технологии зашиф-

рованного хранения данных для предотвращения двойного расходования, незаконного дублирования и подделки, а также для достижения необратимости транзакций;

- программируемость. Программируемость цифрового юаня может быть реализована на основе смарт-контрактов без ущерба для его функционирования как законного средства платежа. Исходя из требований безопасности и соответствия, эта функция позволяет самостоятельно инициировать платежи в соответствии с заранее определенными условиями, согласованными между двумя сторонами, чтобы способствовать современным инновационным бизнес-моделям [31].

Модель эмиссионно-расчетной системы (операционная модель)

Для выпуска цифрового юаня Народным банком Китая была выбрана двухуровневая модель системы с опосредованной цифровой валютой. В такой системе регулятор планирует использовать апробированные технологические решения и операционные навыки кредитных и финансовых учреждений в платежах, учитывая размер, обширную географию и многоукладность китайской экономики.

В ранее опубликованной работе мы установили, что для регулятора двухуровневая модель системы цифровой валюты:

«...является своеобразным компромиссом между полным контролем над эмиссией, обращением и платежами цифровой валютой и рисками (финансовыми и нефинансовыми), связанными с организацией бесперебойного функционирования такой системы в одной из крупнейших экономик мира с многомиллионным населением. Основными мотивами выбора модели двухуровневой системы эмиссии и обращения цифровой валюты был набор преимуществ, которые перевешивают возможные недостатки такой модели применительно к Китаю. К числу ее главных достоинств относятся: 1) более простой вариант постепенной замены наличных денег в обращении; 2) отсутствие глобальных изменений в существующих денежной и финансовой системах; 3) сохранение роли банков и других финансовых учреждений в качестве посредников на платежном рынке; 4) диверсификация рисков между участниками платежной системы; 5) стимулирование инноваций в сфере финансовых услуг» [16].

¹² См. [32].

¹³ Подробнее см. [31].

¹⁴ Speech by Governor Yi Gang at the Hong Kong Fin-tech Week. 03.11.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OSE5mZELX8s> (дата обращения: 16.02.2022).

Глава Исследовательского института цифровых валют НБК Китая Му Чангчун (*Mu Changchun*), комментируя выбор данной модели, указал, что «если бы центральный банк направлял цифровые юани напрямую пользователям, это привело бы к возникновению рисков одномоментного банкротства и устранило бы частные банки из сферы платежного посредничества»¹⁵. Подобные риски НБК хочет нивелировать.

На рис. 2 представлена модель двухуровневой системы с опосредованной цифровой валютой Народного банка Китая.

Как видно на рис. 2, Народный банк Китая отвечает за эмиссию цифровой валюты, ее интеграцию, совместимость и управление экосистемой цифрового кошелька. Кроме того, денежно-кредитный регулятор выбирает коммерческие банки, которые соответствуют требованиям к величине капитала и наличию необходимых технологий в качестве уполномоченных операторов системы цифровой валюты (рис. 2, уровень 1.0). В рамках квот, определяемых НБК, уполномоченные операторы открывают различные типы цифровых кошельков для клиентов, осуществляют процедуры их идентификации, направленные

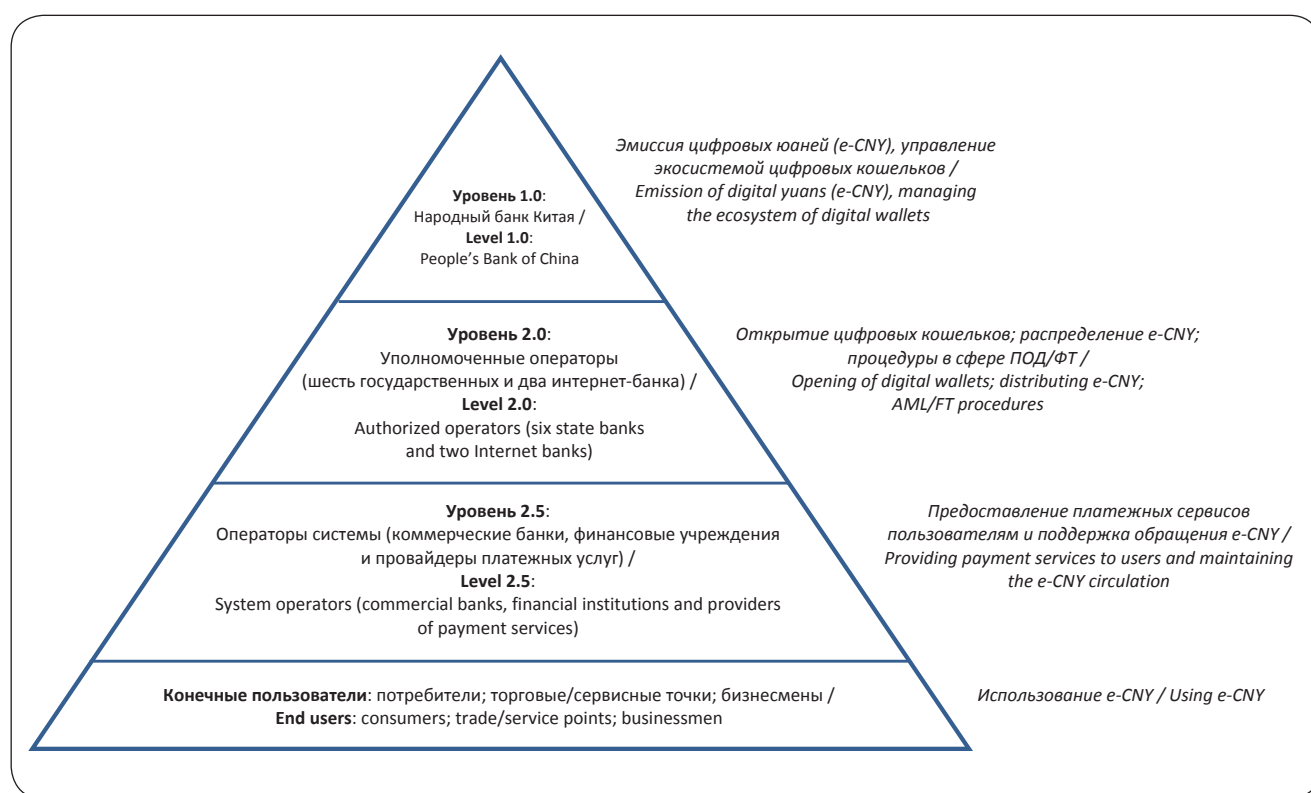

Рис. 2. Модель двухуровневой R-CBDC в Китае (система с опосредованной цифровой валютой)

Источник: составлено по [31, 35].

Fig. 2. Model of a two-tiered R-CBDC in China (system with intermediated digital currency)

Source: compiled with [31, 35].

¹⁵ 央行数字货币呼之欲出，设计理念和技术架构首次曝光 [Впервые раскрыта концепция дизайна и техническая архитектура цифровой валюты центрального банка. 11.08.2019]. URL: <https://www.chainnews.com/articles/441923590879.htm> (дата обращения: 28.02.2021). (На кит. яз.)

на противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, и предоставляют услуги по обмену цифровых юаней на другие формы фиатных денег (рис. 2, уровень 2.0). Другие коммерческие банки и финансовые учреждения (операторы системы), находящиеся под централизованным управлением НБК, коллективно предоставляют услуги по обращению цифровых юаней, тем самым формируя своеобразный подуровень в двухуровневой системе (рис. 2, уровень 2.5).

Для обеспечения безопасной и эффективной работы авторизованные операторы и связанные с ними операторы системы совместно предоставляют услуги по обращению электронных юаней и услуги по проведению розничных платежей, включая разработку платежных инструментов, изучение вариантов их использования, маркетинг, техническое обслуживание и др. Подобный подход призван стимулировать коммерческие банки и другие финансовые учреждения, раскрыть их творческий потенциал и поддерживать финансовую стабильность, способствовать инновациям и конкуренции.

Важнейшим вопросом в отношении систем цифровой валюты является требование обеспечения конфиденциальности платежной информации. Отвечая на этот вызов, Народный банк Китая предложил оригинальную концепцию так называемой управляемой/контролируемой анонимности. По замыслу денежно-кредитного регулятора, характеристики цифрового юаня должны обеспечивать баланс между анонимностью транзакций и требованиями по борьбе с отмыванием денег, а также налогообложением различных видов доходов. Так, по словам главы Народного банка Китая И. Гана, цифровой юань предоставляет пользователям возможность скрывать свою личность от контрагентов, позволяя правоохранительным органам (но не отдельным правительственным службам) отслеживать незаконные транзакции¹⁶. Народный банк Китая следует принципу «минимального и необходимого объема» при сборе личной информации. По словам И. Гана, в системе цифрового юаня собирается меньше информации о транзакциях, чем в традиционных электронных банковских платежных

системах. В то же время хранение и использование личной информации строго контролируется. НБК не предоставляет информацию третьим лицам или другим государственным учреждениям, если иное не предусмотрено законами и нормативными актами¹⁷.

Как видно из табл. 2, в системе цифрового юаня денежно-кредитный регулятор контролирует все информационные потоки, связанные с движением цифровой валюты, поэтому он обладает способностью отслеживать как отдельные транзакции экономических агентов, так и анализировать общие тренды в направлении движения денежных средств по отдельным категориям граждан или во всей национальной экономике. В действительности, поскольку система цифрового юаня находится под контролем государства и аккумулирует огромные объемы платежных данных, никто не может гарантировать, что данные сведения не будут использоваться в политических или финансовых целях государством и что они не будут интегрированы в систему социального рейтингования, разрабатываемую правительством Китая.

Дизайн цифровых кошельков для цифрового юаня

Цифровые кошельки являются средствами хранения цифровых юаней, а также инструментов, с помощью которых пользователи могут инициировать платежные транзакции и взаимодействовать с другими участниками. Основываясь на централизованном управлении, едином пользовательском интерфейсе и защите от подделывания, Народный банк Китая устанавливает правила функционирования цифровых кошельков.

Следует отметить, что в системе цифрового юаня уполномоченные операторы открывают различные типы цифровых кошельков для своих клиентов в зависимости от уровня идентификации пользователей и могут устанавливать различные виды лимитов: лимиты на отдельные транзакции, ежедневные лимиты, а также балансовые лимиты в соответствии с уровнем идентификации [31]. Также в системе цифрового юаня в зависимости от типа владельца могут быть откры-

¹⁶ Speech by Governor Yi Gang at the Hong Kong Fintech Week. 03.11.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OSE5mZELX8s> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁷ Speech by Governor Yi Gang at the 30th Anniversary Conference of the Bank of Finland Institute for Emerging Economics. 09.11.2021. URL: <https://www.bis.org/review/r211213f.pdf> (дата обращения: 16.02.2022).

Таблица 2

Контролируемая/управляемая анонимность в системе цифрового юаня

Table 2. Controlled/managed anonymity in the system of a digital yuan

Основные участники / Key participants	Идентификационная информация / Identification info	Финансовая информация по торговой транзакции / Financial information on trade transaction		Производная информация / Derivative info	Доступ к информации / Info access
		Торговые элементы / Trading elements	Торговый сценарий / Trading scenario		
Центральный банк / Central bank	×	×	×	×	всех клиентов / all clients
Контрагенты / Counterparties	○	×	×	○	контрагента / counterparty
Агенты / Agents	○	×	○	⊖	собственных клиентов / own clients
Коммерческие банки / Commercial banks	×	○	○	⊖	собственных клиентов / own clients

Примечание: × – есть доступ к информации; ○ – нет доступа к информации; ⊖ – есть частичный информационный доступ.

Note: × – accessible info; ○ – inaccessible info; ⊖ – partially accessible info.

Источник: составлено по [33, 34].

Source: compiled with [33, 34].

ты личные и корпоративные кошельки, для которых устанавливаются разные лимиты на транзакции и балансовые ограничения в соответствии с требованиями ПОД/ФТ¹⁸.

В системе цифрового юаня могут быть открыты программные или аппаратные кошельки. Программный кошелек предоставляет услуги доступа к функционалу цифрового юаня через мобильные платежные приложения посредством комплекта для разработки программного обеспечения (SDK) и интерфейса прикладного программирования (API). В аппаратном кошельке используются микропроцессорные чипы и другие технологии для реализации функционала цифровой валюты. Такой кошелек может быть реализован на базе IC-карт, мобильных телефонов, устройств интернета вещей и др.

Также в системе цифрового юаня можно открыть так называемые родительские и дополнительные кошельки. Владелец кошелька может установить основной кошелек в качестве родительского и привязать к нему несколько дополнительных кошельков. В результате частные лица могут устанавливать лимиты платежей, условия их исполнения, защиту конфиденциальности и другие функции с помощью дополнительных кошельков. Предприятия и учреждения могут объединять и распределять средства, управлять финансами через дополнительные кошельки¹⁹.

Механизмы минимизации
негативного воздействия цифрового юаня
на денежно-кредитную систему

Народный банк Китая уделяет пристальное внимание последствиям внедрения цифрового юаня для денежно-кредитной системы, финансовой стабильности и денежно-кредитной политики. Для минимизации негативного воздействия выпуска цифровых юаней регулятором применяются операционные,

¹⁸ Speech by Mu Changchun (China's Digital Yuan Wallet Designed to Meet Everyone's Needs) at the 13th Lujiazui Forum 2021: China's Financial Reform and Opening Up Amid Great Changes of the World. 15.06.2021. Caixin Global. <https://www.caixinglobal.com/2021-06-16/opinion-chinas-digital-yuan-wallet-designed-to-meet-everyones-needs-101727437.html> (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁹ Подробнее см. [31].

технологические и политические инструменты. Например, чтобы снизить конкуренцию с банковскими депозитами, цифровой юань не предусматривает процентных начислений на остатки средств в цифровой валюте, что делает его менее привлекательным для использования в качестве средства сбережения, нежели банковские депозиты.

Народный банк Китая также ввел соответствующие системные ограничения, для того чтобы предотвратить быстрый переток средств из банковских депозитов коммерческих банков в национальную цифровую валюту. Поэтому, по словам Му Чанчуня, внедрение цифрового юаня не окажет существенного негативного влияния на текущую финансовую систему, так как у широкого круга экономических агентов даже в стрессовой ситуации не будет стимула переводить большую часть своих депозитов от финансовых посредников в цифровой юань. Также в случае стрессовой ситуации может быть введена плата за крупные или частые изъятия средств из цифрового юаня²⁰.

Для стимулирования использования цифровых юаней в розничных платежах, а также для предотвращения возможного арбитража с другими формами денег и проциклических эффектов в стрессовых условиях Народный банк Китая разработал многоуровневый дизайн кошелька с различными ограничениями на суммы транзакции и размер балансов для разных категорий кошельков. Кроме того, НБК создал систему анализа больших данных (*Big Data*) для мониторинга рисков и с целью повышения точности и эффективности управления оборотом цифрового юаня [31]. Народный банк Китая осуществляет пилотные программы в разных регионах страны, анализируя влияние цифровой валюты на денежно-кредитную систему и финансовую стабильность, по результатам которых совершенствуется дизайн цифрового юаня²¹.

В настоящее время Народный банк Китая также изучает возможность по использованию цифровых юаней в трансграничных платежах. НБК активно участвует в различных инициативах G20, Банка международных расчетов, Международного валютного фонда и других организаций, разрабатывающих механизмы по использованию национальных цифровых валют на международном уровне²².

Причины внедрения и основные аспекты проекта цифрового рубля

В октябре 2020 г. Банк России опубликовал Консультационный доклад «Цифровой рубль» [37]. После общественного обсуждения доклада в апреле 2021 г. регулятор выпустил Концепцию цифрового рубля [17], в которой отражены основные элементы дизайна цифрового рубля, принципы функционирования его цифровой платформы, а также обозначены временные этапы стратегии внедрения национальной цифровой валюты. Данную Концепцию следует рассматривать как промежуточный документ, который отражает текущее представление Банка России о модели выпуска и обращения цифрового рубля, а также о роли цифровой валюты в национальной денежной системе.

Предпосылки и основные причины внедрения цифрового рубля

В последние годы в России, аналогично Китаю и другим странам мира, наблюдается устойчивая тенденция к сокращению роли наличных в общем объеме розничных транзакций. Доля безналичных платежей в розничном платежном обороте в России с 2013 по 2020 г. выросла почти в пять раз и на 01.01.2021 превысила 70 % (74,9 %) ²³, что свидетельствует о высоком уровне доверия потребителей к предлагаемым платежным инструментам и услугам (в 2019 г. доля

²⁰ Speech by Mu Changchun (China's Digital Yuan Wallet Designed to Meet Everyone's Needs) at the 13th Lujiazui Forum 2021: China's Financial Reform and Opening Up Amid Great Changes of the World. 15.06.2021. Caixin Global. <https://www.caixinglobal.com/2021-06-16/opinion-chinas-digital-yuan-wallet-designed-to-meet-everyones-needs-101727437.html> (дата обращения: 10.02.2022).

²¹ Так, благодаря сотрудничеству с производителями мобильных телефонов Народный банк Китая уже протестировал возможность проведения межпользовательских офлайн-платежей с применением аппаратных цифровых кошельков, основанных

на смарт-картах *e-ink* (микропроцессорных карт с информационным дисплеем, на котором отображается информация о сумме платежа и балансе карты), с целью преодоления цифрового разрыва и повышения финансовой инклюзии.

²² Подробнее см. [36].

²³ Выступление первого заместителя председателя Банка России О. Скоробогатовой на секции «Цифровая трансформация как фактор повышения финансовой доступности». Евразийский женский форум. 13–15.10.2021. URL: <https://2021.eawf.ru/programme/business-programme/> (дата обращения: 02.03.2022).

безналичных платежей была 64,7 %) ²⁴. Таким образом, доля наличных расчетов в розничном обороте в России за последние пять лет сократилась с 60,7 до 29,7 % ²⁵. Вместе с тем доля экономических агентов в России, которые пока не в состоянии отказаться от использования наличных денег, остается достаточно высокой и оценивается на уровне 55 % ²⁶. Так, наличные деньги в качестве обязательства центрального банка остаются наиболее надежным средством платежа, использование которого наименее зависимо от технических и геополитических рисков ²⁷. В этих условиях введение в обращение цифрового рубля, который также выпускается центральным банком, может не только привести к дальнейшему сокращению роли наличных денег в экономике, но и повлиять на использование безналичных денег.

Наше исследование показывает, что основными причинами внедрения цифрового рубля являются: 1) поддержание спроса на центробанковские деньги и расширение доступа населения к финансовым услугам; 2) обеспечение денежного суверенитета с параллельным запретом или жестким регулированием операций с криптовалютами и стейблкоинами в стране ²⁸ в сочетании с мерами по дедолларизации;

3) усиление контроля за расходованием бюджетных средств и снижение издержек на администрирование бюджетных платежей; 4) геополитические мотивы, направленные на повышение роли рубля в двусторонних расчетах, прежде всего со странами ЕАЭС и Китаем, а также на создание альтернативных платежных механизмов, позволяющих за счет интеграции платформы цифрового рубля с аналогичными платформами цифровых валют в других странах еще больше снизить зависимость России от международных платежных и расчетных систем.

Интерпретация и коннотации цифрового рубля

В настоящее время цифровой рубль позиционируется Банком России как дополнительная форма российской национальной валюты, эмитируемая центральным банком страны в цифровой форме ²⁹. В отличие от Народного банка Китая цифровой рубль интерпретируется Банком России в качестве самостоятельной денежной формы, выпускаемой в дополнение к двум существующим формам денег – наличным и безналичным – и имеющей с ними параллельное обращение. Предполагается, что цифровой рубль будет иметь форму уникального цифрового кода, который будет храниться на специальном цифровом кошельке. Передача цифрового рубля от одного пользователя к другому будет происходить в виде перемещения цифрового кода с одного электронного кошелька на другой на платформе цифрового рубля ³⁰.

С одной стороны, цифровой рубль будет обладать характеристиками, которые делают его схожим с наличными деньгами. Во-первых, он будет эмитироваться центральным банком и являться обязательством национального денежного регулятора. Во-вторых, по-

²⁴ Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 гг. Банк России, 2001. 39 с. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120210/strategy_nps_2021-2023.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

²⁵ Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 гг. Банк России, 2001. 39 с. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120210/strategy_nps_2021-2023.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

²⁶ Отношение населения Российской Федерации к различным средствам платежа. Результаты социологического исследования за 2020 г. Банка России. 2021, июнь. 15 с. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/35422/results_2020.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

²⁷ На фоне финансового кризиса, связанного с началом военных действий России на Украине и введением санкционных ограничений, объем наличных денег в обращении в России в феврале 2022 г. вырос на 2 трлн руб., или на 14,7 %, и достиг 15,82 трлн руб. В абсолютном выражении такого притока наличных денег в экономике не было за все время наблюдений. (Банк России. Денежная база (в узком определении). URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mb_nd/mb_nd_month/ (дата обращения: 04.03.2022).

²⁸ В январе 2022 г. Банк России опубликовал доклад для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры», в котором предложил ввести запрет на все типы операций с криптовалютами и стейблкоинами на территории России (за исключением владения), а также на использование россий-

ских финансовых посредников и российской финансовой инфраструктуры для осуществления операций с криптовалютами. Подробнее см.: URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 16.02.2022).

²⁹ Подробнее см. [37].

³⁰ Банк России использует в своей Концепции термин «платформа цифрового рубля», который означает электронную информационную систему Банка России, обеспечивающую связующие функции между участниками расчетов цифровыми рублями и предусматривающую совместное технологическое использование держателями цифровых рублей, коммерческими банками и другими участниками.

добно наличным деньгам, на остатки цифровых рублей в кошельках процентный доход начисляться не будет. В-третьих, цифровой рубль будет иметь уникальный цифровой код (по аналогии с банкнотой, у которой есть серия и номер), позволяющий проверить его подлинность. Кроме того, по аналогии с наличными деньгами предусматривается возможность осуществлять платежи цифровой валюты в офлайн-режиме, которые будут предусматривать немедленное урегулирование.

С другой стороны, цифровой рубль будет обладать характеристиками, схожими с безналичными деньгами. Во-первых, платежи цифровым рублем будут отслеживаемыми и не будут обеспечивать анонимность пользователей. Во-вторых, для организации расчетов цифровым рублем необходима комплексная

технологическая и разветвленная техническая инфраструктура, позволяющая получить доступ и осуществлять операции на платформе цифрового рубля. Доступ пользователей к платформе предоставляется через сетевой интерфейс финансовыми учреждениями. Учитывая изложенное выше, цифровой рубль по аналогии с цифровым юанем следует рассматривать как гибридное средство платежа.

Модель эмиссионно-расчетной системы (операционная модель)

Прежде чем выбрать эмиссионно-расчетную (операционную модель) цифровой валюты, Банк России рассмотрел несколько возможных моделей систем цифровых валют для розничных платежей (табл. 3).

Таблица 3

Функции, выполняемые экономическими агентами в различных моделях систем розничной центробанковской цифровой валюты Банка России

Table 3. Functions performed by economic agents in various models of systems of retail central bank digital currency of the Bank of Russia

Функции экономических агентов / Functions of economic agents	Модели систем цифровой валюты центральных банков / Models of systems of central bank digital currency							
	Одноуровневая (прямая) R-CBDC / One-tiered (direct) R-CBDC		Двухуровневая (не прямая) R-CBDC / Two-tiered (non-direct) R-CBDC					
	Модель с прямой R-CBDC / Model with direct R-CBDC		Модель с синтетической/опосредованной R-CBDC / Model with synthetic/intermediated R-CBDC		Модель с гибридной R-CBDC / Model with hybrid R-CBDC			
	Модель В ³¹ Банка России / Model B1 of the Bank of Russia		Модель не рассматривалась Банком России / Model was not considered by the Bank of Russia		Модель С Банка России / Model C of the Bank of Russia		Модель D Банка России / Model D of the Bank of Russia	
	ЦБ / Central Bank	Банк/финансовый посредник / Bank – financial intermediary	ЦБ / Central Bank	Банк/финансовый посредник / Bank – financial intermediary	ЦБ / Central Bank	Банк/финансовый посредник / Bank – financial intermediary	ЦБ / Central Bank	Банк/финансовый посредник / Bank – financial intermediary
Проведение ПОД/ФТ* по операциям с цифровой валютой / Implementation of counteracting money laundering and terrorism financing* in operations with digital currency	+	–			–	+	–	+

³¹ Банк России рассматривал также модель А, которая являлась моделью системы цифровой валюты для оптовых расчетов (W-CBDC). Она была исключена из нашего исследования по причине того, что системы цифровых валют для розничных платежей были признаны Банком России как наиболее перспективные.

Окончание табл. 3 / Continuation of table 3

Функции экономических агентов / Functions of economic agents	Модели систем цифровой валюты центральных банков / Models of systems of central bank digital currency							
	Одноуровневая (прямая) <i>R-CBDC</i> / One-tiered (direct) R-CBDC		Двухуровневая (не прямая) <i>R-CBDC</i> / Two-tiered (non-direct) R-CBDC					
	Модель с прямой <i>R-CBDC</i> / Model with direct R-CBDC		Модель с синтетической/ опосредованной <i>R-CBDC</i> / Model with synthetic/intermediated R-CBDC		Модель с гибридной <i>R-CBDC</i> / Model with hybrid R-CBDC			
	Модель <i>B</i> ³¹ Банка России / Model B1 of the Bank of Russia		Модель не рассматривалась Банком России / Model was not considered by the Bank of Russia		Модель <i>C</i> Банка России / Model C of the Bank of Russia		Модель <i>D</i> Банка России / Model D of the Bank of Russia	
	ЦБ / Central Bank	Банк/ финансовый посредник / Bank – financial intermediator	ЦБ / Central Bank	Банк/ финансовый посредник / Bank – financial intermediator	ЦБ / Central Bank	Банк/ финансовый посредник / Bank – financial intermediator	ЦБ / Central Bank	Банк/ финансовый посредник / Bank – financial intermediator
Открытие кошельков клиентам / Opening wallets for clients	+	–			+	Иницирует открытие кошельков клиентам / Initiates opening wallets for clients	+ Открывает кошельки банкам/ финансовым посредникам / Opens wallets for banks – financial intermediators	+ Открывает кошельки клиентам / Opens wallets for clients
Проведение платежей и расчетов по кошелькам клиентов / opening wallets for clients	+	–			+	Иницирует проведение платежей и расчетов / Initiates payments and accounting	–	+
Доступ к кошельку клиента из другого банка/посредника / Access to a client's wallet from another bank – financial mediator	–	–			–	+	–	+

Примечания:

- + – функция выполняется определенным экономическим агентом (ЦБ, коммерческим банком или финансовым посредником);
- – функция отсутствует в модели системы цифровой валюты;
- * – процедуры противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем/финансированию терроризма

Источник: составлено по [17, 37].

Notes:

- + – the function is performed by a certain economic agent (Central bank, commercial bank or a financial intermediary);
- – the function is absent in the models of the system of digital currency;
- * – procedures in the sphere of counteracting criminal money laundering and terrorism financing

Source: compiled with [17, 37].

Как видно из табл. 3, модель *B* является аналогом одноуровневой, или прямой, *R-CBDC* в международной интерпретации. Модели *C* и *D* являются примерами двухуровневой *R-CBDC*. В частности, они являются различными вариантами модели системы с гибридной *R-CBDC*. Модели систем с синтетическими/опосредованными цифровыми валютами Банком России вообще не рассматривались.

После анализа особенностей различных моделей систем цифровой валюты Банком России по аналогии с Народным банком Китая была выбрана модель двухуровневой эмиссионно-расчетной системы. Однако в отличие от цифрового юаня (модель системы с опосредованной цифровой валютой) для выпуска цифрового рубля была выбрана модель системы с гибридной цифровой валютой – модель *D*.

Решение Банка России выбрать модель системы с гибридной цифровой валютой обусловлено приоритетами центрального банка в отношении его роли в денежной и платежной системах и функций, которые регулятор готов делегировать участникам финансового рынка в системе цифровой валюты центрального банка. По нашему мнению, модель *B* трудно реализовать в современных условиях, кардинально не изменив компетенции центрального банка и роли кредитных и финансовых учреждений в денежной и платежной системах. В то же время модель *C*, в которой цифровая валюта представляет собой прямые денежные требования к ЦБ, но открытие цифровых кошельков клиентам и инициирование платежей по денежным обязательствам проводятся финансовыми посредниками, в наибольшей степени отвечает интересам как центрального банка, так и пользователей цифровой валюты. Однако, так как в настоящее время ЦБ стремится максимально нивелировать риски негативного влияния цифровых валют на деятельность кредитных учреждений и финансовых посредников, выбор модели *D* является экономически обоснованным.

На рис. 3 представлена модель двухуровневой системы с гибридной цифровой валютой Банка России.

Как видно на рис. 3, Банк России находится на первом уровне системы, являясь эмитентом цифрового рубля и оператором его платформы. Одной из важнейших функций центрального банка как оператора платформы является открытие цифровых кошельков финансовым организациям и Федеральному казначейству (далее – ФК) и проведение по ним расчетных операций. Также

Банк России развивает платформу цифрового рубля за счет внедрения новых финансовых и информационных сервисов, разрабатывает стандарты, в соответствии с которыми функционирует платформа, осуществляет поддержку информационной безопасности.

Финансовые организации и Федеральное казначейство находятся на втором уровне двухуровневой *R-CBDC* в России, выступая в качестве финансовых и информационных провайдеров, связывающих пользователей с центральным банком. Основная функция финансовых организаций состоит в обеспечении открытия и пополнения кошельков пользователей и осуществлении расчетов на платформе цифрового рубля³². Также финансовые институты уполномочены на осуществление процедур в сфере противодействия отмыванию денег и финансирования террористической деятельности, а также на контроль за исполнением требований валютного регулирования. В то же время Федеральное казначейство осуществляет расчетные операции по своим кошелькам на платформе цифрового рубля для обеспечения функционирования организаций бюджетной сферы.

Механизмы минимизации рисков, связанных с внедрением цифрового рубля

Несмотря на то, что по аналогии с Народным банком Китая для организации эмиссии и обращения цифрового рубля Банк России выбрал модель двухуровневой *R-CBDC*, в отличие от цифрового юаня, который выпускается в рамках системы с опосредованной цифровой валютой, цифровой рубль выпускается в рамках системы с гибридной цифровой валютой. В этой связи следует отметить, что для моделей систем с гибридной цифровой валютой характерны более высокие технологические риски (риск низкой производительности платформы, риск безопасного хранения и конфиденциальности данных в реестре эмитента и др.), а также риск оттока ликвидности из банковской системы.

Для минимизации технологических рисков Банк России предполагает использование варианта гибридной архитектуры платформы цифрового рубля,

³² Примечательно, что клиенту открывается только один кошелек в цифровых рублях, что является довольно спорным решением. Дело в том, что в таком случае у регулятора нет возможности сделать управление кошельком дифференцированным, настраиваемым в целях контроля за движением денежных средств и проведения денежно-кредитной политики.

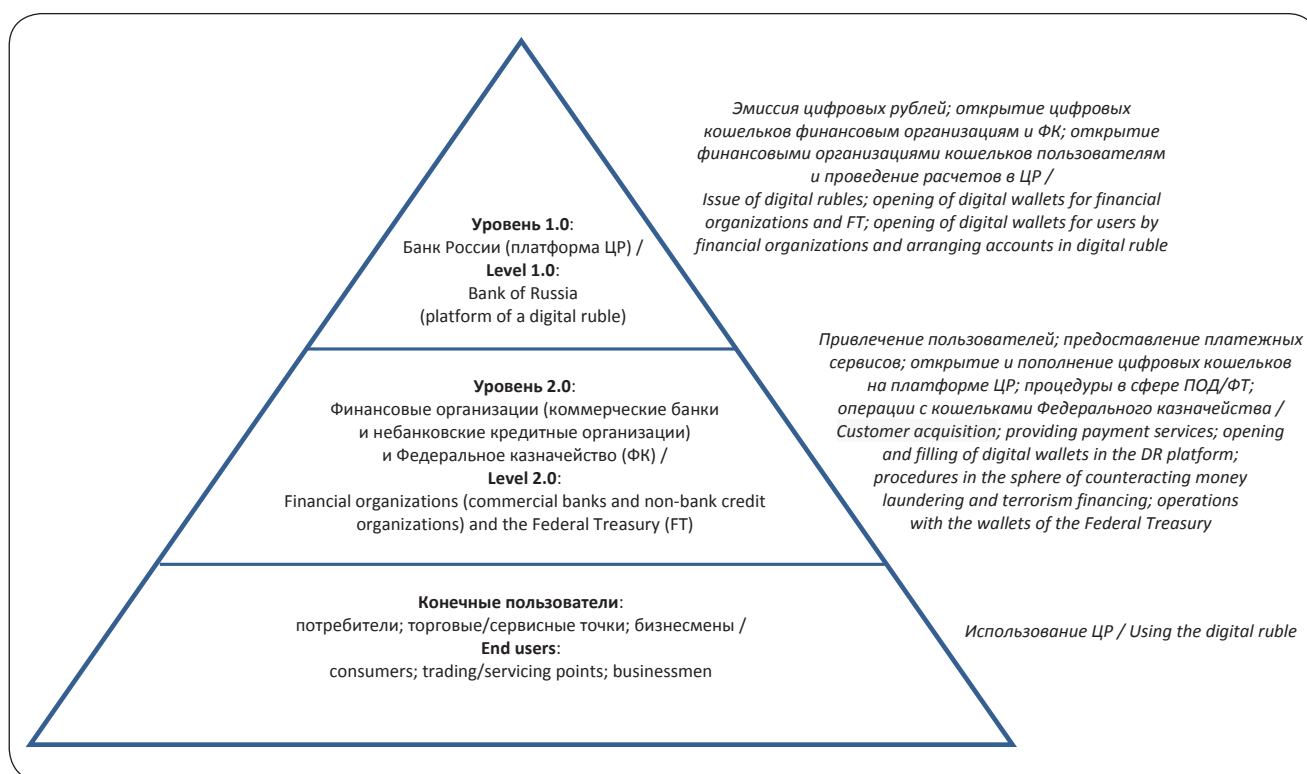

Рис. 3. Модель двухуровневой R-CBDC в России (система с гибридной цифровой валютой)

Источник: составлено по [17, 37].

Fig. 3. Model of a two-tiered R-CBDC in Russia (system with hybrid digital currency)

Source: compiled with [17, 37].

в которой будут сочетаться элементы распределенных реестров и специальных централизованных компонентов для обработки транзакций и др. Однако без функционального и технического взаимодействия с технологическими компаниями и финансовыми институтами по перераспределению компетенций и рисков на платформе цифрового рубля решить данную задачу сложно.

В то же самое время для минимизации риска оттока ликвидности Банк России планирует сделать процесс введения цифрового рубля в обращение постепенным и контролируемым, что позволит коммерческим банкам адаптироваться, скорректировав структуру своих балансов. Также Банк России собирается компенсировать отток ликвидности из банков в полном объеме за счет существующих инструментов денежно-кредитной политики [38]. В целях ограничения рисков ликвидности Банк России может предусмотреть использование банками лимитных механизмов

при операциях с цифровым рублем [17]. Последний механизм представляется нам эффективным, но трудно реализуемым без разработки дифференцированного инструментария цифровых валют. В то же время эффекты и риски внедрения цифрового рубля в денежное обращение будут в значительной степени зависеть от окончательных характеристик дизайна национальной цифровой валюты, которые необходимо совершенствовать в рамках тестовых испытаний и реализации пилотных проектов.

В настоящее время Банком России создан прототип платформы цифрового рубля, и в середине февраля 2022 г. первая пилотная группа из 12 банков приступит к тестированию.³³ Предполагается, что тестирование прототипа платформы цифрового рубля будет

³³ Цифровой рубль: старт тестирования. Банк России (15.02.2022). URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=12685> (дата обращения: 15.02.2022).

проводиться совместно с участниками финансового рынка в течение 2022 г. Планируется поэтапное развитие платформы цифрового рубля, предусматривающее на первом этапе подключение кредитных организаций и ФК, а также реализацию полного спектра платежей между населением, бизнесом и государством. На втором этапе предусматривается подключение финансовых посредников, внедрение офлайн-кошельков режима, обеспечение обмена цифрового рубля на иностранную валюту и возможности открытия цифровых кошельков нерезидентам [17]. По нашему мнению, развитие онлайн- и офлайн-кошельков должно осуществляться одновременно, для того чтобы повысить заинтересованность потребителей в использовании цифрового рубля в качестве заменителя наличных денег и снизить давление на банковские депозиты.

Цифровые валюты как новое направление интеграции платежных систем России и Беларуси

Несмотря на то, что Национальный банк Республики Беларусь только в конце 2021 г. приступил к изучению вопроса о целесообразности внедрения цифрового белорусского рубля,³⁴ в национальной платежной системе (далее – НПС) Республики Беларусь наблюдаются процессы, схожие с процессами, протекающими в национальной платежной системе России. Роль безналичных расчетов продолжает неуклонно расти. Так, по итогам первого полугодия 2021 г. объем безналичных платежей в Беларуси увеличился по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. на 24 %, или почти на 6 млрд рублей. Доля безналичных платежей по итогам первого полугодия 2021 г. составила 63,6 %, а доля наличных операций – 36,4 %³⁵. Поэтому аналогично Китаю и России внедрение цифрового белорусского рубля может быть направлено на поддержание спроса на центробанковские деньги, расширение доступа населения к финан-

совым услугам, а также способствовать усилению контроля за расходованием бюджетных средств.

Экономическая интеграция России и Беларуси, а также активное взаимодействие с другими странами ЕАЭС могут явиться важным триггером для внедрения центробанковских цифровых валют в Беларуси³⁶. Так, план по экономической интеграции России и Беларуси, одобренный на заседании Совета Министров Союзного государства в сентябре 2021 г., предусматривает интеграцию платежных систем в области национальных систем платежных карт, систем передачи финансовых сообщений и расчетов, внедрения международного стандарта финансовых сообщений ISO 20022, системы быстрых платежей, развития финансовых технологий и др.³⁷

Также следует отметить, что начиная с 2017 г. в Беларуси был принят ряд важных нормативно-правовых документов, направленных на создание благоприятных условий для внедрения инновационных информационных технологий, таких как технологии распределенных реестров, искусственного интеллекта, больших данных и др.³⁸ Посредством создания особой налогово-правовой зоны – Парка высоких технологий (Парка) – в страну было привлечено большое количество IT-специалистов, открыты новые финтехи, которые могут быть привлечены к разработке дизайна национальной цифровой валюты³⁹.

³⁶ Национальный банк Республики Казахстан вслед за Банком России в мае 2021 г. опубликовал Доклад для публичных обсуждений «Цифровой тенге» (Национальный банк Республики Казахстан. Доклад о результатах пилотного проекта, 2021. 96 с. URL: <https://nationalbank.kz/file/download/72224> (дата обращения: 10.02.2022).

³⁷ Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства 10.09.2021. URL: <http://government.ru/news/43234/> (дата обращения: 20.02.2022).

³⁸ Декрет № 8 Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716> (дата обращения: 16.02.2022).

³⁹ На начало 2022 г. резидентами Парка высоких технологий было более 1 060 компаний. При этом 47 компаний работало в сфере финансовых услуг или банковском секторе. (Парк высоких технологий). URL: <https://park.by/residents/?q=&UNP=&search=Y&STAFF=&EXPER=&SFERA%5B%5D=663&save=Найти> (дата обращения: 16.02.2022).

³⁴ Доклад М. Демиденко на круглом столе «Цифровые валюты центральных банков». 17.09.2021. Национальный банк Республики Беларусь. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rITgMcuOVI> (дата обращения: 12.02.2022).

³⁵ Объем безналичных платежей в Беларуси вырос на 6 млрд рублей // Про Труд. 01.09.2021. URL: <https://protrud.by/news/obyem-beznalichnykh-platezhey-v-belarusi-vyros-na-6-mlrd-rublej/> (дата обращения: 16.02.2022).

В настоящее время интеграция платежных систем России и Беларуси не только продиктована экономическими потребностями в построении единого платежного пространства, но также обусловлена проблемой обеспечения платежной и финансовой безопасности обеих стран. Тема возможного отключения российских банков от ведущих международных систем расчетов банковскими картами *VISA* и *Mastercard* и Всемирной системы передачи финансовых сообщений (*SWIFT*) регулярно возникала, начиная с 2014 г., с момента введения рядом западных стран экономических санкций в отношении России (из-за аннексии Крыма) и Беларуси (вследствие нарушения прав человека).

Вопрос отключения российских банков от *VISA*⁴⁰ и *Mastercard*⁴¹ и *SWIFT* приобрел особую остроту в свете начала военных действий России на Украине в феврале 2022 г. Так, 24 февраля 2022 г. США и 1 марта 2022 г. страны ЕС ввели блокирующие санкции в отношении ряда российских банков. В санкционные списки Казначейства США (*SDN*)⁴² и Совета стран ЕС⁴³, предусматривающие максимальные ограничения и полную заморозку активов, попали пять российских банков⁴⁴. Для данных банков в платежной сфере были установлены следующие ограничения: по использованию карт *VISA* и *Mastercard* в трансграничных и зарубежных расчетах; по осуществлению международных валютных переводов по данным картам; по выпуску новых карт, в том числе

после истечения срока их действия и др. Через несколько дней после объявления правительственных санкций международные платежные системы *VISA*⁴⁵ и *Mastercard*⁴⁶ приняли решение о полной приостановке обслуживания своих карт, выпущенных российскими банками, за пределами России с 10 марта 2022 г. К указанным платежным системам присоединились также платежные системы и сервисы *American Express*, *JCB*, *PayPal*, *Revolut* и др. Также на территории России перестали работать платежные сервисы *ApplePay*, *GooglePay* и *SamsungPay*.

Кроме того, страны «Большой семерки» (*G7*) приняли решение отключить с 12 марта 2022 г. вышеуказанные банки, а также АО АБ «Россия», ВЭБ.РФ от всемирной системы передачи финансовых сообщений *SWIFT*⁴⁷. Фактически для санкционных банков это означало запрет на предоставление специализированных услуг по обмену финансовыми данными во всемирной системе с кредитными учреждениями из других стран с целью проведения международных расчетов от лица клиентов клиентами – юридическими лицами и организациями.

Как в случае с ограничениями использования карт международных платежных систем, так и по осуществлению передачи финансовых сообщений во всемирной системе коммуникаций речь идет об угрозе нарушения бесперебойности функционирования национальной платежной системы страны, угрозе функционирования социально значимых платежных систем и в конечном счете финансовой безопасности страны. В целях минимизации рисков, связанных с введением финансовых санкций, в 2014 г. Банком России была создана Национальная система платежных карт (далее – НСПК), что позволило перевести процессинг по транзакциям с использованием карт международных платежных систем на территорию России, выпустить дифференцированную линейку

⁴⁰ VISA Statement 01.03.2022. Update on Ukraine Humanitarian Aid and Sanctions. URL: <https://usa.visa.com/visa-everywhere/blog/bdp/2022/02/28/a-message-from-1646083498219.html> (дата обращения: 04.03.2022).

⁴¹ Mastercard Statement 28.02.2022. URL: <https://www.mastercard.com/news/press/2022/february/mastercard-statement/> (дата обращения: 04.03.2022).

⁴² U.S. Department of the Treasury. Specially Designated Nationals and Blocked Persons List (SDN) Human Readable Lists. Office of Foreign Assets Control. URL: <https://www.treasury.gov/ofac/downloads/sdnnew22.pdf> (дата обращения: 04.03.2022).

⁴³ Council Regulation (EU) 2022/345 of 1 March 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.063.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A063%3ATOC (дата обращения: 04.03.2022).

⁴⁴ Этими банками являлись: ПАО «ВТБ», ПАО «Совкомбанк», АО «Новикомбанк», ПАО «Промсвязьбанк» и ПАО «Банк «Финансовая корпорация Открытие».

⁴⁵ Visa Statement 05.03.2022. Suspends All Russia Operations. URL: <https://usa.visa.com/about-visa/newsroom/press-releases/releaseId.18871.html> (дата обращения: 06.03.2022).

⁴⁶ Mastercard Statement 05.03.2022. On Suspension of Russian Operations. URL: <https://investor.mastercard.com/investor-news/investor-news-details/2022/Mastercard-Statement-on-Suspension-of-Russian-Operations/default.aspx> (дата обращения: 06.03.2022).

⁴⁷ SWIFT Statement. 02.03.2022 An Update to Our Message for the SWIFT Community. URL: <https://www.swift.com/news-events/news/message-swift-community> (дата обращения: 04.03.2022).

национальных платежных карт «Мир», в том числе кобейджинговых карт с китайской системой *UnionPay* и другими международными системами, а также развить инфраструктуру по приему карт «Мир» не только на территории страны, но и в других странах ЕАЭС, Турции и Вьетнаме⁴⁸. В конце 2021 г. был завершен проект интеграции национальных платежных карт России и Беларуси – «Мир» и «Белкарт»⁴⁹.

Также в 2014 г. Банком России была создана Система передачи финансовых сообщений (далее – СПФС), являющаяся по своей сути российским аналогом системы *SWIFT*⁵⁰. В рамках интеграции платежных систем союзных государств на начало декабря 2021 г. все кредитные организации Беларуси и большинства стран ЕАЭС были подключены к СПФС Банка России⁵¹. Также в последние годы Банком России активно развивается система быстрых платежей (далее – СБП), которая направлена на снижение доли расчетов наличными деньгами и банковскими картами в национальной платежной системе за счет применения QR-кодов. В ближайшее время в Республике Беларусь ожидается запуск системы мгновенных платежей и ее последующая интеграция с СБП Банка России⁵².

Хотя перечисленные выше меры в тактическом плане решают задачу по поддержанию бесперебой-

ности функционирования расчетов внутри России, между Россией и Беларусью, а также между Россией и другими странами ЕАЭС, они не способны в настоящее время обеспечить расчеты между физическими и юридическими лицами, а также кредитными организациями России на международном уровне. В этой связи стратегически важным направлением призванным, с одной стороны, способствовать повышению эффективности функционирования платежных систем за счет их дальнейшей интеграции, с другой – обеспечивать создание новых платежных механизмов, не зависящих от экономических и финансовых санкций, являются центробанковские цифровые валюты. Поэтому необходимо интенсифицировать процессы тестирования и выпуска цифрового рубля, разработку и внедрение цифрового белорусского рубля, заключения межправительственных соглашений и унификации механизмов трансграничного использования цифровых валют центральных банков, в том числе в расчетах между Россией, Беларусью, Казахстаном, другими странами ЕАЭС, а также Китаем и странами с формирующимися рынками. Однако процесс реализации трансграничного использования цифровых валют является достаточно длительным, так как требуется согласовать множество вопросов, связанных с защитой денежного суверенитета, согласованием валютной политики, унификацией нормативных требований, информационных и технических стандартов.

Выводы

1. Цифровые валюты центральных банков являются новой формой фиатных денег, совмещающей в себе возможность универсального обращения с цифровой формой репрезентации обязательства денежного регулятора. Эмиссия цифровых валют технологически может быть реализована либо на основе цифровых токенов, либо осуществляться на основе счетов, что влияет на их функциональные характеристики. При этом цифровые валюты центральных банков различаются целью использования: цифровые валюты для розничных платежей и цифровые валюты для оптовых расчетов. Выпуск цифровых валют для розничных платежей направлен, прежде всего, на сохранение роли государства в процессе создания и обращения денег, а также на обеспечение пользователей высоколиквидным, низкорисковым, удобным и законным средством платежа.

⁴⁸ На конец ноября 2021 г. было выпущено около 109 млн карт «Мир». Их доля на российском рынке по количеству карт составляла более 32 %, по объему платежей – более 25 %. (Выступление Начальника управления департамента национальной платежной системы Банка России Д. Барышкова на VIII Национальном платежном форуме 09.12.2022. URL: https://www.russianpaymentsforum.ru/post/202109_02 (дата обращения: 03.02.2022)).

⁴⁹ Постановление Национального банка Беларуси «Об обращении банковских платежных карточек и функционировании объектов программно-технической инфраструктуры» // Банкаўскі Вестнік. 2021, июль. С. 9–14. URL: https://www.nbrb.by/bv/arch/suppl_124.pdf (дата обращения: 16.02.2022).

⁵⁰ Система передачи финансовых сообщений. Банк России. 2021. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/92866/SPFS_07062021.pdf (дата обращения: 16.02.2022).

⁵¹ В настоящее время к СПФС Банка России также подключены более 335 пользователей, в том числе 38 зарубежных участников не только из Беларуси, но также из Казахстана, Армении, Киргизии и других стран (VIII Национальный платежный форум). 09.12.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nF7qnODXTs> (дата обращения: 16.02.2022).

⁵² Концепция создания сервиса по мгновенным платежам. Национальный банк Республики Беларусь. URL: <https://www.nbrb.by/payment/concept-instant-payment-service.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).

2. Можно выделить три основных эмиссионно-расчетных модели систем цифровой валюты для розничных платежей: одноуровневая система *R-CBDC* (система с прямой цифровой валютой); двухуровневая система *R-CBDC* (система с синтетической/опосредованной цифровой валютой или система с гибридной цифровой валютой). Ключевые различия моделей эмиссионно-расчетных систем цифровых валют для розничных платежей состоят в природе денежного требования, методе его хранения и перевода, а также функциях, которые выполняют центральный банк, кредитные учреждения и финансовые посредники.

3. Опыт внедрения цифрового юаня показывает, что процесс внедрения цифровой валюты является сложным экономическим и технологическим процессом. Для выпуска цифрового юаня Народным банком Китая была выбрана модель двухуровневой системы с опосредованной цифровой валютой. Главными достоинствами этой модели являются: 1) упрощенный вариант замещения наличных денег в обращении; 2) имплементация цифровой валюты без существенного изменения денежной и финансовой системы; 3) сохранение роли кредитных и финансовых учреждений на рынке платежных услуг; 4) диверсификация рисков между центральным банком и финансовыми учреждениями; 5) стимулирование инноваций как на платежном, так и финансовом рынке.

4. При эмиссии цифрового рубля Банком России выбрана модель двухуровневой эмиссионно-расчетной системы с гибридной цифровой валютой. Роль финансовых учреждений в технологическом и функциональном плане в такой системе менее значима, чем в случае с опосредованной цифровой валютой, так как не только эмиссия, но и проведение операций с цифровым рублем в такой системе осуществляется на платформе Банка России. В результате технологические риски в модели расчетов на платформе центрального банка значительно выше, чем в случае с более распределенным хранением операционных данных и дифференцированной системой полномочий между центральным банком и финансовыми учреждениями, как в системе цифрового юаня НБК. Однако систему

с гибридной цифровой валютой проще технически реализовать и контролировать, а также развивать на единой цифровой платформе новые инструменты и сервисы.

5. Для дальнейшего развития концепции цифровой валюты в России считаем необходимым разработать надежные механизмы защиты целостности и конфиденциальности хранимой в реестре центрального банка платежной информации; в создании более дифференцированного инструментария программных и аппаратных кошельков, а также установление лимитов на суммы платежа и балансы цифровых рублей в различных типах кошельков, что позволит лучше управлять конверсией между формами денег и минимизировать риски использования цифровых рублей в незаконных целях; в параллельном внедрении с онлайнowymi также офлайнowych цифровых кошельков, что позволит повысить заинтересованность потребителей в использовании цифрового рубля в качестве заменителя наличных денег и будет способствовать финансовой инклюзии.

6. Ускорению процессов выпуска цифровой валюты в России и ее внедрения в Республике Беларусь может способствовать необходимость в создании новых, более глобальных, платежных механизмов, позволяющих повысить финансовую безопасность обеих стран и нивелировать негативные последствия от введения экономических и финансовых санкций. Также важным триггером внедрения цифровых валют является экономическая интеграция между странами, а также тенденция по внедрению цифровых валют в Китае, Казахстане и других странах ЕАЭС. В процессе проектирования национальной цифровой валюты в Беларуси могут быть использованы апробированные в других странах модели эмиссионно-расчетных систем цифровых валют, архитектуры цифровых платформ и технологии расчетов разными типами цифровых кошельков. Поскольку практики денежно-кредитного регулирования также претерпят изменения по мере широкого тестирования и выпуска цифровых валют, это позволит Национальному банку Беларуси учесть опыт других стран и нивелировать негативные последствия внедрения цифровой валюты в денежное обращение.

Список литературы

1. Designing Central Bank Digital Currencies. International Monetary Fund / I. Agur, A. Ari, G. Dell'Ariccia // Working Paper. 2019. № 252. 36 p.
2. Adrian T., Mancini-Griffoli T. The Rise of Digital Money. International Monetary Fund. Fintech Note. 2019. № 19/001. 20 p.

3. Adrian T., Mancini-Griffoli T. Public and Private Money Can Coexist in the Digital Age. International Monetary Fund (IMF). IMFBlog. 2021. February 18. URL: <https://blogs.imf.org/2021/02/18/public-and-private-money-can-coexist-in-the-digital-age/> (дата обращения: 28.10.2021).
4. Soderberg G. et al. Behind the Scenes of Central Bank Digital Currency. FinTech Notes. 2022. № 2022/004, February. 35 p.
5. Bank for International Settlements. Central Bank Digital Currencies. Report. Committee on Payments and Market Infrastructures. 2018. № 174. 28 p.
6. Bank for International Settlements. Annual Economic Report. CBDCs: An Opportunity for the Monetary System. 2021. June. Pp. 65–90.
7. Bank for International Settlements. Central Bank Digital Currencies for Cross-Border Payments Report to the G20. Committee on Payments and Market Infrastructures. Innovation Hub. IMF. World Bank Group. 2021. July. 34 p.
8. Financial Stability Board. G20 Roadmap for Enhancing Cross-Border Payments: First Consolidated Progress Report. 13.10.2021. URL: <https://www.fsb.org/2021/10/g20-roadmap-for-enhancing-cross-border-payments-first-consolidated-progress-report/> (дата обращения: 15.02.2021).
9. Boar C., Wehrli A. Ready, Steady, Go? – Results of the Third BIS Survey on Central Bank Digital Currency. Bank for International Settlements // BIS Papers. 2021. January, № 114. 23 p.
10. European Central Bank. Report on a Digital Euro. 2020. October. 53 p.
11. Klein M., Gross J. et al. The Digital Euro and the Role of DLT for Central Bank Digital Currencies. Frankfurt School of Finance & Management GmbH // FSBC Working Paper. 2020. May. 24 p.
12. Board of Governors of the Federal Reserve System. Money and Payments: The U.S. Dollar in the Age of Digital Transformation // Research & Analysis. 2022. January. 36 p. URL: <https://www.federalreserve.gov/publications/files/money-and-payments-20220120.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
13. Yanagawa N., Yamaoka H. Digital Innovation, Data Revolution and Central Bank Digital Currency. Bank of Japan // Working Paper Series. 2019. № 19-E-2. 19 p.
14. Bank of England. Central Bank Digital Currency: Opportunities, Challenges and Design // Discussion Paper. 2020. March. 55 p.
15. Group of Central Banks. Central Bank Digital Currencies: Foundational Principles and Core Features // Report No 1 in a Series of Collaborations from Bank of Canada, European Central Bank, Bank of Japan, Sveriges Riksbank, Swiss National Bank, Bank of England, Board of Governors Federal Reserve System, Bank for International Settlements. 2020. October. 21 p.
16. Кочергин Д. А. Современные модели систем цифровых валют центральных банков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2021. Т. 37, № 2. С. 205–240. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.202>
17. Банк России. Концепция цифрового рубля. 2021. Апрель. 30 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 10.02.2022).
18. Official Monetary and Financial Institutions Forum. Retail CBDCs. The Next Payments Frontier. 2019. URL: <https://www.omfif.org/wpcontent/uploads/2019/11/Retail-CBDCs-The-next-payments-frontier.pdf> (дата обращения: 07.09.2021).
19. Bindseil U. Tiered CBDC and the Financial System. European Central Bank // Working Paper Series. 2020. № 2351. 42 p.
20. Houben R., Snyers A. (2020) Crypto-assets: Key Developments, Regulatory Concerns and Responses. The European Parliament. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, April. 77 p.
21. Group of Central Banks. Central Bank Digital Currencies: System Design and Interoperability Report No 2 in a Series of Collaborations from Bank of Canada, European Central Bank, Bank of Japan, Sveriges Riksbank, Swiss National Bank, Bank of England, Board of Governors Federal Reserve System, Bank for International Settlements. 2021. September. 15 p.
22. Kumhof M., Noone C. Central Bank Digital Currencies – Design Principles and Balance Sheet Implications. Bank of England // Working Paper. 2018. № 725. 54 p.
23. Auer R., Bohme R. The Technology of Retail Central Bank Digital Currency. Bank for International Settlements // BIS Quarterly Review. 2020. March. Pp. 85–100.
24. Киселев А. Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков? Аналитическая записка. Апрель. Центральный банк Российской Федерации. 2019. URL: https://cbr.ru/content/document/file/71328/analytic_note_190418_dip.pdf (дата обращения: 26.06.2020).
25. Кочергин Д. А., Янгирова А. И. Центробанковские цифровые валюты: ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы. Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23, № 4. С. 80–98.
26. Broadening Narrow Money: Monetary Policy with a Central Bank Digital Currency Bank of England / J. Meaning, B. Dyson, B. James, E. Clayton // Working Paper. 2018. № 724. 36 p.
27. Casting Light on Central Bank Digital Currency / T. Mancini-Griffoli, M. Martinez Peria et al. // International Monetary Fund, Staff Discussion Notes. 2018. 39 p.
28. Juks R. When a Central Bank Digital Currency Meets Private Money: The Effects of an e-Krona on Banks. Sveriges Riksbank // Economic Review. 2018. № 3. Pp. 79–99.

29. Group of Central Banks. Central Bank Digital Currencies: Financial Stability Implications // Report № 4 in a Series of Collaborations from Bank of Canada, European Central Bank, Bank of Japan, Sveriges Riksbank, Swiss National Bank, Bank of England, Board of Governors Federal Reserve System, Bank for International Settlements. 2021. September. 27 p.

30. DCEP Whitepaper. The Whitepaper Database. 2020. URL: <https://www.allcryptowhitepapers.com/dcep-whitepaper/> (дата обращения: 05.10.2021).

31. People's Bank of China. Progress of Research & Development of E-CNY in China. Working Group on E-CNY Research and Development. 2021. 15 p.

32. Fanusie Y., Jin E. China's Digital Currency. CNAS. 2021. July. 56 p. URL: <https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-Chinas-Digital-Currency-Jan-2021-final.pdf?mtime=20210125173901&focal=none> (дата обращения: 01.10.2021).

33. Yao Qian. Technical Aspects of CBDC in Two-Tiered System. 2018. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-T/Workshops-and-Seminars/20180718/Documents/Yao%20Qian.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

34. Yao Qian. Conceptual Prototype of Chinese Digital Fiat Currency. Crypto Review. 2019. September, Vol. 1. URL: <https://cryptoreview.hk/wp-content/uploads/2019/10/Conceptual-Prototype-of-Chinese-Digital-Fiat-Currency-Crypto-Review.pdf> (дата обращения: 26.01.2022).

35. Deutsche Bank. Digital Yuan: What Is It and How Does It Work? 2021. July. URL: <https://www.db.com/news/detail/20210714-digital-yuan-what-is-it-and-how-does-it-work#:~:text=Deutsche%20Bank's%20research%20team%20examines%20the%20digital%20currency,be%20primarily%20used%20for%20retail%20payments%20in%20China> (дата обращения: 15.02.2022).

36. CBDCs Beyond Borders: Results from a Survey of Central Banks. Bank for International Settlements. Monetary and Economic Department / R. Auer, C. Boar, G. Cornelli et al. // BIS Papers. 2021. № 116. June. 19 p.

37. Банк России. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. 2020. Октябрь. 47 с. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

38. Что изменится для банков и их клиентов с введением цифрового рубля / В. Грищенко, А. Морозов и др. Банк России. Аналитическая записка. 2021. Январь. 18 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/118208/analytic_note_20210126_dip.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

References

1. Agur, I., Ari, A., Dell'Ariccia, G. (2019). Designing Central Bank Digital Currencies. International Monetary Fund, *Working Paper*, 252, 36.
2. Adrian, T., Mancini-Griffoli, T. (2019) The Rise of Digital Money. International Monetary Fund. *Fintech Note*, 19/001, 20.
3. Adrian, T., Mancini-Griffoli, T. (2021). Public and Private Money Can Coexist in the Digital Age. International Monetary Fund (IMF). *IMF Blog. February 18*. <https://blogs.imf.org/2021/02/18/public-and-private-money-can-coexist-in-the-digital-age/>
4. Soderberg, G. et al. (2022). Behind the Scenes of Central Bank Digital Currency. *FinTech Notes*, 2022/004, February, 35.
5. Bank for International Settlements (2018). *Central Bank Digital Currencies. Report. Committee on Payments and Market Infrastructures*, 174, 28.
6. Bank for International Settlements. (2021, June). *Annual Economic Report. CBDCs: An Opportunity for the Monetary System*, 65–90.
7. Bank for International Settlements. (2021, July). Central Bank Digital Currencies for Cross-Border Payments Report to the G20. *Committee on Payments and Market Infrastructures. Innovation Hub. IMF. World Bank Group*, 34.
8. Financial Stability Board. (2021). *G20 Roadmap for Enhancing Cross-Border Payments: First Consolidated Progress Report*. 13.10.2021. <https://www.fsb.org/2021/10/g20-roadmap-for-enhancing-cross-border-payments-first-consolidated-progress-report/>
9. Boar, C., Wehrli, A. (2021, January), Ready, Steady, Go? – Results of the Third BIS Survey on Central Bank Digital Currency. *Bank for International Settlements, BIS Papers*, 114, 23.
10. European Central Bank (2020, October). *Report on a Digital Euro*, 53.
11. Klein, M., Gross, J. et al. (2020, May). The Digital Euro and the Role of DLT for Central Bank Digital Currencies. Frankfurt School of Finance & Management GmbH, *FSBC Working Paper*, 24.
12. Board of Governors of the Federal Reserve System. (2022, January). Money and Payments: The U.S. Dollar in the Age of Digital Transformation. *Research & Analysis*, 36. <https://www.federalreserve.gov/publications/files/money-and-payments-20220120.pdf>
13. Yanagawa, N., Yamaoka, H. (2019). Digital Innovation, Data Revolution and Central Bank Digital Currency. Bank of Japan, *Working Paper Series*, 19-E-2, 19.
14. Bank of England. (2020, March). Central Bank Digital Currency: Opportunities, Challenges and Design. *Discussion Paper*, 55.
15. Group of Central Banks. (2020, October). Central Bank Digital Currencies: Foundational Principles and Core Features. *Report No 1 in a Series of Collaborations from Bank of Canada, European Central Bank, Bank of Japan, Sveriges Riksbank, Swiss National Bank, Bank of England, Board of Governors Federal Reserve System, Bank for International Settlements*, 21.

16. Kochergin, D. (2021). Modern models of systems of central bank digital currency. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 37 (2), 205–240 (in Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.202>
17. Bank of Russia (2021, April). *Conception of a digital ruble*, 30 (in Russ.). https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf
18. Official Monetary and Financial Institutions Forum (2019). *Retail CBDCs. The Next Payments Frontier*. <https://www.omfif.org/wpcontent/uploads/2019/11/Retail-CBDCs-The-next-payments-frontier.pdf>
19. Bindseil, U. (2020). Tiered CBDC and the Financial System. European Central Bank, *Working Paper Series*, 2351, 42.
20. Houben, R., Snyers, A. (2020, April). Crypto-assets: Key Developments, Regulatory Concerns and Responses. The European Parliament. *Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies*, 77.
21. Group of Central Banks (2021, September). *Central Bank Digital Currencies: System Design and Interoperability Report No 2 in a Series of Collaborations from Bank of Canada, European Central Bank, Bank of Japan, Sveriges Riksbank, Swiss National Bank, Bank of England, Board of Governors Federal Reserve System, Bank for International Settlements*, 15.
22. Kumhof, M., Noone, C. (2018). Central Bank Digital Currencies – Design Principles and Balance Sheet Implications. *Bank of England, Working Paper*, 725, 54.
23. Auer, R., Bohme, R. (2020, March). The Technology of Retail Central Bank Digital Currency. Bank for International Settlements. *BIS Quarterly Review*, 85–100.
24. Kiselev, A. (2019). Do the digital currencies of central banks have future? Analytical note. *Central Bank of the Russian Federation*. https://cbr.ru/content/document/file/71328/analytic_note_190418_dip.pdf (in Russ.).
25. Kochergin, D. A., Yangirova, A. I. (2019). Central bank Digital Currencies: Key Characteristics and Directions of Influence on Monetary and Credit and Payment Systems. *Finance: Theory and Practice*, 23 (4), 80–98 (in Russ.).
26. Meaning, J., Dyson, B., James, B., Clayton, E. (2018). Broadening Narrow Money: Monetary Policy with a Central Bank Digital Currency. *Bank of England, Working Paper*, 724, 36.
27. Mancini-Griffoli, T., Martinez Peria, M. et al. (2018). Casting Light on Central Bank Digital Currency. *International Monetary Fund, Staff Discussion Notes*, 39.
28. Juks, R. (2018). When a Central Bank Digital Currency Meets Private Money: The Effects of an e-Krona on Banks. *Sveriges Riksbank, Economic Review*, 3, 79–99.
29. Group of Central Banks. (2021, September). Central Bank Digital Currencies: Financial Stability Implications. *Report No. 4 in a Series of Collaborations from Bank of Canada, European Central Bank, Bank of Japan, Sveriges Riksbank, Swiss National Bank, Bank of England, Board of Governors Federal Reserve System, Bank for International Settlements*, 27.
30. DCEP Whitepaper. (2020). *The Whitepaper Database*. <https://www.allcryptowhitepapers.com/dcep-whitepaper/>
31. People's Bank of China. (2021). Progress of Research & Development of E-CNY in China. *Working Group on E-CNY Research and Development*, 15.
32. Fanusie, Y., Jin, E. (2021, July). China's Digital Currency. *CNAS*, 56. <https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-Chinas-Digital-Currency-Jan-2021-final.pdf?mtime=20210125173901&focal=none>
33. Yao, Qian. (2018). *Technical Aspects of CBDC in Two-Tiered System*. <https://www.itu.int/en/ITU-T/Workshops-and-Seminars/20180718/Documents/Yao%20Qian.pdf>
34. Yao, Qian. (2019, September). Conceptual Prototype of Chinese Digital Fiat Currency. *Crypto Review*, 1. <https://cryptoreview.hk/wp-content/uploads/2019/10/Conceptual-Prototype-of-Chinese-Digital-Fiat-Currency-Crypto-Review.pdf>
35. Deutsche Bank. (2021, July). *Digital Yuan: What Is It and How Does It Work?* <https://www.db.com/news/detail/20210714-digital-yuan-what-is-it-and-how-does-it-work#:~:text=Deutsche%20Bank's%20research%20team%20examines%20the%20digital%20currency,be%20primarily%20used%20for%20retail%20payments%20in%20China>
36. Auer, R., Boar, C., Cornelli, G. et al. (2021, June). CBDCs Beyond Borders: Results from a Survey of Central Banks. Bank for International Settlements. Monetary and Economic Department. *BIS Papers*, 116, 19.
37. Bank of Russia. (2020, October). *Digital ruble. A report for public consultations*, 47. https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf
38. Grishchenko, V., Morozov, A. et al. (2021, January). What will change for the banks and their clients if a digital ruble is introduced? Bank of Russia. *Analytical note*, 18. https://cbr.ru/Content/Document/File/118208/analytic_note_20210126_dip.pdf

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 13.01.2022

Дата принятия в печать после доработки / Date of acceptance for publication after finalization 02.03.2022

ФОКУС НА РЕГИОНЫ / FOCUS ON REGIONS

Редактор рубрики Н. С. Селиверстова / Rubric editor N. S. Seliverstova

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.79-93>

УДК 001.895:332.1:338.2(470.5)(571.1)

JEL: O3, P25, R12, R5

Ю. А. КУЗНЕЦОВА¹

¹ Филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Новокузнецке,
г. Новокузнецк, Россия

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ МАКРОРЕГИОНОВ СИБИРИ

Кузнецова Юлия Александровна, кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник, доцент кафедры экономики и управления,
филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева
в г. Новокузнецке
E-mail: acanaria2005@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4155-5742>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/M-8917-2013>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 9712-0664, AuthorID: 647279

Аннотация

Цель: оценка уровня включенности характеристик инновационного пространства в законодательные акты об инновационной деятельности в макрорегионах Сибири.

Методы: пространственный подход, позволивший рассматривать инновационное развитие макрорегиона через характеристики протяженности, связности, плотности, однородности; синхронный метод, позволивший осуществить сравнение законодательных документов в макрорегионах Сибири по представленности в них пространственных характеристик; качественный контент-анализ, использованный для выявления в текстах законодательных документов об инновационной деятельности слов и словосочетаний, характеризующих пространственное развитие инноваций.

Результаты: в работе выявлено возрастание внимания зарубежных и отечественных ученых к поиску направлений повышения эффективности законодательного регулирования инновационной деятельности. Определено, что в региональных законодательных актах макрорегионов Сибири (Уральско-Сибирского и Южно-Сибирского), регулирующих инновационную политику, характеристики инновационного пространства практически не отражены (в качестве таковых выделены взаимодействие, сотрудничество, связь, партнерство). Менее чем в половине проанализированных документов характеристики пространственного развития инноваций отсутствуют, в трети – в качестве характеристики пространственного развития упомянуто межтерриториальное сотрудничество. В исследуемых документах преобладающей формой сотрудничества и взаимодействия остается формирование кластеров и согласованное развитие науки, инноваций, производства и образования.

© Кузнецова Ю. А., 2022

© Kuznetsova Yu. A., 2022

Научная новизна: в статье впервые проведена оценка представленности пространственных характеристик развития инноваций в соответствующих законодательных актах макрорегионов России. Дано понимание, что территории макрорегионов должны иметь более плотные, интенсивные связи в развитии инноваций, чтобы соответствовать своему целевому предназначению. Автором предложено совершенствование законодательного регулирования инновационной деятельности путем включения требования к регионам о необходимости развития межсекторального и межтерриториального взаимодействия.

Практическая значимость: представленный в статье анализ законодательных актов в области поддержки инноваций и развития инновационной деятельности с точки зрения пространственного подхода может быть полезен для корректировки существующих и выработки новых подходов пространственного и инновационного развития макрорегионов России. Результаты исследования предназначены для органов государственной власти, участвующих в формировании инновационной политики регионов.

Ключевые слова: пространство, пространственное развитие, инновации, инновационная деятельность, макрорегион, Уральско-Сибирский макрорегион, Южно-Сибирский макрорегион, сотрудничество, взаимодействие, партнерство

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кузнецова Ю. А. Характеристики пространственного развития инноваций в законодательных актах макрорегионов Сибири // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 79–93. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.79-93>

The scientific article

Yu. A. KUZNETSOVA¹

¹ Novokuznetsk branch of Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Novokuznetsk, Russia

CHARACTERISTICS OF THE SPATIAL DEVELOPMENT OF INNOVATIONS IN LEGISLATIVE ACTS OF SIBERIAN MACROREGIONS

Yulia A. Kuznetsova, PhD (Economics), Leading Researcher, Associate Professor of the Department of Economics and Management,
Novokuznetsk branch of Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev
E-mail: acanaria2005@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4155-5742>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/M-8917-2013>
eLIBRARY ID: SPIN-code: 9712-0664, AuthorID: 647279

Abstract

Objective: to assess the level of inclusion of the innovation space characteristics into the legislative acts on innovation activity in the macroregions of Siberia.

Methods: a spatial approach, which allowed considering the innovative development of a macroregion through the characteristics of length, connectivity, density, and uniformity; a synchronous method, which made it possible to compare legislative documents in the macroregions of Siberia by the representation of spatial characteristics in them; a qualitative content analysis, used to identify words and phrases characterizing the spatial development of innovations in the texts of legislative documents on innovation activity.

Results: the paper revealed the increased attention of foreign and Russian scientists to the search for ways of improving the effectiveness of legislative regulation of innovation activity. It was determined that the regional legislative acts of the macroregions of Siberia (Ural-Siberian and South-Siberian macroregions) regulating innovation policy do not actually reflect the characteristics of the innovation space (such characteristics as interaction, cooperation, communication, and partnership are highlighted). In less than half of the analyzed documents, there are no characteristics of spatial development of innovations, in a third – interterritorial cooperation is mentioned as a characteristic of spatial development. In the studied documents, the predominant form of cooperation and interaction is the formation of clusters and the coordinated development of science, innovation, production, and education.

Scientific novelty: for the first time, the article evaluates the representation of spatial characteristics of innovation development in the relevant legislative acts of the macroregions of Russia. It is shown that the territories of macroregions should have denser, more intensive links in the development of innovations in order to meet their intended purpose. The author suggests improving the legislative regulation of innovation activity by including the requirement for regions to develop intersectoral and interterritorial interaction.

Practical significance: the analysis of legislative acts presented in the article in the field of innovation support and innovation development from the viewpoint of the spatial approach can be useful for correcting the existing and developing the new approaches to spatial and innovative development of macroregions of Russia. The research results are intended for public authorities involved in the formation of the innovation policy of the regions.

Keywords: Space, Spatial development, Innovations, Innovation activity, Macroregion, Ural-Siberian macroregion, South-Siberian macroregion, Cooperation, Interaction, Partnership

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kuznetsova, Yu. A. (2022). Characteristics of the Spatial Development of Innovations in Legislative Acts of Siberian Macroregions. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 79–93 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.79-93>

Введение

Проблематика пространственного развития насчитывает не одно десятилетие. Наиболее раннее теоретическое изложение понятия «пространство» зафиксировано в Античности, которое к настоящему времени преодолело множество трансформаций и играет ведущую роль в понимании сущности различных предметных областей и сфер жизни: математики, физики, архитектуры, медицины, информации и иных. В каждой из них пространство имеет свое содержание, структуру, направления развития. Сегодня большое внимание уделяется пространственной концепции развития территорий как новому подходу в решении задачи повышения его эффективности. Значимость пространственного развития территорий обусловлена необходимостью усиления межрегионального сотрудничества, снижения уровня межрегионального социально-экономического неравенства, увеличения количества центров экономического роста, усиления потенциала межтерриториального взаимодействия на различных уровнях, а также выравнивания уровня предпринимательской активности. В принятой Стратегии пространственного развития Российской Федерации 2019 г. содержание понятия «пространственное развитие» раскрывается как «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития» [1]. Акцент в со-

вершенствовании территориальной организации экономики делается на инновации, поскольку переход к инновационной экономике обусловил возникновение новых форм пространственной организации: разнотипных инновационных систем, технополисов, наукоградов и т. п., которые имеют специфические пространственные характеристики [2]. Сегодня инновационная деятельность все чаще рассматривается в контексте регионального развития и локальных инновационных систем, а повышенное внимание уделяется таким воздействующим факторам, как пространственная близость регионов, формирование локальных условий, специфика человеческого капитала и межрегиональное сотрудничество. К тому же проблемному полю относится концепция умных городов и умной специализации регионов, используемая в странах Европейского союза и многих других [3–4].

Исследованию характеристик экономического и инновационного пространства, пространственного развития регионов посвящено большое количество научных работ. Только за последние пять лет в зарубежных базах данных (*Scopus*, *Web of Science*), а также научно-электронной библиотеке eLIBRARY.RU количество публикаций по указанной тематике составило более 21 000 единиц. Наиболее часто исследователи выделяют такие характеристики экономического пространства и пространственного развития регионов, как плотность, размещение, связанность [5. С. 25; 6]; уровень использования ресурсов и степень их

вовлеченности [7. С. 15]; насыщенность [8. С. 146]. С. М. Могилевкин выделяет такие характеристики, как дифференцированность, контактность, доступность, емкость [9]. Единство и целостность, структурированность и иерархичность, функциональность, непрерывность функционирования, а также целенаправленность – те характеристики, которые рассматриваются Г. А. Парсадановым, В. В. Егоровым [10]. Особые и всеобщие характеристики экономического пространства предлагает выделять Д. П. Щетинина:

- особые характеристики: фрактальность, неоднородность, самоорганизация;

- всеобщие характеристики: объективность существования пространства и независимость от сознания человека; зависимость от структурных отношений и процессов развития в хозяйственных, экономических, производственных взаимодействиях; единство прерывности и непрерывности в структуре; наличие возможности прибавления (уменьшения) к каждому элементу какого-либо другого элемента; трехмерность [11. С. 15].

Рассуждая о содержании инновационного пространства, О. Б. Войекова и В. И. Лячин указывают на его открытый, самоорганизующийся характер [12]. Они считают, что «инновационное пространство находится в отношении взаимовлияния со средой, его наполняющей», и приводят следующие специфические характеристики: открытость, аутопойезис (самосозидание, самодотраивание, самоорганизация), синергизм, восприимчивость к инновациям. В целом схожего мнения о совокупности характеристик инновационного пространства придерживается Н. Е. Смольянинов, предлагая трактовать искомое понятие как «совокупность ресурсов предприятия, которая характеризует способность организации воспринимать, адаптировать, генерировать и реализовывать инновации» [13. С. 124]. Автор предлагает рассматривать такие характеристики инновационного пространства, как объективность, востребованность, неразрывность с материей, неотделимость от времени, протяженность, многомерность, относительность, обратимость, относительная бесконечность, непрерывность, дискретность. Примечательно, что инновационная среда позиционируется как характерная черта инновационного пространства.

В то время как пространственные характеристики достаточно полно описаны в рамках различных теоре-

тических подходов, в практической деятельности все не настолько очевидно. Представляется, что первой областью, где важность и необходимость развития пространственных характеристик инновационной деятельности должна быть прописана наиболее четко, являются нормативные правовые акты.

Пространственное развитие инноваций в исследованиях многих зарубежных ученых и специалистов определено не просто как один из аспектов инновационной деятельности, а как единственно возможная стратегия инновационного развития общества. При этом наблюдается выделение двух векторов: пространственное развитие в офлайн- и онлайн-среде.

Создание инновационных пространств, по мнению V. Nestle, P. Glauner, P. Plugmann, – это залог повышения инновационного потенциала, новый подход к проектированию инновационных экосистем, ключ к выживанию в постоянно меняющемся мире [14]. Схожего мнения придерживаются P. Blazek, V. Aschenbrenner, уточняя, что пространственное развитие инноваций должно быть «настраиваемым, гибким, позволяющим людям активно участвовать в его формировании и совершенствовании» [15]. О пространственном развитии инноваций с позиции концепции «5Р» говорит Nathaniel O. Agola, суть которой заключается в необходимости развития инноваций не только для групп людей с высокими доходами, но и для тех 4 млрд человек по всему миру, доходы которых составляют менее 2 долларов в день [16].

Понимая, что пространственное развитие инноваций происходит сегодня и в режиме онлайн, O. Salako, M. Gardner, V. Callaghan предлагают введение специальной среды для поддержки инноваций *i-Labs*, которую можно настраивать и адаптировать к потребностям отдельных лиц и конкретным инновационным сессиям [17].

Обобщение зарубежных исследований о законодательном регулировании пространственного развития инноваций позволяет выделить несколько следующих направлений:

- оценка наличия (отсутствия) законодательных противоречий между сотрудничающими в области инноваций территориями [18–20];

- влияние экономического, социального неравенства на пространственное развитие инноваций [21–22];

– особенности трудового законодательства в области международного инновационного сотрудничества [23].

Анализ тематической направленности публикаций об инновациях показывает, что отечественные ученые и специалисты активный интерес к содержанию соответствующего законодательства начали проявлять с начала 2000-х гг. Развитие законодательства об инновационной деятельности позиционировалось как наиболее актуальная задача экономической политики государства. Следование практико-ориентированному подходу, по мнению А. И. Каширина, позволяет максимально приблизить законодательство к условиям реальной деятельности [24]. По мнению автора, инновационное законодательство должно отталкиваться от потребностей реально действующих инновационных предприятий, для чего требуется «определение полного состава субъектов инновационной деятельности, поскольку именно они вступают в правовые и финансовые отношения друг с другом и с государством» [24. С. 14]. Активизация исследований в рассматриваемой области произошла в 2011 г. в связи с принятием Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», в котором государственная поддержка инновационной деятельности признана одним из предметов регулирования [25]. Позднее начали появляться исследования, затрагивающие регулирование инновационной деятельности в различных сферах [26–27], место интеллектуальной собственности в развитии инновационной экономики [28–29]. В 2016 г. появился ряд работ, посвященных регулированию инновационного предпринимательства на различных этапах жизненного цикла [30–31]. Дальнейшее развитие исследований происходило в направлении охраны объектов интеллектуальных прав, рационализаторских предложений, а в последние годы – законодательного обеспечения цифровых инноваций [32] и инновационного поведения [33].

Поскольку в пространственное развитие регионов вовлекаются все производительные силы территорий, возникает вопрос: каким образом отражены (и отражены ли) в нормативных правовых актах, регулирующих определенную область социально-экономической жизни общества, характеристики пространственного развития? В данной работе в качестве объекта пространственного развития выбраны инновации, выступающие не только как цель, но и как ресурс

эффективного социально-экономического развития страны. В качестве границ пространственного развития приняты территории Уральско-Сибирского и Южно-Сибирского макрорегионов страны как новые укрупненные территориальные единицы России.

Для того чтобы ответить на вопрос, отражены ли и каким образом характеристики пространственного развития инноваций в законодательных документах указанных макрорегионов, в работе проанализированы тексты законов об инновациях (инновационной деятельности) соответствующих территорий в их последней редакции (2019–2021 гг.) по таким разделам, как предмет регулирования; цель, задачи и принципы государственной поддержки инновационной деятельности; направления. В этих разделах осуществлен поиск следующих терминов, характеризующих пространственное развитие инноваций, а именно: «взаимодействие», «сотрудничество», «связь», «партнерство». Представляется, что они характеризуют, во-первых, связность инновационной деятельности между территориями как отражение «интенсивности сложившихся экономических взаимосвязей» [34], во-вторых, плотность, как насыщенность инновационной деятельности на определенной территории, в-третьих, однородность как динамику инновационного развития.

В качестве методов исследования выбраны следующие: пространственный подход, позволяющий рассматривать инновационное развитие макрорегиона через характеристики протяженности, связности, плотности, однородности; синхронный метод, позволивший осуществить сравнение законодательных документов в макрорегионах Сибири по представленности в них пространственных характеристик; качественный контент-анализ, использованный для выявления в текстах законодательных документов об инновационной деятельности слов и словосочетаний, характеризующих пространственное развитие инноваций.

Результаты исследования

Уральско-Сибирский макрорегион объединяет шесть регионов: Курганскую, Свердловскую, Тюменскую, Челябинскую области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югру, Ямало-Ненецкий автономный округ. Предметом регулирования Закона Курганской области «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Курганской области», принятого в 2000 г., являются «отношения,

возникающие в связи с осуществлением органами государственной власти области полномочий по развитию научной, научно-технической и инновационной деятельности на территории...» [35]. В документе не представлены цели государственной поддержки инновационной деятельности, но выделен ряд задач:

переход к инновационному пути развития, повышение уровня жизни населения, обеспечение эффективного социально-экономического развития, создание и развитие инновационной инфраструктуры, которые напрямую не указывают на важность взаимодействия с другими территориями (табл. 1).

Таблица 1

Цели государственной поддержки инновационной деятельности в Уральско-Сибирском и Южно-Сибирском макрорегионах

Table 1. Goals of state support of innovative activity in the Ural-Siberian and South-Siberian macroregions

Регион / Region	Цели государственной поддержки / Goals of state support
Уральско-Сибирский макрорегион / Ural-Siberian macroregion	
Курганская область / Kurgan oblast	Не представлено / Not stated
Свердловская область / Sverdlovsk oblast	Не представлено / Not stated
Тюменская область / Tyumen oblast	1. Повышение конкурентоспособности экономики. 2. Развитие и эффективное использование инновационного потенциала для социально-экономического развития области и повышения уровня жизни ее населения. 3. Создание инновационной среды / 1. Increasing competitiveness of the economy. 2. Development and effective use of innovative potential for social-economic development of the region and improving the living standard of its population. 3. Creating an innovative environment
Челябинская область / Chelyabinsk oblast	1. Устойчивое экономическое развитие. 2. Повышение качества жизни населения / 1. Sustainable economic development. 2. Improving the living standard of the population
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Khanty-Mansi autonomous region – Yugra	Не представлено / Not stated
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenetsky autonomous region	Формирование благоприятных условий для инновационного развития территории / Forming favorable conditions for innovative development of the territory
Южно-Сибирский макрорегион / South-Siberian macroregion	
Кемеровская область / Kemerovo oblast	Ускорение развития и повышение конкурентоспособности экономики / Accelerated development and Increasing competitiveness of the economy
Новосибирская область / Novosibirsk oblast	Обеспечение высоких темпов экономического роста / Providing high economic growth rate
Омская область / Omsk oblast	Обеспечение устойчивого социально-экономического развития, повышение конкурентоспособности производимой в области продукции на российском и мировом рынках, улучшение качества жизни населения / Providing sustainable socio-economic development, increasing the competitiveness of the oblast's products at the Russian and global markets, improving the living standard of the population
Томская область / Tomsk oblast	1. Проведение единой государственной политики в сфере инновационной деятельности. 2. Создание условий для перевода экономики на инновационный путь развития / 1. Implementing a unified state policy in the sphere of innovative activity. 2. Creating conditions for transferring the economy to the innovative path of development
Республика Алтай / Altai Republic	Документ отсутствует / No document
Алтайский край / Altai krai	1. Повышение темпов социально-экономического развития и конкурентоспособности экономики / Increasing the rate of socio-economic development and the competitiveness of the economy

Источник: составлено автором на основе законодательных документов об инновациях (инновационной деятельности) указанных в таблице регионов.

Source: compiled by the author based on legislative documents on innovations (innovative activity) in the regions stated.

Предмет регулирования в Законе Свердловской области схож с тем, что выделен в документе Курганской области. Однако в дополнение указана приоритетность отношений государства и субъектов инновационной деятельности в социально-экономическом

развитии области [36]. В документе не отражены цели, задачи и принципы государственной поддержки (табл. 2), но подробно раскрыты условия ее предоставления, порядок отбора субъектов инновационной деятельности и реализация соответствующих мер.

Таблица 2

Принципы государственной поддержки инновационной деятельности в Уральско-Сибирском и Южно-Сибирском макрорегионах

Table 2. Principles of state support of innovative activity in the Ural-Siberian and South-Siberian macroregions

Регион / Region	Принципы государственной поддержки / Principles of state support
Уральско-Сибирский макрорегион / Ural-Siberian macroregion	
Курганская область / Kurgan oblast	1. Сочетание общегосударственных интересов и интересов субъектов инновационной деятельности. 2. Равенство прав субъектов на поддержку. 3. Комплексность оказания поддержки. 4. Экономическая и социальная эффективность мер поддержки / 1. Combination of the common public interests and the interests of the subjects of innovative activity. 2. Equality of the rights of subjects for support. 3. Comprehensive support. 4. Economic and social efficiency of the support measures
Свердловская область / Sverdlovsk oblast	Не представлено / Not stated
Тюменская область / Tuymen oblast	Не представлено / Not stated
Челябинская область / Chelyabinsk oblast	Не представлено / Not stated
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Khanty-Mansi autonomous region – Yugra	Не представлено / Not stated
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenetsky autonomous region	1. Участие органов власти в инновационной деятельности. 2. Привлечение субъектов инновационной деятельности (далее – ИД) к участию в инновационной политике. 3. Объединение всех субъектов ИД для развития ИД. 4. Обеспечение равного доступа субъектов ИД к получению поддержки / 1. Participation of the authorities in innovative activity. 2. Involving the subjects of innovative activity (further – IA) to participating in innovative policy. 3. Uniting all IA subjects for IA development. 4. Providing equal access of the IA subjects to support
Южно-Сибирский макрорегион / South-Siberian macroregion	
Кемеровская область / Kemerovo oblast	1. Гласность выбора ИД, механизмов формирования и реализации инновационных программ и проектов. 2. Интеграция инноваций, инвестиций, науки и образования. 3. Оказание государственной поддержки на конкурсной основе / 1. Open choice of IA, mechanisms of forming and implementation of innovative programs and projects. 2. Integration of innovations, investments, science and education. 3. State support based on contests
Новосибирская область / Novosibirsk oblast	Не представлено / Not stated
Омская область / Omsk oblast	1. Программный подход и измеримость целей. 2. Доступность поддержки на всех стадиях ИД. 3. Публичность оказания поддержки посредством широкой информационной представленности оказываемых мер. 4. Интеграция инноваций, предпринимательства, науки и образования. 5. Приоритетность развития результатов ИД. 6. Обеспечение эффективности государственной поддержки. 7. Целевой характер использования бюджетных средств / 1. Program approach and measured goals. 2. Availability of support at all stages of IA. 3. Open support through broad information representation of the measures taken. 4. Integration of innovations, entrepreneurship, science and education. 5. Priority of the IA results development. 6. Providing the efficiency of state support. 7. Targeted use of budget means

Окончание табл. 2 / Continuation of table 2

Регион / Region	Принципы государственной поддержки / Principles of state support
Томская область / Tomsk oblast	1. Комплексность учета факторов социально-экономического развития области, этапов жизненного цикла инноваций, функций управления инновационным процессом. 2. Открытость и публичность выбора приоритетов инновационной политики. 3. Равенство прав субъектов ИД при предоставлении мер государственной поддержки. 4. Баланс интересов всех субъектов ИД. 5. Интеграция науки, инвестиций, науки и образования / 1. Comprehensive account of the factors of socio-economic development of the region, the stages of lifecycle of innovations, and the functions of the innovative process management. 2. Openness and publicity of choosing the priorities of innovative policy. 3. Equality of the rights of the IA subjects when providing the state support. 4. Balance of interests of all the IA subjects. 5. Integration of innovations, investments, science and education
Республика Алтай / Altai Republic	Документ отсутствует / No document
Алтайский край / Altai krai	Не представлено / Not stated

Источник: составлено автором на основе законодательных документов об инновациях (инновационной деятельности) указанных в таблице регионов.

Source: compiled by the author based on legislative documents on innovations (innovative activity) in the regions stated.

Инновационная политика Тюменской области нацелена на формирование условий для развития инновационной деятельности и обеспечение перехода экономики на инновационный путь развития [37]. В рамках пространственного развития важно наличие такой цели, как создание инновационной среды, являющейся базовым условием осуществления эффективной инновационной деятельности. Кроме того, государственная поддержка прямо ориентирована на межрегиональное и международное сотрудничество, а также содействие реализации инновационных проектов, осуществление информационно-аналитической поддержки по вопросам продвижения продукции.

Еще один вариант трактовки предмета регулирования, отличающийся от указанных ранее, представлен в Законе Челябинской области «О стимулировании инновационной деятельности»: это «цели и задачи органов государственной власти области по определению стратегических целей и направлений инновационной деятельности и выбор путей их реализации» [38]. Иными словами, если предметом в законах иных регионов выступают инновационная деятельность либо социально-экономическое развитие территории, то в рассматриваемом документе это деятельность органов государственной власти. Характеристики пространственного развития в Законе Челябинской области не представлены.

В Законе № 133-оз Ханты-Мансийского автономного округа цели, задачи, принципы государственной

политики в области инновационной деятельности не приводятся, и дается отсылка к Федеральному закону «О науке и государственной научно-технической политике» [39]. Что касается пространственных характеристик, то сотрудничество выступает главной характеристикой формирования эффективных условий для инновационного развития: это взаимодействие науки и инноваций, содействие научно-производственной кооперации, обеспечение тесной взаимосвязи информации и организационных мероприятий.

Закон Ямало-Ненецкого автономного округа № 34-ЗАО «О развитии инновационной деятельности в Ямало-Ненецком автономном округе» регулирует общественные отношения в сфере развития инновационной деятельности [40]. Отдельной статьей в документе выделена пропаганда и популяризация инновационной деятельности путем широкой информатизации о ней всех заинтересованных лиц. Информационному тиражированию подлежит сущность инновационной деятельности как эффективного инструмента развития экономики, уровень развития и достижения в инновационной среде, а также уровень и возможности вовлечения в инновационную деятельность отдельных категорий населения. Важным для эффективного пространственного развития инновационной деятельности в автономном округе является наличие ст. 8 «Содействие развитию международного и межрегионального сотрудничества в сфере развития инновационной деятельности». В качестве видов

содействия выделены: 1) заключение соглашений о сотрудничестве в сфере развития инноваций; 2) организация мероприятий различного уровня; 3) обеспечение участия субъектов инновационной деятельности в международных и межрегиональных форумах, конференциях, выставках и др. Фонд инновационного развития автономного округа, осуществляющий деятельность на территории Югры, нацелен на реализацию внешнеэкономической деятельности в рамках повышения инновационной активности территории.

Обобщая исследование Уральско-Сибирского макрорегиона, приведем табл. 3.

Таблица 3

Наличие характеристик пространственного развития в Законе об инновациях Уральско-Сибирского макрорегиона

Table 3. Presence of characteristics of spatial development in the Law on innovations of the Ural-Siberian macroregion

Регион / Region	Наличие характеристик пространственного развития / Presence of characteristics of spatial development
Курганская область / Kurgan oblast	–
Свердловская область / Sverdlovsk oblast	–
Тюменская область / Tyumen oblast	Инновационная среда. Межтерриториальное сотрудничество / Innovative environment. Interterritorial cooperation
Челябинская область / Chelyabinsk oblast	–
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Khanty-Mansi autonomous region – Yugra	Научное, научно-техническое и инновационное сотрудничество / Scientific, scientific-technical and innovative cooperation
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenetsky autonomous region	Международное и межрегиональное сотрудничество / International and interregional cooperation

Источник: составлено автором на основе результатов контент-анализа законодательных документов об инновациях (инновационной деятельности) указанных в таблице регионов.

Source: compiled by the author based on the results of the content analysis of the legislative documents on innovations (innovative activity) in the regions stated.

В документах только половины территорий Уральско-Сибирского макрорегиона заявлена важность ориентации на усиление пространственного развития для формирования эффективной инновационной деятельности. Именно сотрудничество между территориями, сферами деятельности в области развития инноваций является важнейшей характеристикой инновационного пространства.

В состав Южно-Сибирского макрорегиона входит шесть регионов: четыре области (Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская), Республика Алтай и Алтайский край. Динамика осуществления инновационной деятельности в регионах существенно отличается. Однако даже в ведущих по инновационной активности регионах в законодательных документах об инновациях пространственные характеристики не представлены. Так, Закон № 66-ОЗ «Об инновационной политике Кемеровской области» определяет основы формирования и реализации инновационной политики [41]. Цели инновационной политики в области разнообразны: это эффективное использование различных видов ресурсов для создания наукоемкой продукции и прогрессивных технологических процессов, стимулирование инновационной активности физических и юридических лиц, обеспечение правового регулирования и защиты интересов субъектов инновационной деятельности, содействие развитию региональной инновационной инфраструктуры, рынка инновационной продукции, а также поддержка и развитие инновационного потенциала. Инновационная политика в области осуществляется по шести направлениям, среди которых обеспечение условий для привлечения инвестиций в экономику области, выявление перспективных направлений развития инноваций, обеспечение условий для создания и развития технопарков и другие. Принимая во внимание большое количество разнообразных целей и направлений осуществления инновационной деятельности, в явном виде о партнерстве и взаимодействии в документе ничего не сказано. Косвенно о необходимости усиления связи между субъектами и объектами инновационной деятельности можно судить по наличию принципа интеграции инноваций, науки, техники и образования с производством. Также акцентируется внимание на необходимости связи инновационной политики с социальной, экономической, промышленной, аграрной, аграрно-промышленной и энергетической политикой области.

Более масштабно представлен Закон № 178-ОЗ «О политике Новосибирской области в сфере развития инновационной системы», где под инновационной системой понимается «совокупность субъектов и объектов инновационной деятельности, в которой субъекты инновационной деятельности взаимодействуют в процессе создания и реализации инновационной продукции, формирования рынка этой продукции» [42]. Политика в сфере развития инновационной системы осуществляется на основе совокупности таких механизмов, как принятие государственных программ в соответствующей области, содействие созданию и развитию инновационной инфраструктуры, программ развития муниципальных образований области, создание информационной системы инновационной деятельности, оказания государственной поддержки субъектам. Пространственное развитие отражено в Законе № 178-ОЗ в таких задачах, как «формирование и развитие технологических кластеров», «развитие международного и межрегионального сотрудничества».

В Омской области инновационная деятельность построена на основе Закона № 527-ОЗ «Об инновационной деятельности на территории Омской области», который регулирует отношения, связанные с осуществлением государственной поддержки инновационной деятельности. Отличительной особенностью документа является описание направлений государственной поддержки инновационной деятельности, включающих: совершенствование соответствующего законодательства; содействие созданию и внедрению инноваций; участие в различных мероприятиях; содействие повышению уровня занятости, образованию специалистов в области инноваций, науки и инвестиций; содействие развитию рыночных отношений в рассматриваемой сфере; создание условий для реализации инновационных образовательных проектов и программ [43]. В части пространственного развития интеграция выступает ключевой характеристикой, однако в рамках определенных видов деятельности. Связь между территориями раскрывается только через участие региона в мероприятиях различного уровня (международных, федеральных, межрегиональных, отраслевых).

Предметом регулирования в Законе Томской области № 25-ОЗ выступают экономические, правовые и организационные условия развития инновацион-

ной деятельности в регионе. В документе подробно раскрыты виды инновационной деятельности, к которым относятся: производство и выпуск новой или усовершенствованной продукции, выполнение и обслуживание НИОКР, деятельность по продвижению инновационной продукции на внутренний и мировой рынок, проведение испытаний, подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров, реализация нового метода в ведении бизнеса и др. [44]. В рамках задач осуществления региональной инновационной политики выделено развитие международного и межрегионального сотрудничества, что позволяет говорить об ориентации на пространственное развитие инновационной деятельности в регионе.

К сожалению, в настоящее время в Республике Алтай не действует отдельного долгосрочного документа по развитию инноваций, что не позволяет дать какую-либо оценку пространственным характеристикам инновационной деятельности.

Регулирование отношений, возникающих в связи с предоставлением государственной поддержки субъектам, осуществляющим инновационную деятельность, реализуется в Алтайском крае на основе Закона № 46-ЗС «О государственной поддержке инновационной деятельности в Алтайском крае» [45]. Закон Алтайского края является единственным среди документов анализируемых регионов, в котором представлены приоритетные направления инновационной деятельности, в частности: производство и переработка сельскохозяйственного сырья, биотехнологии, индустрия наносистем и материалов, информационные системы и технологии, новые технологии в социальной сфере и др. Одной из задач поддержки инновационной деятельности в Алтайском крае является обеспечение эффективного взаимодействия ее субъектов. В рамках изучения пространственного развития важно наличие и такой задачи, как содействие развитию кластеров и технопарков. Формирование спроса на инновационную продукцию в регионе предложено осуществлять путем продвижения инновационной продукции и субъектов инновационной деятельности на мероприятия различного масштаба, что можно рассматривать как процесс повышения связности инновационного пространства региона.

Обобщение ключевых характеристик пространственного развития инноваций Южно-Сибирского

макрорегиона в табл. 4 позволяет сделать вывод о том, что только в двух регионах выявлена однозначная ориентация на сотрудничество в инновационной сфере между территориями.

Таблица 4

Наличие характеристик пространственного развития в Законе об инновациях Южно-Сибирского макрорегиона

Table 4. Presence of characteristics of spatial development in the Law on innovations of the South-Siberian macroregion

Регион / Region	Наличие характеристик пространственного развития / Presence of characteristics of spatial development
Кемеровская область / Kemerovo oblast	–
Новосибирская область / Novosibirsk oblast	Формирование и развитие кластеров. Международное и межрегиональное сотрудничество / Forming and developing clusters. International and interregional cooperation
Омская область / Omsk oblast	Интеграция видов деятельности. Участие в мероприятиях различного масштаба / Integration of types of activity. Participating in events of different scale
Томская область / Tomsk oblast	Международное и межрегиональное сотрудничество / International and interregional cooperation
Республика Алтай / Altai Republic	–
Алтайский край / Altai krai	Обеспечение эффективного взаимодействия субъектов инновационной деятельности. Формирование и развитие кластеров / Providing the effective interaction between the subjects of innovative activity. Forming and developing clusters.

Источник: составлено автором на основе результатов контент-анализа законодательных документов об инновациях (инновационной деятельности) указанных в таблице регионов.

Source: compiled by the author based on the results of the content analysis of the legislative documents on innovations (innovative activity) in the regions stated.

Выводы

Принимая во внимание неснижающийся интерес ученых и специалистов к исследованию различных пространственных аспектов функционирования территорий, повышению эффективности их регулирования, можно сказать, что законодательное обе-

спечение пространственного развития инноваций еще не получило должного развития. Определено, что отличительной особенностью документов территорий как Уральско-Сибирского, так и Южно-Сибирского макрорегионов является наличие (либо отсутствие) акцента на взаимосвязь между инновациями и наукой.

Выявлено, что межтерриториальное сотрудничество как одна из характеристик пространственного развития инноваций зафиксировано только в 33 % законодательных актов территорий двух макрорегионов. В документах 42 % территорий акцент на пространственное развитие отсутствует вовсе. Понимая, что территории макрорегионов должны иметь более плотные, интенсивные связи, чтобы соответствовать своему целевому предназначению, фактически мы наблюдаем низкий уровень их связности, недостаточную плотность взаимодействия. В законах об инновациях, инновационной деятельности рассматриваемых территорий преобладающей формой сотрудничества и взаимодействия остается формирование кластеров и согласованное развитие науки, инноваций, производства и образования.

Еще одним результатом, полученным в данной работе, является установленное отсутствие согласованности в документах территорий макрорегионов в части целевой направленности государственной поддержки инноваций. Здесь выявлены две различные позиции: развитие инноваций ради инноваций (Ямало-Ненецкий АО, Томская область и др.) и развитие инноваций для обеспечения экономического роста и высокого качества жизни населения (Челябинская область, Алтайский край и др.). Учитывая особенности стратегического развития России в части усиления пространственного аспекта, возможная государственная политика по развитию инноваций в макрорегионах России должна предусматривать комплекс мер информационного характера, что связано с необходимостью доведения до всех субъектов инновационной деятельности полномасштабной информации друг о друге. С точки зрения автора совершенствование законодательного регулирования инновационной деятельности может быть осуществлено путем включения требования к регионам о необходимости развития межсекторального и межтерриториального взаимодействия.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 03.08.2021).
2. Кульков В. М. Экономическое пространство: теоретические аспекты и современные процессы // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 1. С. 3–18.
3. Capello R., Kroll H. From theory to practice in smart specialization strategy: Emerging limits and possible future trajectories // European Planning Studies. 2016. Vol. 24. № 8. Pp. 1393–1406.
4. Ferdinand J. Entrepreneurship in innovation communities. Springer International Publishing, 2018. 170 p.
5. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебник. 4-е изд. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
6. Моргоев Б. Т. Параметрическая оптимизация асимметричности развития российского экономического пространства // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. 2006. № 3 (45). С. 180–193.
7. Иншаков О. В. Теория факторов производства в контексте экономики развития: научный доклад на президиуме МАОН (Москва, 29 ноября 2002 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 47 с.
8. Беков Р. С. Пространственно-временной метаморфоз экономической динамики России. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. 318 с.
9. Могилевкин С. М. Россия: пространство как экономическая и политическая категория // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 8. С. 54–56.
10. Парсаданов Г. А., Егоров В. В. Прогнозирование национальной экономики: учебник. Москва: Высшая школа, 2002. 183 с.
11. Щетинина Д. П. Влияние неоднородности экономического пространства на индикаторы региональной динамики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 34 с.
12. Войкова О. Б., Лячин В. И. Категориальное определение инновационного пространства // Вестник СибГАУ. 2015. Т. 16, № 4. С. 1014–1021.
13. Смольянинов Н. Е. Системное единство категорий «инновационное пространство» и «инновационный потенциал» // Управление экономикой: методы, модели, технологии. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2018. С. 124–129. URL: <https://nesmol.ru/wp-content/uploads/2018/11/innovatsionnoe-prostranstvo-i-potentsial-smolianinov-1.pdf> (дата обращения: 01.08.2021).
14. Creating Innovation Spaces / V. Nestle, P. Glauner, P. Plugmann. Springer, Cham, 2021. 351 p.
15. Blazek P., Aschenbrenner V. Creating Customizable Co-Innovation Spaces // Towards Sustainable Customization: Bridging Smart Products and Manufacturing Systems. CARV 2021, MCPC 2021. Lecture Notes in Mechanical Engineering / Al. Andersen et al. (eds). Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-90700-6_95
16. Agola N. O. 5Ps of Innovation Space and Leveraging Latent Value: How to Effectively Innovate and Serve at the Table of Inclusive Innovation // Inclusive Innovation for Sustainable Development / N. Agola, A. Hunter (eds). Palgrave Macmillan, London, 2016. DOI: 10.1057/978-1-137-60168-1_6
17. Towards Online Immersive Collaborative Innovation Spaces / O. Salako, M. Gardner, V. Callaghan // Immersive Learning Research Network. iLRN. Communications in Computer and Information Science. Vol. 725 / Beck D. et al. (Eds.). Springer, Cham., 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-60633-0_1
18. Twigg-Flesner C. Innovation and EU Consumer Law // Consum Policy. 2005. № 28. Pp. 409–432. DOI: 10.1007/s10603-005-3301-0
19. Stuyck J. European consumer law after the Treaty of Amsterdam: Consumer policy in or beyond the internal market // Common Market Law Review. 2000. № 37. Pp. 367–400. DOI: 10.1023/A:1005678705279
20. Wechsler A. Intellectual property law in the People's Republic of China: a powerful economic tool for innovation and development // China-EU Law J. 2011. № 1. Pp. 3–54. DOI: 10.1007/s12689-011-0001-x
21. Zweimüller J. Schumpeterian Entrepreneurs Meet Engel's Law: The Impact of Inequality on Innovation-Driven Growth // Journal of Economic Growth. 2000. № 5. Pp. 185–206. DOI: 10.1023/A:1009889321237
22. Building a bridge over the valley of death? New pathways for innovation policy in structurally weak regions / B. Alecke, T. Mitze, A. Niebuhr // Rev. Reg. Res. 2021. № 41. Pp. 185–210. DOI: 10.1007/s10037-021-00156-9
23. Ghosh S. Labour laws and innovation: Evidence from Indian states. Ind // J. Labour Econ. 2017. № 60. Pp. 175–190. DOI: 10.1007/s41027-017-0097-9
24. Каширин А. И. Новый подход к формированию инновационного законодательства // Инновации. 2006. № 3 (90). С. 12–17.
25. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 21.07.2011 № 254-ФЗ). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 30.07.2021).

26. Ямалетдинов Р. Р. Правовое регулирование инновационной деятельности в сфере недропользования // Аграрное и земельное право. 2012. № 12 (96). С. 138–141.
27. Хорунжий С. Н. Нормативно-правовые основы инновационного развития правовой среды в образовании // Юстиция. 2013. № 2. С. 4.
28. Карцхия А. А. Интеллектуальная собственность и инновационное развитие // Мониторинг правоприменения. 2014. № 3 (12). С. 30–34.
29. Верина О. В., Жукова О. В. Инновации и интеллектуальная собственность в сфере образования // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3–1 (68). С. 604–608.
30. Шмелева Д. В. Организационно-правовые формы инновационного предпринимательства в Российской Федерации: монография. Москва: Юридический дом «Юстицинформ», 2016. 184 с.
31. Шерстянкина А. А., Хасаншин И. А. Закономерности и тенденции развития инновационного предпринимательства // Бюллетень науки и практики. 2016. № 12 (13). С. 247–249.
32. Полякова Т. А., Минбалева А. В. Цифровые инновации и проблемы развития механизма правового регулирования в России // Информационное право. 2019. № 4. С. 12–15.
33. Климова С. Г. Инновативное поведение работающих россиян: повседневные практики и институциональные условия // Социально-трудовые исследования. 2020. № 1 (38). С. 85–97. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-38-1-85-97
34. Шмакова М. В. Оценка свойств экономического пространства региона в контексте разработки основных стратегических документов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 410–412. DOI: 10.26140/anie-2020-0903-0098
35. Закон Курганской области от 27 марта 2000 г. № 302 «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Курганской области» (в ред. от 02.03.2021 № 7). URL: <https://docs.cntd.ru/document/804992051> (дата обращения: 01.08.2021).
36. Закон Свердловской области от 15 июля 2010 г. № 60-ОЗ «О государственной поддержке субъектов инновационной деятельности в Свердловской области» (в ред. от 03.03.2020 № 11-ОЗ). URL: <https://docs.cntd.ru/document/895261209> (дата обращения: 13.08.2021).
37. Закон Тюменской области от 21 февраля 2007 г. № 544 «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Тюменской области» (в ред. от 17.12.2019 № 104). URL: <https://docs.cntd.ru/document/802090685> (дата обращения: 13.08.2021).
38. Закон Челябинской области от 7 июня 2005 г. № 383-ЗО «О стимулировании инновационной деятельности в Челябинской области» (в ред. от 04.04.2018 № 691-ОЗ). URL: <https://docs.cntd.ru/document/802029321> (дата обращения: 04.08.2021).
39. Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 25 декабря 2020 г. № 133-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов в области научной, научно-технической и инновационной деятельности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». URL: <https://docs.cntd.ru/document/571051516> (дата обращения: 05.08.2021).
40. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 27 апреля 2011 г. № 34-ЗАО «О развитии инновационной деятельности в Ямало-Ненецком автономном округе» (в ред. от 24.06.2016 № 64-ЗАО). URL: <https://docs.cntd.ru/document/895295218> (дата обращения: 07.08.2021).
41. Закон Кемеровской области от 2 июля 2008 г. № 66-ОЗ «Об инновационной политике Кемеровской области» (в ред. от 21.03.2018 № 11-ОЗ). URL: <https://docs.cntd.ru/document/990308340> (дата обращения: 07.08.2021).
42. Закон Новосибирской области от 15 декабря 2007 г. № 178-ОЗ «О политике Новосибирской области в сфере развития инновационной системы» (в ред. от 02.03.2017 № 143-ОЗ). URL: <https://base.garant.ru/7165706/> (дата обращения: 10.08.2021).
43. Закон Омской области от 13 июля 2004 г. № 527-ОЗ «Об инновационной деятельности на территории Омской области» (в ред. от 01.10.2019 № 2187-ОЗ). URL: <https://docs.cntd.ru/document/943013388> (дата обращения: 10.08.2021).
44. Закон Томской области от 12 марта 2015 г. № 25-ОЗ «Об инновационной деятельности в Томской области» (в ред. от 10.09.2018). URL: <https://docs.cntd.ru/document/467919486> (дата обращения: 03.08.2021).
45. Закон Алтайского края от 4 сентября 2013 г. № 46-ЗС «О государственной поддержке инновационной деятельности в Алтайском крае» (в ред. от 05.06.2019 г. № 38-ЗС). URL: <https://docs.cntd.ru/document/460177691> (дата обращения: 20.08.2021).

References

1. Order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 207-r “On adopting the Strategy of spatial development of the Russian Federation up to 2025”. <http://government.ru/docs/35733/> (in Russ.).
2. Kulkov, V. M. (2014). Economic space: theoretical aspects and contemporary processes, *Moscow University Economic Bulletin*, 1, 3–18 (in Russ.).

3. Capello, R., Kroll, H. (2016). From theory to practice in smart specialization strategy: Emerging limits and possible future trajectories, *European Planning Studies*, 24 (8), 1393–1406.
4. Ferdinand, J. (2018). *Entrepreneurship in innovation communities*. Springer International Publishing.
5. Granberg, A. G. (2004). *Bases of regional economy*. Moscow, Izd. dom GU VShE (in Russ.).
6. Morgoev, B. T. (2006). Parametric optimization of asymmetrical development of the Russian economic space, *Filosofiya khozyaistva. Al'manakh Tsentra obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fakul'teta MGU im. Lomonosova*, 3 (45), 180–193 (in Russ.).
7. Inshakov, O. V. (2002). *Theory of the production factors in the context of economic development*: scientific report at the presidium of Moscow Academy of Education and Science (Moscow, November 29, 2002). Volgograd, VolGU Publishing House (in Russ.).
8. Bekov, R. S. (2004). *Spatio-temporal metamorphosis of the economic dynamics of Russia*. Volgograd, Volgograd Scientific Publishing House (in Russ.).
9. Mogilevkin, S. M. (1996). Russia: space as an economic and political category, *World Economy and International Relations*, 8, 54–56 (in Russ.).
10. Parsadanov, G. A., Egorov, V. V. (2002). *Forecasting the national economy*. Moscow, Higher school (in Russ.).
11. Shchetinina, D. P. (2006). *Influence of the non-homogeneity of economic space on the regional dynamics indicators*, abstract of a PhD (economics) thesis. Rostov-on-Don (in Russ.).
12. Voyekova, O. B., Lyachin, V. I. (2015). Category definition of an innovative space. *Bulletin of SibGAU*, 16 (4), 1014–1021 (in Russ.).
13. Smolyaninov, N. Ye. (2018). Systemic unity of the categories of “innovative space” and “innovative potential”, *Upravlenie ekonomikoi: metody, modeli, tekhnologii* (pp. 124–129). Ufa, Ufa State Aviation Technical University. <https://nesmol.ru/wp-content/uploads/2018/11/innovatsionnoe-prostranstvo-i-potentsial-smolianinov-1.pdf> (in Russ.).
14. Nestle, V., Glauner, P., Plugmann, P. (2021). *Creating Innovation Spaces*. Springer, Cham.
15. Blazek, P., Aschenbrenner, V. (2021). Creating Customizable Co-Innovation Spaces. In Andersen Al. et al. (Eds.), *Towards Sustainable Customization: Bridging Smart Products and Manufacturing Systems. CARV 2021, MCPC 2021. Lecture Notes in Mechanical Engineering*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-90700-6_95
16. Agola, N. O. (2016). 5Ps of Innovation Space and Leveraging Latent Value: How to Effectively Innovate and Serve at the Table of Inclusive Innovation. In N. Agola, A. Hunter (Eds.) *Inclusive Innovation for Sustainable Development*. London, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-60168-1_6
17. Salako, O., Gardner, M., Callaghan, V. (2017). Towards Online Immersive Collaborative Innovation Spaces. In D. Beck et al. (Eds.), *Immersive Learning Research Network. iLRN 2017. Communications in Computer and Information Science*, 725. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-60633-0_1
18. Twigg-Flesner, C. (2005). Innovation and EU Consumer Law, *Consum Policy*, 28, 409–432. DOI: 10.1007/s10603-005-3301-0
19. Stuyck, J. (2000). European consumer law after the Treaty of Amsterdam: Consumer policy in or beyond the internal market, *Common Market Law Review*, 37, 367–400. DOI: 10.1023/A:1005678705279
20. Wechsler, A. (2011). Intellectual property law in the People's Republic of China: a powerful economic tool for innovation and development, *China-EU Law Journal*, 1, 3–54. DOI: 10.1007/s12689-011-0001-x
21. Zweimüller, J. (2000). Schumpeterian Entrepreneurs Meet Engel's Law: The Impact of Inequality on Innovation-Driven Growth, *Journal of Economic Growth*, 5, 185–206. DOI: 10.1023/A:1009889321237
22. Alecke, B., Mitze, T., Niebuhr, A. (2021). Building a bridge over the valley of death? New pathways for innovation policy in structurally weak regions, *Rev. Reg. Res.*, 41, 185–210. DOI: 10.1007/s10037-021-00156-9
23. Ghosh, S. (2017). Labour laws and innovation: Evidence from Indian states Ind, *J. Labour Econ*, 60, 175–190. DOI: 10.1007/s41027-017-0097-9
24. Kashirin, A. I. (2006). A new approach to the formation of innovative legislation, *Innovations*, 3 (90), 12–17 (in Russ.).
25. *Federal Law of August 23, 1996, No. 127-FZ “On science and state scientific-technical policy” (ed. as of 21.07.2011 No. 254-FZ)*. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (in Russ.).
26. Yamaletdinov, R. R. (2012). Legal regulation of innovation in the field of subsoil use, *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 12 (96), 138–141 (in Russ.).
27. Horunzhiy, S. N. (2013). Legal bases of the innovative development of the legal environment in education, *Justice*, 2, 4 (in Russ.).
28. Kartskhia, A. A. (2014). Intellectual property and innovative development, *Monitoring of law enforcement*, 3 (12), 30–34 (in Russ.).
29. Verina, O. V., Zhukova, O. V. (2016). Innovations and intellectual property in the sphere of education, *Journal of Economy and entrepreneurship*, 3–1 (68), 604–608 (in Russ.).

30. Shmeleva, D. V. (2016). *Organizational-legal forms of innovative entrepreneurship in the Russian Federation*, monograph. Moscow, Legal House "Yustitsinform" (in Russ.).
31. Sherstyankina, A. A., Khasanshin, I. A. (2016). Regularities and trends of innovative entrepreneurship development, *Bulletin of Science and Practice*, 12 (13), 247–249 (in Russ.).
32. Polyakova, T. A., Minbaleev, A. V. (2019). Digital innovations and problems of developing the mechanism of legal regulation in Russia, *Information law*, 4, 12–15 (in Russ.).
33. Klimova, S. G. (2020). Innovative behavior of Russian workers: practices and institutional environment, *Social & Labor Researches*, 1 (38), 85–97 (in Russ.). DOI: 10.34022/2658-3712-2020-38-1-85-97
34. Shmakova, M. V. (2020). Estimate of properties of the economic space of the region in the context of key strategic documents of the development, *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 9 (32), 410–412 (in Russ.). DOI: 10.26140/anie-2020-0903-0098/
35. Law of Kurgan oblast of March 27, 2000, No. 302 "On scientific, scientific-technical and innovative activity in Kurgan oblast" (ed. as of 02.03.2021 No. 7). <https://docs.cntd.ru/document/804992051> (in Russ.).
36. Law of Sverdlovsk oblast of July 15, 2010, No. 60-OZ "On state support of the subjects of innovative activity in Sverdlovsk oblast" (ed. as of 03.03.2020 No. 11-OZ). <https://docs.cntd.ru/document/895261209> (in Russ.).
37. Law of Tyumen oblast of February 21, 2007, No. 544 "On scientific, scientific-technical and innovative activity in Tyumen oblast" (ed. as of 17.12.2019 No. 104). <https://docs.cntd.ru/document/802090685> (in Russ.).
38. Law of Chelyabinsk oblast of June 7, 2005, No. 383-ZO "On stimulating innovative activity in Chelyabinsk oblast" (ed. as of 04.04.2018 No. 691-OZ). <https://docs.cntd.ru/document/802029321> (in Russ.).
39. Law of Khanty-Mansi autonomous region – Yugra of December 25, 2020, No. 133-OZ "On regulating certain issues in the sphere of scientific, scientific-technical and innovative activity in Khanty-Mansi autonomous region – Yugra". <https://docs.cntd.ru/document/571051516> (in Russ.).
40. Law of Yamalo-Nenetsky autonomous region of April 27, 2011, No. 34-ZAO "On developing innovative activity in Yamalo-Nenetsky autonomous region" (ed. as of 24.06.2016 No. 64-ZAO). <https://docs.cntd.ru/document/895295218> (accessed: 07.08.2021) (in Russ.).
41. Law of Kemerovo oblast of July 2, 2008, No. 66-OZ "On innovative policy of Kemerovo oblast" (ed. as of 21.03.2018 No. 11-OZ). <https://docs.cntd.ru/document/990308340> (in Russ.).
42. Law of Novosibirsk oblast of December 15, 2007, No. 178-OZ "On the policy of Novosibirsk oblast in the sphere of innovative system development" (ed. as of 02.03.2017 No. 143-OZ). <https://base.garant.ru/7165706/> (in Russ.).
43. Law of Omsk oblast of July 13, 2004, No. 527-OZ "On innovative activity in the territory of Omsk oblast" (ed. as of 01.10.2019 No. 2187-OZ). <https://docs.cntd.ru/document/943013388> (accessed: 08/10/2021) (in Russ.).
44. Law of Tomsk oblast of March 12, 2015, No. 25-OZ "On innovative activity in Tomsk oblast" (ed. as of 10.09.2018). <https://docs.cntd.ru/document/467919486> (in Russ.).
45. Law of Altai krai of September 4, 2013, No. 46-ZS "On state support of innovative activity in Altai krai" (ed. as of 05.06.2019 No. 38-ZS). <https://docs.cntd.ru/document/460177691> (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 15.09.2021

Дата принятия в печать / Accepted 25.01.2022

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО / CONSTITUTIONAL LAW

Редактор рубрики А. Г. Никитин / Rubric editor A. G. Nikitin

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.94-105>

УДК 101:30:342.4

В. В. ЛАЗАРЕВ¹

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА В КОНСТИТУЦИОННОМ ОБУСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Лазарев Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых
исследований, Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

E-mail: yalazer@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3027-6713>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-7684-2017>

SPIN-код: 5106-1080, AuthorID: 364237

Аннотация

Цель: изучение методологии конструктивизма в конституционном обустройстве государства и общества.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой, социологический.

Результаты: конструкция – строение, устройство, взаимное расположение частей чего-либо. Право – системный продукт, и поэтому конструктивизм изначально и органично присущ праву в любой из известных его форм. Особенно ярко возможности конструктивизма проявляются в законодательстве и дают о себе знать тем больше, чем более абстрактно, более общим образом излагается государственная воля. Конституционные тексты отличаются именно этим обстоятельством. Конституция, как письменный документ, отвечает всем признакам и свойствам социальной конструкции. Во-первых, она является продуктом рациональной деятельности людей, преследующих вполне определенные цели. Во-вторых, она имеет определенную структуру, строение, характеризующиеся признаком «конструкционности». В-третьих, она, будучи отражением и закреплением достигнутого материального, культурного и собственно правового уровня, позволяет видеть не только возможности познания и толкования закреплённой в ней властной воли, но и перспективы эффективного использования соответствующих норм и институтов. В-четвертых, технически выстраивая нормативный материал и систему взаимных связей субъектов конституционно-правового

© Лазарев В. В., 2022

© Lazarev V. V., 2022

общения, конституция являет собой оптимальную на момент создания конструкцию соотношения их прав, обязанностей, ответственности. Причем если в период рождения конституций считалось первостепенной задачей ограничить государственную власть, то современные реалии указывают на необходимость таких ограничений и по отношению к гражданам и гражданским объединениям.

Научная новизна: в работе обосновывается вывод о том, что конструктивный подход организует познание проводимых конституционных реформ в направлении выявления функциональных возможностей, заложенных в Конституции Российской Федерации, а в практическом отношении позволяет наиболее оптимально – четко, экономно, системно – проводить государственную (суверенную народную) волю по всем направлениям общественного развития.

Практическая значимость: выводы и положения статьи могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе образовательных организаций высшего образования.

Ключевые слова: конституционное право, конструкция, конструктивизм, конституция, конституционализм, право, обязанность, публичная власть

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Лазарев В. В. Методология конструктивизма в конституционном обустройстве государства и общества // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 94–105. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.94-105>

The scientific article

V. V. LAZAREV¹

¹ Institute for Legislation and Comparative Legal Studies under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

METHODOLOGY OF CONSTRUCTIVISM IN THE CONSTITUTIONAL ARRANGEMENT OF THE STATE AND SOCIETY

Valeriy V. Lazarev, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Research, Institute for Legislation and Comparative Legal Studies under the Government of the Russian Federation

E-mail: yalazer@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3027-6713>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-7684-2017>

SPIN-код: 5106-1080, AuthorID: 364237

Abstract

Objective: to study the methodology of constructivism in the constitutional arrangement of the state and society.

Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena, which determined the choice of the following research methods: formal-logical, comparative-legal, sociological.

Results: construction is a structure, mutual arrangement of the parts of something. Law is a systemic product, therefore constructivism is inherently and organically present in law in any of its known forms. The possibilities of constructivism manifest themselves especially vividly in legislation and make themselves felt the more abstractly, the more generally the will of the state is expressed. It is this feature that is characteristic for constitutional texts. The Constitution, as a written document, has all the signs and properties of a social structure. First, it is the product of rational activity of people pursuing well-defined goals. Second, it has a certain structure characterized by “constructionality”. Third, being a reflection and consolidation of the actual material, cultural and legal level, it enables to see not only the possibilities of cognition and interpretation of the will of power enshrined in it, but also the prospects for the effective use of relevant norms and institutions. Fourth, technically building the normative material and the system of mutual relations of the subjects of constitutional and legal communication, the Constitution is the optimal construction at the time of creation of their balanced rights, duties, and

responsibilities. Moreover, while at the time of the birth of constitutions limiting state power was considered the primary task, the modern realities show the need for such restrictions in relation to citizens and civil associations.

Scientific novelty: the paper substantiates the conclusion that a constructive approach organizes the cognition of the ongoing constitutional reforms in the direction of identifying the functional capabilities inherent in the Constitution of the Russian Federation, and in practical terms enables to most optimally – clearly, economically, systematically – implement the will of the state (sovereign people's will) in all areas of social development.

Practical significance: the conclusions and provisions of the article can be used in scientific, legislative and law enforcement activities, the educational process of educational institutions of higher education.

Keywords: Constitutional law, Construction, Constructivism, Constitution, Constitutionalism, Law, Duty, Public authority

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Lazarev, V. V. (2021). Methodology of Constructivism in the Constitutional Arrangement of the State and Society. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 94–105 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.94-105>

Введение

В отечественной правовой науке традиционно уделяется большое внимание юридическим конструкциям, которые представляют собой «структурное расположение правового материала, характеризующее определенным сочетанием субъективных прав, обязанностей, запретов, их внутренним единством и формами ответственности» [1]. В основу положено ключевое слово «конструкция» [лат. *constructio*] – строение, устройство, взаимное расположение частей чего-либо, определяющееся его назначением. При этом чаще всего понятию придается узкое и строго определенное значение, когда отсутствие какого-либо элемента или нестандартное расположение материала ставит под сомнение наличие конструкции вообще. В качестве типичного примера юридической конструкции приводится состав правонарушения или состав права собственности.

Представляется, что отраслевой подход к понятию «юридическая конструкция» недостаточен. Он не раскрывает всех теоретических и практических возможностей использования сокрытого в нем потенциала. Ограничение сферы его применения юридической техникой сужает область исследования правовой материи, в которой находят свое воплощение идеи философии конструктивизма. Восполнить пробелы – задача общей теории права, которая призвана к обобщениям на основе материала всех отраслей, к выводам, имеющим значение для других социальных наук.

Результаты исследования

Юридическая конструкция, будучи доктринальным и практическим продуктом юридического сообщества, обслуживает (служит инструментом) социально-экономические и политические процессы общественного развития и, следовательно, должна системно отражать идеальные модели его развития. В качестве примера такой общей юридической конструкции, выходящей за рамки собственно юридической техники и собственно юридической науки, назовем конструкцию соотношения национальных правовых систем и международного права.

В нашем широком подходе к юридическому конструктивизму имеет значение исторический момент. Так, В. Н. Синюков делает вывод о том, что с римских времен история свидетельствует «об асимметричном развитии [права] ... классических национальных правопорядков, где главным принципом организации был не некий имманентный закон структуры права, а весьма различные человеческие и прагматические явления» сугубо прикладной и утилитарной рефлексии [2]. Конструктивизм принято считать советским явлением. Новаторы провозгласили отказ от «искусства ради искусства» и призвали его служить производству, а производство – народу. Соответственно и юристы должны строить право, создавать свои юридические конструкции, придавая наибольшее значение их функциональному назначению – служению народу. Советский подход к праву изначально был сориентирован на конструктивизм: именно право

конструирует систему общественных отношений. Право больше чем их регулятор. Функции советского государства и права не сводились к охранительным – они созидательные.

В. Н. Синюков справедливо пишет о первых годах советской системы: «Когда говорят о русском авангарде и конструктивизме как важнейшем вкладе России в мировую культуру, забывают называть правовую культуру, которая выразилась в изобретении искусственной конструктивистской правовой системы – системы отраслей советского права, которые за внешними аналогичными наименованиями гражданского, уголовного права фактически скрывали совершенно новый правовой проект. Суть этого проекта состояла в социальной организации права через искусственный синтез норм разной правовой природы» [2].

Столь пространное цитирование предпринято для того, чтобы показать актуальность философского исследования конструктивизма (в том числе юридического) как социального явления в его психологических и социологических проявлениях. Это тема специальной статьи. Здесь же предлагается сосредоточить внимание на его особенном проявлении применительно к конкретно-историческим особенностям конституционного обустройства государства, в частности российского. Российские конституции 1918 и 1924 гг., а затем Конституция СССР 1936 г., Конституция СССР 1977 г., ее последующие редакции и, наконец, Конституция России 1993 г. дают богатый материал для размышлений. Нам он доступен в аспекте общей теории права с последующим обращением от общего и особенного к «единичному» – к конституционной реформе 2020 г. В своем глубоком понимании эта реформа уже не может ограничиваться объяснением в рамках сугубо правоведческого инструментария и требует обращения к философии конструктивизма с его приверженностью к рефлексивному и социологическому подходу, когда полнокровно учитывается роль идентичностей, систем ценностей, специфических представлений о мире, исторический опыт. При этом не исключена своего рода интеграция, казалось бы, несовместимых философских детерминант (например, позиций забытого исторического материализма и современного постмодернизма).

В принципе всякому праву в той части, в какой оно начинает выполнять производительную динамическую функцию, свойственно конструктивное на-

чало. Государство начинает использовать важнейшее нормативное средство регулирования общественной жизни не только и не столько для того, чтобы охранить сложившиеся отношения, сколько закрепить их на будущее в тех формах, какие более всего удовлетворяют его интересу. В наибольшей степени такой конструктивистский подход проявлялся в условиях масштабного системного реформирования развивающихся коммуникаций. А наиболее ярким показателем его являются эпохальные события принятия первых конституций в том или другом государстве.

Конструкция конституционных актов определялась основополагающими целями их принятия. Наиболее ярко это проявилось в Декларации прав человека и гражданина Конституции Франции от 24 июня 1793 г., в которой французский народ принял решение изложить права, священные и неотъемлемые, «дабы все граждане, имея возможность постоянно сравнивать действия правительства с целями всякого общественного учреждения, никогда не допускали угнетать и унижать себя тиранией. Дабы народ всегда имел перед глазами основы своей свободы и своего счастья, должностные лица – правила выполнения своих обязанностей, законодатель – предмет своего назначения» [3]. Не утратили своего общечеловеческого значения ни норма, провозгласившая права («эти права суть: равенство, свобода, безопасность, собственность»), ни норма, определяющая суть государственного устройства: «Закон должен охранять общественную и индивидуальную свободу против угнетения со стороны правящих». События французской революции определили не только содержание, но и структуру той Конституции, закрепившей республиканский строй, верховенство народа и народное представительство во власти.

Все последующие конституционные акты так или иначе имели в качестве примера конструкцию французской конституции, и в частности Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., даже при том, что в монархических конституциях она получала иное, в некоторой степени спекулятивное, преломление. Но образцом становилась в итоге Конституция США от 17 сентября 1787 г. Классическая конструкция конституции обозначена здесь в виде трех блоков: образования союза людей, установления правосудия, закрепления «благ свободы». Соответственно учреждается законодательная, исполнительная и судебная

власть федерации и штатов и устанавливаются права народа, граждан и иных лиц (специальным Биллем о правах 1791 г.).

Может создаваться впечатление, что конструкция конституционного акта состоит преимущественно из предоставляемых кому-либо прав. Но это не так. Во всяком случае по отношению к должностным лицам государства на первое место ставятся обязанности. По французской Конституции 1793 г. государственные должности, по существу, можно рассматривать «лишь как обязанности». В одном только девятом разделе американской Конституции содержится семь запретов, десятый раздел весь состоит из запрещающих норм.

Классическая модель конституции, как представляется, исходила из того, что главные элементы конструкции должны сфокусироваться на порядке избрания или формирования государственных органов, на качественных характеристиках депутатов, чиновников и судей, их ответственности и процедурных сторонах их деятельности. Не упускалась из виду и финансовая сторона. Предполагалось, что соответствующий орган всегда найдет правильное (справедливое) решение вопроса в рамках отведенных ему полномочий. По американской или канадской конституции это особенно значимо по отношению к суду. Решения суда приобретают правотворческое значение.

Конструкция канадской конституции может представлять интерес еще и в том плане, что она пронизана монархическим началом. Она признает в качестве главы государства короля Великобритании. Он входит в состав законодательной власти Канады. Согласно Конституции Канады, через генерал-губернатора, представляющего короля, формально решаются многие процедурные вопросы. Так, в соответствии со ст. 38 Конституции Канады, генерал-губернатор «время от времени от имени Королевы... будет созывать Палату общин». Со стороны вышеназванное положение представляется неким анахронизмом, своего рода симулякром, но это дело самих канадцев – решать, быть или не быть соответствующему институту. Канадцы, например, на общенациональном референдуме проголосовали против отделения провинции Квебек.

Обязательным звеном конструкции федерального государства является разграничение конституцией полномочий федеральных властей и властей членов

федерации. Если в этой части консенсус не найден на конституционном уровне, трения и противостояние неизбежны.

Даже беглое и выборочное рассмотрение конституционных актов показывает, что конституция, как письменный документ, отвечает всем признакам и свойствам социальной конструкции. Во-первых, она является продуктом рациональной деятельности людей, преследующих вполне определенные цели. Во-вторых, она имеет определенную структуру, строение, характеризующиеся признаком «конструкционности». В-третьих, она, будучи отражением и закреплением достигнутого материального, культурного и собственно правового уровня, позволяет видеть не только возможности познания и толкования закрепленной в ней властной воли, но и перспективы эффективного использования соответствующих норм и институтов. В-четвертых, технически выстраивая нормативный материал и систему взаимных связей субъектов конституционно-правового общения, конституция представляет собой оптимальную на момент создания конструкцию соотношения их прав, обязанностей, ответственности.

Конституция – своего рода концепция устройства и переустройства общества. В этом плане следует согласиться с авторитетным немецким ученым Армином фон Богданди, предлагающим преподносить конституционное право в европейском правовом пространстве «концентрируясь на доктринальном конструктивизме» [4]. И, как во всякой концепции, в ней усматривается субъективный момент, который позволяет видеть разницу в разных конструкциях, видеть несовершенство и незавершенность отдельных из них. В идеале хотелось бы видеть четкость, логичность и определенность каждого элемента целостной конструкции, но в реальности так получается не всегда и поэтому никогда не снимается поиск наиболее эффективных средств преодоления обнаружившихся недостатков в общем правореализационном процессе.

Ранние буржуазные конституции можно охарактеризовать как конструкции периода модерна. Все последующие их трансформации испытали влияние постмодернизма, а современные философские и нравственно-политические представления способны вылиться в сокрушительные конструкции, находящиеся за гранью привычных представлений

о социальности и государственности. Кстати, это один из вопросов, определяющих конституционную конструкцию. Определяет ли конституция организацию общества или она определяет организацию государства, место ли в ней негосударственным властям, должны ли в конституции устанавливаться экономические и политические основы, убеждения нравственного и религиозного порядка? Где пределы правового, и в частности конституционного, регулирования?

Поставленные вопросы целесообразно рассмотреть в свете отечественного опыта конституционных решений. Но прежде всего вновь подчеркнем общее отношение новой идеологии к методологии конструктивизма. Как известно, в марксизме право вместе с моралью отнесено к формам общественного сознания в качестве особой идеологической формы. Конструктивистский подход в целом вписывается в парадигму интегративного (интегрального) правового понимания, когда одно из направлений рассматривает право в качестве особого государственного средства преобразования общественных отношений. Не только защиты существующих, но и создания новых. Социальный конструктивизм относят к группе рефлексивных подходов в отличие от реалистических подходов [5]. Но если жестко не разделять антропологический и лингвистический аспекты конституционализма и не сводить конституционный конструктивизм к роли знаков и символов в праве, то в любом радикальном варианте конструктивизм остается на позиции того, что познание – это не только отражение объективного мира, но и активный процесс созидательной деятельности субъекта. Истоки конструктивистского подхода можно в этом плане увидеть еще у Платона.

Конституционализм нового (социалистического) типа формировался, как и любой другой, в ходе противостояния разных политических сил непосредственно в жизни. Новая государственность рождалась в огне революционных сражений. К весне 1918 г. сложилась структура высших органов государственной власти и управления. Однако полномочия органов государственной власти должным образом определены не были. 10 июля 1918 г. была принята Конституция РСФСР, которая впервые в едином нормативном правовом акте закрепила принципы организации власти, форму государства, взаимоотношения власти и населения и т. д.

Текстуальное отражение фактической советской конституции явно показало ее отличительные конструктивные особенности. В отличие от буржуазных конституций, в которых все направлено на провозглашение прав каждого, советская Конституция фактически сконструировала и взяла за основу государственный суверенитет.

Конструктивизм советских конституций, вопреки классическим буржуазным, включал: 1) обеспечение полновластия государственной власти, ее суверенитет, независимость от кого бы то ни было; 2) разделение народа на классы, которые находились в разном положении по отношению к государству; 3) определение той части населения, которая фактически не охватывалась понятием народа и воля которой не только не находила государственного воплощения, но и активно подавлялась государством.

Концептуальные марксистско-ленинские положения, положенные в основу конституционного строительства, нашли свое воплощение в других частях общей конституционной конструкции. Прежде всего, это касается системы государственной власти и положения властей. Классические буржуазные конституции считали первостепенным делом установить границы правительственной деятельности, точно определить в тексте полномочия и ответственность всех должностных лиц. В качестве элемента конституционной конструкции концептуально закладывалось разделение властей. Все конституции социалистического типа отвергали разделение властей, признавая только разделение компетенции, это во-первых, а во-вторых – акцент делался на единстве властей. И, наконец, в-третьих, высшая власть выводилась за пределы государства. Конституция закрепила решающую и направляющую роль партии.

Последнее обстоятельство расценивалось по-разному: и как огосударствление партийного аппарата, и как слияние партии и государства. Представляется более точно расценивать соответствующие позиции как способ решения наиболее важных социальных проблем, вне зависимости от того, касаются ли они сугубо общества или государственной деятельности, в закрытом режиме, избегая изъяснений демократических форм.

Наиболее показательным элементом конституций социалистического типа явилась конструкция демократического централизма, т. е. «полновластия

трудящихся, их самостоятельности и инициативы, выборности их руководящих органов и их подотчетности массам, с централизацией – руководством из одного центра, подчинением меньшинства большинству, дисциплиной, подчинением частных интересов интересам общим в борьбе за достижение поставленной цели» [6].

Демократический централизм является объектом постоянной критики западных ученых, которые демонстрируют противоположность данного принципа принципам и нормам, закрепленным в буржуазных конституциях. Анализ соответствующих позиций позволяет нам сделать вывод о невозможности сводить конституционализм к одной из них. В разных конституциях разных периодов государственного развития могут закрепляться разные и даже противоположные принципы организации власти. Демократический централизм не без оснований нашел свое воплощение, например, в Конституции СССР 1924 г., конструкция которой предопределена обстоятельствами объединения советских республик в одно союзное государство, которое могло бы обеспечить (и обеспечило) и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные достижения («преуспевания»), и свободу национального развития народов. Первым разделом Конституции СССР 1924 г. стала Декларация об образовании СССР. Вторым – Договор пяти советских социалистических республик об образовании СССР. Главным являлось определение предметов ведения верховных органов власти СССР и верховных органов союзных республик на основе провозглашения суверенных прав союзных республик и союзного гражданства.

Для исследователя российского конституционализма важно иметь в виду, что было шесть редакций Основного закона Российской Федерации 1925 г., 29 редакций Основного закона Российской Федерации 1937 г. и 10 редакций Конституции РСФСР 1977 г. Их принципиальные положения предопределялись содержательными позициями Конституций СССР 1924, 1936 и 1977 гг. Они, в свою очередь, обуславливались не только идеологическими марксистско-ленинскими постулатами, но и реальными внутренними и внешними условиями строительства социализма. Здесь важно отметить также их соответствие существенным общим признакам конституционализма: а) принцип правления, ограниченный конституцией; б) теория, обосновывающая необходимость уста-

новления конституционного строя; в) определенный конструкт правового сознания. Такое понимание конституционализма требует, в свою очередь, обращения к пониманию того, что имеют в виду, говоря о конституции.

По своей правовой природе конституция закрепляет сложившийся баланс социальных сил, претендующих на господство. Такого рода фиксация производится разными средствами: не обязательно письменными, а поскольку соотношение политических сил закономерно меняется, конституционализм находится в постоянном историческом развитии. Для фиксации его этапных состояний оказалось наиболее эффективным текстуальное закрепление сложившихся отношений. Поэтому писаная конституция для выполнения названной функции время от времени меняет свой текст.

Содержание конституции, как правило, включает в себя следующие основополагающие элементы: правовой статус личности; государственное устройство; систему государственных органов; государственную символику, а также механизм защиты самого конституционного акта. Обычно предваряет содержание конституции преамбула, которая не имеет юридической силы, но закрепляет основополагающие идеологические постулаты, сопровождает все конструктивные решения независимо от их уровня и заземленности. Например, точно подметил А. Клишас, говоря о поправках к Конституции Российской Федерации: «У целого ряда поправок очень важный идеологический, правовой смысл. Он касается того, что на уровень конституционных гарантий поднимается ряд гарантий, касающихся социальных прав» [7].

Структура последней редакции Конституции РФ 1993 г. отвечает современному стандарту и включает следующие элементы: 1) преамбула; 2) раздел первый, состоящий из 9 глав (Основы конституционного строя; Права и свободы человека и гражданина; Федеративное устройство; Президент Российской Федерации; Федеральное Собрание; Правительство Российской Федерации; Судебная власть и прокуратура; Местное самоуправление; Конституционные поправки и пересмотр Конституции); 3) раздел второй – заключительные и переходные положения.

Конституционная реформа 2020 г. внешне не затронула действовавшую на то время структуру

и оставила без изменений преамбулу Конституции Российской Федерации. Это важно подчеркнуть, поскольку и то и другое радикально сказываются на содержании общей конструкции. В преамбуле Конституции Российской Федерации закрепляются нравственно-политические воззрения многонационального народа России, которые обуславливают ее принятие и содержание.

С нашей точки зрения, преамбула российской Конституции 1993 г. имеет полнокровную регулируемую роль (в решениях конституционных судов встречаются на нее прямые ссылки). Она обуславливает логическое построение всего нормативного материала не только конституционного, но и других отраслей права. В создании конституционных конструкций имеет существенное значение установление взаимодействия прав, обязанностей, ответственности субъектов конституционных правоотношений. Конституционные конструкции по своей правовой природе направлены на обеспечение концептуальных основ всего законодательства в целом.

Уместно обратить внимание на то, что одна из таких конструкций, получившая свою легитимацию в ходе дискуссий о том, какой быть Конституции 1936 г. – программным документом или нормативно-правовым, сохраняет свое значение. Судьба любой конституции во многом зависит от решения вопроса, должна ли она фиксировать достигнутое, закреплять сложившиеся отношения или провозглашать некие цели в качестве должных, программных. Беда советской государственности (определенного периода ее развития) – в потере лица государства, в переходе на программный партийный метод. Программ принималось много, и отличительной их чертой являлась необязательность исполнения, умолчание об ответственности, хотя бы и позитивной. Другое дело, что, вопреки прямому действию Конституции, правоохранительные органы при разрешении конкретных дел часто дают основание для суждения о декларативности определенных норм. Поэтому приходится настаивать на разведении вопроса о том, как (в каком качестве) конструируется конституционная норма и почему (в силу каких обстоятельств) правоприменители воспринимают ее в ином качестве. Вот почему актуальны соображения о гарантиях социального государства, вот почему поддерживаются соответствующие социальные поправки, поднимаю-

щие соответствующие гарантии на конституционный уровень (хотя бы в законодательстве уже и были такого рода нормы).

Ценностные начала преамбулы и ориентация на безусловное проведение их в жизнь определили ход конституционной реформы и ее сущностное содержание. Особенность здесь состоит в том, что все изменения предлагалось охватить одним законом – им стал Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Казалось бы, правка внесена в разные разделы, в разные статьи и, более того, новые статьи появились. У них разные предметы регулирования. Однако в том и новизна принятого решения, которая определена главным содержанием целостной конструкции. Гражданам предлагалось проголосовать не за каждую отдельную поправку, а за одну интегрированную по организации и функционированию публичной власти, суть которой состояла в усилении этой власти. Это новаторский российский, своего рода постмодернистский подход, когда конструкция Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ охватывает некое множество правок. Более того, это такой сложный комплексный закон, реализация которого требует конструктивных изменений в соответствующих законах, Бюджетном и Налоговом кодексах Российской Федерации, в законах о местном самоуправлении.

Сущностное содержание принятой конструкции еще потребует концептуального обоснования по мере ее реализации. Мы же еще раз подчеркнем, что, с нашей точки зрения, каждая из правок и все они вместе неразрывно объединены общей идеей усиления публичной власти как в части ее организации, так и в части функционирования. По поводу каждой из них можно сказать, чем она усиливает власть, в чем ее эффективность в этом направлении. Но здесь, за недостаточностью места, важно подчеркнуть именно сам момент единства всех нововведений.

Стержень обозначенной идеи состоит в усилении президентской власти. Президентская власть существенно усиливается по отношению к правительству, суду, прокуратуре, в решении кадровых вопросов. Интегрирующим моментом аргументации является возможность выдвижения действующим главой го-

сударства своей кандидатуры на следующих выборах Президента Российской Федерации. В либеральной же среде, вопреки всякой логике, расценивали так называемое обнуление президентских сроков как конституционный переворот. В действительности никакого переворота, никакой измены существующему государственному строю не произошло. Напротив, есть только усиление государственного строя. По общему признанию, Россия по Конституции 1993 г. является президентской республикой. Переворот был бы, если бы вдруг предлагался переход к республике парламентарной. Но ни в заявлениях правящей элиты, ни в проводимых реформах никакого движения в этом направлении нет. Скорее, наоборот, президент не один раз подверг сомнению данную форму правления для России.

Особый вопрос – как относиться к сильной власти действующего Президента РФ. Свое позитивное отношение по этому вопросу мы уже высказали в статье «Оценивать рационально и конкретно-исторически». В вышеназванной работе содержится послы оценивать демократию во всем богатстве ее содержания, принимая во внимание в том числе и те негативные обстоятельства, которые она влечет: дороговизну ее институтов, неоперативность принятия решений, рост правонарушений и пр. Многие факты свидетельствуют о перекосах в нашей жизни, когда права гражданина превозносятся в ущерб лежащим на каждом гражданине обязанностям [8].

Важно понимать, что на государстве и на каждой из государственных властей лежат обязанности, а на сильной власти должны лежать еще более значительные. Возрастает значение конструкции конституционной ответственности президента по мере усиления полномочий и возрастания власти (не случайно в рабочей группе по разработке Закона о поправке обращалось на это внимание).

На сайте ИА REX могли прочитать: «Путин вносит в Конституцию то, что для глобалистов и мировой олигархии не очевидно и даже резко неприемлемо. Да, это еще не идеология, но идеологические конструкции на конституционном уровне» [9]. Нет, почему же не идеология? Это, с нашей доктринальной точки зрения, государственная идеология, которая предложена действующим президентом Федеральному Собранию и при закреплении Законом о поправке к Конституции России стала обязательной.

Следует решительно возразить тем, кто полагает, что «наука конституционного права должна наконец-то перестать быть частью государственной идеологии» [10]. Напротив, государственная идеология, и прежде всего конституционная, тогда имеет полнокровную силу, когда в ее основе лежит наука, когда научные идеи пронизывают все ее теоретические и практические аспекты. Кстати, заметим: в развернутом исследовании С. А. Денисова о таком явлении, как конституционные девиации, много идеологически спорного, но нельзя не согласиться с тем, что «вред, который приносят отклонения от конституционных норм, должен определять меры защиты от них». Здесь опять дело за наукой. Сегодня совершенно очевидно, что деидеологизация явилась одним из деструктивных проектов, рожденных временем 90-х, что идеология является неременной составляющей духовности всех систем социума. Но при этом, как представляется, нельзя упускать из вида, что «духовность бывает разной – светлой и темной, позитивной и негативной» [11].

Анализ содержательных новаций проведенной конституционной реформы, несмотря на их целостность, позволяет выделить существенные черты того, что меняет дизайн конституционной конструкции в целом, и того, что относится к совершенствованию отдельных составляющих этой конструкции. Иногда они имеют лингвистическую окраску, хотя лингвистикой совсем не исчерпываются. В качестве примера приведу правку ст. 68 Конституции России, в которой русский язык указывается как язык государствообразующего народа. На наш взгляд, такая основа не лучшая для последующей динамики национально-государственных отношений. Следовало бы записать: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как государствообразующий язык равноправных народов Российской Федерации». Последние можно рассматривать как самостоятельные конструкции надлежащей организации статистики и динамики механизма власти. Отсюда прослеживаются, например, изменения в формировании Правительства России, в организации конституционного контроля, в установлении новых параметров соотношения государственной власти и власти местного самоуправления. Рамки статьи не позволяют остановиться на всем этом подробно, но

представляется необходимым отметить то, что, на наш взгляд, следовало бы проводить в русле реализации итогов проведенной реформы.

По условиям современности все конструктивные построения должны работать на неуклонное выполнение установленных для соответствующих субъектов обязанностей. Если в период рождения конституций считалось первостепенной задачей ограничить государственную власть, то современные реалии указывают на необходимость таких ограничений и по отношению к гражданам и гражданским объединениям. Ключевой подход – во взаимной ответственности граждан и государства. Такая ответственность немыслима иначе как на основе права, которая по всем параметрам, и прежде всего по своему уровню и обязательности, является конституционной, которая является продуктом интеграции национального и международного права.

Новые перспективы открываются перед конструкцией соотношения международного и национального права. Доктрина и практика в России всегда понимала положения ст. 15 Конституции Российской Федерации как признание верховенства национальной конституции над любыми другими нормативными решениями национальных и международных органов. Вместе с тем в Законе о поправке ст. 79 Конституции России предложено изложить в новой редакции. Отсюда дополнение ст. 125 Конституции Российской Федерации, согласно которой Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации (п. «б» ч. 5.1).

Вышеназванные положения не предполагают отказа Российской Федерации от соблюдения самих международных договоров и выполнения своих международных обязательств. Они, как указал

Конституционный Суд России [12], не вступают в противоречие с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Конструкция данного заключения специфична и по объекту, и по процедуре проверки Закона о поправке. В рассмотрении дела не участвовали стороны, не было судьи-докладчика, не выступали эксперты, и принятое заключение суть плод творчества судей. Оно имплементировало не вступившие в силу конституционные новеллы в действующий текст Конституции. Однако имплементировало фактически временно, вплоть до положительных итогов всероссийского голосования. Только голосование легитимизировало позитивные выводы суда. Это тот случай, когда над Конституционным Судом и конституционным правосудием возвысилась еще одна инстанция. Это конструкция временной имплементации в Конституцию России новых положений в расчете на их принятие всероссийским голосованием. Создан прецедент, ценность которого еще предстоит осмыслить. При этом данный механизм предназначен не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конструкции конституционно приемлемого способа исполнения таких решений Российской Федерацией.

Из конструктивных новаций внутреннего права, требующих особого внимания в плане соблюдения конституционной законности в процессе их реализации, отмечу внесение в ст. 131 Конституции России новеллы, согласно которой органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления.

Заключение

Итак, обращая внимание на общую и некоторые частные конструкции нормативного конституционного материала применительно к развитию российской государственности, делаем вывод, что само понятие конструкции организует наше познание проводимых реформ в направлении выявления функциональных возможностей, заложенных в конституции, а в практическом отношении позволяет наиболее оптимально – четко, экономно, системно – проводить государственную (суверенную народную) волю по

всем направлениям общественного развития. Конструктивизм изначально и органично присущ праву, а его возможности раскрываются тем больше, чем более абстрактно, более общим образом изложена господствующая воля. Конституционные тексты отличаются именно эти обстоятельством.

Наконец, отметим и теоретическую продуктивность конструктивистской методологии в сфере конституционализма. Она позволяет видеть консти-

туцию и как фактическое соотношение реальных политических сил, и как документ, содержащий набор определенных норм, символов и смыслов и, не менее важно, как социально-ментальный конструкт квантовой интерпретации того и другого, соединяющий (интегрирующий) позитивистско-рационалистическую и рефлексивистскую картину конституционализма. Это конституция третьего измерения, как реалья, идентичная способу ее понимания.

Список литературы

1. Иванов А. А. Римское право: основные понятия, законы и иски, персоналии и сентенции: словарь-справочник. Москва: Флинта, 2015. 317 с.
2. Синюков В. Н. Системная методология и закономерности правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 4. С. 44–46.
3. Конституция Франции от 24 июня 1793 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1793.htm> (дата обращения: 07.12.2021).
4. Армин фон Богданди. Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем: стратегия ответа на насущные вопросы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1. С. 39–66.
5. Лекторский В. А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии // Конструктивизм в теории познания / под ред. В. А. Лекторского. Москва: ИФРАН, 2008. С. 31–42.
6. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 8. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Москва: Сов. энцикл., 1972. 592 с.
7. Андрей Клишас – РБК: «Политики должны перестать думать о трансфере». URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/06/26/5eeb87f59a794754b917b24f> (дата обращения: 07.12.2021).
8. Лазарев В. В. Оценивать рационально и конкретно-исторически (Комментарий к Закону о поправках в Конституцию РФ). URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otsenivat-ratsionalno-i-konkretno-istoricheski/> (дата обращения: 07.12.2021).
9. Зачем прописывать в Конституции «очевидные вещи»? URL: <http://www.iarex.ru/news/73891.html> (дата обращения: 07.12.2021).
10. Денисов С. А. Конституционная девиантология (общая теория): в 3 кн. Кн. 1: Наука конституционной девиантологии. Конституционные девиации. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. С. 13, 23.
11. Сорокин В. В. Учение о духе права: монография. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2020. С. 19.
12. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 17 марта. № 56.

References

1. Ivanov, A. A. (2015). *Roman law: basic notions, laws and suits, personalia and maxims: thesaurus – reference book*. Moscow, Flinta (in Russ.).
2. Sinyukov, V. N. (2017). System methodology and legal regulation. *Bulletin of the Moscow State Region University*, 4, 44–46 (in Russ.).
3. *Constitution of France of June 24, 1793*. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1793.htm> (access date: 07.12.2021) (in Russ.).
4. von Bogdandi, Armin. (2010). The past and promise of doctrinal constructivism: a strategy for responding to the challenges facing constitutional scholarship in Europe. *Comparative Constitutional Review*, 1, 39–66 (in Russ.).
5. Lektorskii, V. A. (2008). May constructivism and realism be combined in epistemology? In V. A. Lektorsky (ed.). *Konstruktivizm v teorii poznaniya* (pp. 31–42). Moscow, IFRAN (in Russ.).
6. Prokhorov, A. M. (ed.). (1972). *Great Soviet Encyclopedia*, in 30 vol. Vol. 8 (3d ed.). Moscow, Sov. entsikl. (in Russ.).

7. Andrey Klishas – RBK: “Politicians should stop thinking about transfer”. <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/06/26/5eeb87f59a794754b917b24f> (access date: 07.12.2021) (in Russ.).

8. Lazarev, V. V. *Estimating rationally and specific-historically (Comment to the Law of amendments to the Constitution of the Russian Federation)*. <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otsenivat-ratsionalno-i-konkretno-istoricheski/> (access date: 07.12.2021) (in Russ.).

9. *Why stipulating “obvious things” in the Constitution?* <http://www.iarex.ru/news/73891.html> (access date: 07.12.2021) (in Russ.).

10. Denisov, S. A. (2019). *Constitutional deviantology (general theory)*, in 3 books. Book 1: Science of constitutional deviantology. Constitutional deviations. Ekaterinburg, Gumanitarnyi universitet (in Russ.).

11. Sorokin, V. V. (2020). *Doctrine of the spirit of the law*, monograph. Barnaul, Izd-vo Altaiskogo un-ta (in Russ.).

12. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.03.2020 No. 1-3 “On the compliance to the Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the non-effective provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation “On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authority”, and on the compliance to the Constitution of the Russian Federation of the order of the entry into force of Article 1 of the above Law in connection with the enquiry of the President of the Russian Federation” (2020, March, 17). *Rossiiskaya gazeta*, 56 (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 27.12.2021

Дата принятия в печать / Accepted 05.02.2022

ПОЗНАНИЕ

Антонова, И. И.

Стандартизация в формировании системы инновационного менеджмента предприятия / И. И. Антонова, А. Т. Хадиева. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 168 с.

В монографии обобщены научные основы формирования системы инновационного менеджмента на основе стандартизации, представлена концептуальная и нечетко-множественная модель мониторинга и анализа технологической готовности инновационного проекта с учетом стандартизации, сформулированы рекомендации по развитию инновационного менеджмента предприятия с применением стандартизации.

Адресована как магистрантам, аспирантам и научным работникам, занятым исследованием вопросов применения стандартизации в формировании системы инновационного менеджмента, так и практическим работникам, непосредственно занимающимся решением данного вопроса.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Rubric editor P. A. Kabanov

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.106-121>

УДК 340.1:343.2:614.2

П. Н. КОБЕЦ¹

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Россия

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

E-mail: pkobets37@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/0-4240-2017>

Scopus ID: 57208777690

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3224-3836, AuthorID: 344822

Аннотация

Цель: изучение исторической ретроспективы советского (1917–1991 гг.) и постсоветского (с 1991 г. по настоящее время) периодов здравоохранения, эволюции их правового обеспечения, а также комплексного криминологического исследования и анализа уголовной ответственности медработников, совершивших противоправные деяния в рассматриваемые исторические периоды.

Методы: методическую основу исследования составили методы анализа, синтеза, сравнения, формально-логического подхода. Кроме того, автором использовались частно-научные методы, включая исторический.

Результаты: в целом проведенный анализ правовых основ привлечения к уголовной ответственности медработников, совершивших противоправные деяния во время советского и постсоветского периода, позволяет говорить о том, что институт юридической ответственности медработников, медицинская наука и практика развивались параллельно под влиянием социальных, экономических и политических факторов. С начала советского периода вопросы ответственности медперсонала стали вызывать многочисленные споры как у ученых, так и у практиков, и сегодня эти споры продолжаются и не утихают. При этом важно подчеркнуть, что отечественная законодательная система в сфере здравоохранения всегда формировалась исключительно на особом отношении государства и общества к медицинским работникам, которые воспринимались в качестве хранителей здоровья населения и пользовались у него огромным доверием, что в свою очередь порождало у врачебного персонала особую осторожность и ответственность.

© Кобец П. Н., 2022

© Kobets P. N., 2022

Кобец П. Н. Правовые основы привлечения к уголовной ответственности медицинских работников за совершение противоправных деяний...
Kobets P. N. Legal Bases for Prosecution of Medical Staff for Illegal Acts During the Soviet and Post-Soviet Periods

Научная новизна: исследование отличается авторским подходом, который позволил ему с уверенностью говорить о социальной обусловленности правовых запретов за рассматриваемые противоправные деяния, а также о причинно-следственной зависимости между формируемой нормативной правовой базой и порождаемыми ею общественными последствиями в советский и постсоветский периоды.

Практическая значимость: полученные в процессе исследования генезиса проблематики, связанной с ответственностью медицинского персонала за совершение им противоправных деяний, выводы будут способствовать развитию научного представления о сущности рассматриваемого феномена, а также выявлению современного причинного комплекса, способствующего возникновению указанных противоправных деяний.

Ключевые слова: медицинская деятельность, система здравоохранения, медицинский персонал, врачебные ошибки, ответственность медработников

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кобец П. Н. Правовые основы привлечения к уголовной ответственности медицинских работников за совершение противоправных деяний в советский и постсоветский периоды // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 106–121. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.106-121>

The scientific article

P. N. KOBETS¹

¹ All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia

LEGAL BASES FOR PROSECUTION OF MEDICAL STAFF FOR ILLEGAL ACTS DURING THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

Peter N. Kobets, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

E-mail: pkobets37@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/0-4240-2017>

Scopus ID: 57208777690

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3224-3836, AuthorID: 344822

Objective: to study the historical retrospective of the Soviet (1917-1991) and post-Soviet (1991 – present) periods of healthcare, the evolution of their legal support; to conduct a comprehensive criminological study and analysis of the criminal liability of medical staff who committed illegal acts in the historical periods under consideration.

Methods: the methodological basis of the study was the methods of analysis, synthesis, comparison, formal and logical approach. In addition, the author used specific scientific methods, including the historical one.

Results: in general, the analysis of the legal foundations of criminal prosecution of medical staff who committed illegal acts during the Soviet and post-Soviet period suggests that the institute of legal liability of medical staff, the medical science and practice developed in parallel under the influence of social, economic and political factors. Since the beginning of the Soviet period, the issues of liability of medical staff have caused numerous disputes among both researchers and practitioners, and today these disputes continue and do not subside. At the same time, it is important to emphasize that the Russian legislative system in the field of healthcare has always been formed solely with the special attitude of the state and society to medical staff, who were perceived as guardians of the health of the citizens and enjoyed their confidence, which in turn gave rise to special caution and responsibility among medical personnel.

Scientific novelty: the study is distinguished by the author's unique approach, which allowed stating the social conditionality of legal prohibitions for the illegal acts under consideration, as well as the causal relationship between the regulatory legal framework formed and the social consequences generated by it in the Soviet and post-Soviet periods.

Practical significance: the conclusions obtained by studying the genesis of the problems related to the liability of medical personnel for committing illegal acts will contribute to the development of a scientific understanding of the essence of the phenomenon under consideration, as well as the identification of a modern causal complex contributing to the occurrence of these illegal acts.

Keywords: Medical activity, Healthcare system, Medical personnel, Medical errors, Liability of medical staff

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kobets, P. N. (2021). Legal Bases for Prosecution of Medical Staff for Illegal Acts During the Soviet and Post-Soviet Periods. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 106–121 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.106-121>

Введение

Проблематика, связанная с привлечением медицинских работников к мерам ответственности за совершение противоправных деяний, которые ими были совершены при осуществлении своих профессиональных обязанностей, возникла на территории нашего государства много столетий тому назад, но по сей день не получила полного разрешения. Необходимость привлечения правонарушителей в области медицинской деятельности к справедливому и обоснованному наказанию возникла не случайно, она складывалась исторически благодаря воздействию различных факторов. И, как показывают ранее проведенные исследования, история медицинской деятельности в нашей стране полна случаев привлечения медицинского персонала к ответственности за совершение ими медицинских ошибок. При этом на разных стадиях советского (1917–1991 гг.) и постсоветского (с 1991 г. по настоящее время) периодов совершение врачебных ошибок имело свою определенную трактовку, и санкции за их совершение соответственно были разными.

Постановка проблемы

В условиях начала нового тысячелетия в нашей стране активными темпами и на системной основе реформируется вся система здравоохранения. Целью указанного реформирования стало развитие системы обеспечения прав граждан по охране их здоровья, оказания медицинской помощи, улучшения качества жизни [1. С. 4]. Системой здравоохранения Российской Федерации от аналогичной системы Советского Союза было унаследовано многое: ряд правовых основ; организационная структура, в том числе больничная и поликлиническая сети; научно-исследовательские

институты, медицинские лаборатории и центры и др. Поэтому историческая ретроспектива советского и постсоветского этапов здравоохранения, эволюции их правового обеспечения, а также комплексное исследование и анализ уголовной ответственности медперсонала за совершение противоправных деяний имеют не только большой теоретический интерес, но и важнейшее практическое значение по разработке оптимальной модели, связанной с организацией и управлением современным здравоохранением, а также совершенствованием правовых основ по привлечению медперсонала к уголовной ответственности за совершение преступлений.

Необходимость проведения исследования

Сегодня ряд специалистов полагает, что преступные деяния, совершенные врачами во время их профессиональной деятельности, самым активным образом формируют среди российских граждан негативное отношение ко всему здравоохранению в целом. И поэтому, по их мнению, необходимо исследовать отечественный опыт в сфере борьбы с преступлениями, которые совершали медики, в тот период, когда отечественное уголовное законодательство всех медицинских работников выделяло в отдельную категорию. В этой связи также важно подчеркнуть, что отечественные исследователи рассматриваемой проблематики уверены в том, что сегодня можно говорить о тенденции роста «жалоб пациентов в правоохранительные органы, возбужденных уголовных дел в отношении медицинских работников и количества переданных в суд уголовных дел» [2. С. 62]. И поэтому действующее уголовное законодательство, касающееся ответственности медицинских работников, требует

постоянного мониторинга и совершенствования с учетом всех необходимых положений неукоснительного соблюдения требований законности.

Обзор литературных источников по исследуемой проблеме

В 1920–1930-х гг. в нашей стране как медицинскими работниками, так и правоведами были опубликованы различные научные труды, которые освещали многие аспекты по проблематике врачебных ошибок и вопросов привлечения к ответственности медиков. В научных работах данного периода рассматривались вопросы судебной ответственности врачебного персонала, анализировались медицинские ошибки, а также, в частности, ошибки в диагностике и терапии, врачебные преступления, судебная и уголовная ответственность врачебного персонала. Следует отметить работы таких советских специалистов, как Д. А. Абдуладзе [3], А. Е. Брусиловский [4], С. А. Бруштейн [5], А. Д. Гусев [6], А. П. Губарев [7], И. В. Давыдовский [8], Я. Л. Лейбович [9], Ю. Г. Малис [10], М. И. Райский [11], Ю. С. Сапожников [12] и др.

В 1940-х гг. научные работы по рассматриваемой проблематике практически не публиковались.

В 1950–1960-х гг. вновь возник интерес к вопросам неправильного врачевания и стали появляться научные статьи, в которых рассматривалась как в целом проблематика врачебных ошибок, так и ее отдельные аспекты, как, например, логические ошибки в судебно-медицинских заключениях и др. Это были работы таких видных советских ученых, как А. Д. Адрианов [13], С. Б. Байковский [14], Т. А. Будак [15], И. Г. Вермель [16], И. К. Неуважаев [17], И. Ф. Огарков [18], С. М. Сидоров [19], Ю. П. Юдель [20] и др.

В 1970–1980-х гг. существенное внимание в нашей стране уделялось развитию вопросов, связанных с медицинской этикой. Нельзя также не отметить и подготовленные в данный период научные работы, которые посвящались вопросам деонтологии, нарушениям в медицинской сфере, ответственности медицинских работников, уголовно-правовой охране здоровья населения, вопросы возмещения ущерба, причиняемого некачественным лечением, гражданско-правовому регулированию отношений в здравоохранении, имущественной ответственности медицинских организаций за причинение вреда, их работниками и др. Это были работы таких ведущих советских исследователей, как

В. А. Глушков [21], А. П. Громов [22], А. А. Грандо [23], И. А. Концевич [24], Б. В. Петров [25], А. Н. Савицкая [26], Ю. Д. Сергеев [27], В. Н. Смитиенко [28], В. Л. Суховерский [29], К. Б. Ярошенко [30] и др.

В 1990-е гг. был отмечен очередной интерес к изучению «врачебных дел», связанных с ответственностью медицинского персонала. Во многом данное обстоятельство было обусловлено большинством коренных общественно-политических и социальных изменений в российском обществе, которые в том числе не обошли и область здравоохранения. В этот период стала активно внедряться страховая медицина, развивались платные медицинские услуги, была разрешена частная врачебная деятельность, а также народное целительство. Были опубликованы ряд интересных исследований, посвященных юридическому анализу в сфере профессиональных ошибок медицинского персонала, среди которых необходимо отметить работы ведущих российских правоведов: Л. М. Бедрина [31], З. С. Гладуна [32], М. Н. Малеина [33], В. В. Сергеева [34] и др.

С начала 2000-х гг. и по настоящее время не пропал интерес к изучению проблематики, связанной с ответственностью медицинского персонала за совершение противоправных деяний. По данному направлению научной деятельности были опубликованы и продолжают выходить различные исследования, в частности, по вопросам прав пациентов и ответственности медицинского персонала за причиненный вред; о выработке методики изучения деонтологического аспекта деятельности врачей; посвященные анализу изучения качества медицинских услуг; рассматривающие проблематику оценки качества медицинского обслуживания; рассматривающие различные аспекты становления и развития законодательной базы здравоохранения; посвященные защите прав пациентов; рассматривающие вопросы необходимости глобального реформирования медицинской деятельности и др. Следует отметить работы по рассматриваемой тематике таких известных российских специалистов и исследователей, как А. М. Балло [35], В. И. Витер [36], А. Я. Голышев [37], Р. А. Квернадзе [38], Р. Г. Колоколов [39], А. А. Мохов [40], Л. Б. Ситдинов [41], А. В. Сучков [42], Ю. Д. Сергеев [43], Т. Е. Сучкова [44], Ф. Шерегов [45] и др.

Совсем недавно были опубликованы интересные исследования, которые касались дискуссионных вопросов в области уголовной ответственности ме-

дицинских работников, а также ответственности за преступления, связанные с нарушением медицинскими работниками профессионального долга. Не менее актуальны и новейшие исследования по теоретическим и практическим вопросам уголовной ответственности медицинских работников за причинение вреда жизни и здоровью пациентов, работы, посвященные уголовной ответственности медицинских работников как специальных субъектов, а также освещающие отдельные проблемы юридической квалификации ненадлежащего оказания медицинской помощи. Особо хочется отметить работы следующих специалистов в рассматриваемых научных областях: Е. Х. Баринов [46], А. А. Бимбинов [47], М. И. Галюкова [48], А. Г. Кибальник [49], А. В. Колоколов [50], Н. А. Огнерубов [51], Л. В. Павлов [52], А. В. Серебренникова [53], И. Л. Трунов [54] и др.

Проблематика правовых основ привлечения к уголовной ответственности медработников, совершивших противоправные деяния, также исследовалась и за рубежом, в частности, рассматривались вопросы врачебных ошибок [55] и проводился анализ количества случаев врачебной халатности [56].

Также необходимо остановиться на кратком обзоре диссертационных исследований, специально посвященных вопросам правовой охраны здоровья населения и правовому регулированию организации и управления модернизации здравоохранения в Российской Федерации, среди которых особо следует выделить работу В. Е. Негодова [57]. Необходимо отметить, что отечественные диссертационные исследования в указанной сфере касались самых разнообразных аспектов рассматриваемой деятельности. Так, в частности, в диссертационном исследовании Н. К. Елиной были рассмотрены правовые проблемы оказания медицинских услуг [58], аналогичная проблематика рассматривалась в диссертации О. Е. Жамковой [59], диссертация М. Н. Малеиной посвящалась правовому регулированию отношений между гражданами и лечебными учреждениями [60]. Были и специальные диссертационные исследования, касающиеся конституционного обеспечения права граждан на медицинскую помощь, как, в частности, работа Н. В. Косолаповой [61], а также диссертационное исследование Е. Н. Лесниченко по совершенствованию институциональных условий и инструментов оказания медицинских услуг [62]. В отдельных диссертационных исследова-

ниях, как, например, работа Я. В. Старостиной, были проанализированы актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников [63], а в диссертации Е. В. Муравьевой исследовались проблемы гражданско-правовой ответственности в сфере медицинской деятельности [64], а вот исследование В. С. Абдуллиной конкретизировало гражданско-правовую ответственность за нарушения в сфере оказания медицинских услуг [65]. В диссертационных работах отечественных исследователей изучалась и социальная комплементарность прав пациентов и медицинских работников в медицине, как, например, в диссертации Е. В. Приз [66], а также вопросы правового регулирования оказания медицинских услуг несовершеннолетним, как, например, в диссертации Е. С. Сагалаевой [67]. Отдельные диссертационные исследования специально посвящались врачебным ошибкам и ответственности за них, как, например, диссертация Ю. С. Зальмунина [68] и диссертационное исследование Ю. С. Сидорович [69], а также предупреждению преступлений в сфере здравоохранения, как диссертация Е. В. Червонных [70].

Результаты исследования

События Октябрьской революции 1917 г. полностью изменили основы российской правовой системы, в том числе и законодательство в сфере медицинской деятельности и здравоохранения. С первых дней существования нового государства, а точнее с 26 октября 1917 г., образуется медико-санитарный отдел при Военно-революционном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который начинает реорганизацию всей российской медицинской системы» [71]. В дальнейшем происходит объединение всех медико-санитарных отделов страны и образование на их основе Народного комиссариата здравоохранения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР), в задачи которого входило объединение всех усилий по восстановлению здравоохранения страны.

Анализ правовых основ медицинской деятельности довоенного этапа (1917–1941 гг.) нашей страны можно классифицировать по совокупности различных групп нормативных правовых актов. К первой группе следует отнести нормативные правовые акты по созданию и дальнейшему реформированию центральных органов здравоохранения. Ко второй

группе – законодательство, связанное со становлением и организацией санитарного надзора. К третьей – законодательство по охране материнства, детства и младенчества. К четвертой – законодательные акты по охране здоровья различных категорий населения. При этом нельзя не отметить, что в рассматриваемый период не было проведено «кодификации и систематизации законодательства в сфере здравоохранения, а правовое регулирование медицинской деятельности основывалось на декретах, постановлениях и приказах правительства» [72. С. 81].

«С Декрета Совета народных комиссаров (далее – СНК) РСФСР от 20 января 1918 г. “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” началась массовая ликвидация монастырских больниц и приютов» [73]. Данная необдуманная мера привела к небывалой ранее вспышке всевозможных инфекционных болезней. И поэтому новой советской системе здравоохранения пришлось срочно заняться профилактикой вспышек вирусных заболеваний, что и подтверждают первые декреты, издаваемые Наркоматом здравоохранения [74. С. 245] и др. Восьмой съезд РКП(б), проходивший с 18 по 23 марта 1919 г. в Москве, принимает Государственную программу здравоохранения, предусматривающую комплекс санитарных мероприятий по предупреждению различных заболеваний.

С образованием Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) продолжается становление организованной системы и внедрения ее основ на всесоюзном, общероссийском и региональных уровнях, нашедшее свое отражение в принятой в 1924 г. Конституции СССР. Она стала тем базисом, на котором строилась система медицинского обслуживания союзных республик.

В начале становления советского законодательства о здравоохранении специальный циркуляр Наркома здравоохранения 1921 г. ликвидировал частную медицинскую практику, к 1925 г. все частные медучреждения ликвидировали, и медицинские организации СССР были только государственные. Регулирование порядка оказания медицинских услуг осуществлялось правовыми нормами нормативных правовых актов, различных отраслей права. И до 1969 г., как правило, всю медицинскую деятельность СССР регламентировали ведомственные нормативные акты.

Новая система здравоохранения остро нуждалась в регламентации правоотношений по ответственности

медработников. Поэтому в период становления новой государственности власти также не забывали о законодательных вопросах, связанных с привлечением к уголовной ответственности медперсонала. Таким актом стал декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников», вступивший в законную силу 1 декабря 1924 г., в дальнейшем в него вносилось много дополнений и он стал «основой всего законодательства о здравоохранении, при этом им также регламентировались основания по привлечению медиков к ответственности за совершение профессиональных правонарушений» [75], в частности, предусматривалась уголовная ответственность медработников за причинение тяжких повреждений либо смерти пациентов вследствие некачественного лечения.

В начале 1920-х гг. стали намечаться противоречия между медиками и юристами по вопросам о врачебных ошибках. Надо заметить, что в рассматриваемый период советская общественность не обделяла своим вниманием медицинский персонал и пристально следила за качественным исполнением им своих профессиональных обязанностей. Во многом сложившемуся положению дел способствовали обращения, поступавшие в 1925 г. в Народный комиссариат здравоохранения из российского акушерско-гинекологического общества. В «данных обращениях ставились вопросы привлечения к уголовной ответственности медицинского персонала из-за роста уголовных обвинений в отношении них за их ошибки и дефекты в профессиональной деятельности» [76. С. 11]. Предлагалось «создать особые медицинские комиссии при zdravotделах в университетских городах и внимательно изучать каждый отдельный случай, в котором органами следствия усматривался состав преступления в отношении врачей, а если будут возникать особо сложные случаи, то их бы следовало передавать для окончательного решения в Центральную экспертную комиссию при Наркомздраве» [77. С. 101].

Такие предложения не получили одобрения как среди юристов, так и врачебного сообщества, предлагавших, что медицинские работники должны привлекаться к уголовной ответственности на тех же основаниях, как и все остальные категории советских граждан, подчеркивая тем самым необходимость равной со всем остальным населением законодательной ответственности врачебного корпуса [78. С. 18].

При этом в Уголовном кодексе (далее – УК) РСФСР 1922 г. «медицинские работники были выделены в отдельную категорию и могли быть привлечены к уголовной ответственности не только за профессиональные» [79. С. 38], но подлежали ответственности в случае совершения должностных преступлений, которые предусматривались второй главой «Должностные (служебные) преступления» УК РСФСР 1922 г., в том числе за совершение ст. 114 «Получение лицом, стоящим на государственной, союзной или общественной службе, лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица». Профессиональными преступлениями в соответствии с УК РСФСР 1922 г. были ст. 146 «Совершение изгнания плода или искусственного перерыва беременности в ненадлежащих условиях» и ст. 165 «Неоказание помощи больному без уважительной причины лицом, обязанным ее оказывать по закону или по установленным правилам» [80], по которой виновный в совершении указанного деяния нес наказание в виде принудительных работ на срок от одного года либо должен был выплатить штраф в сумме до пятисот рублей золотом. Принятый в 1926 г. новый УК РСФСР практически оставил без изменений вопросы ответственности медработников, поменяв только нумерацию в статьях [81].

Отдельного внимания в рассматриваемый период, заслуживает «проблематика ужесточения ответственности медицинского персонала за проведение аборт, которая была специально предусмотрена Постановлением ЦИК и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г., в соответствии с которым проводить их разрешалось только в случаях, когда беременность могла представлять угрозу жизни или здоровью беременных женщин» [82], и исключительно в больнице или родильном доме. Производство абортов вне больницы, с нарушениями установленных правил, влекло за собой привлечение к уголовной ответственности врачей, производящих аборты, на сроки от одного года до двух лет лишения свободы. В тех случаях, когда аборты производились в условиях антисанитарной обстановки, а также лицами, которые не имели специального медицинского образования, их привлекали к уголовной ответственности в виде лишения свободы на срок не менее трех лет. При понуждении женщин производить аборт была установлена уголовная от-

ветственность в виде лишения свободы до двух лет. Беременные женщины, производящие аборты в нарушение норм действующего законодательства, привлекались к общественному порицанию, а в случаях повторного нарушения ими рассматриваемых норм – к административному наказанию в виде штрафа в размере трехсот рублей.

Нельзя не сказать о том, что законодательная регламентация привлечения к уголовной ответственности медперсонала за врачебные ошибки способствовала тому, что большинством практикующих медиков в советский период изучались врачебные ошибки, дабы избежать повторения подобных ситуаций в своей врачебной практике. Поэтому в 1936 г. медицинские работники получили «руководство для врачей “Ошибки, опасности и непредвиденные осложнения при лечении хирургических заболеваний”» [83], которое излагало многие случившиеся ранее врачебные ошибки. Благодаря данному изданию медицинским работникам была предоставлена серьезная теоретическая база по развитию медицинской научной деятельности рассматриваемого периода. На основании «п. 19 Положения НКЗ РСФСР № 47/39 от 16 февраля 1934 г. “О производстве судебно-медицинской экспертизы” оценка деятельности врачебного персонала осуществлялась врачами судебно-медицинской экспертизы» [84. С. 8].

Рост общего благосостояния населения, положительные изменения в медицинской деятельности, начавшиеся в конце 1960-х гг. после внедрения новых технологий, существенно отразились на характере дефектов медицинской работы. Данная тенденция была прекрасно отражена в исследованиях отечественных специалистов, которые базируются на анализе «врачебных дел» Ростовской области, связанных с подозрением в совершении правонарушений медиками в 1961–1967-х гг., которые проводил А. И. Неуважаев совместно с А. Б. Гутниковой [85. С. 42].

Проведенный анализ указанных специалистов показал, что по числу совершенных правонарушений лидировали хирурги, чаще другого врачебного персонала привлекаемые к ответственности в результате неблагоприятных исходов в процессе их диагностики и лечения, а также халатного отношения к постановке диагноза. Кроме того, по-прежнему в медицинской сфере отмечались плохая организация, недисциплинированность, неоперативность. Большее число дел (92 %) возбуждалось в отношении врачебного персона-

ла, работающего в городах и, как правило, в больницах областных центров. «Большинство рассматриваемых случаев (70 %) было связано с жалобами на врачей, работающих в стационарах, остальные приходились на медицинский персонал поликлиник и скорой помощи. По результатам анализа всех проведенных экспертиз все факты правонарушений врачебного персонала эксперты распределили на группы, среди которых 36 % относилось к совершению врачебных ошибок; 33 % – к неосторожным действиям, около трети которых относилось к неправильной организации медицинской помощи. Около 31 % жалоб было высказано необоснованно» [86. С. 5]. В рассматриваемых делах также «были выявлены факты недобросовестного отношения к своим функциональным обязанностям» [87. С. 399].

Необходимо отметить, что привлечение к уголовной ответственности медперсонала за совершение противоправных деяний в 1960-е гг. регламентировалось третьей главой УК РСФСР 1960 г. «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» и главой десятой «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». В отношении медицинских работников были предусмотрены следующие составы: «...ст. 116 “Незаконное производство аборта”; ст. 126.2 “Незаконное помещение в психиатрическую больницу”; ст. 128 “Неоказание помощи больному”; ст. 128.1 “Разглашение сведений, составляющих врачебную тайну”; ст. 221 “Незаконное врачевание”» [88]. Таким образом, в УК РСФСР 1960 г., как и в УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г., содержались практически тождественные составы уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность медработников, по которым медицинский персонал выступал в качестве субъекта преступления, а степень совершенных медиками преступных деяний определяло превышение либо невыполнение ими их служебных или профессиональных полномочий.

Рассматривая вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение противоправных деяний медперсонала, нельзя не отметить тот факт, что законодательное регламентирование медицинской деятельности в 1920–1960-х гг. осуществлялось на основе ведомственного нормативного регулирования. В этой связи 1970 г. весьма примечателен в рамках рассматриваемой проблемы «в связи со вступлением в силу Основ законодательства Союза ССР и союзных республик

о здравоохранении, систематизировавших в девяти разделах и пятидесяти пяти статьях все нормативные правовые акты по охране здоровья населения СССР» [89] (далее – Основы). Однако важно отметить, что, «по мнению отечественных экспертов, он все же являлся не столько юридическим, сколько политическим документом» [90. С. 35]. В 1971 г. вступает в силу Закон РСФСР «О здравоохранении», в котором практически дублировались нормы, содержащиеся в Основы [91].

Последующий анализ «врачебных дел» Ростовской области, связанных с подозрением на совершение правонарушений медиками «в период 1971–1983 гг. не показал наличие существенных особенностей с остальными регионами страны, однако специалистами было выявлено наличие отдельных изменений относительно данных аналогичных исследований, проведенных в предыдущие годы» [92. С. 352]. Так, например, в 1920–1930-х гг. уголовные дела в отношении врачебного персонала были возбуждены органами здравоохранения. В 1970–1980-х гг. было зафиксировано три аналогичных случая, при этом отмечалось, что жалобы поступали как от родственников, так и от самих пациентов.

Кроме того, специалистами отмечались еще ряд особенностей по рассматриваемой проблематике, происходивших в 1980-х гг. Так, по сравнению с прошлыми годами в медицинской практике чаще стали выявляться случаи этико-деонтологических недостатков. Среди основных условий, их детерминирующих, специалистами указывалось на развитие уровня здравоохранения. В сравнении с 1920, 1930, а также 1950-ми гг. ощутимо проявлялась разница между числом поступивших обращений пациентов на врачебный персонал и возбужденными по ним уголовными делами, которые все реже стали доходить до судов [93. С. 1].

В законодательные основы сферы здравоохранения в последний советский период 1960–1980-х гг. не вносилось серьезных изменений, которые бы касались статуса медицинских организаций и ужесточали ответственность медицинского персонала. Законодательная регламентация профессиональной ответственности врачей в рассматриваемый период также не претерпела серьезных изменений [94, 18].

В период проведения реформирования медицинской сферы, который начался с 1991 г. и продолжается по сей день, «затронуты все основные отрасли здра-

воохранения, также существенному реформированию была подвергнута деятельность, связанная с ответственностью работников сферы здравоохранения, что в большей степени было обусловлено происходящими значительными изменениями в большинстве сфер российского общества» [95. С. 8]. Большинство изменений «обуславливалось различными правовыми взаимоотношениями врачей и пациентов в советской и постсоветской эпохах, которые стали очевидны после принятия в 1993 г. “Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан”» [96]. Новые «Основы законодательства об охране здоровья граждан», принятые в 2011 г. [97], способствуют в настоящее время формированию комплексной отрасли законодательства – здравоохранительного права. Сегодня отечественная сфера здравоохранения представлена частными и государственными медицинскими учреждениями, оказывающими медицинскую помощь и услуги в едином правовом поле.

С принятием в 1996 г. УК РФ не стало специальных норм, регламентирующих уголовную ответственность медицинских работников за причинение ими вреда здоровью и смерти пациентам во время оказания медицинской помощи» [98]. Однако проблемных вопросов по применению норм, предусматривающих уголовную ответственность медицинского персонала, не убавилось. Развитие в условиях начала XXI столетия компьютеризации и цифровизации общества в том числе способствовало внедрению в медицинскую область результатов научно-технической деятельности, что, безусловно, способствовало возникновению новых преступных посягательств в медицине. При этом отставание в развитии уголовного законодательства не позволяет в полной мере осуществлять необходимую активную защиту общественных отношений, возникающих в сфере оказания медицинских услуг.

В соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации медицинские работники привлекаются к уголовной ответственности

на общих основаниях, а их противоправные деяния квалифицируют следующие нормы УК РФ: ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности»; ст. 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности»; ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»; ст. 293 «Халатность». И сегодня вопросы привлечения медперсонала к уголовной ответственности постоянно дискутируются, поскольку не утихают споры относительно усовершенствования законодательных норм в сфере охраны общественных отношений, которые возникают между пациентами и медработниками, предоставляющими им медицинские услуги.

Выводы

Проведенное исследование позволяет автору утверждать, что рассмотренные в работе проблемы качества оказываемых медицинских услуг, охраны здоровья населения и юридической ответственности медицинского персонала на протяжении всего советского и тридцати лет постсоветского периодов были актуальными и остаются таковыми сегодня. При этом отношение правоведов и власти в различные годы рассмотренных исторических периодов нашей страны к противоправному поведению медицинских работников было неоднозначным и в большей степени соответствовало менталитету граждан, уровню развития гражданского общества, морально-этическим нормам, а также медицинским успехам. И неслучайно рассматриваемая в работе проблема остается дискуссионной и сегодня, поскольку интересы общества к этой непростой, но в то же время чрезвычайно актуальной проблеме будут всегда подогреваться теми обстоятельствами, что, с одной стороны, профессиональная деятельность медицинских работников направлена на излечение больных, а с другой – она связана с причинением вреда здоровью пациентам в случае некачественной работы медицинского персонала.

Список литературы

1. Шилук Т. С. Административно-правовое регулирование в области здравоохранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 29 с.
2. Чефранов К. А. Уголовная ответственность медицинских работников за причинение смерти или вреда здоровью пациентов при оказании медицинской помощи: исторический аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3 (89). С. 57–63.

3. Абуладзе Д. А. К вопросу о судебной ответственности врача. Тифлис, 1931. 112 с.
4. Брусиловский А. Е., Левин А. М. Медицинские ошибки по судебным материалам. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1930. 119 с.
5. Бруштейн С. А. Ошибки в диагностике и терапии / под ред. проф. С. А. Бруштейна. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1930. 832 с.
6. Гусев А. Д. Врачебные ошибки и врачебные преступления // Казанский медицинский журнал. 1935. № 6. С. 686–708.
7. Губарев А. П. О судебной ответственности врача. Москва, 1927. 39 с.
8. Давыдовский И. В. Врачебные ошибки // Советская медицина. 1941. № 3. С. 3–10.
9. Лейбович Я. Л. Судебная ответственность врачей. Ленинград; Москва: Рабочий суд, 1926. 96 с.
10. Малис Ю. Г. Уголовная ответственность врачей // Право и жизнь. Москва, 1926. Книга 1. С. 76–82.
11. Райский М. И. Ответственность врача // Вопросы здравоохранения. 1929. № 1. С. 8–22.
12. Сапожников Ю. С. Об ответственности врача за профессиональные ошибки. Киев, 1932. 52 с.
13. Адрианов А. Д. Этиология криминального аборта // Сборник научных работ сотрудников кафедры и судебных медиков г. Ленинграда. 1957. № 10. С. 94–106.
14. Байковский С. Б. Врачебные «дела» // Вопросы теории и практики судебной медицины. Чита, 1959. С. 71–78.
15. Будак Т. А. Врачебные дела по материалам бюро Главной судебно-медицинской экспертизы // Сборник научных статей Одесского отделения УНОСМиК. Одесса, 1957. 99 с.
16. Вермель И. Г. О логических ошибках в судебно-медицинских заключениях // Судебно-медицинская экспертиза. 1967. № 1. С. 26–30.
17. Неуважаев А. И. К вопросу об экспертизе врачебных дел // Судебно-медицинская экспертиза и криминалистика на службе следствия: сборник работ. Ставрополь, 1965. № 4. С. 65–72.
18. Огарков И. Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Ленинград: Медицина, 1966. 196 с.
19. Сидоров С. М. О врачебных «ошибках»: сборник рефератов и аннотаций за 1932–1952 гг. Каз. Госмединститута. Алма-Ата, 1954. 48 с.
20. Эдель Ю. П. О направлении на судебно-медицинскую экспертизу материалов «врачебных дел» // Сборник научных работ по судебной медицине и криминалистике, посвященный памяти проф. И. С. Бокариуса. Харьков, 1956. 167 с.
21. Глушков В. А. Об ответственности медицинских работников за преступно-небрежное нарушение профессиональных обязанностей // Клиническая хирургия. 1984. № 12. С. 32–34.
22. Громов А. П. Врачебная деонтология и ответственность медицинских работников. Москва: Медицина, 1969. 78 с.
23. Грандо А. А. Врачебная этика и медицинская деонтология. Киев: Вища школа, 1988. 192 с.
24. Концевич И. А. Долг и ответственность врача. Киев, 1983. 80 с.
25. Петров Б. Д. Врач, больные и здоровые. Москва: Медицина, 1972. 28 с.
26. Савицкая А. Н. Возмещение ущерба, причиненного ненадлежащим врачеванием. Львов, 1982. 192 с.
27. Сергеев Ю. Д. Профессия врача: юридические основы. Киев: Высшая школа, 1988. 205 с.
28. Смитиенко В. Н. Уголовно-правовая охрана здоровья населения в СССР: монография. Киев: Вища шк. Головное изд-во, 1989. 243 с.
29. Суховерхий В. Л. Гражданско-правовое регулирование отношений по здравоохранению // Советское государство и право. 1975. № 6. С. 105–109.
30. Ярошенко К. Б. Имущественная ответственность лечебных учреждений за вред, причиненный их работниками // Вопросы государства и права. Минск: Изд-во БГУ, 1970. Вып. 2. С. 247–254.
31. Бедрин Л. М. О правах медицинских работников и их ответственности за причинение вреда здоровью граждан // Новости медицины и фармации. 1994. № 2. С. 27–28.
32. Гладун З. С. Законодательство о здравоохранении: проблемы формирования новой теоретической модели // Государство и право. 1994. № 2. С. 116–122.
33. Малеина М. Н. Человек и медицина в современном праве: учебное и практическое пособие. Москва: Бек, 1995. 260 с.
34. Юридический анализ профессиональных ошибок медицинских работников / В. В. Сергеев и др. Самара: Сокол-Т, 2000. 144 с.
35. Балло А. М., Балло А. А. Права пациентов и ответственность медицинских работников за причиненный вред. Санкт-Петербург: БиС, 2001. 374 с.
36. К вопросу о выработке методики изучения деонтологического аспекта деятельности врачей (методологическое обоснование и опыт конкретных исследований) / В. И. Витер, А. С. Димов, О. А. Волкова // Судебная медицина и медицинское право: Актуальные вопросы: материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФ, профессора Г. А. Пашина. Москва, 2011.

37. Голышев А. Я., Рожков Н. Н. Качество медицинских услуг как предмет квалиметрического оценивания // Менеджер здравоохранения. 2008. № 7. С. 40–44.
38. Квернадзе Р. А. Некоторые аспекты становления и развития законодательства в области здравоохранения // Государство и право. 2001. № 8. С. 99–104.
39. Колоколов Г. Р. Защита прав пациентов. Серия: Народный юрист. Москва: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2009. 192 с.
40. Мохов А. А., Мохова И. Н. Функции обязательств вследствие причинения вреда здоровью или жизни пациента // Медицинское право. 2006. № 3. С. 35–38.
41. Ситдикова Л. Б. Правовые критерии оценки качества медицинских услуг // Медицинское право. 2010. № 4. С. 22–26.
42. Сучков А. В. Правовые проблемы взаимоотношения медицинских работников и пациентов при совершении медиками профессиональных правонарушений // Вятский медицинский вестник. 2008. № 3–4. С. 77–79.
43. Сергеев Ю. Д., Канунникова Л. В. Ненадлежащее оказание медицинских услуг и факторы риска его распространения // Медицинское право. 2007. № 4. С. 3–6.
44. Сучкова Т. Е. Административная ответственность медицинских работников за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей // Медицинское право. 2011. № 4. С. 48–56.
45. Шерегова Ф. Защита прав граждан на медицинскую помощь // Законность. 2009. № 2. С. 57–59.
46. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением медицинскими работниками профессионального долга / Е. Х. Баринов, Д. В. Сундуков, П. О. Ромодановский и др. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. 88 с.
47. Бимбинов А. А. Медицинские преступления: понятие и состояние // Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 32. № 4. С. 136–140. DOI: <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2019-32-4-136-140>
48. Галюкова М. И. Особенности уголовной ответственности медицинских работников за причинение вреда здоровью человека: учебное пособие. Омск: Омская акад. МВД России, 2008. 54 с.
49. Кибальник А. Г., Старостина Я. В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников: монография. Москва: Илекса, 2006. 91 с.
50. Колоколов А. В. Проблемы юридической квалификации ненадлежащего оказания медицинской помощи // Судья. 2020. № 2 (110). С. 18–22.
51. Огнерубов Н. А. Уголовная ответственность медицинских работников за причинение вреда жизни и здоровью пациентов: теория и практика: монография. Тамбов: Державинский, 2018. 319 с.
52. Павлова Л. В. Уголовная ответственность медицинских работников как специальных субъектов: к вопросу о развитии медицинского уголовного права // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2 (32). С. 11–21.
53. Серебrenникова А. В. Уголовная ответственность медицинских работников: дискуссионные вопросы // Социально-политические науки. 2021. Т. 11, № 1. С. 53–58.
54. Трунов И. Л. Врачебная ошибка: преступление или проступок? // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2009. № 2–3 (89–90). С. 20–25.
55. Врачебные ошибки: современное состояние проблемы / Г. Д. Вардянян, Г. А. Аветисян, Г. Дж. Джанонян и др. // Медицинская наука Армении. 2019. Т. 59, Вып. 4. С. 105–120.
56. An Analysis of the Number of Medical Malpractice Claims and Their Amounts / Marco Onetti, Pasquale Cirillo, Paola Musile Tanzi, Elisabetta Trincherо // Plos One. 2016. Vol. 11, № 4. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0153362>.
57. Негодов В. Е. Правовое регулирование организации и управления процессами модернизации здравоохранения в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 23 с.
58. Елина Н. К. Правовые проблемы оказания медицинских услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2006. 22 с.
59. Жамкова О. Е. Правовое регулирование оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Моск. ун-т МВД РФ. Москва, 2007. 25 с.
60. Малеина М. Н. Правовое регулирование отношений между гражданами и лечебными учреждениями. (Гражданско-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 1985. 189 с.
61. Косолапова Н. В. Конституционное обеспечение права граждан на медицинскую помощь: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 18 с.
62. Лесниченко Е. Н. Совершенствование институциональных условий и инструментов оказания медицинских услуг: дис. ... канд. экон. наук. Краснодар, 2010. 163 с.
63. Старостина Я. В. Проблемы уголовной ответственности медицинских работников: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2005. 21 с.

64. Муравьева Е. В. Гражданско-правовая ответственность в сфере медицинской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 25 с.
65. Абдуллина В. С. Гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере оказания медицинских услуг: некоторые вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 171 с.
66. Приз Е. В. Социальная комплементарность прав пациентов и медицинских работников в отечественной медицине: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Волгоград, 2011. 42 с.
67. Сагалаева Е. С. Правовое регулирование оказания медицинских услуг несовершеннолетним: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 22 с.
68. Зальмунин Ю. С. Врачебные ошибки и ответственность врачей (по материалам Ленинградской судебно-медицинской экспертизы): дис. ... канд. мед. наук. Ленинград, 1950. 426 с.
69. Сидорович Ю. С. Гражданско-правовая ответственность за медицинскую ошибку: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 30 с.
70. Червонных Е. В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 23 с.
71. Декрет СНК РСФСР от 18.07.1918 «О Народном Комиссариате Здравоохранения (Положение)». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18546#0dPzsiSx9IVCGWcc> (дата обращения: 10.10.2021).
72. Давыдова Т. В. Советское законодательство о здравоохранении в довоенный период (1917–1941 гг.): историко-правовой аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 20, № 11 (151). С. 79–85. DOI: [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-11\(151\)-79-85](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-11(151)-79-85)
73. Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1777#FvuzsiS4IGvGaMQI> (дата обращения: 10.10.2021).
74. Миронова Н. А. Эпидемия сыпного тифа в Ярославле в 1919 г. // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2 (59). С. 244–247.
75. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.12.1924 (ред. от 29.12.1971) «О профессиональной работе и правах медицинских работников». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6993#yXvIDkSATyr2Ssar> (дата обращения: 10.10.2021).
76. Сергеев Ю. Д., Мохов А. А. Основы медицинского права России: учебное пособие. Москва: Медицинское информационное агентство, 2007. 360 с.
77. Гройсман В. А. Управление качеством медицинской помощи // Стандарты и качество. 2004. № 4. С. 100–103.
78. Дьяченко В. Г., Пушкарь В. А. Системный анализ качества медицинских услуг, оказанных женщинам в ЛПУ Дальневосточной железной дороги // Дальневосточный медицинский журнал. 2004. № 3. С. 17–20.
79. Акопов В. И. К истории судебной ответственности врачей // Научно-культурологический журнал. 2001. № 10. С. 37–39.
80. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР»). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#sUMIDkSiaKpmX6381> (дата обращения: 10.10.2021).
81. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР»). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274&dst=100001#9LxkDkSGEYXSdqI> (дата обращения: 10.10.2021).
82. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#bH2GtiSUpaYzVL5s> (дата обращения: 10.10.2021).
83. Ошибки, опасности и непредвиденные осложнения при лечении хирургических заболеваний: руководство для врачей. В 4 т. / под ред. проф. Э. Р. Гессе, С. С. Гирголав, В. А. Шаак; сост. проф. Г. А. Альбрехт, проф. Л. А. Андреев, пр.-доц. Л. С. Беккерман и др. Ленинград; Москва: Биомедгиз. Ленингр. отд-ние, 1936–1937 (Ленинград: тип. «Печатный двор» им. А. М. Горького и тип. «Коминтерн»). Т. 1. 272 с.
84. Утверждено НКЗдравом РСФСР по согласованию с Прокурором РСФСР 16 февраля 1934 г. № 47/39 // Советская Юстиция. 1934. № 26. С. 19.
85. Баринев Е. Х., Очирова М. А. Исторические аспекты судебной ответственности врачей в первой половине XX века // Главный врач: Хозяйство и право. 2013. № 4. С. 41–44.
86. Акопов В. И. К истории судебной ответственности врачей и судебно-медицинской экспертизы при дефектах медицинской помощи // Проблемы экспертизы в медицине. 2002. Т. 2, № 1 (5). С. 3–8.

87. Сергеев Ю. Д. Медицинское право. В 3 т.: учебный комплекс. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 784 с.
88. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 10.10.2021).
89. Закон СССР от 19.12.1969 № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 10.10.2021).
90. Ерофеев С. В., Новоселов В. П. Неблагоприятный исход медицинской помощи: изучение проблемы в судебно-медицинской практике // Судебно-медицинская экспертиза. 2008. Т. 51, № 1. С. 35–38.
91. Закон РСФСР от 29.07.1971 «О здравоохранении». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2162#pF15ViSMxicuy2p51> (дата обращения: 15.10.2021).
92. Галкин Р. А., Лещенко И. Г. Ошибки в хирургической практике и их предупреждение: монография. Самара: ООО «ИПК «Содружество», 2008. 372 с.
93. Косухина О. И. К истории судебной ответственности врачей за профессиональные преступления // Медицинская антропология и биоэтика. 2012. № 2 (4). С. 1–7.
94. Бобров О. Е. Медицинские преступления: правда и ложь. Петрозаводск: ИнтелТек, 2003 (Петрозаводск: ГП Тип. им. П. Ф. Анохина). 191 с.
95. Кушербаев С. К. Россия нуждается в глобальной реформе медицины // Медицинское право. 2009. № 4. С. 6–9.
96. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487-1) (ред. от 07.12.2011). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2413/ (дата обращения: 10.10.2021).
97. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (дата обращения: 10.10.2021).
98. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.10.2021).

References

1. Shilyuk, T. S. (2010). *Administrative-legal regulation in the sphere of healthcare*, abstract of a PhD (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
2. Chefranov, K. A. (2020). Criminal liability of medical personnel for causing harm or death to health of patients in providing medical care: historical aspect. *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (89), 57–63 (in Russ.).
3. Abuladze, D. A. (1931). *On the judicial liability of a doctor*. Tiflis (in Russ.).
4. Brusilovskii, A. E., Levin, A. M. (1930). *Medical errors by judicial materials*. Kharkov, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu UCCR (in Russ.).
5. Brushtein, S. A. (1930). *Errors in diagnostics and therapy*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo (in Russ.).
6. Gusev, A. D. (1935). Medical errors and medical crimes. *Kazanskii meditsinskii zhurnal*, 6, 686–708 (in Russ.).
7. Gubarev, A. P. (1927). *On the judicial liability of a doctor*. Moscow (in Russ.).
8. Davydovskii, I. V. (1941). Medical errors. *Sovetskaya meditsina*, 3, 3–10 (in Russ.).
9. Leibovich, Ya. L. (1926). *Judicial liability of doctors*. Leningrad; Moscow, Rabochii sud (in Russ.).
10. Malis, Yu. G. (1926). Criminal liability of doctors. *Pravo i zhizn*. Moscow. Book 1 (in Russ.).
11. Raiskii, M. I. (1929). Liability of a doctor. *Voprosy zdravookhraneniya*, 1, 8–22 (in Russ.).
12. Sapozhnikov, Yu. S. (1932). *On liability of a doctor for professional errors*. Kiev 52 (in Russ.).
13. Adrianov, A. D. (1957). Etiology of a criminal abortion. In *Collection of scientific works of eth Department members and forensic dooctors of Leningrad*, 10, 94–106 (in Russ.).
14. Baikovskii, S. B. (1959). Doctors' cases. *Voprosy teorii i praktiki sudebnoi meditsiny*, 71–78 (in Russ.).
15. Budak, T. A. (1957). Doctors' cases by the materials of the Bureau of the Chief Office of Forensic Expertise. In *Sbornik nauchnykh statei Odesskogo otdeleniya UNOSMiK*. Odessa (in Russ.).
16. Vermel, I. G. (1967). On logical errors in judicial-medical conclusions. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza*, 1, 26–30 (in Russ.).
17. Neuvazhaev, A. I. (1965). On the expertise of doctors' cases. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza i kriminalistika na sluzhbe sledstviya: sbornik rabot*, 4, 65–72 (in Russ.).
18. Ogarkov, I. F. (1966). *Medical offences and criminal liability for them*. Leningrad, Meditsina (in Russ.).
19. Sidorov, S. M. (1954). *On medical "errors": collection of reviews and abstracts of Kazakh State edical University for 1932–1952*. Alma-Ata (in Russ.).
20. Edel, Yu. P. (1956). On sending the materials on doctors' cases for forensic expertise. In *Sbornik nauchnykh rabot po sudebnoi meditsine i kriminalistike, posvyashchennyi pamyati prof. I. S. Bokariusa*. Kharkov (in Russ.).

21. Glushkov, V. A. (1984). On the liability of medical staff for negligent violation of professional duties. *Klinicheskaya khirurgiya*, 12, 32–34 (in Russ.).
22. Gromov, A. P. (1969). *Medical deontology and liability of medical staff*. Moscow, Meditsina (in Russ.).
23. Grando, A. A. (1988). *Doctors' ethics and medical deontology*. Kiev, Vishcha shkola (in Russ.).
24. Kontsevich, I. A. (1983). *Duty and liability of a doctor*. Kiev (in Russ.).
25. Petrov, B. D. (1972). *A doctor, patients, and health people*. Moscow, Meditsina (in Russ.).
26. Savitskaya, A. N. (1982). *Reimbursing the harm inflicted by improper treating*. Lvov (in Russ.).
27. Sergeev, Yu. D. (1988). *The doctor's profession: juridical bases*. Kiev, Vysshaya shkola (in Russ.).
28. Smitienko, V. N. (1989). *Criminal-legal health protection in the USSR*, monograph. Kiev, Vishcha shk. Golovnoe izd-vo (in Russ.).
29. Sukhoverkhii, V. L. (1975). Civil-legal regulation of relations in the sphere of healthcare. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 6, 105–109 (in Russ.).
30. Yaroshenko, K. B. (1970). Property liability of medical institutions for the harm inflicted by their employees. *Voprosy gosudarstva i prava*, 2, 247–254 (in Russ.).
31. Bedrin, L. M. (1994). On the rights of medical employees and their liability for inflicting harm on citizens' health. *Novosti meditsiny i farmatsii*, 2, S. 27–28 (in Russ.).
32. Gladun, Z. S. (1994). Legislation on healthcare: issues of forming a new theoretical model. *Gosudarstvo i pravo*, 2, 116–122 (in Russ.).
33. Maleina, M. N. (1995). *Man and medicine in modern law*, tutorial and practice book. Moscow, Bek (in Russ.).
34. Sergeev, V. V. et al. (2000). *Juridical analysis of professional errors of medical staff*. Samara, Sokol-T (in Russ.).
35. Ballo, A. M., Ballo, A. A. (2001). *Rights of patients and liability of medical staff for the harm inflicted*. Saint Petersburg, BiS (in Russ.).
36. Viter, V. I., Dimov, A. S., Volkova, O. A. (2011). On elaborating the methodology of researching the deontological aspect of doctors' activity (methodological substantiation and practice of specific research). In *Forensic medicine and medical law: Topical issues: works of a scientific-practical conference with international participation in the memory of an Honored Researcher of the Russian Federation, Professor G. A. Pashinyan*. Moscow (in Russ.).
37. Golyshev, A. Ya., Rozhkov, N. N. (2008). Quality of medical services as an object of qualimetric evaluation. *Menedzher zdavookhraneniya*, 7, 40–44 (in Russ.).
38. Kvernadze, R. A. (2001). Some aspects of formation and development of healthcare law, *State and Law*, 8, 99–104 (in Russ.).
39. Kolokolov, G. R. (2009). *Protection of rights of patients*. Ser. Narodnyi yurist. Moscow, GrossMedia, ROSBUKh (in Russ.).
40. Mokhov, A. A., Mokhova, I. N. (2006). Functions of liabilities due to inflicting harm to health or life of a patient. *Meditsinskoe parvo*, 3, 35–38 (in Russ.).
41. Sitdikova, L. B. (2010). Legal criteria for estimating the quality of medical services. *Meditsinskoe parvo*, 4, 22–26 (in Russ.).
42. Suchkov, A. V. (2008). The juridical problems of interrelations between medical staff and patients. *Pravovye problemy vzaimootnosheniya meditsinskikh rabotnikov i patsientov pri sovershenii medikami professional'nykh pravonarushenii. Medical Newsletter of Vyatka*, 3–4, 77–79 (in Russ.).
43. Sergeev, Yu. D., Kanunnikova, L. V. (2007). Improper rendering of medical services and risk factors for its broadening. *Meditsinskoe parvo*, 4, 3–6 (in Russ.).
44. Suchkova, T. E. (2011). Administrative liability of medical staff for improper execution of professional duties, *Meditsinskoe parvo*, 4, 48–56 (in Russ.).
45. Sheregova, F. (2009). Protection of the rights of citizens for medical aid. *Zakonnost*, 2, 57–59 (in Russ.).
46. Barinov, E. Kh., Sundukov, D. V., Romodanovskii, P. O. et al. (2020). *Criminal liability for the crimes related to violation of professional duties by medical staff [Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, svyazannye s narusheniem meditsinskimi rabotnikami professional'nogo dolga]*. Moscow, Rossiiskii universitet družby narodov (RUDN) (in Russ.).
47. Bimbinov, A. A. (2019). Medical offences: concept and condition. *Law Herald of Dagestan State University*, 32 (4), 136–140 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2019-32-4-136-140>
48. Galyukova, M. I. (2008). *Features of criminal liability of medical staff for inflicting harm to human health*, tutorial. Omsk, Omskaya akad. MVD Rossii (in Russ.).
49. Kibal'nik, A. G., Starostina, Ya. V. (2006). *Topical issues of criminal liability of medical staff*, monograph. Moscow, Ileksa (in Russ.).
50. Kolokolov, A. V. (2020). Issues of juridical qualification of improper rendering of medical aid. *Sud'ya*, 2 (110), 18–22 (in Russ.).

51. Ognerubov, N. A. (2018). *Criminal liability of medical staff for inflicting harm to patients' life and health: theory and practice*, monograph. Tambov, Derzhavinskii (in Russ.).
52. Paulava, L. V. (2021). Criminal liability of health professionals as special subjects: to the question of the development of medical criminal law. *Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*, 2 (32), 11–21 (in Russ.).
53. Serebrennikova, A. V. (2021). Criminal responsibility of medical professionals: discussion issues. *Sociopolitical Sciences*, 1, 53–58. (in Russ.).
54. Trunov I. L. (2009). Medical error: a crime or an offense? *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem*, 2–3 (89–90), 20–25 (in Russ.).
55. Vardyanyan, G. D., Avetisyan, G. A., Dzhanonyan, G. Dzh. et al. (2019). *Medical errors: actual state of the issue. Meditsinskaya nauka Armenii*, 59 (4), 105–120 (in Russ.).
56. Onetti, Marco, Cirillo, Pasquale, Musile Tanzi, Paola, Trincherio Elisabetta. (2016). An Analysis of the Number of Medical Malpractice Claims and Their Amounts. *Plos One*, 11 (4). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0153362>
57. Negodov, V. E. (2012). *Legal regulation of organization and managing the processes of healthcare modernization in the Russian Federation*, abstract of a PhD (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
58. Elina, N. K. (2006). *Legal aspects of rendering medical services*, abstract of a PhD (Law) thesis. Volgogr. akad. MVD Rossii. Volgograd (in Russ.).
59. Zhamkova, O. E. (2007). *Legal regulation of rendering medical services by the legislation of the Russian Federation*, abstract of a PhD (Law) thesis. Mosk. un-t MVD RF. Moscow (in Russ.).
60. Maleina, M. N. (1985). *Legal regulation of relations between citizens and medical institutions (Civil-legal aspect)* Правовое, PhD (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
61. Kosolapova, N. V. (2000). *Constitutional provision of the right of citizens for medical aid*, abstract of a PhD (Law) thesis. Saratov. (in Russ.).
62. Lesnichenko, E. N. (2010). *Improving the institutional conditions and tools for rendering medical services*, PhD (Economics) thesis. Krasnodar (in Russ.).
63. Starostina, Ya. V. (2005). *Issues of criminal liability of medical staff*, abstract of a PhD (Law) thesis. Stavrop. gos. un-t. Stavropol (in Russ.).
64. Murav'eva, E. V. (2004). *Civil-legal liability in the sphere of medical activity*, abstract of a PhD (Law) thesis. Rostov on Don (in Russ.).
65. Abdullina, V. S. (2007). *Civil-legal liability for violations in the sphere of rendering medical services: some issues of theory and practice*, PhD (Law) thesis. Kazan (in Russ.).
66. Priz, E. V. (2011). *Social complementarity of the rights of patients and medical staff in the Russian healthcare system*, abstract of a PhD (Medicine) thesis. Volgograd (in Russ.).
67. Sagalaeva, E. S. (2007). *Legal regulation of rendering medical services to the underaged*, abstract of a PhD (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
68. Zal'munin, Yu. S. (1950). *Medical errors and doctors' liability (by the materials of Leningrad forensic medical examination office)*, PhD (Medicine) thesis. Leningrad (in Russ.).
69. Sidorovich, Yu. S. (2005). *Civil-legal liability for a medical error*, abstract of a PhD (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
70. Chervonnykh, E. V. (2009). *Crimes committed in the sphere of healthcare and their prevention*, abstract of a PhD (Law) thesis. Saratov (in Russ.).
71. *Decree of the Council of the People's Commissariate of the Russian Soviet Federal Socialist Republic of 18.07.1918 "On the People's Commissariate for Healthcare (Proviiosn)".* <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18546#0dPzsiSx9IVCGWcc> (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
72. Davydova, T. V. (2015). Soviet legislation on healthcare in the pre-war period (1917–1941): historical and legal aspect. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 20, 11 (151), 79–85 (in Russ.). [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-11\(151\)-79-85](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-11(151)-79-85)
73. *Decree of the Council of the RSFSR People's Commissariate of 23.01.1918 "On separating church from the state and school from church".* <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1777#FvuzsiS4IGvGaMQI> (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
74. Mironova, N. A. (2009). Typhus Epidemic in Yaroslavl in 1919. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2 (59), 244–247 (in Russ.).
75. *Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of the RSFSR People's Commissariate of 01.12.1924 (edition of 29.12.1971) "On professional work and rights of medical staff".* <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6993#yXvIdkSATyr2Ssar> (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
76. Sergeev, Yu. D., Mokhov, A. A. (2007). *Fundamentals of medical law of Russia*, tutorial. Moscow, Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo (in Russ.).

77. Groisman, V. A. (2004). Managing the quality of medical aid. *Standards and Quality*, 4, 100–103 (in Russ.).
78. D'yachenko, V. G., Pushkar', V. A. (2004). System analysis of the quality of medical services rendered to women in the MPI of the Far-East Railroads. *Dal'nevostochnyi meditsinskii zhurnal*, 3, 17–20 (in Russ.).
79. Akopov, V. I. (2001). On the history of judicial liability of doctors. *Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal*, 10, 37–39 (in Russ.).
80. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 01.06.1922 (edition of 25.08.1924) "On introducing the Criminal Code of the RSFSR" (together with the "Criminal Code of the RSFSR"). <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#sUMIDkSiaKpMX6381> (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
81. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 22.11.1926 "On introducing the Criminal Code of the RSFSR in the 1926 edition" (together with the "Criminal Code of the RSFSR"). <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274&dst=100001#9LxkDkSGEYXSdqI> (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
82. Decree of the USSR Central Executive Committee No. 65, Council of the USSR People's Commissariat No. 1134 of 27.06.1936 "On prohibition of abortions, increasing financial aid to the women recently confined, establishing state aid for large families, broadening the network of maternity hospitals, nurseries and kindergartens, aggravating criminal penalty for nonpayment of alimony, and some changes in the legislation on divorce". <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#bH2GtiSUpaYzVL5s> (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
83. Gesse, E. R., Girgolav, S. S., Shaak, V. A. (eds). Errors, dangers and unforeseen complications when treating surgical diseases: tutorial for doctors. In 4 vol. Leningrad; Moscow, Biomedgiz. Leningr. otd-nie, 1936–1937 (Leningrad: tip. "Pechatnyi dvor" im. A. M. Gor'kogo i tip. "Komintern"). Vol. 1 (in Russ.).
84. Adopted by the People's Commissariat for Healthcare of the Russian Soviet Federal Socialist Republic in coordination with the RSFSR Prosecutor on February 16, 1934, No. 47/39. (1934). *Sovetskaya Yustitsiya*, 26, 19 (in Russ.).
85. Barinov, E. Kh., Ochirova, M. A. (2013). Historic aspects of judicial liability of doctors in the first half of the 20th century. *Glavnyi vrach: Khozyaistvo i parvo*, 4, 41–44 (in Russ.).
86. Akopov, V. I. (2002). To the history of doctor's legal responsibility and forensic medicine examination in the cases of medical help mistakes. *Problemy ekspertizy v meditsine*, 2, 1 (5), 3–8 (in Russ.).
87. Sergeev, Yu. D. (2008). *Medical law*. In 3 vol., tutorial, Moscow, GEOTAR-Media (in Russ.).
88. Criminal Code of the Russian Soviet Federal Socialist Republic (adopted by the Supreme Soviet of the Russian Federation on 27.10.1960) (edition of 30.07.1996). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
89. Law of the USSR of 19.12.1969 No. 4589-VII "On adopting the Fundamentals of the legislation of the Union of SSR and the Union republics on healthcare". <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
90. Erofeev, S. V., Novoselov, V. P. (2008). Unfavorable outcome of medical aid: study of the problem in forensic medicine. *Forensic Medical Expertise*, 51 (1), 35–38 (in Russ.).
91. Law of the Russian Soviet Federal Socialist Republic of 29.07.1971 "On healthcare". <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2162#pFI5ViSMxicuy2p51> (access date: 15.10.2021) (in Russ.).
92. Galkin, R. A., Leshchenko, I. G. (2008). *Errors in surgical practice and their prevention*, monograph. Samara, OOO "IPK "Sodruzhestvo" (in Russ.).
93. Kosukhina, O. I. (2012). To the history of legal liability of doctors for their professional crimes (summary). *Medical Anthropology and Bioethics*, 2 (4), 1–7 (in Russ.).
94. Bobrov, O. E. (2003). *Medical crimes: truth and lies*. Petrozavodsk, IntelTek (in Russ.).
95. Kuserbaev, S. K. (2009). Russia needs an overall reform of medical care. *Meditsinskoe parvo*, 4, 6–9 (in Russ.).
96. Fundamentals of the Russian legislation on health protection of citizens (adopted by the Supreme Soviet of the Russian Federation on 22.07.1993 No. 5487-1) (edition of 07.12.2011). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2413/ (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
97. Federal Law "On the fundamentals of health protection in the Russian Federation" of 21.11.2011 No. 323-FZ (last edition). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (access date: 10.10.2021) (in Russ.).
98. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (edition of 01.07.2021) (with amendments and additions, enacted on 22.08.2021). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: 10.10.2021) (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 04.12.2021

Дата принятия в печать / Accepted 13.01.2022

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ / THE DIALECTICS OF ANTI-CORRUPTION

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Section editor P. A. Kabanov

Научная статья

УДК 328.185:343.352:343.9:791.43

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.122-135>

А. Л. МЕЛЬНИКОВА¹,

А. С. МИЦУЛ

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

РОЛЬ КИНЕМАТОГРАФА В ПРОВЕДЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ

Контактное лицо:

Анна Леонидовна Мельникова, эксперт Проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: abatalina@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3963-2581>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/ADS-6406-2022>

Анастасия Сергеевна Мицул, независимый исследователь

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4933-8294>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AEQ-8997-2022>

Аннотация

Цель: проведение комплексного междисциплинарного правового исследования роли кинематографа в антикоррупционном просвещении граждан.

Методы: структурно-функциональный подход к трактовке общества как связи подсистем, в рамках которого кинематограф выступает частью культурной подсистемы, а антикоррупционная политика относится одновременно к общественной подсистеме (просвещение) и государственной подсистеме (политика). Выбранный подход обуславливает набор конкретных методов исследования, таких как критический анализ теоретической литературы по вопросам коррупционного поведения и по взаимоотношению зрителя и продукта кинематографа в совокупности с эмпирическим исследованием различных кейсов в виде киноработ и кинопроектов, посвященных антикоррупционной тематике.

Результаты: в ходе анализа механизмов выстраивания взаимоотношений зрителя и кино были определены возможности кино оказывать долгосрочное влияние на зрителя, обусловленное не только техническими возможностями кинематографа, но и благодаря психобиологическим механизмам человека. На примере конкретных проектов была доказана и обоснована целесообразность использования кинематографа в качестве инструмента антикоррупционного просвещения. В частности, если в сюжет художественного фильма заложить нужные посылы, то благодаря зеркальным нейронам и механизмам додумывания человека они могут служить образовательным целям и демонстрировать

© Мельникова А. Л., Мицул А. С., 2022

© Melnikova A. L., Mitsul A. S., 2022

последствия коррупционного поведения. Важно не запугивать зрителей ужасами жизни с коррупцией, а показывать положительный выход и позитивные сценарии жизни без нее. Это может привести к повышению гражданской активности, росту интереса к обсуждаемой проблеме, а также к повышению рейтингов доверия к государству.

Научная новизна: в статье доказывается нецелесообразность оценки кинематографа исключительно как формы развлечения, а также впервые разбираются примеры практического применения кинематографа для проведения именно антикоррупционной политики и просвещения в разрезе сравнения подходов в разных странах.

Практическая значимость: основные выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности при разработке долгосрочных стратегий и программ антикоррупционного просвещения, а также в рамках кинематографической деятельности для оценки долгосрочных последствий демонстрируемого кинонарратива.

Ключевые слова: антикоррупционное просвещение, коррупция, восприятие кинематографа, кино, теория восприятия, поведенческая теория, антикоррупционное мировоззрение

Статья публикуется по результатам доклада на конференции «Диалектика противодействия коррупции» (Казань, 2021 г.).

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Мельникова А. Л., Мицул А. С. Роль кинематографа в проведении антикоррупционного просвещения: мировой опыт // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 122–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.122-135>

The scientific article

A. L. MELNIKOVA¹,

A. S. MITSUL

¹ National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ROLE OF CINEMATOGRAPHY IN ANTICORRUPTION ENLIGHTENMENT: GLOBAL EXPERIENCE

Anna L. Melnikova, expert of the Project-academic laboratory for anticorruption policy, National Research University “Higher School of Economics”

E-mail: abatalina@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3963-2581>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/ADS-6406-2022>

Anastasia S. Mitsul, independent researcher

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4933-8294>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AEQ-8997-2022>

Objective: to conduct a comprehensive interdisciplinary legal study of the role of cinematography in anti-corruption enlightenment of citizens.

Methods: a structural and functional approach to the interpretation of society as a connection of subsystems, in which cinematography is a part of the cultural subsystem, while anti-corruption policy refers simultaneously to the public subsystem (enlightenment) and the state subsystem (politics). The chosen approach determines a set of specific research methods, such as a critical analysis of theoretical literature on corruption behavior and on the relationship between a viewer and a cinematography product in conjunction with an empirical study of various cases in the form of films and film projects devoted to anti-corruption topics.

Results: the analysis of the mechanisms of building the relationships between a viewer and cinematography allowed identifying the possibilities of cinematography to have a long-term impact on a viewer, due not only to the technical capabilities of

cinematography, but also to the psychobiological mechanisms of man. By the example of specific projects, the expediency of using cinema as an anti-corruption enlightenment tool was proved and justified. In particular, if the relevant messages are laid in the plot of a feature film, then, thanks to mirror neurons and human thinking mechanisms, they can serve educational purposes and demonstrate the consequences of corrupt behavior. It is important not to intimidate the audience with the horrors of living with corruption, but to show a positive way out and scenarios of living without it. This can lead to an increase in civic engagement, to an increase in interest in the issue under discussion, as well as to an increase in ratings of trust in the state.

Scientific novelty: the article proves the inexpediency of evaluating cinema solely as a form of entertainment, and for the first time examines examples of the practical application of cinema for anti-corruption policy and enlightenment by comparing approaches used in different countries.

Practical significance: the main conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and practical activities when developing long-term strategies and programs of anti-corruption enlightenment, as well as in the framework of cinematographic activities to assess the long-term consequences of the demonstrated film narrative.

Keywords: Anti-corruption enlightenment, Corruption, Perception of cinema, Cinematography, Perception theory, Behavioral theory, Anti-corruption worldview

The article is published as a result of the report at the conference “Dialectics of corruption counteraction” (Kazan, 2021).

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Melnikova, A. L., Mitsul, A. S. (2021). Role of Cinematography in Anticorruption Enlightenment: Global Experience. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 122–135 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.122-135>

Введение

Борьба с любой проблемой проходит по трем направлениям: пресечение, наказание, предупреждение. Чтобы проблемы больше не возникало, необходимо поменять отношение к ней граждан, так как если явление существует уже много десятилетий, то оно часто начинает восприниматься как неотъемлемая часть жизни. Именно так часто относятся к коррупции. Однако для гармоничного развития любого государства и общества с коррупцией необходимо бороться, и не только через проведение антикоррупционной политики, но и посредством антикоррупционного просвещения, т. е. предупреждения самого факта коррупционного поведения. Такое просвещение в идеале должно формировать в обществе стойкое негативное отношение к коррупции, отказ от совершения коррупционных действий, но самое главное – научить распознавать различные виды коррупции и наглядно демонстрировать дальнейшие действия. Мы считаем, что эффективным инструментом для такого подхода должен стать кинематограф. Целью нашего исследования, таким образом, является доказательство практической возможности использования кинематографа в частной сфере антикоррупционного просвещения. С помощью критического анализа теоретической

литературы как в области коррупционного поведения, так и в области взаимоотношений зрителя и продукта кинематографа, в совокупности с эмпирическим исследованием различных международных кейсов в виде киноработ и кинопроектов, посвященных антикоррупционной тематике, мы продемонстрируем, как именно кинематограф влияет на зрителя и как данные выводы мы можем использовать в проведении антикоррупционного просвещения.

Коррупция возникает тогда, когда выгоды от ее совершения превышают негативные последствия. При этом негативные последствия могут быть как краткосрочными (например, поймали за руку и посадили в тюрьму), так и долгосрочными (ухудшение качества жизни людей, на которых должен работать чиновник). Для того чтобы поменять отношение к коррупции как к привычному злу, мы можем обратиться к кинематографу. Несмотря на то, что кино – молодое искусство, довольно быстро оно стало выполнять социально значимые функции. Среди исторических примеров – попытки воспитания «нового человека» в СССР и борьба с безнравственностью на экране в США. Если мы обратимся к более современным примерам, то в данном случае стоит упомянуть Францию, где использование кинематографа одновременно

в качестве объекта изучения и образовательного материала – инициатива, впервые выдвинутая на высшем уровне в 1984 г. в качестве эксперимента, – практикуется по сей день [1]. Кино дает нам уникальную возможность наглядно показать, как коррупционное действие влияет на жизнь людей, даже тех, кто не участвовал непосредственно в этом действии, что позволяет формировать у зрителя негативное отношение к коррупции как явлению.

Данный вывод подтверждается при исследовании поведенческих теорий, объясняющих коррупцию, таких как теория возможности К. Беккера, теория контроля Т. Хирши, а также «ментальности дурака» Д. Финкенауэра и Э. Вэринг. То, каким образом кинематограф оказывает влияние на зрителя, мы можем узнать из различных теорий взаимодействия зрителя и экрана, в частности, теории монтажа С. Эйзенштейна, психоаналитических подходов К. Метца и Ж.-Л. Бодри, теории кино Ж. Делеза. Образовательный потенциал кинематографа подтверждается теорией зеркальных нейронов В. Галлезе. Рассмотрев данные теории, мы можем сделать вывод о теоретической целесообразности использования кинематографа в качестве инструмента антикоррупционного образования.

Мы также рассмотрим ряд практических примеров использования кино для проведения антикоррупционной политики и для формирования негативного отношения к коррупции у граждан. В частности, мы подробно рассмотрим Индонезийский антикоррупционный фестиваль (ACFFest), китайский кейс сериала «Именем народа» и мексиканский пример политической киносатиры.

Результаты исследования

Существует ряд теорий, которые объясняют, почему человек предпочитает криминальное поведение легальному. Некоторые описывают их с точки зрения математики, другие – социологии. К. Беккер смотрел на поведение с экономической точки зрения. Он является родоначальником экономической теории преступности, суть которой в том, что перед каждым человеком стоит выбор – совершить преступление или действовать в рамках закона. Человек действует рационально и выбирает преступную деятельность, если издержки от преступления ниже получаемой выгоды. И при этом совершить преступление выгоднее, чем соблюсти закон. То есть человек будет брать

взятку, если риска быть пойманным нет, а честным трудом он таких денег никогда не заработает. Но эта теория предполагает, что все индивиды рациональны, и считает только математическую выгоду. Человек – существо социальное, а значит, нельзя исключать из уравнения социальные связи.

Т. Хирши разрабатывал теорию социального контроля, согласно которой гарантом выступают «социальные обручи». Эти обручи соединяют индивидов между собой, благодаря чему позволяют сохранять коллективные интересы. Одновременно с этим обручи выступают элементами социального контроля. Хирши выделял четыре вида: привязанность, обязательство, вовлеченность, убеждение. Человек не может жить вне этих связей, поэтому, когда традиционные связи внутри одной группы разрушаются, он ищет их в других. И таким образом может попасть в группы, разделяющие коррупционные убеждения. Социальные группы берут на себя обязанности социализации и формирования идентичности. Поэтому важно не только то, с какими убеждениями человек пришел, но и то, какие убеждения разделяет группа.

«Ментальность дурака» нельзя отнести к классическим теориям. Она разрабатывалась Финкенауэром и Вэринг в книге «Русская мафия в Америке: иммиграция, культура и криминал», и суть ее состоит в том, что человек, попавший в определенную среду, перенимает правила игры, принятые в этой среде, чтобы не выглядеть дураком [2. С. 51]. Применительно к данной статье, не только человек влияет на среду, но и среда влияет на его решения; человек действует так, чтобы оправдать ожидания, не выглядеть белой вороной, дураком. Ниже мы будем рассматривать фильм мексиканского режиссера Луиса Эстрады «Закон Ирода», где показана именно такая трансформация.

Кинематограф, будучи частью культуры, выполняет все присущие культуре функции, в частности социализирующие, просветительские и воспитательные: через кино каждому зрителю транслируются не только устоявшиеся знания о мире, но также и принятые в конкретном социуме нормы и ценности. Воспринимая и имплементируя эти нормы, зритель невольно адаптируется в обществе, соответственно, мы считаем нецелесообразным говорить исключительно о развлекательной функции кинематографа. Кинематограф пользуется большой популярностью в первую очередь потому, что является легкой для потребления

и восприятия формой. Кроме того, кинопродукция в массе своей узнаваема, т. е. большая часть фильмов относится к так называемому жанровому кино, где каждый фильм структурно подобен самому себе. И таким образом разрешается загадка эстетического наслаждения киноискусством – «...зритель узнает в произведении искусства образы, складывает их в модель реальности. Формулировка “Я вижу” подразумевает, кроме физической возможности увидеть что-то, еще и формулировку “Я понимаю, я узнаю то, что передо мной”» [3. С. 39]. Это узнавание жанра и одновременное наличие неопределенности в сюжетных ходах удерживает внимание зрителя, в некотором смысле подчиняет зрителя себе.

Кино приковывает внимание, но почему мы этому подчиняемся, даем парализовать себя на несколько часов, как эти часы влияют на нас? Ниже мы рассмотрим три подхода к трактовке подобных механизмов, что позволит сделать выводы о целесообразности применения кинематографа в области просвещения вообще и антикоррупционного просвещения в частности. Отдельно отметим, что в силу несформированности единой исчерпывающей теории кинематографа все подходы и варианты их комбинаций имеют право на существование.

Первый рассматриваемый нами подход – кино-как-окно. Кинематограф для сторонников этого подхода выступает своеобразным окном в (искусственную) реальность, а зритель – бесправный наблюдатель, невидимый свидетель истории, на которую не в состоянии повлиять, но которая способна повлиять на него; кино при этом является активным конструктором смыслов. С. Эйзенштейн, теоретик и практик «монтажного аттракциона», считал монтаж работой с целью «обработки этого зрителя в желаемом направлении через ряд нажимов на его психику» [4. С. 14]. То есть монтаж есть конструирование реальности, что вытекает в осмысление кинематографа как инструмента пропаганды: создатель фильма добивается реакций от зрителя посредством манипуляции картинкой (монтажа), а зритель, будучи не объектом, а бесправным субъектом, на которого направлен показ, формирует стимулы, а в долгосрочной перспективе – модель поведения, что, например, сделало кино в СССР инструментом формирования «нового человека». Однако такой подход не берет в расчет индивидуальность каждого зрителя и его опыта, осо-

бенно если учесть, что до недавнего момента контакт с кинематографом являл собой волевой акт, выход в специально предназначенное для этого помещение.

Зритель, замкнутый в пространстве и прикованный к экрану, переживает то, что называется магией кино. Психоаналитические подходы так трактуют данный опыт: зритель, полностью захваченный происходящим на экране, впадает в некий транс, из-за чего «в затемненном помещении кинозала связь с реальностью ослабевает, и внешняя, оптическая, проекция способствует появлению внутренних проекций» [5. С. 136]. Развитие теории предложил К. Метц, в 1970-х гг. трактовавший кино-как-зеркало. Классический рефлексивный подход видит фильм как отображение реальности, где зритель при взгляде на экран познает через героя себя. Трактовка же Метца предполагает акт ассоциирования себя с персонажем или персонажа с собой. Так, зритель уже не бесправный субъект, а «соучастник» процесса; он воспринимает информацию, пропуская ее через собственный опыт, и «примеряет» на себя посредством ассоциирования. Эта теория была обогащена Ж.-Л. Бодри, постулировавшим, что из-за особой организации пространства зритель одновременно обездвиживается и становится центром, на который направлено киноповествование, попадая под эффект кинозала: «Ощущение “я”, порождаемое кинематографом, таким образом и иллюзорно, и реально. Будучи не в состоянии контролировать силы, которые манипулируют и управляют восприятием, зритель тем не менее испытывает столь сильные (и зачастую приятные) субъективные эффекты адресации и интерпелляции, что у него возникает обостренное чувство присутствия» [5. С. 143]. Подход наследует платоновский миф о пещере, который весьма точно описывает опыт зрителя в кинозале: «Таким образом, моторный паралич – невозможность встать и уйти – лишает их возможности удостовериться в реальности происходящего. Это приводит к приукрашиванию ложного представления и заставляет путать репрезентацию и реальность» [5. С. 144].

Попавший в капкан фильма зритель может испытывать эмоции столь сильные, что иллюзорность кинореальности ослабевает. Как правило, мы стараемся рационализировать эмоции человека фразами в духе «Ой, да брось, это же кино!», тем самым признавая умение кино влиять на нас. Одновременно с этим

мы относимся к кино как к специфическому способу прожить опыт или эмоции, недоступные в обычной жизни. То есть мы добровольно признаем, что кино вовлекает и тем самым «может оставлять после себя след, обращаясь при этом к самым разным стратам сознания зрителя и вызывая многослойные, порой очень противоречивые чувства» [5. С. 198]. Прямым следствием признания столь огромного влияния кино на людей является цензура: кодекс Хейса в Голливуде запрещает «вредные» и «развратные» фильмы, опасаясь желания людей следовать примеру экранных кумиров; советская цензура запрещала фильмы, которые не проходили идеологический фильтр, исходя из той же концепции «вредности» для зрителя. Возможно, это излишняя опека зрителя, но, с другой стороны, это ли не признание феноменального образовательного потенциала фильма? В рамках такой трактовки мы обращаемся к кино-как-к-разуму, т. е. к способности кино как бы расширять наш разум в силу того, что фильмы, «не являющиеся ни полностью внешними, ни творениями “взгляда разума” зрителя, <...> оказываются сложнейшим образом вплетены во время, сознание и “я”» [5. С. 299]. Так мы признаем примат мозга над иными органами чувств, так как именно мозг принимает решение о том, что мы чувствуем при просмотре: внешнее воздействие фильма вызывает внутренние изменения в виде реакций и нейронных связей, и зритель становится активно включенным в процесс участником.

Таким образом, в рамках данного краткого обзора мы видим, что кино очевидно обладает властью над зрителем, и мы с удовольствием даем себя обманывать. Более того, именно мозг решает, как именно мы обрабатываем и внедряем полученную информацию. Как данные выводы помогут нам в вопросе антикоррупционного просвещения? Обратимся для этого к нейробиологии. В. Галлезе в своей работе *The Roots of Empathy: The Shared Manifold Hypothesis and the Neural Basis of Intersubjectivity* [6] утверждает, что наши способности к восприятию себя и других зависят не от языковых и ментальных способностей, но от нашего особого взаимодействия с миром. Одни и те же области мозга «включаются» и когда мы самостоятельно совершаем действие, и когда мы наблюдаем, как это делает другой. Этот феномен называется механизмом сопоставления, и возможен он благодаря наличию в мозге особых зеркальных ней-

ронов. Для них нет принципиальной разницы между действием и видением действия; они имеют ключевое значение для образовательного процесса – мы видим некое поведение и одновременно обучаемся ему. Применительно к кинематографу мы обнаруживаем мощный инструмент просвещения: как только зритель позволяет кино увлечь себя, включаются зеркальные нейроны, благодаря которым мы быстро и эффективно обучаемся новым навыкам. Монтажные манипуляции же позволяют вызвать у зрителя необходимые нам реакции и осторожно подтолкнуть к выводам. Умение людей ретроспективно додумывать увиденное под влиянием монтажа подтверждается экспериментом, проведенным и описанным советским режиссером Львом Кулешовым в 1929 г. и получившим название «Эффект Кулешова». В рамках эксперимента зрителям были показаны монтажные склейки актера и объекта, которые зрители трактовали однозначно. В реальности же эмоциональной окраски кадров не было [7]. Эксперимент показал, что монтажная склейка предоставляет людям контекст, который вкупе с нашим умением «зеркалить» поведение других и добровольным желанием пленяться кино делают кинематограф эффективным и мощным инструментом просвещения и образования.

Итак, кинематограф – крайне популярное искусство, которое не требует от зрителя чрезмерных физических и временных затрат; зрители легко и с удовольствием увлекаются нарративом. При этом мы можем рассматривать зрителя как:

- бесправного субъекта, на которого направлено заранее сконструированное повествование, вызывающее реакции;
- эгоистичного субъекта, идентифицирующего себя с персонажем и примеряющего на себя действия оного;
- сложный объект, решение за которого принимает мозг, который видит в фильме *продолжение* себя и уносит фильм в себе в повседневную жизнь.

Как только зритель становится увлечен действием на экране, к обработке получаемой информации и установлению эмоциональной связи подключаются зеркальные нейроны, а также механизмы «додумывания» причины и следствия под влиянием искусного монтажа. Эти механизмы в конечном счете позволяют зрителям сопереживать героям и учиться новым навыкам. Кино становится основным способом репрезен-

тации нашей культуры, и технологический прогресс делает кино карманным, мы постоянно имеем к нему прямой доступ, а значит, влияние кино на нас также должно становиться более весомым. Таким образом, мы делаем вывод, что кино должно стать мощным и эффективным инструментом антикоррупционного просвещения, если в фильмах будет наглядно показано, что такое коррупция, как распознать ее в жизни и как с ней бороться. Более того, кино в рамках своего сравнительно короткого хронометража может также продемонстрировать краткосрочные и долгосрочные последствия различных поступков героев и реакцию других на эти поступки. Следовательно, применительно к коррупции в фильмах можно демонстрировать последствия именно коррупционного поведения, через второстепенных персонажей давать оценку действиям, показывать не только негативные последствия жизни с коррупцией, но и позитивные сценарии жизни без нее. Далее мы рассмотрим ряд уже существующих фильмов и кинопроектов из разных стран, поднимающих тему коррупции и антикоррупционной политики, которые могут стать примером антикоррупционного просвещения.

История знает несколько ярких примеров использования кино в деле формирования новых моделей поведения. На ранних этапах становления СССР «предпринимались попытки создать новое социалистическое искусство, призванное обеспечить энтузиазм и политическое воспитание масс и отказаться от традиционных “пассивных” буржуазных развлечений» [8. С. 24]. Главный инструмент того времени – агитпроп. Увы, большой популярностью такое кино не пользовалось, но связано это было с низким качеством фильмов и недостаточной занимательностью сюжета, т. е. кино даже не успевало увлечь зрителя. В США же классическая голливудская комедия 30–40-х годов прошлого века применялась для преодоления последствий Великой депрессии. Вовлеченность населения в политический процесс после Депрессии была катастрофически низкой, доминировало мнение, что простой человек ничего изменить не может, именно поэтому распространенным тропом стал «маленький человек vs коррупционные политики», в котором человек выходит победителем и меняет политический процесс во благо, символизируя успех делиберативной демократии. Ярчайший пример использования такого тропа – фильм «Мистер

Смит едет в Вашингтон» 1939 г. (реж. Ф. Капра), в котором рассказана история борьбы молодого идеалиста Смита за справедливость и прозрачность политического процесса. Премьера фильма сопровождалась скандалом: по свидетельствам режиссера, и пресса, и Сенат считали фильм антиамериканским из-за демонстрации коррупции в правительстве, но у публики фильм пользовался оглушительным успехом. Преодоление последствий Депрессии не произошло только из-за фильмов, но само проведение политики оказалось возможным благодаря подготовке общества к изменениям через кино. В упомянутой нами ранее Франции обучение кинематографу не в разрезе кинопрофессий, а в разрезе анализа культурного феномена практиковалось еще в 1930-х гг. в формате кино клубов. К 1980-м гг. кинематограф однозначно признается важной формой передачи знаний о мире, инструментом формирования вкуса и идентичности, и к 1984 г. Франция запускает пилотный проект по внедрению обучения кинематографу в школьной системе. Данный образовательный трек остается в школах и сейчас, ставя своей задачей через изучение приемов, техники, технологий обучить студентов взаимосвязи дисциплин, связи разных форм искусства и выработать у них более ответственное, «социальное» отношение к миру [1]. В данном случае мы наблюдаем, скорее, в большей степени обучение фильму, в меньшей – через фильм, но тем не менее кинематограф при таком подходе занимает значимое место в культуре и в формировании личности. Пожалуй, наиболее ярко просвещение через фильмы видно на примере пандемии COVID-19. Мир, столкнувшись с глобальным кризисом, обратился к кино как гибкому и доступному инструменту, позволяющему в кратчайшие сроки обучить зрителей правилам поведения в разгар пандемии. Так, существующий в ЮАР аналог «Улицы Сезам», детская передача *Takalani Sesame*, оперативно подготовил ролики, нацеленные на детей до шести лет, демонстрирующие одновременно любимых героев и правильную технику мытья рук и чихания, а аргентино-голландская инициатива по созданию видеороликов из локдауна *My #QuarantineLife* предоставила детям до 18 лет по всему миру, с одной стороны, терапевтический инструмент, демонстрирующий, что они не одни, а с другой – образовательный инструмент, показывающий, как устроена локдаун-жизнь в других странах

[9]. Таким образом, мы считаем, что роль кинематографа в качестве инструмента просвещения не ограничивается лишь теоретическими предположениями, мы видим как исторические, так и современные примеры. Теперь обратимся к современным кейсам специфически антикоррупционного просвещения.

В первую очередь мы рассмотрим кейс Индонезийского антикоррупционного кинофестиваля (*ACFFest*). Это проект комиссии по искоренению коррупции *Komisi Pemberantasan Korupsi* (далее – КПК), созданной в 2002 г. [10. С. 253]. КПК – государственный орган, стремящийся повысить эффективность государственной политики в противодействии коррупции. Круг полномочий КПК – от проведения расследований до заморозки счетов и выяснения происхождения денежных средств.

За время своего существования комиссия провела ряд крупных расследований и громких арестов. Так, в 2010–2012 гг. она раскрыла дело о взяточничестве в ходе проекта по строительству спортивного центра Хамбаланг [11. С. 34]. Расследование было начато в конце 2010 г., и уже к июлю 2012-го, допросив около 100 свидетелей, комиссия назвала имя первого подозреваемого. Им стал Дедди Кусдинар, занимавший должность начальника финансового и внутреннего бюро Министерства молодежи и спорта. Еще через пять месяцев появился новый подозреваемый – уже сам министр молодежи и спорта Анди Альфиан Малларангенг. На следующий день после выдвижения обвинения он подал в отставку. Это был первый министр, который ушел в отставку по результатам антикоррупционного расследования КПК. Всего комиссия провела расследования, возбудила уголовные дела и добила 100 % осуждения по 86 делам о взяточничестве и взяточничестве, связанном с государственными закупками и бюджетами [12].

Однако назрела необходимость привлечения внимания граждан к проблеме коррупции, для чего в 2013 г. был запущен кинофестиваль [13]. С одной стороны, КПК пользовалась огромной поддержкой среди населения, с другой – большое количество громких расследований могло вызвать в обществе пессимизм и недоверие к действующей власти. Основной целью фестиваля являются вовлечение молодежи в кампанию против коррупции и возможность проявить себя начинающим талантам, а также «оживление» знаний о коррупции на примерах из жизни.

То, что комиссия решила прибегнуть к формату кинофестиваля, – довольно смелый, но эффективный ход. Некоторые теоретики считают, что создание отдельного канала, посвященного вопросам коррупции и противодействия ей, могло бы стать эффективным инструментом антикоррупционного просвещения [14], однако в случае с фестивалем зрители могут еще и самостоятельно создавать контент.

Стоит отметить, что еще до создания кинофестиваля КПК вела активную работу в социальных сетях. У комиссии есть живые и регулярно обновляемые аккаунты в «Фейсбуке» [15], «Твиттере» [16], «Инстаграме» [17] и на «Ютубе» [18]. Именно поэтому был выбран виртуальный формат фестиваля, который полностью проходит в «Ютубе», куда выкладываются конкурсные фильмы и где выбираются победители.

Отбор проходит в два этапа: сначала все желающие направляют творческие заявки, включающие синопсис будущего фильма; хронометраж проектов не должен превышать 15 минут. Далее отборочная комиссия выбирает 7–10 команд, которые будут снимать фильмы в специальном кинолагере под руководством профессионалов на деньги фестиваля, т. е. участие доступно всем желающим. На втором этапе происходит выбор победителей. По правилам фестиваля КПК оставляет за собой право использовать конкурсную работу для проведения антикоррупционного просвещения [19]. С 2015 г. все ролики выкладываются на официальный ютуб-канал КПК и сопровождаются субтитрами на английском языке, т. е. фестиваль направлен не только на граждан Индонезии, но и на внешнего зрителя.

Стоит отметить, что качество исполнения и проработка проблем растут год от года. Так, фильм-победитель первого года сложно назвать антикоррупционным (муж крадет на работе деньги, чтобы купить телефон жене), а победители последних – уже серьезные работы, демонстрирующие, что личное обогащение не может пройти без последствий для других: бедные, лишенные риса, голодают (*Jimpitan* [20]); семья, пережившая стихийное бедствие, не может получить материальную помощь, необходимую для возвращения к нормальной жизни (*Home sweet home* [21]).

Достиг ли кинофестиваль поставленной цели? Несмотря на то, что КПК была создана государством, многие чиновники хотят ограничить ее работу. Так,

в 2019 г. парламент принял поправки в Закон от 2002 г. о комиссии по искоренению коррупции, согласно которой комиссия теряла часть полномочий по ведению расследований. Поправки были приняты всего за 12 дней, комиссия на заседание приглашена не была [22]. Принятие поправок вылилось в волну недовольства в обществе. Уже 23 сентября прошли массовые демонстрации молодежи и студентов. Впоследствии они стали выступать и против других законов, а их движение с 1998 г. переросло в крупнейшее студенческое движение в Индонезии [23].

То есть мы можем сделать вывод, что своей деятельностью КПК достигла своей цели – у молодежи сложилось нетерпимое отношение к коррупции. Конечно, это заслуга широкого спектра деятельности КПК, но то, что коррупционные действия чиновников воспринимаются однозначно негативно и что работа комиссии считается необходимой, заслуга именно антикоррупционного просвещения, мощнейшим инструментом которого стал виртуальный кинофестиваль, доступный всем желающим.

Обратимся к опыту близкого соседа Индонезии – Китая, где в 2012 г. был проведен ряд реформ по противодействию коррупции. В частности, была ратифицирована конвенция ООН против коррупции и принят ряд внутренних документов. Следствием была отмена хоть и негласной, но все же цензуры, не допускающей выхода в эфир в прайм-тайм фильмов, показывающих реальные коррупционные проблемы. Это привело к появлению сериала «Именем народа». Он был снят при поддержке Верховной народной прокуратуры КНР и вышел в прайм-тайм 28 марта 2017 г. Пилотную серию посмотрели более 7,5 млн человек, а общее число просмотров в Интернете достигло 350 млн. Начиная с третьей серии сериал занимает первое место в рейтинге телепрограмм Китая [24].

Сериал вызвал огромный резонанс, в частности, тем, что он показывает реальные события. Так, в первой серии мы видим арест чиновника, у которого в загородном доме стена была выложена пачками банкнот; прототипом послужило дело заместителя руководителя департамента угольной промышленности Национального управления по энергетике Вэй Пэньюаня [25], в доме которого после ареста была найдена такая стена денег.

Не только рейтинги говорят о том, что борьба с коррупцией в Китае выходит на новый уровень:

зрители начинают сравнивать реальность с кино. Так, например, случилось с «окном Дин Ичжэня». Так звали заместителя мэра одного вымышленного города, показанного в фильме, который специально делал окошки для обращений граждан так низко, чтобы подошедший кланялся и испытывал неудобства при общении с работником, сидящим по другую сторону окна. После выхода этой серии в китайском сегменте Интернета началось движение против подобных окон в реальных инстанциях.

Благодаря в том числе сериалу произошла трансформация общественного сознания. Коррупция из проблемы, которая существует где-то далеко и не касается лично, постепенно становится проблемой повседневной [26]. При этом ведущая роль партии не подрывается, а доверие к правительству не падает. Можно предположить, что через несколько лет возникнут народные антикоррупционные инициативы, которые будут либо инициировать законы, либо следить за качеством деятельности государственных служащих, работая при этом на благо КНР.

Далее мы рассмотрим кейс Мексики, ситуация в которой несколько отличается, так как проблема коррупции тесно связана с проблемой организованной преступности, преступных синдикатов и наркоторговли. В таких условиях вопрос борьбы с коррупцией становится вопросом не просто материального благополучия, но и личной безопасности. Именно поэтому в последние годы он стоит на повестке дня у довольно сильных организаций гражданского общества.

В этой связи стоит обратить внимание на два фильма: «Закон Ирода» (1999) и «Идеальная диктатура» (2014). Несмотря на то, что между выходами фильма прошло 15 лет, они очень похожи и главным героем является один и тот же персонаж. Оба фильма сняты в жанре гротескной политической сатиры, режиссером, сценаристом и продюсером обоих выступил Луис Эстрада. Стоит отметить, что фильмы составляют тетралогия вместе с фильмами «Чудесный мир» (2006) и «Ад» (2010), которые посвящены социальной сфере и проблемам мафии и наркоторговли соответственно.

Фильм «Закон Ирода» был выпущен накануне президентских выборов 2000 г. и, несмотря на царившую в тот момент цензуру, был допущен к показу в кинотеатрах в связи с большим интересом зрителей. Тогда во главе страны стояла Институционально-

революционная партия (далее – ИРП), бесценно правившая в стране с момента создания в 1938 г. Формально в стране была многопартийность, но квоты в парламенте для других партий определялись ИРП, т. е. произошло слияние партии и государства. ИРП проводила политику экономического контроля, ее поддерживали СМИ, но после кризиса 1994 г. ее позиции начали слабеть, а в 2000 г. президентские выборы впервые выиграл не представитель ИРП.

Популярность фильма была вызвана и усталостью населения от политической ситуации в стране, и желанием посмотреть остроактуальный фильм без цензуры. В фильме партия, которую представлял главный герой, прямо не называлась, но все понимали, что речь идет именно об ИРП.

По сюжету фильма в вымышленный городок Сан-Педро-де-лос-Сагуарос приезжает новый и. о. мэра Хуан Варгас. Предыдущий мэр был свергнут разъяренной толпой жителей. Варгас пытается наладить жизнь города, но, с одной стороны, он испытывает резкую нехватку средств, с другой – это противоречит сложившемуся в городе укладу: доверие вызывали только неформальные связи, проблемы решались не по закону, а по сложившемуся порядку (так, хозяйка борделя на знакомство с мэром несет ему взятку, чтобы сразу установить «дружеские связи»). Варгас просит у секретаря губернатора штата от партии Лопеса финансирование от центрального правительства, но получает отказ, так как все деньги уходят на избирательную кампанию на грядущих президентских выборах. Лопес дает Варгас копию мексиканской конституции и револьвер и говорит, что есть только один закон – закон Ирода, т. е. побуждает сильнейший: либо Варгас начнет играть по «политическим» правилам, либо его будет ждать участь предыдущего мэра. Варгас принимает правила игры и берет взятки от влиятельных людей в городе, соблюдая ритуал и устанавливая контакт. Он уверен, что делает это единожды в порядке исключения, но вскоре им овладевает жажда наживы: он поднимает налоги, штрафует население, сажает тех, кто не подчиняется. Шантажом и убийством Варгас устраняет всех своих политических противников, но в итоге народ хочет расправиться с ним так же, как и с предыдущим мэром.

В фильме нет положительных героев: все так или иначе погрязли в коррупции. Как Варгас не смог со-

противляться жажде наживы, так и местные жители привыкли решать проблемы взятками и не поддерживали Варгаса в его изначальном желании блага для города законным путем.

Фильм получил множество наград. И хотя он был не единственным фактором, повлиявшим на конец единоличного правления ИРП, в нем была очень точно воссоздана атмосфера лжи и напряженности, которая всегда сопровождает коррупцию; наглядно показано, что не бывает «хорошей коррупции»: даже благие цели, достигаемые коррупционным путем, умножают беззаконие.

Второй фильм, «Идеальная диктатура», вышел после выборов 2012 г., на которых разразился скандал вокруг партии ИРП. Считается, что большинство мексиканских телеканалов, освещая новостные сюжеты, стремились выставить кандидата Энрике Пенья Ньето в наиболее выгодном свете [27]. Примечательно, что это не спровоцировало разбирательств, несмотря на многотысячные протесты против фальсификации выборов [28]. Похоже, режиссер решил: раз правительство отказывается отвечать на вопросы населения о выборах, он сам снимет свою гротескную версию событий.

Основная идея фильма – показать, как телевидение может контролировать политические настроения в стране. Главным героем фильма становится все тот же Хуан Варгас, уже губернатор, и на этот раз он метит в президенты. Но он сталкивается с проблемой: в телеэфире показывают запись, на которой похожий на него человек принимает деньги от человека, похожего на представителя наркокартеля. Запись была передана телеканалу специально, чтобы отвлечь от ляпа президента на встрече с американским послом, на которой он сказал, что если Америка откроет границы, то мексиканцы приедут и будут делать «даже ту работу, за которую негры не берутся». В фильме прекрасно показан механизм виральности мемов и хештегов на примере «внутрикиношного» хештега #YaNiLosNegros. Варгас решил: раз телевидение смогло разрушить его имидж, оно может его восстановить. Он под видом пожертвования дает главе телеканала огромную взятку, после чего запускается процесс обеления Варгаса. В это же время в штате Варгаса пропадают две девочки, что становится прекрасным поводом хвалить губернатора в новостных сюжетах. Варгас выступает по телевидению с обе-

щением найти пропавших, присутствует на поисках и даже соглашается оплатить часть выкупа. В итоге репутация губернатора полностью восстановлена, он побеждает на президентских выборах.

Популярность фильма объясняется, в частности, тем, что сюжетные ходы в фильме имели реальные прототипы из жизни, например:

– проплаченные ролики в пользу победившего на выборах в президенты кандидата: в 2012 г. в газету *The Guardian* были переданы документы, доказывающие, что *Televisa*, крупнейшая мексиканская телекомпания, позиционирующая себя политически нейтральной, за деньги распространяла пропагандистские ролики о Пенья Ньето [29];

– видеозаписи Варгаса и главы наркокартеля очень похожи на те, что фигурировали в скандале 2003 г. с Рене Бежарно: тогда демонстрировались видеоролики, на которых он получал 45 000 долларов от аргентинского бизнесмена Карлоса Аумады [30].

В 2015 г. фильм был номинирован в 10 категориях Мексиканской академии киноискусств, но получил приз только за лучшую мужскую роль. Тем не менее публика тепло его приняла. Опасаясь, что фильму будут созданы проблемы в прокате, зрители поддерживали его в соцсетях, публикуя посты с хештегом #NoALaCensura («за фильм, который говорит правду») [31].

Выводы

Итак, кинематограф, увлекая нас нарративом, несет в себе огромный потенциал для проведения антикоррупционного просвещения. При этом для достижения результата не нужно снимать строго обучающие фильмы. Более того, опыт агитпропа показал, что такие фильмы не достигают поставленной цели. Однако если в сюжет хорошего художественного фильма заложить нужные нам послы, то благодаря нашим зеркальным нейронам и механизмам додумывания они могут служить образовательным целям, демонстрировать, в частности, последствия коррупционного поведения.

Важно привлекать внимание гражданского общества к проблеме. Можно привлекать его к активному участию в ее решении, как это происходит в Индонезии, или обозначать реперные точки, как в Китае или Мексике. Первый вариант сложнее в реализации, но и эффективнее. Кроме того, он поможет выявить сферы, которые общество считает наиболее проблемными, и в первую очередь решить эти проблемы.

Также важно не запугивать зрителей ужасами жизни с коррупцией, а показывать положительный выход и позитивные сценарии жизни без нее. Это может привести к повышению гражданской активности, росту интереса к обсуждаемой проблеме, а также повышению рейтингов доверия к государству.

Список литературы

1. Desbarats F. High-school cinema curricula: Evidence of new trends in education // *Film Education Journal*. 2021. № 4 (2). Pp. 125–135.
2. Finckenauer J., Waring E. *Russian mafia in America: immigration, culture, and crime*. Boston: Northeastern University Press, 1998. 303 p.
3. Roy, A. *Dictionnaire général du cinéma. Du cinématographe à Internet*. Québec: Fides, 2007. 518 p.
4. Эйзенштейн С. М. За кадром. Ключевые работы по теории кино. 2-е изд. Москва: Академический проект, 2021. 680 с. (Сер.: Технологии культуры).
5. Эльзессер Т., Харемер М. Теория кино. Глаз, эмоции, тело. Санкт-Петербург: Сеанс, 2018. 440 с.
6. Gallese V. The roots of empathy: the shared manifold hypothesis and the neural basis of intersubjectivity // *Psychopathology*. 2003. № 36 (4). Pp. 171–180.
7. Эффект Кулешова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZwMRtWNEQRo> (дата обращения: 02.11.2021).
8. Белодубровская М. Не по плану. Кинематография при Сталине / пер. с англ. Л. Мезеновой. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 264 с. (Сер.: Кинотексты).
9. Atkinson J., Bulbulia F. Children coping with COVID-19: Intersectional understandings of Film and media access in a crisis // *Film Education Journal*. 2021. № 4 (1). Pp. 29–43.
10. Widodo J. D. Indonesia's anticorruption campaign: civil society versus the political cartel // *The changing face of corruption in the Asia Pacific*. Elsevier, 2017. Pp. 253–265.

11. Mufti H. R., Kanumayoso B. KPK and the commitment of the Indonesian government to eradicate corruption (2004–2014) // *Cultural Dynamics in a Globalized World*. Routledge, 2018. Pp. 29–37.
12. Onishi N. Corruption Fighters Rouse Resistance in Indonesia // *New York Times*. 25 July. 2009. URL: <https://www.nytimes.com/2009/07/26/world/asia/26indo.html?pagewanted=all> (дата обращения: 02.11.2021).
13. Ebang Y. B. The Role of Mass Media in eradicating corruption // *Asia Pacific Fraud Journal*. 2016. Vol. 1, № 2. Pp. 189–194.
14. Pramoto D. A., Kriyantono R. The Power of Media Effect: Construction Television as Media from Anti-Corruption Education in Indonesia // *KKU International Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016. № 6 (1).
15. Komisi Pemberantasan Korupsi. URL: <https://www.facebook.com/KomisiPemberantasanKorupsi> (дата обращения: 03.11.2021).
16. KPK. URL: https://twitter.com/kpk_ri (дата обращения: 03.11.2021).
17. official.kpk. URL: <https://www.instagram.com/official.kpk/> (дата обращения: 03.11.2021).
18. KPK RI. URL: <https://www.youtube.com/user/HUMASKPK> (дата обращения: 03.11.2021).
19. Regulasi Kompetisi Ide Cerita Film Pendek. URL: <https://www.kpk.go.id/id/acffest-2021/acffest-2022-regulasi-film-pendek> (дата обращения: 01.11.2021).
20. Jimpitan KPK RI / ACFFest 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Lj8cIl-DGU4&ab_channel=KPKRI (дата обращения: 01.11.2021).
21. Home sweet home KPK RI / ACFFest 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jiP4l0qWDOY&t=679s&ab_channel=KPKRI (дата обращения: 01.11.2021).
22. Ghaliya G. Breaking: KPK bill passed into law // *The Jakarta Post*, 17 Sept. 2019. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2019/09/17/breaking-kpk-bill-passed-into-law.html> (дата обращения: 01.11.2021).
23. Heriyanto D. No, Indonesian students are not taking to the streets only to fight sex ban // *The Jakarta Post*. 27 Sept. 2019. URL: <https://www.thejakartapost.com/community/2019/09/27/no-indonesian-students-not-taking-to-streets-only-to-fight-sex-ban.html> (дата обращения: 03.11.2021).
24. Мерекина О. «Именем народа»: борьба с коррупцией по-китайски // *Магазета*. 26 апреля 2017. URL: <https://magazeta.com/serials-corruption/> (дата обращения: 01.11.2021).
25. Chinese official who had £24m cash at home given suspended death sentence // *The Guardian*. 17 Oct. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/17/chinese-official-who-had-24m-cash-in-his-house-given-suspended-death-sentence> (дата обращения: 01.11.2021).
26. Guan B. Fighting Corruption in China Using the Media // *RAIS Journal for Social Sciences*. 2019. Vol. 3, № 2. Pp. 55–61.
27. Linthicum K. Mexican filmmaker Luis Estrada's satirical agenda hits home // *Los Angeles Times*. 3 Nov. 2014. URL: <https://www.latimes.com/entertainment/la-et-mn-luis-estrada-film-satire-20141103-story.html> (дата обращения: 01.11.2021).
28. Thousands of Mexicans Protest Alleged Elections Fraud. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AHGejrKlagY> (дата обращения: 01.11.2021).
29. Tuckman, Jo. Mexican media scandal: secretive Televisa unit promoted PRI candidate // *The Guardian*. 26 June. 2012. URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/jun/26/mexican-media-scandal-televisa-pri-nieto> (дата обращения: 01.11.2021).
30. Llanos R., Romero G. Pescan en actos de corrupción a Bejarano // *La Jornada*. 4 March. 2004. URL: <https://www.jornada.com.mx/2004/03/04/005n1cap.php?origen=index.html&fly=1> (дата обращения: 01.11.2021).
31. Tadeo J. Проактивные мексиканские пользователи Twitter говорят #NotoCensorship [нет цензуре] по отношению к сатирическому фильму «Идеальная диктатура». URL: <https://ru.globalvoices.org/2014/09/04/30719/> (дата обращения: 01.11.2021).
32. Делез Жиль. Кино Жиль Делез. Москва: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. 560 с.
33. Лев Кулешов об эффекте Кулешова: фрагмент документального фильма Семена Райтбурта «Эффект Кулешова» (1969, Центрнаучфильм). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=akt46Sutzvo> (дата обращения: 01.11.2021).
34. Albéra F. Cinéma soviétique des années 1924–1928: commande sociale/commande publique // *Une histoire mondiale des cinémas de propagande*. Paris: Nouveau Monde éditions, 2015. Pp. 63–81.
35. Albéra F. Cinéma soviétique des années 1924–1928: le film de montage/document, matériau, point de vue // *Une histoire mondiale des cinémas de propagande*. Paris: Nouveau Monde éditions, 2015. Pp. 83–91.
36. Capra Frank. Frank Capra, The Name Above the Title: An Autobiography. New York: The Macmillan Company, 1971.
37. Феномен массовости кино / Министерство культуры Российской Федерации, НИИ киноискусства; под общ. ред. М. И. Жабского. Москва, 2004. 376 с.
38. Фрейд З. «Я» и «Оно» // *Труды разных лет*. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 351–392.
39. Куренной В. Философия фильма: упражнения в анализе. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. 232 с.

References

1. Desbarats, F. (2021). High-school cinema curricula: Evidence of new trends in education. *Film Education Journal*, 4 (2), 125–135.
2. Finckenauer, J., Waring, E. (1998). *Russian mafia in America: immigration, culture, and crime*. Boston: Northeastern University Press.
3. Roy, A. (2007). *Dictionnaire général du cinéma. Du cinématographe à Internet*. Québec, Fides.
4. Eizenshtein, S. M. (2021). *Behind the scenes. Key works of the film theory*. 2d ed. Moscow, Akademicheskii proekt.
5. El'zesser, T., Khagener, M. (2018). *Film theory. An introduction through the senses*. Saint Petersburg, Seans.
6. Gallese, V. (2003). The roots of empathy: the shared manifold hypothesis and the neural basis of intersubjectivity. *Psychopathology*, 36 (4), 171–180.
7. *The Kuleshov effect*. <https://www.youtube.com/watch?v=ZwMRtWNEQRo>.
8. Belodubrovskaya, M. (2020). *Going wrong. Cinematography under Stalin*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Atkinson, J., Bulbulia, F. (2021). Children coping with COVID-19: Intersectional understandings of Film and media access in a crisis. *Film Education Journal*, 4 (1), 29–43.
10. Widojoko, J. D. (2017). Indonesia's anticorruption campaign: civil society versus the political cartel. *The changing face of corruption in the Asia Pacific* (pp. 253–265). Elsevier.
11. Mufti, H. R., Kanumayoso, B. (2018). KPK and the commitment of the Indonesian government to eradicate corruption (2004–2014). *Cultural Dynamics in a Globalized World* (pp. 29–37). Routledge.
12. Onishi, N. (2009, 25 July). Corruption Fighters Rouse Resistance in Indonesia. *New York Times*. <https://www.nytimes.com/2009/07/26/world/asia/26indo.html?pagewanted=all>.
13. Ebang, Y. B. (2016). The Role of Mass Media in eradicating corruption. *Asia Pacific Fraud Journal*, 1 (2), 189–194.
14. Pramoto, D. A., Kriyantono, R. (2016). The Power of Media Effect: Construction Television as Media from Anti-Corruption Education in Indonesia. *KKU International Journal of Humanities and Social Sciences*, 6 (1).
15. *Komisi Pemberantasan Korupsi*. <https://www.facebook.com/KomisiPemberantasanKorupsi>.
16. *KPK*. https://twitter.com/kpk_ri.
17. *official.kpk*. <https://www.instagram.com/official.kpk/>.
18. *KPK RI*. <https://www.youtube.com/user/HUMASKPK>.
19. *Regulasi Kompetisi Ide Cerita Film Pendek*. <https://www.kpk.go.id/id/acffest-2021/acffest-2022-regulasi-film-pendek>.
20. *Jimatan KPK RI*. (2018). *ACFFest 2018*. https://www.youtube.com/watch?v=Lj8cII-DGU4&ab_channel=KPKRI.
21. *Home sweet home KPK RI*. (2019). *ACFFest 2019*. https://www.youtube.com/watch?v=jiP410qWDOY&t=679s&ab_channel=KPKRI.
22. Ghaliya, G. Breaking: KPK bill passed into law. (2019, 17 Sept.). *The Jakarta Post*. <https://www.thejakartapost.com/news/2019/09/17/breaking-kpk-bill-passed-into-law.html>.
23. Heriyanto, D. (2019, 27 Sept.). No, Indonesian students are not taking to the streets only to fight sex ban. *The Jakarta Post*. <https://www.thejakartapost.com/community/2019/09/27/no-indonesian-students-not-taking-to-streets-only-to-fight-sex-ban.html>.
24. Merekina O. (2017, 26 Apr.). "On behalf of the people": struggling corruption the Chinese way. *Magazeta*. <https://magazeta.com/serials-corruption/>.
25. Chinese official who had £24m cash at home given suspended death sentence. (2016, 17 Oct.). *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/17/chinese-official-who-had-24m-cash-in-his-house-given-suspended-death-sentence>.
26. Guan, B. (2019). Fighting Corruption in China Using the Media. *RAIS Journal for Social Sciences*, 3 (2), 55–61.
27. Linthicum, K. (2014, 3 Nov.). Mexican filmmaker Luis Estrada's satirical agenda hits home. *Los Angeles Times*. <https://www.latimes.com/entertainment/la-et-mn-luis-estrada-film-satire-20141103-story.html>.
28. *Thousands of Mexicans Protest Alleged Elections Fraud*. <https://www.youtube.com/watch?v=AHGejrKlagY>.
29. Tuckman, Jo. (2012, 26 June). Mexican media scandal: secretive Televisa unit promoted PRI candidate. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/world/2012/jun/26/mexican-media-scandal-televisa-pri-nieto>.
30. Llanos, R., Romero, G. (2004, 4 March). Pescan en actos de corrupción a Bejarano. *La Jornada*. <https://www.jornada.com.mx/2004/03/04/005n1cap.php?origen=index.html&fly=1>.
31. Tadeo, J. (2014, 4 Sept.). *Proactive Mexican Twitter users say #NotoCensorship in relation to a satirical film "Ideal dictatorship"*. <https://ru.globalvoices.org/2014/09/04/30719/>.
32. Delez Zhil'. (2012). *Cinema of Gilles Deleuze*. Moscow, Ad Marginem Press.
33. *Lev Kuleshov about the Kuleshov effect: a fragment of a documentary "The Kuleshov effect" by Semen Raytburt (1969, Tsentrnauchfilm)*. <https://www.youtube.com/watch?v=akt46Sutzvo>.

34. Albéra, F. (2015). Cinéma soviétique des années 1924-1928: commande sociale/commande publique. *Une histoire mondiale des cinémas de propagande* (pp. 63–81). Paris, Nouveau Monde éditions.
35. Albéra, F. (2015). Cinéma soviétique des années 1924-1928: le film de montage/document, matériau, point de vue. *Une histoire mondiale des cinémas de propagande* (pp. 83–91). Paris, Nouveau Monde éditions.
36. Capra, Frank. (1971). *Frank Capra, The Name Above the Title: An Autobiography*. New York, The Macmillan Company.
37. Ministerstvo kul'tury Rossiiskoi Federatsii, NII kinoiskusstva. (2004). *Phenomenon of mass cinematography*. Moscow
38. Freid Z. (1991). I and It. In *Works of different years* (pp. 351–392). Tbilisi, Merani.
39. Kurennoi V. (2009). *Film philosophy: exercises in analysis*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Вклад авторов

А. Л. Мельникова: подбор литературы, выбор фильмов и анализ с точки зрения образа коррупции и соответствия государственной политике.

А. С. Мицул: подбор литературы по теории восприятия, материалов по воздействию на зрителя, анализ фильмов с точки зрения изобразительно-выразительных средств.

The author's contribution

A. L. Melnikova: selecting literature, selecting films, analyzing them from the viewpoint of the image of corruption and compliance with the state policy.

A. S. Mitsul: selecting literature on the theory of perception and impact on a spectator, analyzing films from the viewpoint of artistic-expressive means.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 10.01.2022

Дата принятия в печать / Accepted 20.02.2022

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственные за подбор: Дж. Шаббар, Р. А. Григорьев /
Persons in charge of selection: J. Shabbar, R. A. Grigoryev

Редактор рубрики Дж. Шаббар /
Rubric editor J. Shabbar

Научная статья
УДК 342.9:004.056:316.77:33

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.136-175>

О. БЕН-ШАХАР¹

¹ Чикагский университет, школа права, г. Чикаго, США

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Омри Бен-Шахар, Чикагский университет, школа права
E-mail: omri@uchicago.edu

Аннотация

Цель: разработка и обоснование теории информационного загрязнения, которая позволяет понять и оценить вред, который несет в себе экономика больших данных.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: в статье разрабатывается теория информационного загрязнения, позволяющая понять вред, который несет в себе экономика данных, и то, как следует регулировать этот вред. Автор показывает, что общественное вмешательство должно быть направлено на внешний ущерб от сбора и неправомерного использования персональных данных. В статье оспаривается преобладающая точка зрения о том, что ущерб от утечки цифровых данных является исключительно частным. Эта точка зрения привела к тому, что законодатели сосредотачиваются лишь на защите приватности. Автор, напротив, утверждает, что в основном игнорируется центральная проблема цифровой экономики: как информация, предоставляемая гражданами, влияет на других людей, как она подрывает и уменьшает общественное благо и общественные интересы.

Научная новизна: новизна концепции информационного загрязнения заключается в том, что предлагает новый взгляд на проблему низкой эффективности существующих правовых инструментов – законов о нарушении гражданских норм, контрактов и норм раскрытия информации; эти инструменты отражают историческую

© Бен-Шахар О., 2022. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (<http://rusjel.ru>) 25.03.2022

© Ben-Shahar O., 2022

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале Journal of Legal Analysis. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала Journal of Legal Analysis: journals.permissions@oup.com

Цитирование оригинала статьи на английском: Ben-Shahar O. Data Pollution, *Journal of Legal Analysis*, 2019, Vol. 11, pp. 104–159.

URL публикации: <https://academic.oup.com/jla/article/doi/10.1093/jla/laz005/5578488>

бесперспективность, аналогичную попыткам снизить ущерб от промышленных загрязнений. Кроме того, теория информационного загрязнения открывает широкие возможности для создания новых правовых средств – «законов об охране окружающей среды в области защиты информации», которые будут направлены на регулирование указанных внешних эффектов. В статье показано, как инструменты контроля промышленных загрязнений: ограничения за производство, углеродный налог, ответственность за выбросы – могут быть адаптированы для регулирования информационного загрязнения.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с теорией информационного загрязнения.

Ключевые слова: экономика больших данных, неправомерное использование персональных данных, цифровая экономика

Благодарности: автор выражает благодарность Ronen Avraham, Oren Bar-Gill, Karen Bradshaw, Daniel Hemel, Jaime Hine, William Hubbard, Florencial Marrota-Wurgler, Jennifer Nou, Lisa Larimore Ouillette, Ariel Porat, Eric Posner, Ricky Revesz, Lior Strahilevitz, Mark Templeton, участникам семинаров в Чикагского университета, Федеральной торговой комиссии, университетов Гарварда, Стэнфорда, Тель-Авива за плодотворные обсуждения, а также Brenna Darling и Jason Grover за помощь в исследовании.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Бен-Шахар О. Загрязнение информационной среды // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 136–175. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.136-175>

The scientific article

O. BEN-SHAHAR¹

¹ University of Chicago Law School, Chicago, USA

DATA POLLUTION

Omri Ben-Shahar, University of Chicago Law School
E-mail: omri@uchicago.edu

Abstract

Objective: to develop and substantiate the theory of data pollution, which makes it possible to realize and assess the harms the economy of big data creates.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: This article develops a novel framework – data pollution – to rethink the harms the data economy creates and the way they have to be regulated. The author argues that social intervention should focus on the external harms from collection and misuse of personal data. The article challenges the hegemony of the prevailing view that the injuries from digital data enterprise are exclusively private. That view has led lawmakers to focus solely on privacy protection as the regulatory objective. The article claims, instead, that a central problem in the digital economy has been largely ignored: how the information given by people affects others, and how it undermines and degrades public goods and interests.

The article was first published in English language by Journal of Legal Analysis. For more information please contact: journals.permissions@oup.com

For original publication: Ben-Shahar O. Data pollution, *Journal of Legal Analysis*, 2019, Vol. 11, pp. 104–159.

Publication URL: <https://academic.oup.com/jla/article/doi/10.1093/jla/laz005/5578488>

Scientific novelty: The data pollution concept offers a novel perspective why existing regulatory tools – torts, contracts, and disclosure law – are ineffective, mirroring their historical futility in curbing the harms from industrial pollution. The data pollution framework also opens up a rich roadmap for new regulatory devices – “an environmental law for data protection” – which focuses on controlling these external effects. The article examines how the tools used to control industrial pollution – production restrictions, carbon tax, and emissions liability – could be adapted to govern data pollution.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the theory of data pollution.

Keywords: Big data economy, Misuse of personal data, Digital economy

Acknowledgements: I am grateful to Ronen Avraham, Oren Bar-Gill, Karen Bradshaw, Daniel Hemel, Jaime Hine, William Hubbard, Florencial Marrota-Wurgler, Jennifer Nou, Lisa Larimore Ouillette, Ariel Porat, Eric Posner, Ricky Revesz, Lior Strahilevitz, Mark Templeton, and workshop participants at the University of Chicago, the Federal Trade Commission, Harvard, Stanford, and Tel-Aviv University for helpful discussions, and to Brenna Darling and Jason Grover for research assistance.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Ben-Shahar O. (2022). Data Pollution. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 136–175. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.136-175>

Для нашего века информация то же, чем была нефть для прошлого.

Журнал *The Economist*, май 2017 г.

1. ВВЕДЕНИЕ

Цифровая информация – топливо новой экономики. Это ресурс для производства новых продуктов и компаний, новых рынков и валют, а также бесконечных новых возможностей для создания крупных общественных ценностей¹. Но, как и углеродное топливо старой экономики, она вызывает загрязнение окружающей среды. Вредные «выбросы данных» проникают в цифровые экосистемы, разрушая социальные институты и общественные интересы. В этой статье разрабатывается инновационный подход – *информационное загрязнение*, – позволяющий понять вред, который несет в себе экономика данных, и возможную реакцию властей на этот вред.

Цифровая информация включает в себя любые возможные способы компиляции данных, но, вероятно, самое ценное – это персональные данные. Цифровые платформы собирают информацию о том, где находится человек в настоящее время, что он делал в прошлом

и что планирует делать в будущем, что и кого он любит и как можно влиять на его решения. Повсеместный сбор таких персональных данных позволил создать новые персонифицированные общественные пространства, дающие огромные личные и социальные преимущества. Однако они также несут потенциальный вред. Один из видов такого вреда, о котором сейчас много говорят, – это потенциальный ущерб интересам приватности. С другой стороны, внешний ущерб является менее конкретным и гораздо менее заметным. Понимание масштабов этого внешнего ущерба и снижение его влияния – одна из важнейших задач нашей эпохи.

Актуальность этой задачи значительно возросла благодаря двум явлениям. Первое из них – это *намеренное обнародование* персональных данных, которое ярко проявилось во время выборов президента США в 2016 г. Для распространения фальшивой политической рекламы использовалась база персональных данных Facebook². Ложь в политике – не новое явление, но информационные процессы способствуют

¹ См. [1]; см. также [2] (цифровые технологические изменения показаны на шкале сопоставления с промышленной революцией) и [3. Р. 15].

² См. [4].

быстрому распространению и закреплению лжи, чем многократно усиливают ее эффект, а также делают распознавание лжи более сложной задачей. Второе явление – *ненамеренное обнародование* персональных данных, когда компании оказываются неспособны защитить свои базы данных. Ярким примером этой проблемы может служить кража финансовых досье 143 млн клиентов компании *Equifax*.

Во многих странах в настоящее время идет поиск парадигм понимания и способов предотвращения актуальных и потенциальных угроз, связанных с персональными данными. Этот поиск сосредоточен преимущественно на одном направлении. Главным и, возможно, единственным критерием оценки риска в этой сфере является *приватность*. В рамках парадигмы приватности данных сбор и использование персональных данных порождают различные риски для того, кому принадлежат эти данные. Согласно этой парадигме, если личные и частные аспекты жизни человека становятся известными или искажаются, это наносит ущерб благополучию, осуществлению прав, независимости и достоинству этого человека, т. е. сфере его личной жизни [5. Р. 126]. Парадигма приватности основана на предпосылке, что ущерб от неправомерного использования персональных данных будет частным по своей природе – это «ущерб для личности», однако за счет накопления (или за счет более точного попадания) эти глубоко личные виды ущерба оказывают вторичный супераддитивный общественный эффект [6; 7. Р. 300]³.

К сожалению, парадигма приватности неполна, поскольку ущерб от злоупотребления информацией зачастую намного превышает сумму частных ущербов для лиц, которым принадлежит эта информация. Если в самом деле «для нашего века информация – то же,

чем была нефть для прошлого», то можно утверждать, что для нашего века информационное загрязнение – то же, чем было промышленное загрязнение для прошлого. Загрязнение – как информационное, так и промышленное – порождает общественный ущерб и разрушает общественное благо, и это помимо того влияния, которое ощущают частные лица, использующие загрязняющие продукты. При этом методы контроля загрязнения и защиты общественных интересов в корне отличаются от правовых реформ, призванных бороться с частным ущербом.

Концепция информационного загрязнения предлагает посмотреть шире и понять, каким образом сбор персональных данных влияет на общественные институты и группы, – помимо тех граждан, кто предоставляет информацию, и ущерба для их приватности. Ярким примером влияния информационного обмена на экосистему является практика компании *Facebook*, которая предоставила рекламодателям доступ к персональным данным и возможность изменять результаты голосования. Негативный эффект этого действия не ограничился частным ущербом для тех лиц, которые стали получать рекламу на основе их данных или на чье мнение при голосовании было оказано влияние (на самом деле многие из них не считают себя пострадавшими). Главный негативный эффект был гораздо шире – пострадало все окружение, связанное с выборами и политикой, включая ущерб для других членов общества и ущерб, не имеющий отношения к вопросам приватности. Даже если речь не идет о злоупотреблениях, мы все больше осознаем, что платформы, предлагающие «персонализированные новости», способствуют фрагментации и поляризации общества, а это разрушает процесс демократического обсуждения и уничтожает «социальный клей» [13, 14].

Информационный обмен вызывает загрязнение и другими, более конкретными способами. Давая разрешение веб-сайтам на сбор данных о своей электронной переписке, участии в социальных сетях и даже о своей ДНК, люди автоматически предоставляют информацию о других лицах, которые не участвуют непосредственно в этих транзакциях. В персонализированных средах опыт каждого индивидуума частично зависит от того, какими данными о других людях он поделился.

Концепция информационного загрязнения служит основой для трех смелых идей, выдвигаемых в этой

³ См., например, [8. Р. 1653] (приватность баз данных является необходимым условием демократического обсуждения общественных проблем), [9] (приватность необходима для развития гражданского общества, свободы самовыражения и комфортной общественной жизни), [10. Рр. 69–71] (приватность необходима для правильного функционирования демократической политической системы), [11] (описан ущерб для человеческого достоинства, вызванный утечкой данных; утверждается, что это может привести к «нежеланию граждан предоставлять информацию, что затруднит достижение поставленных политических целей»). См. в целом [12] (обсуждаются частная и публичная сферы защиты частной жизни).

статье. Первая из них – охарактеризовать сущность социального ущерба от информационного обмена. Множество научных источников описывают каждый аспект всех возможных видов частного ущерба от сбора данных, т. е. потенциальный ущерб приватности людей, чьи данные собираются. Однако зачастую игнорируется проблема внешних эффектов: как решение на сбор личных данных повлияет на других людей и общество в целом. В разд. 2 показаны различные грани этого внешнего, общественного эффекта. Проводится разграничение между малоизвестным общественным ущербом и широко признанным частным ущербом от распространения информации; тем самым мы начинаем создавать новое, дополненное обоснование для регулирования данных. Кроме того, обсуждение, представленное в разд. 2, помогает решить сложную задачу – как примирить повсеместное недовольство людей сбором персональных данных и всеобщую готовность «платить своими данными». Это несоответствие часто называют «парадоксом приватности» [15; 16. Р. 17; 17]⁴. Теория информационного загрязнения разрешает этот парадокс: люди ощущают тревогу по поводу влияния информации на общество в целом и в гораздо меньшей степени – по поводу возможного ущерба для себя лично. Они считают, что частные выгоды от предоставления информации перевешивают этот ущерб.

Вторая идея настоящей статьи – объяснить причины неэффективности существующих правовых инструментов борьбы с информационным загрязнением. В разд. 3 показано, что частное право и правоприменение неспособны контролировать информационное загрязнение по тем же самым причинам, по которым они не контролируют промышленное загрязнение. Неэффективность частных оснований для предъявления исков объясняется в первую очередь публичным характером ущерба. Загрязнение относится к внешним эффектам; оно затрагивает окружающую среду в целом, а не только тех лиц, с которыми взаимодействует источник загрязнений или владелец информации. Информационное загрязнение, как и его промышлен-

ный предшественник, приносит вред всему сообществу; к тому времени, когда затронуты конкретные индивидуумы, оказывается уже сложно установить причину или полный масштаб общественного вреда. В контексте промышленного загрязнения истцы исторически испытывали трудности с привязкой роста заболеваемости к конкретным случаям выбросов; так же и нынешним жертвам злоупотребления информацией сложно доказать, какие именно утечки данных им навредили [20. Р. 429]. Даже если причинная связь установлена, объем ущерба для отдельной жертвы загрязнения – как в промышленной, так и в цифровой сфере – зачастую слишком умозрительный, чтобы его можно было оценить с помощью инструментов частного права.

Далее в разд. 3 показано, что неспособность частного права регулировать информационное загрязнение объясняется не только ограничениями деликтного права, это также недостаток контрактной системы. Добровольные транзакции с загрязняющими продуктами оказались неспособны адекватно снизить выбросы в промышленности; по тем же самым причинам рынки цифровых продуктов не уделяют существенного внимания снижению информационного загрязнения. Потребители покупают продукты с огромным углеродным следом; аналогичным образом они оставляют огромный информационный след на цифровых площадках. Как в промышленности, так и в цифровой сфере люди не заключают оптимальных договоров о загрязнении по целому ряду причин, но в первую очередь потому, что сокращение загрязнения – это общественное благо. Изначально ошибочно мнение, что контракты и система информированного согласия помогают людям принимать разумные решения относительно обмена информацией и снижают уровень информационного загрязнения, поскольку механизм частных двусторонних контрактов не способен предотвратить ущерб, наносимый третьим сторонам. Не столько отдельных граждан нужно защищать от ловушек контрактов, связанных с передачей данных, сколько экосистему в целом нужно защищать от подобных контрактов, бесконечно заключаемых гражданами.

Таким образом, в разд. 2 предлагается новое понимание ущерба в сфере данных, в разд. 3 объясняется неэффективность существующих подходов к снижению этого ущерба, а в разд. 4 представлена

⁴ Попытки объяснить парадокс приватности с точки зрения проблемы асимметрии информации см. [18. Рр. 1732–1735; 19] (обсуждается неопределенность и сложность решений по поводу приватности как причина поведения, не предусматривающего защиту приватности).

третья идея настоящей статьи, наиболее амбициозная из всех: создание альтернативной системы правового контроля над информационным загрязнением. Метафора загрязнения позволяет предложить широкий спектр правовых средств и упорядоченный набор рекомендаций, которые до сих пор оставались незадействованными или имели иные обоснования для применения⁵.

Основным методом регулирования загрязнений является установленный комплекс ограничений производства, чаще всего в форме количественных лимитов и квот. Деятельность, вызывающая загрязнения, может быть ограничена за счет необходимости полу-

чать лицензии на выбросы или выполнять законные требования по объему производства. Информационное загрязнение также можно контролировать путем ограничения информационных услуг по нескольким направлениям: какие данные можно собирать, кто может это делать, в каких объемах и по каким основаниям, каким образом можно использовать или передавать данные, когда их необходимо уничтожать, как сохранять и т. д. Такие предупреждающие методы все шире применяются в европейском частном праве⁶ и в некоторых узких областях американского частного права – например, в ситуациях с участием детей⁷. Количественное регулирование относится к традиционным методам контроля, и оно способно эффективно снижать загрязнение, но зачастую ценой значительных издержек. При этом снижаются не только негативные последствия, но также и позитивные; кроме того, происходит торможение инноваций. В сфере работы с данными особенно сложно применять анализ эффективности затрат при ограничениях на информацию, поскольку затраты и выгоды очень сложно оценить.

В разд. 4 мы описываем сложности, связанные с количественными ограничениями, и рассматриваем другой ключевой метод контроля загрязнений: определение стоимости общественных издержек. Считается, что «налог Пигу» на деятельность, на вложения в эту деятельность или на ее результаты способен скорректировать деформации, вызванные негативными внешними эффектами. В промышленном производстве этот подход привел к появлению углеродного налога, а в цифровой экономике он предполагает появление налога на информацию. Общественные издержки от сбора личных данных могут быть интернализованы через налог на деятельность с информацией. В разд. 4 рассматриваются некоторые основные проблемы, связанные с налогом на информацию: кто должен его выплачивать, как его установить, каковы могут быть преднамеренные и непреднамеренные резуль-

⁵ Ряд авторов уже использовали контекст охраны окружающей среды как модель для изучения проблемы регулирования оборота информации. Однако в отличие от настоящей статьи они фокусировались на частном ущербе и законодательстве о защите частной жизни, а именно как сбор данных вызывает вред для тех лиц, чьи данные собираются. Наиболее близкими к точке зрения автора настоящей статьи являются работы [21, 18, 10]. Как и в настоящей работе, эти авторы изучали так называемые внешние эффекты сбора данных, но определяли их как снижение уровня приватности, вызываемое практиками надзора со стороны сборщиков данных. См., например, [18. Р. 1732] («Если стороны, над которыми проводится наблюдение, заботятся о своей приватности, то наблюдающая сторона налагает на них дополнительные расходы для достижения собственных целей. Независимо от того, совпадает ли эта ситуация с классической моделью внешних эффектов, ее, несомненно, можно смоделировать таким образом»), [21. Р. 28] («Компании получают выгоду от собираемой информации, но не несут затрат, которые они тем самым вызывают... (т. е. нарушение приватности клиентов... В экономических терминах – компании, собирающие персональную информацию, налагают отрицательные внешние эффекты на потребителей»), [22. Р. 375] («Большие данные... делают социальную среду менее благоприятной для развития человеческой личности»). При решении вопроса о регулировании ущерба в сфере информации Hirsch [21, 22] и Froomkin [18] обращаются к командно-административным средствам регулирования, используемым в законодательстве об охране окружающей среды, однако, поскольку они рассматривают этот ущерб исключительно как частный (используя термины «внутренняя среда», «нарушение приватности», «человеческая личность»), их анализ методов регулирования приводит к иным выводам, чем те, что обсуждаются в настоящей статье. Напротив, Nehf [10] изучал общественную ценность приватности. Хотя он фокусируется в основном на социальных последствиях нарушения частной жизни («отчуждение» и утрата власти по отношению к «крупным институтам») (Там же. Рр. 69–71), он также признает существование «внешних издержек, помимо прямого ущерба для участвующих лиц», таких как переложение на потребителя общественных издержек от нарушения конфиденциальности (Там же. Рр. 79–80).

⁶ European Directive on Data Protection, 95/46/EC of the European Parliament and of the Council, Art. 25, OJ L 281, 23 November 1995, 56–57 (1995); General Data Protection Regulation (GDPR), 2016/679 of the European Parliament and of the Council, OJ L 119, 4 May 2016, 60–62 (2016).

⁷ Children's Online Privacy Protection Act, 15 U.S.C. § 6501 (1998).

таты его введения. Также показано, что информация может производить некоторые нейтрализующие положительные эффекты, которые могут влиять на размер налога. Важно отметить, что предлагаемый подход отличается от недавних предложений (и даже противоречит им) сделать обязательными выплаты гражданам от компаний за их персональные данные [24; 25. Рр. 246–249]. Оплата за данные – это сделка с нулевой суммой между двумя сторонами, которые совместно производят информационное загрязнение, следовательно, она не снижает уровень соответствующей деятельности и не способствует инвестициям, снижающим загрязнение.

Третий подход к контролю над загрязнениями состоит в разработке режима ответственности за ущерб, наносимый информацией, в особенности для борьбы с непреднамеренными утечками данных. Как и выбросы токсичных отходов в промышленности, утечки данных становятся основным внешним эффектом, с которым пытается бороться частное право. В законах об охране окружающей среды содержится ряд инструментов, позволяющих перенаправить ущерб от токсичных отходов на тех, кто ответственен за их утечку; аналогичным образом, закон об информационном загрязнении может сфокусироваться на вопросах ответственности и предотвращения вреда. Очищение после утечки данных по большей части невозможно; однако ущерб можно уменьшить за счет адекватной подготовки к таким ситуациям и к действиям после утечки. Предполагаемый вред можно снизить с помощью надлежащей системы сдерживания. Если масштаб ответственности будет соответствовать социальным издержкам (а этому может способствовать обязательное страхование ответственности), то это приведет к развитию системы мер предосторожности и саморегуляции. В разд. 4 изложено предложение по переходу к режиму пропорциональной ответственности.

Некоторые из указанных методов регуляции уже рассматривались ранее, но лишь через призму защиты частной жизни. Этот аспект рассмотрения сразу привлекает внимание, поскольку базы данных, приводящие к информационному загрязнению, состоят из персональной, а иногда приватной информации. Но чем более привлекателен аспект защиты частной жизни, тем в большей степени он кажется единственным важным аспектом изучаемой проблемы – и тем яснее становится, что законодатели и сторонники

такого подхода не учитывают широкомасштабное общественное влияние, выходящее далеко за пределы интересов любых частных сторон, чья персональная информация включается в базы данных. Раздел 4 рассматривает способы преодоления этого узкого подхода и предлагает такие принципы создания законодательства об информационном загрязнении, которые могли бы минимизировать внешние общественные издержки.

Законодательство о защите окружающей среды зародилось в индустриальную эпоху, поскольку частное право имело дело лишь с частным ущербом и было неспособно защитить общественное благо и окружающую среду [26. Р. 149]. Сегодня нам необходима современная версия законодательства о защите окружающей среды – законодательство об информационном загрязнении, которое расширило бы понимание проблемы защиты информации и смогло бы противостоять общественному ущербу от сбора персональных данных. Настоящая статья предлагает план такой трансформации.

2. ИНФОРМАЦИОННЫЙ УЩЕРБ: ЧАСТНЫЙ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННЫЙ?

В течение многих десятилетий охрана частной жизни рассматривалась как основная проблема в развитии информационных технологий. В рамках парадигмы охраны частной жизни сбор персональных данных коммерческими организациями может создать ущерб для тех, чья информация собирается и используется. Компании, собирающие персональные данные, могут многое узнать о людях и использовать эти знания для блага, но также могут и вызывать риски и вред.

Определению границ этого вреда посвящена обширная литература. Иногда эмоциональный ущерб жертв очевиден; например, если взламывается сайт, на котором люди ищут партнеров для внебрачных связей [27]. В других случаях люди ощущают вред, когда алгоритм работы с данными представляет их миру с ущербом для их репутации или финансовых возможностей [28]. Случаи прямого эмоционального и репутационного вреда поддерживают широко распространенное мнение о том, что базы данных, собирающие персональную информацию, могут нанести персональный ущерб. Ряд специалистов по проблеме охраны частной жизни отмечают, что этот внутренний ущерб может перейти в общественную плоскость – на-

пример, деморализуя людей и тем самым препятствуя «демократическому процессу принятия решений» или подрывая «развитие гражданского общества» – однако те виды общественного вреда, которые они указывают, являются лишь производными от персонального ущерба: деморализуются те индивиды, чья персональная информация была собрана (например, [8. Р. 1653; 9; 12; 10. Рр. 69–71; 11]).

Такое представление (что проблема с информацией лежит в плоскости частной жизни, а ее решение – защита приватности) является очень привлекательным, так как базы данных компаний состоят в основном из частной информации, которую люди обычно не обнаруживают. Множество данных собирается путем процедур, которые критики характеризуют как «надзор» и говорят о «постоянном присутствии наблюдения в домах людей» [29]. Если проблема состоит в том, что умные устройства и приложения «шпионят за нами (даже в нашем собственном доме)» [30], то мы сразу задумываемся о личном ущербе, и очевидным средством противодействия этому потенциальному ущербу становится защита личной информации.

Однако это главенствующее мнение – что информационные технологии наносят частный ущерб – наталкивается на неприятное явление, которое иногда называют «парадоксом приватности». Несмотря на большое внимание, уделяемое рискам и защите приватности со стороны законодателей и юристов, несмотря на широко распространенное и документально подтвержденное мнение о важности защиты персональной информации, реальное поведение людей противоречит этому [31]⁸. Люди утверждают, что понимают огромную важность своих персональных данных, и тут же отдают их за самую незначительную цену [35, 36, 17]. Исследования показали, что реальный уровень заботы о своей информационной безопасности существенно уступает ее декларируемой ценности. Иными словами, у нас нет достаточных оснований утверждать, что сбор цифровых данных наносит явный и измеримый ущерб тем аспектам личности, о которых обычно упоминают в этом контексте – эмоциональному благополучию, личному достоинству, независимости, репутации.

⁸ См. [32–34] («85 % потребителей считают, что компании должны предпринимать больше усилий для защиты их данных»); см. в целом [31].

И все же тревога по поводу вреда, вызываемого информационными технологиями, неуклонно растет. Американская политическая система была до основания потрясена сведениями о возможных злоупотреблениях, связанных с огромной базой данных *Facebook*, что, возможно, повлияло на результаты выборов. Одновременно в американской финансовой системе произошла массовая утечка личных и финансовых данных потребителей и стало известно о вероятном мошенническом использовании этой информации. Крупнейшие страны мира проводят масштабные реформы, широко одобряемые населением, с целью затруднить сбор данных⁹. Громче чем прежде звучат опасения по поводу нарушений приватности.

Как же примирить эти противоречивые эмпирические наблюдения – всеобщую озабоченность властью информацией и всеобщее равнодушие при передаче собственных данных? Это фундаментальный вопрос в сфере законодательства об охране частной жизни, и на него предложено несколько различных ответов (например, [19; 18. Рр. 1732–1735; 37]). Однако на один аспект обычно не обращают внимания, а именно на тот, которому посвящена наша статья, – природу причиняемого ущерба. Если значимый компонент информационного ущерба является общественным, тогда указанное противоречие исчезает. Люди беспокоятся о том, что информация способна причинить общественный ущерб. При этом они не беспокоятся о своем частном ущербе и поэтому продолжают делиться своими данными.

Автор не задается вопросом, значительны ли частные ущербы, связанные с информацией; в настоящей статье автор развивает тезис, что обоснование законодательства в области информации должно формироваться относительно внешних ущербов. Наличие баз данных с личной информацией сказывается на всей экосистеме, а не только на тех лицах, чья информация была обнародована или подверглась злоупотреблениям. Соответственно, в оставшейся части данного раздела мы рассмотрим виды влияния сбора персональных данных на общество – способы информационного загрязнения.

⁹ Например, California Consumer Privacy Act of 2018, AB 375.

2.1. Влияние на общественные интересы

Промышленное загрязнение снижает уровень общественного блага. Оно является квинтэссенцией отрицательного внешнего эффекта, так как затрагивает многих лиц, не являющихся сторонами деятельности, вызывающей загрязнение. Оно влияет на экосистему в целом, а также на здоровье многих третьих лиц.

Утечки информации сходны с утечками других загрязняющих веществ; издержки часто являются внешними, т. е. затрагивают общественные интересы. Цифровая база данных не похожа на библиотечный каталог прошлых поколений; это просто проиндексированная сумма отдельных кусочков информации. Цифровая база данных обладает свойством супераддитивности; из нее можно узнать то, что не было известно в момент разделения информации, в том числе то, что затрагивает общественные интересы. При агрегации информации возникает новое знание, включая сведения о лицах, чья персональная информация никогда не заносилась в эти базы; в дальнейшем эти сведения могут использоваться во вред этим индивидуумам или обществу в целом. Приведем несколько примеров для иллюстрации таких негативных внешних эффектов.

Первый пример – сеть *Facebook*. Когда владельцы этой гигантской социальной сети дали разработчикам приложений и другим сторонам доступ к базе данных

своих пользователей, влияние этого действия лишь частично отразилось на отдельных гражданах. Если бы использование данных для распространения политической лжи и фейков было более эффективным, как это произошло в деле *Cambridge Analytica*, то результатом стало бы нарушение целостности процесса голосования. Такое нарушение выходит далеко за пределы частных интересов сторон. (Фактически вполне вероятно, что лица, чьи данные были использованы, остались вполне удовлетворены своими действиями и не чувствуют никакого персонального вреда.) Первостепенной угрозой общественному благу является новая возможность, порожденная цифровизацией, – возможность для правительств враждебных стран разворачивать цифровые платформы и искажать результаты демократического процесса.

Второй пример, иллюстрирующий влияние раскрытия информации на общественные интересы, помимо приватности пользователей, – это приложение для фитнеса *Strava*, провозгласившее себя «социальной сетью для спортсменов». Приложение позволяет миллионам пользователей обозначать на карте места своих тренировок; затем все могут видеть «тепловую карту» спортивной активности. Крупные скопления пользователей могут указывать на секретные места военных операций США по всему миру

Тепловая карта *Strava* в окрестностях Кабула (Афганистан) показывает активность к югу от города
Strava heatmap of Kabul, Afghanistan, displaying a patch of activity south of the city

[38, 39]. Чем иным может быть кластер физической активности в пустыне Сахара или в окрестностях крупного афганского города? Метаизображение возникает в результате агрегации персональных данных, угрожая общественным интересам – национальной безопасности, а не частной жизни индивидуального владельца данных (рис. 1).

Озабоченность по поводу общественной угрозы, вызванной агрегацией информации, отражена в попытках правительства ограничить передачу коммерческих баз данных через границы государства путем введения выходного контроля и требования «локализации данных» [40. Р. 107]. Аргументация в пользу таких мер простирается от требований национальной безопасности и обеспечения правопорядка до защиты торговли и промышленности страны. Например, правительство Китая объявило, что «информация стала одним из основных национальных стратегических ресурсов», и постановило, что персональные данные китайских граждан могут храниться только внутри страны¹⁰. Утверждается, что утечка или обнародование огромных объемов персональных данных с таких сервисов, как *Alibaba*, является «серьезной угрозой для национальной безопасности» [41].

Возможности использования баз данных для причинения вреда общественному благу или общим ценностям можно продемонстрировать также на примере персонализации обращения с информацией и соответствующих новых форм опасной дискриминации. Связи, которые можно извлечь из баз данных, дают информацию помимо той, что содержится в них непосредственно, и для ее получения можно создать необходимые алгоритмы. Такие подходы лежат в основе персонализированного маркетинга и множества других сервисов. Они дают огромные общественные выгоды – например, используя цифровые истории болезней, больницы могут предоставлять более качественное и быстрое обслуживание с меньшими затратами¹¹.

Однако те же корреляции, извлекаемые из цифровых баз данных, могут приводить к дискриминации против некоторых групп лиц. Например, онлайн-реклама реже предлагает рабочие места в сфере инжиниринга и математики женщинам, чем мужчи-

нам [43, 44]; сообщения, предполагающие прошлую судимость, при запуске онлайн-поиска предлагаются чаще лицам, чьи имена звучат как имена чернокожих [45]. Такие дискриминационные явления могут иметь негативное влияние на общество. Стремясь оптимизировать свои затраты, компании, рекламирующие позиции в сфере инжиниринга и математики, ограничивают показы своей рекламы для женщин; при поиске лиц с судимостью также запускается «оптимизация» в пользу страниц, содержащих имена чернокожих. Такие вещи становятся возможными с помощью аналитики персональных данных; они просто соответствуют информационным запросам людей [46]. Однако максимизация частной прибыли от рекламы в обществе, где существуют дискриминация и неравенство, не гарантирует общественно оптимальной передачи информации. Напротив, такое положение может способствовать усилению дискриминации, так как выявляет дискриминационные схемы, которые в мире «малых данных» не могли бы существовать.

Провести границу между вредоносной дискриминацией и желательной персонализацией не всегда легко, поскольку и то и другое основывается на работе с данными и индивидуальными особенностями отдельного человека. Персонализированная медицина, обучение, питание помогают лечить, учить, кормить людей более эффективно. Даже персонализированная реклама помогает людям получать более полезную информацию. Вполне возможно, что выгоды от персонализации на основе данных намного превосходят негативное влияние соответствующей дискриминации – то есть что нужно говорить скорее о «защите окружающей среды в сфере информации», чем об информационном загрязнении. Однако выгоды от владения данными часто присваиваются и интернализируются: компании, создающие такие выгоды, имеют как мотивы, так и технические инструменты для их коммерциализации и монетизации (пока конкуренция не лишит их этих преимуществ). Напротив, негативные внешние эффекты остаются всеобщими. Они затрагивают слишком обширные и раздробленные группы и вызывают слишком абстрактный ущерб, чтобы можно было эффективно влиять на них частными средствами.

Дискриминация – это главный, но не единственный общественный вред, вызванный цифровой средой. Быстрое распространение ненавистнических, ма-

¹⁰ Cybersecurity Law of the People's Republic of China, Art. 37.

¹¹ См., например, [42. Рр. 51–54] (показано, что ведение цифровых медицинских карт снижает неонатальную смертность).

нипулятивных, поляризующих новостей и мнений в социальных сетях, сегрегация информационных сообществ, исчезновение оснований для общего опыта – то, что Sunstein [13] назвал «эхокамерами» и «информационными коконами», – это явление, которое многократно усилила цифровизация (см. также [47].

2.2. Влияние на других лиц

Загрязнение может оказывать негативный внешний эффект не только на экосистему или на общественное благо, но и на конкретных частных жертв. Например, загрязнение асбестом влияет на здоровье отдельных лиц. Аналогичным образом экстернализация ущерба от цифровых данных может происходить через механизмы, затрагивающие не только систему в целом, но конкретных лиц, но не тех, кто предоставил информацию.

Самый распространенный механизм такого рода – предоставление пользователями определенной информации о других лицах. Например, *Google* собирает и использует персональные данные, сканируя тексты сообщений, пересылаемых через *Gmail*. Любые последствия этого на отдельных пользователей *Gmail* интернализируются, т. е. относятся на счет взаимодействующих сторон. Пользователи платят за услуги электронной почты не деньгами, а данными (у них есть выбор). Но что по поводу тех, кто не использует *Gmail*, но посылает письма владельцу аккаунта *Gmail*? Содержание их писем также просматривается и используется «Гуглом» в соответствии с соглашением для пользователей *Gmail*. Все неудобства, испытываемые этими пользователями, – возможно, именно те неудобства, которые заставили их отказаться от бесплатного аккаунта *Gmail*, – это внешний эффект транзакции с *Gmail*. Если бы эти лица могли заключить договор с пользователями *Gmail* (и другими пользователями электронной почты, которые используют сервисы, размещенные на платформе *Google*) и «выставить счет» за испытываемые неудобства, то этот внешний эффект был бы интернализован. Но заключение такого «контракта Коуза» невозможно из-за множества транзакционных издержек.

Другой пример обмена данными, при котором затрагиваются третьи стороны, – это информация о ДНК, которую люди предоставляют сервисам по генетической проверке, например, *23andMe* или *ancestry.com*. Информация, хранящаяся в их базах данных,

содержит множество важных фактов о третьих лицах из круга биологических родственников пользователей, которые никогда не давали согласия на участие в таких исследованиях. Возможно, эта информация может спасти жизнь этих родственников. Она может также оказаться социально полезной для раскрытия преступлений или воссоединения семей¹². Однако она может вызвать и негативные последствия, особенно в случаях, когда требуется генетическая анонимность [50].

Наконец, рассмотрим социальную сеть, которая имеет законный доступ к данным своих пользователей, включая ценную информацию об их «друзьях» (в том числе тех, кто пытается ограничить свою публичность)¹³. Помимо полного выхода из социальных сетей, эти лица практически ничего не могут сделать. Все их усилия оставаться анонимными будут сведены на нет, если данные собираются через порталы других людей. Другими словами, все меры предосторожности должны приниматься совместно; если некоторые члены социальных сетей не выполняют их, они уничтожают все усилия других.

Оказывает ли информационное загрязнение негативные эффекты на всю экосистему или только на определенный круг третьих сторон, будет зависеть от структуры регулятивного отклика. Такие инструменты публичного законодательства, как количественные ограничения или налоги, могут быть эффективными для обеих категорий внешних эффектов, что будет обсуждаться в разд. 4. Напротив, решения, предлагаемые частным законодательством, не позволяют исключить ущерб для общественного блага. Возможно, некоторые частные инструменты могли бы помочь, когда внешний эффект затрагивает конкретные и определяемые третьи стороны. Но эти инструменты оказываются неэффективными, если операторы баз данных ограждены от ответственности.

¹² См., например, [48] (примеры раскрытых преступлений), [49] (пример воссоединения семьи).

¹³ Зачастую сторонние приложения позволяют пользователям регистрироваться через их аккаунт в *Facebook*. До 2015 г. при использовании логина *Facebook* пользователь, часто не догадываясь об этом, передавал разработчику приложения всю информацию со своего профиля в *Facebook*, например, свои имя, месторасположение, адрес электронной почты, список друзей. В 2015 г. *Facebook* приостановил эту практику, однако не потребовал от третьих сторон удалить ранее собранные данные. См. [51, 52].

2.3. Внешние эффекты мер предосторожности и страхования

Общественное влияние ущерба включает в себя затраты на меры предосторожности. Некоторые из внешних эффектов в сфере информации оказываются преодолимыми, но ценой неких издержек. Эти издержки также имеют аспект общественного блага. Нет ничего удивительного в том, что сокращение загрязнения является общественным благом. Жертвы загрязнения часто входят в широкий круг лиц, подверженных одному и тому же виду ущерба, который, в свою очередь, зависит от вклада каждого члена этого круга. В контексте охраны окружающей среды лица, применяющие частные меры против выбросов, не могут достичь оптимальных уровней защиты, поэтому положительный эффект от их усилий оказывается дискредитированным. Вспомним, что одна из задач политики в области климата – заставить борцов-одиночек действовать в соответствии с официальными усилиями [53. Р. 376].

Проблема общественного блага может возникнуть даже тогда, когда превентивные меры приносят только частную, но не внешнюю выгоду – через внешний эффект страхования. Если потребители защищены от ущерба страховкой, они могут меньше беспокоиться о нем (типичная проблема морального ущерба)¹⁴. Эта проблема стимулирования становится внешним эффектом, когда издержки на покрытие возникшего ущерба распределяются между всеми членами страхового пула. В контексте охраны окружающей среды кумулятивный рост заболеваемости в результате выбросов загрязняющих веществ распределяется на весь пул граждан, имеющих медицинскую страховку.

В контексте информационного загрязнения также присутствуют внешние эффекты как от мер предосторожности, так и от страхования, причем последние в особенно острой форме. Если возникает взлом системы безопасности и огромные объемы важных персональных данных оказываются доступными, люди могут серьезно пострадать от кражи личности, финансового мошенничества, а также от издержек,

связанных с восстановлением безопасности данных. Однако в основном они застрахованы от этих частных ущербов от мошенничества через различные предусмотренные законодательством программы страхования, а остаточные потери покрываются стандартными страховками для домовладельцев¹⁵. Экономические издержки от утечки данных значительны¹⁶, но только малую их долю несут потребители, чьи данные подверглись краже.

Отдельно следует отметить, что компании, подвергшиеся взлому данных, часто испытывают враждебное отношение, от них требуют «покачать» взломщиков. Кроме того, от них требуют возместить ущерб, при этом не учитывая внешние эффекты от таких действий, а именно поощрение хакеров на повторение взломов. Действительно, ФБР рекомендует не идти на возмещение цифрового ущерба, однако компании продолжают частным образом оплачивать киберстраховки, покрывающие подобные выплаты¹⁷.

Потребители косвенно платят за защиту. Например, они покупают страховку против мошенничества с кредитными картами или платят более высокие цены за обслуживание кредитных карт и продуктов, которые выступают как скрытые страховые премии на покрытие утечек данных. Важнее всего то, что издержки отдельного потребителя не зависят от его личных мер предосторожности. Предусмотрительный потребитель может подписаться на услугу, предоставляющую лучшую защиту от утечки данных, но эта дополнительная и зачастую недешевая мера предосторожности не снижает скрытых платежей за страховку, которые он платит. Стимулы для участия в программах, направленных против утечек информации, оказываются неэффективными.

Аспект общественного блага при предотвращении информационного загрязнения очевиден не только в контексте утечки данных. В целом люди, пользующиеся информационно насыщенной средой

¹⁴ Договоры страхования могут смягчить и даже преодолеть проблему морального вреда путем создания соответствующих стимулов. См. в целом [54]. Ниже будет показано, как определенные формы страхования могут заменить государственное регулирование в вопросе информационного загрязнения.

¹⁵ Стандартная политика страхования домовладельцев предусматривает несанкционированное использование кредитных карт или денежных переводов, включая подделку. См. [55]. Страхование от кражи личности представляет собой дополнительный инструмент в рамках прав домовладельцев; см., например, [56].

¹⁶ См. [57]; см. также [58] («по осторожным оценкам, ущерб может составить 375 млрд долларов, по максимальным – до 575 млрд долларов»), [59].

¹⁷ См. [60].

компьютерных сетей, имеют некоторую степень настороженности относительно влияния потенциального раскрытия своей частной информации [31]. Но какие бы меры защиты они ни предпринимали, все перекрывается (верным) пониманием того, что информация тем или иным путем все равно станет общедоступной через действия других лиц. Если персональные данные все равно будут собираться из других источников – от друзей, провайдеров услуг, из предсказательной аналитики, – то частные лица не будут вкладываться в защиту информации.

Таким образом, в данном разделе мы попытаемся аргументированно показать, что существенная доля информационного ущерба является общественной, причем не только в производном, вторичном аспекте, как описано в литературе по частному праву, а именно что глубоко личные виды ущерба оказывают деморализующее и разлагающее воздействие на гражданскую деятельность отдельных людей, тем самым истощая общественные сферы и институты¹⁸. Напротив, мы покажем, что ущерб наносится непосредственно общественным экосистемам и зачастую не имеет никакого отношения к воздействию на тех конкретных лиц, чья информация при этом используется. Цифровая экономика производит цифровой смог, вопрос в том, что с этим делать.

3. НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ ЧАСТНОГО ПРАВА

В разд. 2 была поставлена проблема информационного загрязнения, и в разд. 3 и 4 мы попытаемся ее решить. В начале разд. 3 мы показываем, чего делать НЕ следует – какие юридические подходы неэффективны в борьбе с информационным загрязнением. Это необходимый первый шаг, поскольку выясняется, что огромная доля существующих нормативных инструментов неэффективна. А именно мы покажем, что частное право не позволяет оптимально контролировать информационное загрязнение, как и те законодательные акты, которые призваны заставить людей осторожнее делиться своими персональными данными. Это обсуждение закономерно приводит к ряду более эффективных решений, описанных в разд. 4.

¹⁸ См. выше сноску 1.

Неэффективность частного права в борьбе с информационным загрязнением представляет собой интересный феномен, поскольку права в отношении персональных данных всесторонне определены во множестве законодательных актов и являются предметом тщательно разработанного частного договорного права. Возникновению и реализации частных прав в области данных посвящена целая отдельная область права – законодательство о неприкосновенности данных. А самый распространенный тип потребительских контрактов – «политика конфиденциальности» на веб-сайтах и в приложениях, управляющая транзакциями с частными правами в области информации [61. Рр. 25–30]. Если базовые права настолько четки, а договорные отношения в этой сфере настолько широко распространены, почему же частное право оказывается неэффективным? Причины этого поясняются ниже, и они в точности соответствуют неэффективности частного права при регулировании промышленных загрязнений.

3.1. Неэффективность контрактации

Люди заботятся об экосистеме своих данных [32]. Обычно, если потребителей заботит какое-либо свойство продукта, компании конкурируют в стремлении предложить это свойство. Тогда перед нами загадка: почему информационное загрязнение не становится предметом преференциальных контрактов? Почему никто не торгуется за предотвращение выбросов данных?

Это тем более удивительно, что законодательство о неприкосновенности данных во многом ориентировано на поощрение договорных отношений между сторонами. Множество положений устанавливает возможность для компаний собирать и использовать персональные данные только в результате разрешения после заключения договора¹⁹. Ключевым положени-

¹⁹ См., например, Electronic Communications Privacy Act, 18 U.S.C. §§ 2510–2522 (2018); Health Coverage Availability and Affordability Act of 1996, Pub. L. No. 104–191, 110 Stat. 1936; 45 C.F.R. § 164.502 (2018); Personal Information Protection Act, 815 Ill. Comp. Stat. 530/1 (2006); California Financial Information Privacy Act, Cal. Fin. Code. §§ 4050–4060 (законодательство запрещает финансовым институтам без согласия клиента распространять или продавать непубличную информацию, для которой можно идентифицировать личность владельца); California Online Privacy Protection Act, BPC § 2275.

ем Общего регламента ЕС по защите персональных данных (*Europe's General Data Protection Regulation, GDPR*) является требование к организациям, собирающим данные, предоставлять потребителям больше контроля над их персональными данными и дать им возможность ограничить и персонализировать их сбор.

Действительно, многие компании предлагают своим клиентам различные варианты контроля над данными. Например, некоторые предлагают «премиальное» обслуживание, за которое клиенты платят деньгами, а не данными [62]. У других имеются «пульты управления приватностью», где объясняется, какие данные собираются и с какими целями, а также предоставляется возможность отключить некоторые позиции²⁰. Каждый веб-сайт, приложение и магазин имеют «политику обработки данных», объясняющую клиентам, какие данные собираются и как используются. Рыночная среда бурлит от заключения контрактов на обработку данных и наличия бесконечных возможностей для защиты персональной информации. Почему же в таком случае так распространено информационное загрязнение? По той же причине, по которой граждане не заключают достаточно контрактов по поводу промышленных загрязнений. Неспособность рыночной экономики производить контракты на общественно оптимальные уровни загрязнения объясняется тремя основными недостатками рынка: это внешние эффекты, дезинформация, ограниченная рациональность. Каждый из этих факторов в достаточной степени обсуждался в прошлом при объяснении неэффективности контрактации в сфере промышленных загрязнений (и в сфере общественного блага в целом), поэтому сосредоточимся на приложении этих факторов к контексту информационного загрязнения.

3.1.1. Внешние эффекты

Загрязнение наносит вред лицам, которые не являются сторонами транзакции. Например, при производстве мяса возникают токсичные отходы, но это никак не отражается на покупательских решениях, пока негативные внешние эффекты не станут ощущаться

производителями и потребителями мяса и влиять на цену [64. Ch. 4; 65]. Даже при возникновении отдельных всплесков озабоченности, когда токсичность для окружающей среды слишком явно ассоциируется с конкретным продуктом и покупатели отказываются от него, реакция редко достигает такой силы, чтобы сравниться с величиной ущерба.

В разд. 2 мы показали, что выбросы информации подобны выбросам загрязняющих веществ – издержки часто являются внешними. Эти внешние эффекты относятся к фундаментальным недостаткам рынка, которые показывают, почему частные контракты не решают проблему информационного загрязнения. Действительно, люди постоянно заключают контракты в области информации, но с полным безразличием к проблеме информационного загрязнения. У них есть возможность предоставлять меньше данных – платить деньгами, а не личной информацией, – но они редко используют эту возможность, а также редко проявляют интерес к мерам по сокращению информационного загрязнения. Стандартные юридические нормы, запрещающие компаниям собирать персональные данные, методически оспариваются и отменяются – потому что потребители не склонны беспокоиться о потенциальной угрозе для своей частной жизни и не имеют никаких стимулов противодействовать общественному вреду.

В самом деле, исключения лишь подтверждают правило; в тех особых случаях, когда вред от утечки данных не является внешним, когда угроза частной жизни становится явной и острой, потребители проявляют больше склонности к заключению контрактов, направленных на сокращение информационного загрязнения. Как потребители не желают приобретать керосиновые обогреватели для домашнего применения, потому что они испускают загрязняющие вещества (ведь вред будет в первую очередь частным), так же они тщательно следят за наиболее чувствительными персональными данными и требуют для них большей защиты. Когда персональные данные собираются определенными «неудобными» сайтами – например, история поисков на сайтах для взрослых, – процесс регулируется более строгими стандартами в сфере защиты информации [66. Р. 13]. Аналогично сервисы облачного хранения, которые предлагают удаленное хранение любых данных, применяют более жесткие меры безопасности (Там

²⁰ Например, *Google's Privacy Checkup* [63] позволяет пользователям управлять настройками своих данных и ограничивать отслеживание данных через Google.

же. Рр. 30–35). Таким образом, когда ущерб является полностью частным, контракты составляются так, чтобы обеспечить более эффективную защиту данных (и снизить информационное загрязнение).

3.1.2. Информация

Даже если ущерб является внутренним, контракты для оптимизации загрязняющих выбросов могут оказаться неэффективными из-за дезинформации²¹. Эта проблема, несомненно, гораздо шире, чем выбросы загрязняющих веществ. Вред от продуктов или их плохое функционирование различного рода может обнаружиться только после употребления. Два широко известных примера – употребление трансжиров и массовое использование грудных имплантатов. Поскольку многие опасные последствия (или гарантированные преимущества) от применения продуктов проявляются не сразу, их истинные причины оказываются неопределенными, что ведет к неэффективности контрактации.

Безопасность данных есть благо на доверии. Потребители не могут знать, насколько широко распространяются данные и насколько надежны меры защиты, пока не настанет кризис безопасности. Также они обычно не знают, какие именно данные собираются и кем [67. Рр. 1501–1502]. Если происходит утечка персональных данных, потребители часто не понимают, опасно ли это, и действительно, многие утечки не наносят вреда. Оценивая опыт своего взаимодействия с компанией, клиенты редко или вовсе никогда не рассматривают практику компании по обращению с данными, поэтому другие лица не могут основывать свои решения на этих факторах. Даже если потребители на своем опыте понимают вред, связанный с информацией, то обычно это частный вред. Люди по большей части не догадываются об общественном ущербе в этой области.

Во многих секторах рынка потребители пытаются компенсировать недостаток информации путем обращения к посредникам. Те, кого волнует загрязнение окружающей среды, запрашивают сертификаты и рейтинговые показатели вроде *ISO*, а те, кто заботится

об утечке данных, могут получить подобную консультацию компании *TRUSTe*²². Однако такие сервисы предоставляют лишь часть информации. Они могут сообщить, какие данные собираются и охраняются, но они не указывают на возможные внешние риски. Кроме того, при формировании рейтингов они используют множество факторов, и потребители обычно не знают, каким весом обладает каждый из факторов. Например, иногда при оценке мер защиты приватности больший вес придается *обещаниям* компаний, собирающих данные, а не их реальным *действиям*²³. Гораздо проще прочитать и оценить декларации о защите персональных данных, публикуемые компаниями, чем отслеживать реально применяемые меры защиты и реальные практики передачи данных²⁴. Не зная, как в действительности определяется рейтинг, люди получают ложное чувство безопасности. Другими словами, рейтинговые сервисы также являются благом на доверии.

Наконец, если потребители плохо информированы относительно общего уровня риска какого-либо продукта, то гораздо менее вероятно, что конкуренция заставит компании заключать контракты, направленные на снижение этого риска. Выгоднее инвестировать в те очевидные качества продукта, которые создают конкурентные преимущества, чем тратить деньги на улучшение скрытых свойств. Кроме того, компании обычно не конкурируют в области тех рисков, которые потребители недооценивают, даже если снижение этих рисков эффективно. Например, компания, предлагающая высококачественную защиту против утечки данных, не будет рекламировать это преимущество,

²² Компания *TRUSTe* занимается оценкой и сертификацией рисков в сфере частной жизни. См. URL: <https://www.trustarc.com/prod-ucts/enterprise-privacy-certification/>

²³ Например, один из самых объективных сервисов такого рода – *PrivacyGrade.org*, разработанный университетом *Carnegie Mellon*. Он измеряет «разницу между ожиданиями людей по поводу работы приложения и его реальной работой» [68]. При этом высокие баллы по этому показателю получают приложения, в наибольшей степени загрязняющие информационную среду. Например, *Facebook* и *Strava* получили высшие баллы – возможно, причина в том, что у пользователей настолько низкие ожидания относительно охраны частной жизни в приложениях *Facebook* и *Strava*?

²⁴ Многие рейтинговые сервисы не проводят аудит веб-сайтов относительно выполнения заявленных обещаний или стандартов [10. Р. 65].

чтобы не насторожить потребителей относительно рисков, о которых они раньше не беспокоились. Эта настороженность может и вовсе отвлечь потребителей от всего класса продукции. При этом компания с низким риском утечки данных может получить преимущество от возрастания своей доли рынка, превышающее потери от сокращения размера рынка.

3.1.3. Ограниченная рациональность

Еще одна причина неэффективности контрактов в сфере загрязнений – это неверные суждения. Ущерб от загрязнения окружающей среды – это классический случай неопределенного исхода со множеством когнитивных искажений. При оценке этого ущерба люди бывают чрезмерно оптимистичными или пессимистичными; они слишком бурно реагируют на отдельные события и затем забывают о них; они недооценивают отдаленные выгоды, но делают это непоследовательно; они становятся жертвами манипулирования; они иррационально стремятся сохранить статус-кво; они не любят узнавать или делать что-то новое и т. д. [69. Р. 1597]. Достаточно сложно сделать правильный выбор, который действительно соответствует личным целям; часто для этого требуется тщательная оценка по многим параметрам. И эта задача становится непосильной, если другой стороной транзакции является умудренная организация, которая знает обо всех когнитивных искажениях и сознательно умножает их, чтобы извлечь выгоду из неверных представлений отдельного человека.

Подобные уровни неопределенности возникают и в случае принятия решений относительно персональных данных, и такие решения также принимаются под влиянием ограниченной рациональности. Четко определить цифровые риски еще сложнее, чем токсичность химических соединений [10. Р. 62]. Они не вызывают цифровых болезней или смертей; риски от утечки данных многочисленны, разноплановы и могут вызвать бесконечное число поведенческих отклонений [19. Р. 509; 70]. Зачастую проявления вреда в этой сфере малозаметны и их легко недооценить; в иных случаях они бросаются в глаза и их можно переоценить. Даже если бы компании писали свою документацию о работе с персональными данными простым и понятным языком (что случается редко, а если случается, то текст обычно скатывается на уровень детей школьного возраста [71. Р. 471], и тогда

аспекты этой работы оставались бы сложными, запутанными, а также постоянно меняющимися. Как ни парадоксально, исследователи отмечают, что само наличие «предупреждения о защите приватности» на веб-сайте успокаивает тревогу клиента и повышает его доверие к сайту [71. Рр. 331–338]. И это несмотря на то, что такие предупреждения не несут какой-либо новой информации для клиентов и практически всегда устанавливают меры защиты ниже уровня стандартных правил, которые действовали бы по умолчанию при отсутствии такого предупреждения.

Потребители часто полностью игнорируют проблему защиты информации из-за трудности принятия рациональных, информированных решений. Является ли такое массовое безразличие иррациональным? Или, напротив, оно рационально, учитывая непомерную сложность таких решений? Даже если бы люди хотели заключать продуманные контракты в сфере данных, уделять пристальное внимание управлению личной информацией, они не смогли бы этого делать по причине, которую автор вместе с Карлом Шнайдером (Carl Schneider) в другой работе назвали «проблемой количества»: каждое посещение сайта, каждое использование приложения, даже каждая физическая сделка ставят перед потребителем свой огромный объем проблем, связанных с информацией²⁵. Проблемы нагрузки при каждой отдельной транзакции и их накопление при множественных транзакциях остаются неразрешимыми в рамках частной контрактации. И эти проблемы экспоненциально возрастают от того, что такое же внимание приходится уделять другим повседневным ситуациям заключения контракта, иногда гораздо более насущным. В современном мире, где техническая информация нарастает слой за слоем, кто может утверждать, что незнание и невнимание иррациональны?

Таким образом, контрактация неэффективна, и пути решения этой неэффективности не могут лежать в сфере контрактного права. Можно было бы предложить скорректировать неэффективность контракта «выбором архитектуры» – т. е. предположить, что поведенческая экономика может быть не

²⁵ См. [73]. По оценкам, средний гражданин ежегодно сталкивается с таким количеством документов о раскрытии информации, что для их прочтения понадобилось бы 76 дней, а денежные потери составили бы 781 млрд долларов. См. также [74].

проблемой, а решением. Однако такие половинчатые решения сталкиваются с серьезным противником, а именно компаниями, которые получают выгоду от доверчивости людей в вопросах передачи данных. В конечном счете передача происходит на платформах, созданных теми, кто получает выгоду от владения информацией и в чьих интересах противодействовать любым законным требованиям, направленным против ее распространения. Стандартные нормы, направленные против таких компаний, оказались во многом неэффективными потому, что их очень легко отклонить, и многие компании хотели бы сделать это руками своих клиентов [75–77].

Нормы защиты данных были бы эффективными, если бы были обязательными, но это означает (парадоксальным образом), что единственный способ для контрактного права преодолеть неэффективность контракта – это полностью вывести этот аспект за рамки допустимой контрактации. В разд. 4 мы рассмотрим возможности создания таких обязательных норм. Чтобы частное право могло по-прежнему влиять на сферу обязательных норм защиты данных, жертвам необходимо дать полномочия по правоприменению. Поэтому далее мы рассмотрим, почему частное правоприменение неэффективно в сфере неотторжимых прав на нераспространение информации.

3.2. Неэффективность деликтного права

В разд. 3.1 было показано, почему контракты и рынки не способны обеспечить оптимальные уровни контроля над информационным загрязнением. Однако частное право может преодолеть неэффективность рынка с помощью иных инструментов. Он может перевести некоторые выбросы в категорию случаев, дающих основание для судебного иска, и предоставить частному правоприменению свободу действия. Информационное загрязнение может стать незаконным и в ряде случаев уже является таковым – например, когда компании собирают персональные данные без согласия их владельцев, используют данные недопустимым образом, допускают халатность при их хранении или участвуют в мошенничестве. Все это нарушает права граждан в отношении их личных данных и находится в сфере влияния деликтного права.

Однако деликтное право не способно справиться с этими правонарушениями, и причина этого та же, что и в случае его традиционной неспособности

справиться с нарушениями в области охраны окружающей среды. Теоретически в случае промышленных загрязнений можно применять законодательство о причинении собственнику недвижимости помех и неудобств в пользовании ею [*nuisance law*]. Однако широко известно, что это законодательство оказалось неэффективным [26. Р. 149]. Деликтное право оказалось неэффективным для предотвращения и компенсации ущерба от промышленных загрязнений по трем основным причинам: причинная обусловленность, оценивание, общественные внешние эффекты. Мы утверждаем, что те же причины являются ключевыми факторами неэффективности деликтного права для контроля информационного загрязнения.

3.2.1. Причинная обусловленность

Деликтное право эффективно в тех случаях, когда можно непосредственно и явно увидеть ущерб. Ущерб от загрязнения не является непосредственным: актуальной проблемой в делах о защите окружающей среды являются «отсроченные последствия» – скрытый ущерб, который трудно увязать с конкретными нарушениями [78. Р. 919; 79. Рр. 293–294; 80. Р. 131]. Нельзя назвать его и явным: можно доказать, что на территории загрязнения появились новые *риски*, но трудно доказать, что был нанесен реальный *вред* [20. Р. 429].

Случаи утечки данных часто связаны с подобной проблемой неопределенности причинно-следственных связей. Рассмотрим нарушение безопасности, при котором финансовая информация о миллионах потребителей оказывается украденной с веб-сайта из-за халатности компании²⁶. Несомненно, как только эта информация попадет в руки «воров идентичности», будет установлен частный ущерб конкретных лиц. Однако кто именно из этих миллионов людей станет реальной жертвой? Суды, да и сами жертвы могут никогда не получить необходимой информации об этом. Как правило, судебные дела начинаются сразу

²⁶ Информационные выбросы отличаются от выбросов загрязняющих веществ тем, что основной причиной первых является намеренный взлом. Таким образом, ответственность компаний за утечку данных отходит на второй план. Тем не менее сбор и хранение чувствительных данных без адекватной защиты от хакеров может расцениваться как халатность, аналогично тому, как расценивают непреднамеренные предотвратимые утечки загрязняющих веществ.

после утечки данных и до момента определения реальных жертв (и действительно, в таких делах зачастую – и обычно безуспешно – требуют компенсации за возросший *риск*)²⁷. Злоупотребление информацией может произойти спустя годы, а к тому времени будет сложно связать ущерб с конкретной утечкой данных. Нельзя будет выделить какой-либо один источник информации, который «с большей вероятностью» вызвал ущерб; многие утечки уже забудутся.

Любые попытки применить положения законодательства о халатности разобьются об отсроченное проявление вреда и неопределенность причинно-следственных связей. Те же причины блокируют и более амбициозные предложения по распространению действия деликтного права на сферу информационного загрязнения. Например, иногда утверждают, что установление более строгой ответственности за халатность заставит компании более тщательно следить за утечками данных. Если жертвам не придется собирать доказательства халатности компании, то им будет проще получить компенсации по гражданским правонарушениям, что, в свою очередь, «заставит операторов баз данных полностью интернализировать издержки от своей деятельности» [82. Рр. 241, 266]. К сожалению, введение строгой ответственности по гражданским правонарушениям не отменяет доказательства причинно-следственных связей. Если не удастся установить причинно-следственную связь между конкретной утечкой данных и конкретными жертвами, то не будет и желаемых превентивных и регулирующих эффектов от введения строгой ответственности. В деликтном праве наступлению ответственности препятствует неадекватное доказательство ущерба, а не халатности.

В принципе, в рамках деликтного права можно добиваться компенсации жертвам за подвержение риску ущерба, а не за сам ущерб – если будет доказана общая вредоносность от утечки информации. Таким образом, речь будет идти о компенсации рисков от информационного загрязнения, а не реально возникшего вреда. Однако зачастую в судебном процессе оказывается невозможно представить информацию такого рода, поскольку причиняемый вред является

скрытым [83. Р. xi; 84. Р. 601; 85. Р. 1452]. Если бы такую информацию было несложно представить (а в контексте нарушения безопасности данных это, вероятно, можно осуществить, поскольку лица, чьи данные украдены, подвергаются известному риску кражи идентичности). Тогда можно было бы воспользоваться статистическими данными для оценки совокупного ущерба всех пострадавших и присудить пропорциональные доли компенсации каждому. Будучи основанной на надежной статистической информации, такая схема могла бы стать оптимальной превентивной мерой [86. Рр. 115–118]. Например, по оценкам Департамента юстиции, в среднем ущерб от кражи идентичности составляет 1500 долларов на человека [87]. Чтобы вынести решение по деликтному делу о нарушении безопасности веб-сайта, суду понадобится экспертное заключение для оценки прироста вероятности кражи идентичности среднего члена всего пула пострадавших. Имея такую оценку, можно назначить компенсацию для всех пострадавших.

Однако такие иски о компенсации рисков, вероятно, не будут успешными в контексте информационного загрязнения по тем же причинам, что и в случае промышленного загрязнения²⁸. Такие иски уже подавались и безуспешно²⁹. Суды чрезвычайно редко выносят решения в рамках деликтного права о компенсации ожидаемого вреда³⁰, чаще это встречается

²⁸ Дальнейшее объяснение см. [88. Рр. 491–493] («Суды обеспокоены практикой вероятностного определения причинно-следственных связей в вопросах, касающихся ущерба от опасных веществ... Суды опираются на механистические определения причинно-следственных связей, а вероятностные определения могут вводить их в заблуждение»). Однако см. *Norfolk & Western Railway Company v. Ayres*, 538 U.S. 135 (2003).

²⁹ Этот аспект является ключевым для определения исковой правоспособности в федеральном суде, однако решения судов по вопросу актуального и будущего вреда в делах об утечках информации были непоследовательными. Истцы утверждают, что утечка данных «создает риск ущерба в будущем, например, кражи идентичности, мошенничества, репутационного вреда» и что они ощущают обеспокоенность по поводу таких рисков [89]. Анализ судебных решений по поводу возрастания риска будущего вреда см. [90. Р. 226].

³⁰ Некоторые суды отказываются принимать какие-либо статистические данные в деликтных исках. См. [78. Р. 857]. См., например, *Smith v. Rapid Transit, Inc.*, 58 N.E.2d 754 (Mass. 1945) (вынесено решение, что статистические данные сами по себе не являются доказательством вины автобусной компании). См. также [91. Р. 374].

²⁷ См., например, *Indep.Cmt. Bankers of Am. V. Equifax, Inc.* 1:17-cv-04756-MHC (N.D. Ga. Feb 20, 2019). См. также [81].

в публичном праве (например, штрафы за превышение скорости). Для частных истцов упреждающие обеспечительные меры имеют небольшое значение, они чаще используются такими структурами, как Федеральная торговая комиссия (FTC) или генеральные прокуроры штатов. Поэтому главной целью разд. 4 будет разработка схемы обеспечительных мер для компенсации возросших рисков в случае утечки данных; таким образом, мы предлагаем решать проблему информационного загрязнения на основе публичного права.

3.2.2. Оценивание

Вторая проблема, возникающая при определении деликтной ответственности за загрязнения, – это проблема оценивания. Даже когда влияние загрязняющего выброса доказано, оценить его можно лишь количественно, а не в денежном выражении. В области экологических загрязнений проблема оценивания привела к тому, что в деликтном праве появились произвольные исключения, основанные на доказательствах правомерности оплаты убытка³¹. Явные физические проявления вреда позволяют получить компенсацию за некоторые виды убытков, потому что их можно оценить. Кроме того, проблемы оценивания можно преодолеть, если решения направлены на восстановление, а не на компенсацию [93. Р. 1901]. И даже если некоторые убытки от загрязнения можно подсчитать (например, убытки рыбаков из-за разлива нефти), другие крупные потери возникают из-за вреда всей окружающей экосистеме и подсчитать их труднее.

В контексте информационного загрязнения проблема измерения ущерба еще сложнее. Люди заявляют, что безопасность данных важна для них, но часто действуют вразрез с этими заявлениями – это парадокс приватности³². Должно ли деликтное право компенсировать им ущерб на основе их заявлений или их поступков? Эта проблема с частным оцениванием возникает из-за глубокой неопределенности относительно частных последствий утечки персональных

данных – кто и как воспользуется такой утечкой, каковы будут последствия незаконного использования данных. Даже если ущерб удастся проследить (как в случае кражи идентичности в результате конкретного эпизода утечки), восприятие финансового ущерба может кардинально отличаться от реальности.

Дела об утечках данных регулярно сталкиваются с проблемой демонстрации доказуемого ущерба. В типичном деле о нарушении безопасности данных истцы указывают на причинение эмоционального вреда, а также на риск частного ущерба в будущем, однако многие суды расценивают такой ущерб как слишком умозрительный, чтобы его компенсировать, и отказывают в иске [94. Рр. 960–962]³³. Даже издержки жертв нарушений безопасности данных на мониторинг их финансовой информации были расценены как недостаточные для рассмотрения дела, поскольку «затраты на рассмотрение спекулятивной цепочки будущих событий, основанной на гипотетических будущих преступных деяниях, являются не в большей степени “реальным” ущербом, чем предполагаемый “возросший риск ущерба”»³⁴.

Трудность оценивания индивидуального ущерба и распределения денежной компенсации между жертвами можно не принимать во внимание, если целью деликтного права является не столько компенсация, сколько предотвращение вреда. Виновника загрязнения можно заставить платить, даже если жертвы не смогли объединиться. Такое разделение ответственности и компенсации можно осуществить, например, с помощью схемы *surpres* [лат. «близко к этому», т. е. настолько близко к желанию учредителя доверительной собственности, насколько это возможно. – Прим. переводчика], когда в рамках группового иска суд назначает не подлежащие распределению доли компенсации третьим сторонам – бенефициарам, представляющим интересы своей группы³⁵. Однако такие методы являются исключением и применяются короткое время. Считается, что они недопустимым образом раздвигают границы конституционных

³¹ Для исключения некоторых видов ущерба суды используют стандартные критерии доказанности. См. [92. Рр. 319–321] (приводится обзор относительно низких значений общих компенсаций, присужденных за ущерб в сфере экологии).

³² См. выше сноску 2.

³³ См., например, *Beck v. McDonald*, 949 F.3d 262 (4th Cir. 2017); *Amburgy v. Express Scripts, Inc.*, 671 F. Supp. 2d 1046 (E.D. Mo 2009).

³⁴ *Reilly v. Ceridian Corporation*, 664 F. 3d 38 (3d Cir. 2011).

³⁵ *Nachshin v. AOL, LLC*, 663 F.3d 1034, 1038 (9th Cir. 2011); [95, 96] (приводятся примеры дел).

полномочий суда в области вынесения решений по частным делам³⁶. Действительно, именно в контексте дела об информационном загрязнении Верховный суд рассматривал законность такой модели частного правоприменения³⁷.

По существу, проблема оценивания возникает из-за внешних, общественных воздействий информационного загрязнения. Вред, наносимый различным общественным благам, который обсуждался в разд. 2, сложно перевести в плоскость денежных компенсаций, присущую частному праву. Остается неясным, кто именно должен заявлять иски, каков конкретный ущерб, и в конечном итоге сложно оценить общий вред.

3.2.3. Общественный вред

Третье значительное препятствие для регулирования информационного загрязнения средствами деликтного права состоит в широте общественного воздействия будущего вреда. Существование общественных внешних эффектов – ключевой фактор нашей позиции о неспособности контрактации оптимально решить проблему информационного загрязнения. В целом внешние эффекты не обязательно приводят к неэффективности деликтного права – напротив, деликтное право является первоочередным социальным инструментом для интернализации негативных внешних эффектов. Однако загрязнение представляет собой особый тип внешних эффектов, слишком широко распространенный, чтобы контролироваться деликтным правом³⁸.

В контексте охраны окружающей среды вред, нанесенный воздуху, общественным землям или водам, не приводит к конкретным реакциям в форме част-

ных компенсаций. На самом деле деликтное право не всегда оказывается неэффективным: доктрины о нарушениях частного и общественного порядка, доктрина общественного доверия, урегулирование по системе *su pres* позволяют в рамках деликтного права добиться возмещения общественного вреда³⁹. Кроме того, ученые предлагают инновационные пути распространения деликтной модели возмещения частного ущерба на общественный вред⁴⁰. Несмотря на это, деликтное право по-прежнему ограничивает частные иски областью частного ущерба [101; 20. Р. 428]. Например, чтобы получить возмещение за нарушение общественного порядка в рамках доктрины общественного доверия, по-прежнему необходимо частное правоприменение [99. Р. 1093]. В контексте охраны окружающей среды деликтоподобное возмещение за ущерб, нанесенный природным ресурсам, потребует огромных сумм на восстановление поврежденных природных ресурсов, но это возможно только для общественных организаций в рамках доктрины общественного доверия [102]. В целом общепризнано, что «законодательство об охране общественного порядка не способно выполнить задачу защиты окружающей среды» [20. Рр. 428–429; 26. Р. 149]⁴¹.

Как и экологические загрязнения, выбросы данных наносят общественный вред. Это негативные внешние эффекты, которые обсуждались в разд. 2, – ущерб от баз данных и аспекты вреда для общественного блага, происходящие от торговли информацией. Вред, нанесенный целостности американских выборов в результате действий с данными *Facebook*, был чисто общественным – он отразился не столько на каком-либо отдельном пользователе, сколько на политической экосистеме. Какое из средств деликтного права могло бы возместить его? Ущерб жертв утечки финансовой

³⁶ Спорность конституционных оснований распределения компенсации по принципу *su pres* была отмечена председателем Верховного суда John Roberts, который заявил о «фундаментальных сомнениях по поводу использования таких средств при рассмотрении групповых исков». *Marek v. Lane*, 134 S. Ct. 8, 9 (2013), cert. denied (No. 13–136).

³⁷ См., например, *Frank v. Gaos*, 139 S. Ct. 1041, No. 15–15858. В этом деле *Google* выступал ответчиком за передачу поисковых данных пользователей третьим сторонам.

³⁸ В индустриальном контексте такие внешние эффекты, как загрязнение, послужили первоочередной причиной, по которой правоприменение законодательства об охране окружающей среды перешло из системы деликтного права в публичное право. См. [97. Р. 379, N. 2; 98. Р. 29].

³⁹ Обсуждение истории и применения доктрин общественного доверия и нарушения общественного порядка по отношению к охране окружающей среды см. [99].

⁴⁰ Например, новая мера ущерба – «общественный ущерб» – может быть отнесена (как часть частного деликтного иска) на не истцов, чтобы компенсировать ущерб жертвам того же правонарушения, которые не являются членами судебного процесса, или чтобы способствовать общественным интересам, пострадавшим от данного правонарушения. См. [100].

⁴¹ Аналогичным образом, доктрина нарушения общественного порядка оказалась неэффективной для охраны окружающей среды в Великобритании в XIX в.

информации выражается главным образом в возрастающем ощущении небезопасности; это также такой тип ущерба, для которого деликтное право не предлагает средств возмещения, и он уже неоднократно отклонялся судами. А ущерб от стереотипов и дискриминации, которые испытывают люди с именами, похожими на имена чернокожих, когда при поиске получают ссылки на информацию, связанную с тюрьмами, – это такой глубоко общественный ущерб, что трудно даже представить, как его можно возместить средствами деликтного права. Как и в случае ущерба для природных ресурсов, схема компенсаций при информационном загрязнении должна основываться на публичном правоприменении.

3.3. Неэффективность обязательного раскрытия информации

Между этими двумя столпами частного права – контрактами и деликтами – располагаются многочисленные нормы публичного права, призванные помочь людям самим защититься от злоупотребления информацией. Множество федеральных законов и законов уровня штатов требуют от компаний, собирающих и обрабатывающих персональные данные, раскрывать детали своих практик клиентам. Такое обязательное раскрытие информации опирается на широко распространенную, но нереалистичную веру в то, что люди смогут дать свое «информированное согласие» на эти практики. Например, Закон о защите конфиденциальности пользователей видеоматериалов (*the Video Privacy Protection Act*) запрещает провайдерам услуг распространять персональные данные клиентов без их письменного согласия (штраф составляет 2 500 долларов за каждое нарушение), в результате чего документы о раскрытии информации скрупулезно включаются во все членские соглашения⁴².

Подобным же образом обязательное раскрытие выступает основным ответом на все нарушения безопасности в сфере информации. Как только происходит утечка, пользователи, которых это касается, получают уведомление в надежде, что они смогут принять меры предосторожности и снизить ущерб. Например, в штате Калифорния требуется производить раскрытие информации «в наиболее целесоо-

бразное время», сообщение должно иметь заголовок «Уведомление о нарушении безопасности в сфере данных» и включать четко озаглавленные разделы, такие как «Что произошло», «Какие данные затронуты», «Какие меры мы предпринимаем» и «Что вы можете сделать», оно должно преподноситься в формате, который бы «привлекал внимание к сути и значению содержащейся информации»⁴³.

Без сомнения, обязательное раскрытие информации является основным регулятивным подходом в американском законодательстве о неприкосновенности данных [103]. Будучи само по себе общественной формой регулирования, обязательное раскрытие информации также широко известно как обязательное условие частной контрактации и частного контроля, а его нарушение часто является деликтом.

Ничто не указывает на то, что обязательное раскрытие информации о порядке обращения с данными как-то влияет на поведение людей в информационной сфере или что их согласие на обработку данных становится более информированным. Фактически имеются достаточные основания считать, что ни одна из этих задач не решена [73. Р. 69; 104]. Требования об уведомлениях оказываются неэффективными потому, что они изначально используют два механизма защиты от утечек данных, которые, как мы показали выше, обречены на неудачу. Требование информированного согласия использует защиту через контракт в надежде помочь людям сохранить наилучшие достигнутые договоренности. А требование уведомления о произошедших утечках использует деликтное право, что дает возможность людям узнать о возникших рисках, принять меры предосторожности и добиваться компенсации. Однако потребители не стремятся заключать наилучшие контракты. И какими бы своевременными ни были уведомления о произошедших утечках, в распоряжении потребителей очень мало или совсем нет мер предосторожности, которые они могли бы принять после получения уведомления, а деликтные иски о возмещении ущерба, как правило, безуспешны.

Нет ничего удивительного в неэффективности раскрытия информации при утечках данных. В случаях экологических загрязнений этот метод также не

⁴² 18 U.S.C. § 2710.

⁴³ Cal. Civ. Code § 1798.29, 1798.82; см. также, Cal. SB-46, Ch. 396.

внушает больших надежд. Например, законопроект 65 штата Калифорния устанавливает требование предупреждать о канцерогенах; его широко критикуют за многочисленные недостатки и сомнительные преимущества [105; 106. Р. 1248]. Публичное раскрытие информации при выбросах токсичных веществ может заставить власти принять меры после случившегося, но думать, что эти уведомления способны снизить выбросы или помочь получить компенсацию по суду, было бы, как выражаются некоторые авторы, «преувеличением» [107, 108].

Согласно широко распространенному, но наивно-му представлению, если бы раскрытие информации было упрощено или более четко направлено, оно могло бы помочь людям делать более правильный выбор. Если документ о раскрытии информации слишком длинный – сократите его. Если он написан слишком техническим языком – сделайте его понятным для потребителя. Если его трудно читать – улучшите форматирование. Поэтому регулятивные усилия в области защиты информации во многом фокусируются на поощрении «лучших практик» презентации раскрытия данных⁴⁴. Однако результаты вызывают разочарование. Если необходимо принять трудное решение, то упрощение формата никак не может значимо повлиять на то, насколько хорошо люди поймут все последствия такого решения. Кроме того, если вредоносный эффект наступает в результате коллективных действий всех участников процесса, а затем влияет на всю экосистему, то зачем вообще трудиться читать даже самый простой документ о раскрытии информации?

4. ОБЩЕСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ

Модель загрязнения, если применить ее к ущербу от выбросов данных, является мощным инструментом, который мы использовали в разд. 3, чтобы объяснить, почему частное право не подходит для решения проблемы, обозначенной в разд. 2, а именно внешнего вреда, причиняемого данными. Будет ли модель загрязнения настолько же полезной для определения путей решения в рамках публичного права? Можно ли позаимствовать модель регулирования охраны окружающей среды для конструирования законодательства

в сфере информационного загрязнения? Изучим эти вопросы в следующем разделе.

По первому размышлению может показаться, что основные методы, используемые для регулирования загрязнения в экологическом законодательстве, плохо применимы к экологии данных. Между физическим и цифровым загрязнением существует принципиальная разница. Во-первых, физическое загрязнение часто поддается очистке, а цифровое, вероятно, нет. Поэтому бессмысленно создавать «суперфонды» для ликвидации последствий утечки данных⁴⁵. Во-вторых, последствия экологического загрязнения всегда негативны (даже если оно произошло в результате положительной деятельности), тогда как выбросы данных могут быть и благотворными – информация создает также огромные положительные внешние эффекты. Экологическое законодательство запрещает использование веществ, обладающих чрезмерной токсичностью для человека; это невозможно по отношению к информации. В-третьих, влияние на экологию может быть измерено научными методами для проведения анализа затрат и выгод; в сфере же информации внешние эффекты часто являются качественными и гипотетическими. Как измерить ущерб от нарушения президентских выборов или от дискриминационных расистских предложений при поиске в Сети?

Видя эти различия, можно подумать, что принципы законодательного реагирования в сфере экологии невозможно перенести в сферу информации – например, просто создав аналог агентства по охране окружающей среды (*Environment protection agency, EPA*) для защиты данных (*Data protection agency, DPA*) с предоставлением ему тех же полномочий по борьбе с информационным загрязнением. Однако, несмотря на значительные различия, в экологическом праве существуют способы создания общественных практик для борьбы с общественным ущербом, которые мы и опишем в данном разделе. Фактически инструменты экологического права представляют собой конкретные приложения более общих регулирующих принципов,

⁴⁴ См., например, [109–111].

⁴⁵ На самом деле очистка часто неэффективна и в контексте охраны окружающей среды. Практически невозможно ликвидировать загрязняющие вещества, достигшие подземных вод, или загрязнившие большие территории, или повлиявшие на состав воздуха.

применимых к любым внешним эффектам. Сочетая эти абстрактные принципы с конкретным контекстом регулирования промышленных загрязнений, мы получим организующую парадигму публичного регулирования информационного загрязнения⁴⁶.

В определенном смысле то, что будет описано в настоящем разделе, не ново. В области защиты данных уже используются отдельные правоприменительные действия публичного характера; это делают агентства, уполномоченные регулировать некоторые последствия утечек данных. Например, Федеральная торговая комиссия (FTC) давно занимается защитой прав на информацию и недавно выступила с иском против *Facebook*, обвинив компанию в информационном загрязнении в форме фейковой рекламы. Однако деятельность FTC направлена в основном против жульничества и обмана, а такие нарушения обычно не вскрываются, если компании следуют своим заявленным практикам. Аналогичным образом агентства и общественные обвинители иногда расследуют наиболее вопиющие утечки данных, однако их полномочия в основном ограничены узким кругом правонарушений, таких как несвоевременная рассылка уведомлений об утечке данных⁴⁷.

Модель борьбы с загрязнениями средствами публичного правоприменения не нова и по другой причине – она является важным дополнением к частному правоприменению в области защиты приватности. Фактически в Евросоюзе существует развитая область публичного правоприменения частного права⁴⁸. Европейский подход, как будет показано ниже, использует ряд принципов, известных как «принципы честного использования данных» (*Fair Information Practices*) [114. Рр. 1974–1975]. Они включают в себя различные

запреты на сбор, использование, передачу данных, которые реализуются через такие требования, как ограничение по необходимости и назначению, а также через запреты на укрупнение баз данных.

Модели публичного правоприменения используются в информационном праве. Однако они направлены на решение вопросов индивидуальной приватности, помогая людям контролировать их собственные персональные данные. Эти модели не могут решить проблему внешних эффектов от утечки информации. Если мы признаём, что информационное загрязнение является также общественной проблемой, так как нарушает всю экосистему, а не только личную жизнь владельцев информации, то это открывает новые богатые перспективы для существующих решений и позволяет предложить новые варианты.

В настоящем разделе описан арсенал мер публичного права по борьбе с внешними видами ущерба. Эти меры разбиты на три категории, что отражает три основных метода, используемых в экологическом законодательстве. Первый из них – командно-административное регулирование, т. е. установление строгих ограничений на загрязняющую деятельность. Второй – налоги, т. е. решение проблемы внешних эффектов по принципу Пигу. Третий подход – разработка таких мер ответственности за утечку данных, которые обеспечили бы оптимальную профилактику и компенсацию.

4.1. Командно-административное регулирование

Основной метод регулирования экологических загрязнений – это запрет деятельности, вызывающей опасные загрязнения, превышающей установленные законом пределы. Это реализуется в первую очередь путем предписания количественных ограничений, требования получать разрешения или путем обязательного внедрения передовых технологий. Эти формы регулирования *ex ante* являются стандартными командно-административными методами и обычно эффективно выполняют свои ограничительные функции, но часто ценой значительных, иногда непредусмотренных издержек. Их можно применить в борьбе против информационного загрязнения – например, установить ограничения на виды информации, которую компании могут собирать, на цели использования этой информации, на методы ее хранения, передачи

⁴⁶ Как указывалось во введении, в более ранних работах делались предложения об адаптации правовых инструментов экологического законодательства к проблемам приватности информации. Например, Hirsch [21] исследует правовые инструменты, побуждающие стороны снизить вредоносный эффект от их работы с информацией. В настоящей статье блестящий анализ Hirsch'a дополнен рассмотрением ущербов, не относящихся к защите приватности, а также рассмотрением иных правовых инструментов.

⁴⁷ См., например, [112].

⁴⁸ В ЕС были приняты два закона о защите информации: Европейская директива о защите информации (*European Directive on Data Protection*) и Общий регламент по защите данных (*GDPR*).

или опубликования. Эти рычаги регулирования должны быть направлены на идентификацию рисков и снижение вредных эффектов баз данных.

С самого начала следует решить концептуальную проблему. Экологическое законодательство обычно не регулирует факторы производства так же тщательно, как его результаты. Предприятие может использовать любые факторы, пока выполняет требования по выбросам. Например, согласно Национальному стандарту качества окружающего воздуха в рамках Закона о чистом воздухе (*National Ambient Air Quality Standards of the Clean Air Act*), агентство EPA устанавливает, сколько миллионных долей загрязняющего вещества может выбросить предприятие⁴⁹. Можно предположить, что информацию нельзя разделить на входную и выходную – информация на входе та же, что потенциально окажется на выходе. Поэтому придется применять ограничения по объему и виду деятельности к начальному этапу производства информации, т. е. ограничивать данные, которые компаниям разрешено собирать.

Хотя информация не является токсичной в том же смысле, что промышленные вещества, аналогия с опасной окружающей среды продолжает действовать. Даже самые опасные промышленные загрязняющие вещества несут какую-то пользу [113, 115]. Например, асбест служит хорошим теплоизолятором и снижает пожароопасность зданий, а выбросы углекислого газа способствуют повышению производства сельскохозяйственной продукции в таких холодных районах, как Сибирь. При проведении анализа затрат и выгод учитываются положительные внешние эффекты загрязняющих веществ, что отражено в экологическом законодательстве. Внешние эффекты информации также амбивалентны. Даже в случае утечки данных (и при использовании их не с теми целями, с какими их первоначально собирали) они приносят пользу. Например, *Google Trends* – сервис, использующий поисковые данные *Google* для целей, отличающихся от целей сбора и хранения этой информации, – позволяет делать важные выводы о таких общественных явлениях, как распространенность медицинских и социальных проблем [116]. Аналогичным образом базы данных, собираемые сервисами по генетиче-

скому тестированию, могут принести как помощь, так и вред лицам, которые не давали им свои данные. Таким образом, ключевая проблема командно-административного подхода к вопросу информационного загрязнения состоит в том, как заранее определить, какие виды использования данных будут общественно вредны и должны быть ограничены. Может ли закон подняться до выполнения этой сложнейшей задачи?

По мнению ЕС, это возможно. В частности, различные количественные ограничения составляют ключевую часть *GDPR*. Основными принципами являются принципы «минимизации информации» и «ограничение задач». Регламент устанавливает требование «справедливого обращения» с данными исключительно с «конкретными, явными и законными целями»; и даже в таких случаях собранные данные должны быть «адекватными, релевантными и не чрезмерными по отношению к цели или целям, для которых они обрабатываются»⁵⁰. Например, розничные магазины могут собирать персональные данные о покупках, совершаемых их покупателями, чтобы персонализировать предложения и улучшать процесс покупок; также они могут собирать информацию о методах платежа, чтобы ускорить процесс оплаты. Однако, согласно требованию «минимизации информации», им не разрешено собирать информацию о номерах водительских прав покупателей или об их социальных контактах, также они должны удалять данные тех, кто деактивировал свой аккаунт⁵¹. За исключением случаев использования для персонализированного обслуживания все личные данные должны быть анонимизированы или агрегированы.

Количественные ограничения регулируют не только сбор и хранение, но также обработку и различные способы использования данных. В настоящее время одним из основных видов использования баз данных стала их продажа или сдача в аренду третьим сторонам для различных целей. Такая передача данных может быть запрещена или, по крайней мере, ограничена правовыми методами. Примером такого использования, которое могло быть ограничено, явля-

⁴⁹ 42 U.S.C. § 7401; 40 C.F.R. 50.

⁵⁰ *GDPR*, Art. 5.

⁵¹ Пример закона, ограничивающего хранение данных согласно принципу минимизации см. New York's Cybersecurity Requirement for Financial Services Companies, 23 NYCRR 500.13 (2018).

ется передача данных компаниями *Facebook* компании *Cambridge Analytica*. В законодательстве необходимо установить категории обстоятельств, при которых передача данных запрещена. Можно также ввести стандарты локализации данных – ограничения на передачу баз данных для хранения и использования в других странах⁵².

Сложность с принципами «минимизации информации» и «ограничения задач» состоит в том, как определить «справедливые» и «законные» цели и что считать «адекватным, релевантным и не чрезмерным». Достаточно сложной задачей является уже приложение этих принципов к неприкосновенности частной жизни, что и делает *GDPR*; сложность возрастает, когда речь идет о внешних ущербах. В контексте приватности эти ограничения нацелены на восстановление контроля граждан над их персональными данными. В контексте информационного загрязнения эти требования должны быть обоснованы тем, что мы ожидаем наличия совокупных внешних эффектов от работы с базой данных. Это огромная проблема: в результате работы с большими данными обнаруживаются связи, о которых никто ранее не знал и не мог предвидеть. Кто мог предположить, что база данных интернет-запросов позволит предсказывать крупные эпидемии? [117]. Нахождение корреляций данных имеет огромные преимущества, и ограничивать использование баз данных только известными и ожидаемыми целями – значит ставить серьезные барьеры инновационному развитию.

Возможно, решение проблемы в том, чтобы применить количественные ограничения, подобные тем, что предусматривает *GDPR*, только к «чувствительным» данным или целям. Так, законодательство об охране окружающей среды и использовании природных ресурсов устанавливает ограничения в основном относительно обращения с наиболее токсичными веществами и наиболее уязвимыми территориями. Аналогичным образом законодательство об информационном загрязнении может быть направлено на процессы сбора и обработки таких данных, которые при недолжном использовании были бы наиболее токсичными, общественно вредными. Например, большой общественный вред могут нанести такие

модели использования информации, которые подрывают основные конституционные принципы или противоречат законам против дискриминации. Повышенный уровень защиты данных может касаться сбора и обработки такой персональной информации, как расовая и этническая принадлежность, религиозные или политические убеждения, а также различная информация о здоровье и сексуальных предпочтениях⁵³.

Однако такие ограничения на сбор и использование чувствительной информации также являются палкой о двух концах: они защищают определенные группы от потенциальных угроз, но и лишают их потенциальных выгод. Так, большую ценность представляют выводы, основанные на больших данных, о распространении эпидемий среди бедных слоев населения или о влиянии дискриминации на уровень преступности и охраны правопорядка. Причем эта ценность не может быть до конца понята, пока соответствующие выводы не будут сделаны на основе больших данных. Если ограничения на использование данных будут препятствовать созданию нового знания, то может возникнуть непреднамеренный эффект, когда защищаемые группы будут лишены положительных аспектов такого знания. Поскольку данные производят как позитивные, так и негативные внешние эффекты, административно-командные ограничения, направленные против последних, будут неизбежно отсекают и первые.

Еще один возможный путь уменьшить этот тормозящий эффект всеобщих количественных ограничений – это система индивидуальных разрешений, также применяемая в экологическом праве. Так, согласно Закону о чистой воде (*Clean Water Act*)⁵⁴, любой выброс определенных загрязняющих веществ в воду должен производиться по специальному разрешению. Аналогично можно установить требование получать разрешение на конкретные действия с информацией, которая несет в себе повышенные риски. Например, если веб-сайт хочет запустить алгоритм, получающий и использующий данные о расовой принадлежности клиентов, то должен будет получить разрешение, обосновав необходимость таких данных и доказав их безопасность для соответствующей группы населения

⁵² GDPR, Art. 5.

⁵³ GDPR, Art. 9.

⁵⁴ 33 U.S.C. § 1342.

Преимущество режима получения разрешений состоит в большей информированности: ограничения вводятся в зависимости от конкретных целей и обстоятельств сбора данных, а также от конкретных потенциальных ущербов, к которым может привести создание базы данных. Этот режим помогает решать проблемы после их возникновения, как, например, использование базы данных *Facebook* в политических целях. Также этот режим можно настроить для получения информации, необходимой законодателям. Аналогично тому, как предприятие должно предоставить данные о потенциальном влиянии своей деятельности на окружающую среду для определения возможных ущербов и издержек⁵⁵, так и потенциальные загрязнители информационной среды должны будут предоставлять информацию о своих целях и практиках, сообщая о вреде, который они могут нанести⁵⁶.

Регулирование через получение разрешений является одним из самых трудоемких и дорогих видов административно-командного регулирования; он имеет множество недостатков. Во-первых, это огромная административная нагрузка по проверке каждого информационного сервиса через системы вроде институциональных наблюдательных советов (*IRB*), что отрицательно сказывается на регулируемой деятельности. Во-вторых, лицензирующие органы, которые должны уравнивать риски и выгоды, имеют тенденцию к чрезмерному регулированию (ущерб от запретительной деятельности менее выражены). В-третьих, если агентство не выказывает перекоса в сторону запретов, то оно может сконцентрироваться на формальных аспектах, например, требовать от компаний получения «информированного согласия» пользователей. Именно этим занимаются *IRB*, и эффективность их регулятивной деятельности никогда

не была доказана [119. Гл. 4]. Для защиты от внешних эффектов она особенно бессмысленна.

Кроме использования режима получения разрешений, административно-командное регулирование может сосредоточиться на технологиях, которые компании применяют при работе с данными. Экологическое право контролирует выбросы путем поощрения передовых технологий. Предприятия, загрязняющие воздух, должны применять «наилучшие из доступных технологий контроля», чтобы добиться «наименьших из возможных уровней выбросов»⁵⁷. В области работы с данными можно потребовать от компаний использовать технологии обработки данных и обеспечения безопасности с желаемыми свойствами⁵⁸. Это помогло бы решить две основные проблемы информационного загрязнения – прозрачность и безопасность. Можно установить требование, чтобы алгоритмы, применяемые в персонализированных сервисах, отвечали стандартам прозрачности и позволяли уполномоченным органам наблюдать за процессом. Аналогичным образом проблемы безопасности данных можно решить с помощью требования «наилучших из доступных технологий».

Экологическое право признает неэффективность и тормозящее влияние количественного регулирования и иногда борется с этой проблемой через систему торгов. Ограничивая количественные показатели или требуя разрешений, можно уменьшить выбросы; система торгов выдвигает на первый план деятельность более высокого уровня. В дальнейшем эффективное производство достигается через систему ограничений и торговли квотами, потому что она поощряет предприятия, производящие выбросы, совершенствовать свои методы контроля над загрязнениями [120, 121].

Могут ли ограничения на выбросы данных стать предметом торгов? Вероятно, нет. Система ограничений и торговли квотами оказалась эффективной мерой контроля загрязнений воздуха потому, что была определена конкретная группа загрязняющих объектов – электростанции общего пользования; каждый объект получил детально прописанное разрешение на выброс одного загрязняющего вещества – диоксида

⁵⁵ National Environmental Policy Act of 1969, 42 U.S.C. §§ 4321–4347.

⁵⁶ Froomkin [18. Pp. 1745–1747] предлагает ввести обязательное «Уведомление о влиянии на безопасность частной жизни» по образцу существующих требований Закона о национальной экологической политике (NEPA), аргументируя, что это «создаст условия для более обоснованного обсуждения». В отличие от анализа, представленного в настоящей статье, Froomkin видит корень проблемы во влиянии на индивидуальную приватность, а не в ущербе для всей экосистемы, который подобен ущербу от загрязнения. См. в целом [118].

⁵⁷ 42 U.S.C.S. §§ 4321–4347.

⁵⁸ Hirsch [21. P. 37] предлагает обязать компании, собирающие данные, самим разрабатывать рентабельные методы борьбы с утечками и «приводить эти действия в соответствие с требованиями законодательства».

серы [122. Рр. 9–40]. Какие объекты и вещества соответствуют этой ситуации в сфере экономики данных? Электроэнергия производится несколькими крупными предприятиями, которые выбрасывают известные загрязняющие вещества, однако цифровые услуги может оказывать практически любая компания. Если вхождение на рынок цифровых услуг является почти бесплатным, как можно контролировать количественные показатели? Кроме того, принципы «минимизации информации» и «ограничения задач», которые лежат в основе ограничений на сбор данных, нелегко конкретизировать и определить в количественных величинах, поэтому сложно выделить четкие ограничительные линии, необходимые для торгов.

Проблема системы ограничений и торговли квотами в области информации не сводится к простому определению стоимости данных, а является более фундаментальной. Количественные требования направлены на ограничение аккумуляции баз данных, которые дают слишком много информации, слишком много власти, позволяют прибегать к манипулированию и повышают риск злоупотреблений. Именно объединение различных уровней информации создает общественный эффект (как положительный, так и отрицательный), что означает потенциальный ущерб от торгов. Например, если принцип минимизации информации не позволяет предприятию розничной торговли собирать данные водительских удостоверений клиентов или накапливать персональную информацию о лицах, не являющихся клиентами, то было бы ошибкой позволить этому предприятию покупать эти данные у третьих сторон. Предположим, закон о количественных ограничениях позволяет компании *A* собирать только информацию *X*, а компании *B* – только информацию *Y*, поскольку такое разделение устраняет некий общественный вред. Однако если компании *A* и *B* имеют право обмениваться этими данными (или сливаться), то в результате одна из компаний может получить всю информацию, обойдя запреты. Если основным источником загрязнений является компиляция данных, система торгов не сможет предотвратить эти загрязнения.

Если вероятность загрязнений возрастает с ростом баз данных, то целесообразно ограничить их рост. В настоящее время основной проблемой вокруг таких мегакомпаний, собирающих большие данные, как *Facebook* и *Google*, представляется их влияние на

рынок и потенциальное антиконкурентное поведение. Но если крупные платформы с большей вероятностью вызывают непропорционально значительные внешние ущербы, то ограничение размеров становится обоснованным даже без явной демонстрации их влияния на рынок. Возможно, меры против крупных компаний могли бы стать хорошим первым шагом в рамках административно-командного подхода. Это позволит избежать проблемы, уже проявившейся в связи с *GDPR*, а именно применения к большим и малым компаниям одного и того же набора ограничений, что налагает непропорциональную нагрузку на малый бизнес, для которого фиксированные издержки становятся неподъемными⁵⁹.

Итак, поскольку существуют способы тонкой настройки количественных ограничений, в этом разделе мы покажем, что информационные потоки сложно контролировать должным образом через командные методы, запрещающие определенные области использования данных, так как это одновременно будет препятствовать сбору нужной информации [21. Рр. 33–37]. В рамках парадигмы защиты частной жизни, которая в настоящее время лежит в основе регулирования данных, ущерб от ограничительного регулирования во многом сглажен, потому что информационная платформа может продолжать свою деятельность, предоставляя своим пользователям больше «контроля». Ограничения, устанавливаемые законами об информационном загрязнении, не могут быть заменены требованиями пользовательского согласия или контроля, так как ущерб подвергаются не столько сами пользователи, сколько третьи лица. Введение обязательных ограничений при работе с данными может разрушить те важнейшие и до сих пор не раскрытые преимущества, которые дает информация.

4.2. Налог на информацию

Можно ли снизить загрязнение, не увеличивая при этом административную нагрузку и тормозящие эффекты административно-командного регулирования? Теоретически можно: с помощью использования цен,

⁵⁹ How Facebook and Google Could Benefit From the G.D.P.R., Europe's New Privacy Law, New York Times (April 23, 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/23/technology/privacy-regulation-facebook-google.html>; <https://www.nytimes.com/2018/04/23/technology/privacy-regulation-face-book-google.html>

а не количества в качестве объекта регулирования. Установление расценок – хорошо известный способ контролировать загрязнения. Внешний ущерб интернализируется через «налог Пигу» либо непосредственно на соответствующую деятельность, либо на конкретный продукт, который производится в рамках деятельности, приводящей к загрязнению.

В промышленном производстве большая доля загрязнений производится углеродом, поэтому налог на углерод – это яркий пример налога Пигу, который является общепризнанным эффективным способом регулирования загрязнений [123. Р. 500]. В цифровой экономике топливом выступает информация, которая порождает деятельность и все выгоды от нее, но также и потенциальный вред. Таким образом, внешний ущерб может быть интернализован через налог на информацию⁶⁰.

Самым естественным моментом для налогообложения является момент сбора данных. Рассмотрим сделку купли-продажи между розничным продавцом и покупателем. Когда покупатель покупает товар за наличные в физическом магазине, никакая персональная информация не собирается. Но если тот же человек покупает этот товар за ту же цену в онлайн-магазине, в сделке возникает мощный информационный компонент. Веб-сайт собирает и хранит данные о покупателе, включая его историю поиска, информацию об оплате, а возможно, и множество еще более интересных данных, полученных от его цифрового устройства⁶¹. Действительно, в случае такого «обмена» данными (и по большей части благодаря ему) сделка в онлайн-магазине будет соответствовать стандартным условиям контракта, разработанным специально для онлайн-торговли, которые не будут применяться к сделке с теми же товарами в физи-

ческом магазине. Если к цифровым сделкам можно применить развернутые условия контракта, то к ним можно применить и небольшое положение о налоге.

Как установить размер этого налога? Налог на углерод призван уравновесить социальный ущерб от углерода; аналогично налог на информацию должен уравновесить социальный ущерб от данных. Но на этом подобие заканчивается, поскольку концептуальные и практические различия становятся слишком большими. Социальный ущерб от углерода может быть очень неопределенным и спорным, но на базовом уровне поддается строгим оценкам⁶². Общество может организовать грубое измерение уровня выбросов, статистических корреляций и объемов ущерба. Социальный ущерб от информации измерить сложнее. Пока вред не нанесен, может быть невозможно предсказать, какие именно виды деятельности вызовут ущерб, не говоря уже о его величине.

Кроме того, в отличие от углерода, который создает преимущественно негативные внешние эффекты, информация может нести положительные общественные эффекты. Налог на данные, призванный снизить частные и общественные издержки от использования информации, нужно будет модифицировать с учетом этих положительных внешних эффектов. Отметим, однако, что, хотя информация несет множество непредвиденных выгод, некоторые из них не будут являться внешними эффектами, а значит, не должны уменьшать налог на информацию. У владельцев баз данных возникает мотив присвоить и монетизировать эти положительные внешние эффекты, продавая персонализированный доступ к этим выгодам. С негативными эффектами такого не происходит; у компаний, порождающих их, не возникает мотива их «присвоить». Для уравнивания этой асимметрии необходимо вмешательство государства. Однако даже в условиях такой односторонней мотивации многие выгоды оказываются слишком размытыми и в целом перевес в сторону положительных внешних эффектов сохраняется. Информация является общественным благом, и если владельцы баз данных не получают всей выгоды от них, они не будут вкладывать в них

⁶⁰ Налог на информацию следует отличать от выплат за выбросы в виде спама на электронную почту, которые налагаются не на сбор информации и построение баз данных, а на конкретное использование этих данных. См. [21. Рр. 42–48; 124; 125. Р. 304].

⁶¹ Например, сайт Walmart.com [126] собирает IP-адреса, данные о местоположении, о типе оборудования и программного обеспечения, которые пользователь задействовал при совершении сделки, историю поиска в браузере. Через установку куки-файлов и маяков сайт Walmart.com может продолжать собирать информацию о поисках в будущем, даже если при этом не задействована электронная почта и пользователь не реагировал на рекламу.

⁶² В настоящее время модели, применяемые для оценки общественных издержек, не учитывают всех важных физических, экологических и экономических влияний из-за недостатка точных данных. См. [127]; см. также [128].

достаточно средств. В целом итоговая общественная ценность выбросов данных не равна нулю, учитывая, что административные издержки не слишком высоки, некоторая форма информационного налога или субсидии оправдана.

Детальная разработка модели налога на информацию выходит за рамки настоящего исследования. Возможно, практические сложности не позволят даже грубо определить общественные издержки, связанные с информацией, для вычисления размера адекватного финансового возмещения сбора и производства цифровой информации. И это не говоря уже о политических интересах, осложняющих и без того запутанную концептуальную проблему. Тем не менее было бы целесообразно установить для начала хотя бы небольшой налог на крупные базы данных. Даже чисто номинальный налог заставит компании задуматься о необходимости сбора конкретных данных.

В целом компании могут оценивать потенциальные выгоды от владения данными более точно, чем государство, однако последнее, вероятно, более чувствительно и внимательно к потенциальным ущербам. При существующем безналоговом режиме у компаний нет причин соотносить объемы их работы с данными с величиной ожидаемой выгоды, как и нет причин воздерживаться от «максимизации данных», т. е. от сбора всей доступной информации. Напротив, при командно-административном режиме возникает противоположная проблема: государству придется оценивать не только ущерб, но и потенциальную выгоду от информации, не имея необходимых средств для этого. Режим «небольшого налога» даст возможность учесть знания компаний о получаемых выгодах. При этом государство, имея некую грубую оценку конкретных рисков, связанных со сбором данных, может соответственно изменить этот налог.

Налог на информацию может отражать как количество, так и качество собираемых данных. Очевидно, что чем больше данных и о большем количестве людей собирает компания, тем выше будет налог. Кривая маргинального налога не обязательно должна быть линейной; она должна отражать маргинальные риски добавочных данных. Например, налоговая ставка может повышаться с ростом количества собираемых данных, отражая повышенные общественные риски (включая вопросы конкуренции), связанные с крупными базами данных. Логично, что размер налога на компанию

Amazon и на местный книжный магазинчик может отличаться в расчете на одну единицу информации.

Налог на информацию может также отражать различную степень чувствительности данных. Налог на информацию о расовой принадлежности или медицинской истории пользователя может быть выше, чем налог на данные о его местоположении. Внутри же отдельной категории величина налога может зависеть от релевантности информации. Так, за сбор информации о медицинской истории больницы заплатит меньше, чем спортзал, а спортзал – меньше, чем социальная сеть. Сбор биометрических данных может быть бесплатным, если работодатель использует его для предоставления доступа в здание, но облагаться налогом, если эта информация коммерциализируется. Данные о ДНК являются высокочувствительными, и компании, создающие банки генетических данных, могут порождать значительные внешние эффекты, как позитивные, так и негативные. Если сбор данных облагается налогом, то необходимо разрешить таким компаниям получать оплату за некоторые положительные внешние эффекты, создаваемые их базами данных.

Кто будет платить этот налог? Естественно предположить, что это будут компании, осуществляющие сбор данных. Однако по размышлению можно заключить, что его могут платить непосредственно лица, предоставляющие информацию. Налог налагается на транзакцию, и в терминах реальной экономики неважно, какая из сторон его уплачивает, поскольку он в любом случае будет включен в общую стоимость. Если налог на углероды выплачивает заправочная станция, то она назначит более высокую цену на бензин и перенесет по крайней мере часть налога на потребителей.

Учитывая это, мы видим убедительные причины обложить таким налогом тех, кто предоставляет информацию (потребителей), а не тех, кто ее получает. Первые предоставляют информацию не только о себе, но и о своих социальных контактах. Так, пользователи *Gmail* раскрывают не только свои электронные адреса, но и тех, с кем они ведут переписку⁶³. Клиенты сайта

⁶³ В деле *Daniel Matera v. Google Inc.*, No. 5:15-cv-04062 2016 WL 454130 (N.D. Cal. Sept. 4, 2015) лица, не пользовавшиеся сервисом *Gmail*, подали групповой иск против *Gmail* и его пользователя за раскрытие их электронных адресов без их согласия.

Ancestry.com раскрывают генетическую информацию о своих родственниках. Пользователи *Facebook* создают порталы доступа к данным своих друзей: пользователь, имеющий тысячу друзей, дает доступ к большому объему данных, чем тот, кто имеет сто друзей, а значит, должен заплатить больше.

Предоставление данных сходно с использованием общего пастбища. Базы данных дают информацию не только о самом владельце данных и его ближайшем окружении. Поэтому стоимость участия в такой деятельности должна отражать ее влияние на социум. В типичном бытовом сценарии, включающем охрану природных ресурсов (например, рыболовство), мы беспокоимся об их чрезмерном использовании. Такая реакция на проблему охраны общего достояния аналогична налогообложению лиц, которые предоставляют данные, затрагивающие других.

Часто говорят, что информация – это новые деньги. Люди пользуются ценными цифровыми услугами, расплачиваясь личными данными вместо денег. Со всем недавно устройства навигации для автомобилей стоили от 200 долларов. Затем появились бесплатные приложения, за которые мы «платим» данными геолокации, которые представляют большую ценность для рекламодателей. Реальные деньги – это валюта, обладающая высокой личной ценой (уплаченные деньги нельзя использовать снова), но не имеющая внешних эффектов. Напротив, данные обладают низкой личной ценностью (персональную информацию можно предоставлять снова и снова), но потенциально высокой общественной ценностью. Даже те пользователи, которые неохотно предоставляют свои персональные данные в качестве оплаты за услуги и заботятся о защите своей частной жизни, будут использовать эту валюту независимо от ее общественного влияния. Налог на информацию, собираемый с пользователей, будет способствовать исправлению этого перекоса в выборе средств оплаты.

Такой режим налогообложения пользователей, в отличие от компаний, собирающих информацию, имеет также символический аспект. Он отражает нормативный сдвиг – проблема информационного загрязнения состоит не в защите частной жизни граждан, а в защите общественной экосистемы. В рамках парадигмы информационного загрязнения не лица, предоставляющие информацию, нуждаются в защите, а от них нужно защищать экосистему.

Они слишком часто и легко предоставляют слишком много информации, и их следует ограничивать. Проблема не в том, что они сильно беспокоятся о защите своей частной жизни и не получают этой защиты, но скорее в том, что они слишком мало беспокоятся о раскрытии данных, способствующих информационному загрязнению, и тем самым производят это загрязнение. Действительно, факт использования данных в качестве оплаты часто не осознается. Ребенок, скачивающий приложение для игры *Angry Birds* за 99 центов, не понимает, что позже через это приложение будут скачиваться его персональные данные. Налог на информацию, несомненно, исправит это упущение и выявит скрытый смысл этого выбора для пользователей.

Налог на информацию может полностью перевернуть представление о «скидках на информацию», которые в настоящее время предлагаются пользователям и владельцам данных. Интернет-компании иногда предоставляют своим клиентам выбор – платить деньгами или данными. «Базовые» опции требуют меньше денег и большего объема персональных данных, премиум-аккаунты более дорогостоящие, но предполагают меньший объем или полное отсутствие собираемых данных⁶⁴. Например, компании *AT&T* и *Comcast* предлагают тарифы широкополосного доступа по более высокой цене (примерно в два раза), но без сбора данных и без рекламы, основанной на этих данных [62]. Эти тарифы не пользуются спросом – подавляющее большинство пользователей предпочитают платить информацией взамен на скидку. Делая такой выбор, они игнорируют негативный общественный эффект информационного загрязнения и должны облагаться налогом на информацию. Тем самым схемы оплаты данными потеряют свою привлекательность.

Как уже говорилось, налог на информацию – это всего лишь идея, а не готовое для внедрения предложение. Практические трудности его введения очень велики, но, возможно, самый значительный повод для беспокойства – это вероятность того, что внешние выгоды информации намного превосходят наносимый ею

⁶⁴ Скидки за информацию – это частный случай более общей модели «оплаты за информацию», согласно которой компании должны будут платить пользователям за их персональные данные. См., например, [25].

вред. Если это так, то объектами регулирования должны стать конкретные виды вредоносного использования данных, а не сами данные как общая категория.

4.3. Работа с утечками данных

Командно-административное регулирование и налог на информацию представляют собой два основных метода регулирования сбоя рынка на этапе создания базы данных. Они схожи с двумя центральными методами экологического права – количественной и ценовой регуляцией. Однако экологическое право имеет в своем арсенале еще одно мощное средство – законодательство об обращении с отходами. Помимо средств для контроля выбросов до их возникновения *ex ante*, имеются также сложные схемы управления ущербами *ex post*, особенно в случае непредвиденных выбросов.

Если в индустриальную эпоху выбросы токсичных отходов были крупной проблемой, то сейчас утечки данных быстро становятся главной социальной проблемой цифровой эры⁶⁵. Согласно одному отчету, киберпреступность затрагивает полмиллиарда человек в год, потери во всем мире составляют 110 млрд долларов⁶⁶. Утечки данных часто вызваны намеренным преступным взломом⁶⁷, и их можно предотвратить хотя бы частично с помощью более мощной защиты. Действительно, недавние законодательные акты обязывают компании придерживаться более высоких стандартов профилактики таких правонарушений [134. Р. 1057; 135. Р. 1]. Кроме того, даже если взлом произошел, величина ущерба может быть снижена за счет организационных мер, таких как сбор меньшего количества данных, своевременное удаление данных, активация мер снижения ущерба после взлома.

В экологическом праве ставится амбициозная задача на случай уже произошедшего выброса – очистка

места утечки токсичных веществ⁶⁸, которая не имеет аналога в цифровой сфере. В целом последствия выбросов данных невозможно отменить. Цифровая материя существует не в отдельном, определенном, замкнутом пространстве. Ее можно бесконечно воспроизводить простым нажатием кнопки или одной строчкой алгоритмического кода. Выпустив информацию, ее нельзя собрать. Вместо этого законодательство должно сосредоточиться на других мерах по снижению ущерба, а также на мерах ответственности *ex post* для предотвращения таких ситуаций.

4.3.1. Снижение ущерба

Недавний резкий рост количества нарушений безопасности данных привел к соответствующему увеличению числа законодательных актов, налагающих ответственность на владельцев взломанных баз данных. Одна из таких обязанностей – «максимально срочное» раскрытие информации об утечке, уведомление государственных органов и пострадавших сторон; предполагается, что эта «открытость» будет способствовать скорейшей подаче частных исков жертвами для возмещения их ущерба⁶⁹. Развитие таких схем уведомления о произошедших утечках составляет основное содержание различных предложений по борьбе с утечками данных⁷⁰.

Такие уведомления нельзя считать совершенно бесполезными [138]. Отдельные граждане могут предпринять меры для снижения своего частного ущерба от кражи их данных. Они могут активировать услугу отслеживания кредитов (оповещение о попытке мошенников оформить кредит на основе украденных данных), замораживания кредитов (блокировка открытия новых аккаунтов), заблокировать и заменить украденные кредитные карты или номеров социального страхования, регулярно проверять отчеты по своим кредитам, вовремя оформлять налоговые вычеты и т. д. И все же

⁶⁵ Оценки ущербов от нарушения безопасности данных сильно разнятся. В докладе генерального прокурора Нью-Йорка [129] говорится, что «в 2012 г. в США прямые и косвенные потери от кражи идентичности составили 24,7 млрд долларов, что превосходит потери от всех остальных видов имущественных преступлений, вместе взятых». См. также [130. Р. 7; 131; 132].

⁶⁶ См. выше сноску 17.

⁶⁷ По данным Центра исследований кражи идентичности (*Identity Theft Research Center*) [133], взлом с преступными целями составляет почти 60 % всех правонарушений в сфере информации, оставляя далеко позади все остальные виды таких правонарушений.

⁶⁸ Comprehensive Environmental Response, Compensation, and Liability Act of 1980, 42 U.S.C. §§ 9601–9616.

⁶⁹ См., например, Cal. Civ.Code § 1798.29(a), 1798.82(a); Consumer Privacy Protection Act of 2017, H.R. 4081 115th Cong. § 211

⁷⁰ Hirsch [21. Р. 58] предложил принять новую федеральную программу *Data Release Inventory (DRI)*, согласно которой компании должны будут ежегодно отчитываться об объемах данных, обнародованных как намеренно, так и ненамеренно. См. также [136, 137] (предлагаются правила оповещения об утечках данных для государственных органов).

реакция потребителей на письменные уведомления о нарушениях безопасности остается в лучшем случае медлительной⁷¹. Это объясняется не ленью или каким-то неверным когнитивным суждением. Такое безразличие рационально, поскольку потребители в основном защищены системой частного или общественного страхования от финансовых потерь в результате нарушения безопасности данных [140; 141. Р. 982]⁷². Кроме того, это безразличие неизбежно в ситуации, когда такие уведомления выглядят как стандартный, очень длинный документ, как очередное раскрытие информации, которое все привыкли игнорировать [73].

Снижение ущерба от произошедших утечек данных может быть организовано без активного участия потребителей, но все же обычно требует их согласия. После нарушения безопасности данных пострадавшая компания может включить своих клиентов в программы защиты. Например, после массовой утечки данных компания *Equifax* предложила бесплатный мониторинг кредитов через программу *TrustedID*, включение в которую было очень простым. Согласно законопроекту о защите частной жизни потребителей (*Consumer Privacy Protection Act*), компании, допустившие утечку данных, должны будут «в течение пяти лет предоставлять услуги по предотвращению кражи идентичности и возмещению ущерба» бесплатно для любого, кто обратится за такими услугами (однако самостоятельная запись на такие услуги без обращения к компании по-прежнему запрещена)⁷³.

Меры возмещения могут снизить потенциальный частный ущерб лиц, чьи данные оказались доступными, но общественный вред будет по-прежнему значительным. Так, кражи идентичности и другие нарушения продолжают происходить. Кроме того, сами эти меры возмещения требуют затрат – люди теряют

деньги и время как до, так и особенно после нарушения безопасности своих данных. Хотя реальный ущерб может понести лишь небольшая доля потребителей, абсолютно все страдают от усиления чувства финансового риска или от необходимости принимать затратные меры предосторожности. Действительно, жертва в среднем тратит около семи часов на ликвидацию проблем, вызванных кражей идентичности, а некоторые значительно больше. В целом 15 % людей пережили кражу идентичности хотя бы раз в жизни, а ощущение риска связано с сильным эмоциональным беспокойством [143. Р. 1013].

Наличие большого количества социальных программ, нацеленных на уменьшение и предотвращение частного ущерба от утечек данных, является одним из механизмов, которые превращают информационное загрязнение из частной проблемы в общественную. Например, издержки от мошенничества с кредитной картой несет выпустивший ее банк, а не владелец карты. Однако эти издержки банк возмещает, повышая оплату своих услуг для других потребителей. В любом случае платят все клиенты: чем выше страховые суммы, встроенные в стоимость обслуживания кредитных карт, тем значительнее утечки данных. Это внешние эффекты страхования, которые мы рассматривали в разд. 2. Инструменты *ex post* регулирования эффективны для перераспределения убытков, но снижение убытков требует иных инструментов. Одним из них может стать система ответственности, другим – частное регулирование.

4.3.2. Ответственность за ущерб

Экологическое право налагает серьезную ответственность *ex post* на компании, допустившие утечку вредных веществ. Ответственность компании *Exxon* за разлив нефти из танкера «Эксон Валдез» измерялась суммой более 1 млрд долларов (не считая стоимости возмещения ущерба на сумму 507 млн долларов)⁷⁴, а разлив нефти на платформе *Deepwater Horizon* в 2010 г. стоил компании *BP* более 40 млрд долларов. Могут ли утечки информации повлечь настолько же серьезные меры?

В разд. 3 было показано, почему деликтное право не способно обеспечить ответственность компаний

⁷¹ The Ponemon Institute [139] показал, что «самой частой реакцией на уведомление было игнорирование и отсутствие каких-либо мер».

⁷² Благодаря страхованию последствия для жертв в основном сглажены. Согласно оценкам, около 25 % жертв правонарушений в сфере информации подверглись краже идентичности в результате этих правонарушений, а 14 % жертв кражи идентичности понесли личные финансовые потери в размере 1 доллар и более, при этом у половины из них потери составили менее 100 долларов. См. [142, 143].

⁷³ Consumer Privacy Protection Act of 2017, H.R. 4081 U5th Cong. § 211.

⁷⁴ *Exxon v. Baker*, 554 U.S. 471 (2008).

за утечку информации. Проблемы неопределенности причинно-следственных связей, общественного ущерба, оценки затрудняют для потенциальных жертв рассмотрение дела в суде и получение компенсации за вред, нанесенный утечками данных. Однако система публичного правоприменения не ограничена подобными стандартами в области свидетельских показаний и возмещения ущерба. Меры ответственности могут отражать *ожидаемый* общественный ущерб, при этом жертвы не обязаны доказывать и оценивать свой фактический ущерб, а также не стоит проблема распределения суммы возмещения между жертвами.

Чтобы служить оптимальной превентивной мерой, мера ответственности должна отражать общий ожидаемый объем издержек, возникший из-за утечки данных. Будь то штраф по уголовному делу, выплаты по гражданскому иску или предусмотренный законом штраф по групповому иску, сумма должна равняться наиболее адекватной оценке *риска* для общества, вызванного утечкой данных. Это решит проблему отсроченного ущерба от утечек данных, если будут созданы инструменты комплексной оценки ущерба.

Один из таких инструментов комплексной оценки общественного вреда – проведение опросов. Например, по оценке Департамента юстиции, ущерб жертвы кражи идентичности составляет в среднем около 1 500 долларов [87]. Оценки вероятности кражи идентичности у лиц, пострадавших от кражи номеров социального страхования, могут различаться на 14–30 % [129]. Имея такие оценки, можно установить фиксированные выплаты каждому пострадавшему. Тогда общая сумма штрафа составит величину ожидаемого ущерба на одного пострадавшего, умноженную на количество пострадавших. Таким образом, штрафы за утечки данных могут быть установлены заранее, различаясь по сумме за кражу информации с кредитной карты, номеров социального страхования или другой чувствительной информации, аналогично тому, как установлены штрафы за различные виды потенциально опасной деятельности в зависимости от тяжести этой опасности.

Ответственность *ex post* можно очертить таким образом, чтобы сформировать нужную мотивацию. Величина штрафа может отражать финансовую чувствительность информации, количество украденных записей, степень халатности при их хранении, предпринятые меры для снижения ущерба и т. д. В настоящее время законодательные акты устанавливают различные

стандарты защиты информации, и мера ответственности может быть снижена (и даже совсем отменена), если вина лежит не на пострадавшей компании. Стандарты могут также относиться к технической стороне защиты баз данных. Однако важнейшая их часть касается обоснования получения информации. Более высокие штрафы предусмотрены за утечку данных, которые собирались без достаточного обоснования.

В конечном итоге общая сумма ответственности всех компаний, допустивших утечку, должна равняться общей сумме ущерба всех жертв. Существуют надежные оценки такого ущерба – например, в одном из исследований ущерб от случая мошенничества с персональными данными в 2018 г. в США оценивается в 16,8 млрд долларов [144]; при этом единственная проблема, связанная с этим эпизодом, – как разделить сумму возмещения между компаниями, допустившими его. Доля вины каждой компании может рассчитываться по различным критериям в зависимости от количества или качества раскрытой информации или от наличия недостатков в системе безопасности. Деликтное право решает сходные проблемы распределения ответственности применительно к делам с совместными делинквентами или при параллельных правонарушениях, но законодательство об информационном загрязнении не может переложить такие решения на частные деликтные иски. Проблему неопределенности причинно-следственных связей, которая не позволяет установить меру ответственности в рамках деликтного права, можно решить при помощи модели ответственности, предписанной законом.

4.3.3. Обязательное страхование

Ответственность *ex post* может способствовать предотвращению правонарушений, но только в том случае, если компании в состоянии выплатить возмещение и обладают информацией, необходимой для выбора адекватных по стоимости мер предосторожности. В сфере кибербезопасности обе проблемы – платежеспособность и наличие информации – могут подорвать эффективность этого инструмента; угроза такого развития событий существовала и в области экологического права [145]. Поэтому необходимо страхование ответственности, способное решить обе указанные проблемы.

Общепризнано, что обязательная покупка страховки против возможного ущерба от деятельности

заставляет субъектов этой деятельности, потенциально защищенных от наказания, учитывать внешние эффекты, которые они иначе игнорировали бы, например, стоимость ответственности, которую они иначе не могли бы выплатить. Страховка выполняет функцию налога Пигу: дифференцированные страховые премии, выплачиваемые компаниями, отражают различные внешние издержки, которые они порождают [54. Р. 207]. Система обязательного страхования задействует эквивалент налога на информацию, который мы обсуждали выше; это делается не напрямую через государственную систему *ex ante*, а косвенно, когда страховщики оценивают риск наступления ответственности.

Менее известен профилактический эффект страхования ответственности. Считается, что страхование несет в себе риск злоупотреблений – что сторона, застрахованная против определенной угрозы, не имеет стимула снижать эту угрозу. Однако риск злоупотреблений возникает только в случае, если страховщики не могут отслеживать профилактические усилия, предпринимаемые застрахованными лицами, и соответственно менять стоимость своих услуг [146; 147. Рр. 168–169]. Если цены устанавливаются на основе точных статистических оценок ожидаемого ущерба с учетом реальных профилактических усилий, предпринимаемых застрахованными лицами, то у компаний появляется стимул снижать риски. Кроме того, страховщики могут на основе своих технических знаний рекомендовать своим клиентам наиболее эффективные и экономически обоснованные профилактические меры – этой информации не хватает многим сторонам коммерческих отношений.

Компании, занимающиеся страхованием ответственности в сфере кибербезопасности, проводят «проверки кибербезопасности», чтобы помочь своим клиентам «повысить уровень защиты данных» [148]. Используя точные методы, разработанные в страховой индустрии, они составляют рейтинги компании с точки зрения обеспечения безопасности, которые затем влияют на размер страховых премий и на получение рекомендаций по устранению проблем. Иногда страховщики тестируют систему защиты своих клиентов, пытаясь удаленно взломать ее. Они требуют от застрахованных компаний проходить аудиты и перенимать опыт третьих сторон. А также они достаточно быстро приступают к ликвидации последствий взломов

систем безопасности, чтобы снизить объем ущерба и предусмотренных законом возмещений [148].

Страхование в сфере кибербезопасности представляет собой новую форму страхования коммерческой ответственности. Как и его гораздо более зрелый «родственник» – страхование ответственности в сфере охраны окружающей среды, – это специализированный инструмент, позволяющий возмещать ущерб третьих сторон, вызванный коммерческой деятельностью, который в ином случае был бы исключен из стандартного покрытия страхования коммерческой ответственности. Экологическое право содержит сложную систему управления рисками, согласно которой на объектах должны применяться меры профилактики, контроля и ликвидации последствий выбросов⁷⁵. Но даже при наличии такой разработанной регулятивной основы система страхования ответственности в сфере охраны окружающей среды часто требует от компаний придерживаться более строгих частных экологических стандартов, чем те, что предусмотрены EPA [149. Р. 477; 150; 54. Рр. 225–226]. Учитывая зачаточную стадию существования законодательства в сфере кибербезопасности, частная разработка стандартов снижения рисков могла бы стать значительным преимуществом, основанным на режиме строгой ответственности за утечку данных в сочетании с обязательным страхованием ответственности.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закон о цифровых данных должен касаться не только защиты частной жизни. Обмен данными между отправителем и получателем слишком часто затрагивает интересы третьих сторон; данные могут содержать информацию о других лицах; или, что еще важнее, базу данных можно использовать таким образом, что будут затронуты общественные интересы, помимо защиты частной жизни отдельных пользователей. Эта проблема носит название «загрязнение информационной среды», а законодательство в этой сфере – это комплекс правовых инструментов, призванный бороться с данным загрязнением.

Такое законодательство может позаимствовать ряд правовых решений, создававшихся для защиты частной

⁷⁵ Environmental Protection Agency; Oil Pollution Prevention Spill Prevention Countermeasure, 40 C.F.R. § 112 (2010).

жизни, но чаще требуются другие инструменты. Например, два столпа законодательства о защите частной жизни – «пользовательский контроль» и «информированное согласие» – не применимы в законодательстве о загрязнении информационной среды. Эти инструменты используются в рамках смелого предположения, что они помогают людям защитить себя. Даже если бы это было правдой, нет оснований считать, что люди перестанут генерировать информацию, которая может нанести вред другим. Снизить уровень информационного загрязнения могли бы различные механизмы вмешательства, включая некоторые законы, уже принятые в рамках недавних реформ законодательства о защите частной жизни. Однако любое вмешательство имеет отрицательные последствия, уменьшая положительный эффект от распространения информации.

Таким образом, налог на информацию является, вероятно, самой инновационной технологией, способной снизить уровень информационного загрязнения. В этом законодательство о загрязнении информационной среды, очевидно, расходится с законодательством о защите частной информации. Если нарушения приватности необходимо остановить, то на информационное загрязнение нужно просто установить плату. Разработка рационального налога на информацию представляет собой крайне сложную проблему, и разд. 4 данной статьи содержит ряд первоначальных посылок для ее решения. Мы видим две относительно простые стратегии в этом направлении. Во-первых, необходимо прекратить вредоносную передачу данных за деньги. Люди постоянно получают оплату за свои персональные данные, в первую очередь в виде услуг, которые им предоставляют центры сбора данных; настойчиво высказываются предложения заставить компании платить

гражданам за собираемую информацию [24, 25]. Это то же самое, что платить людям за загрязнение окружающей среды. Во-вторых, небольшой номинальный налог на данные помог бы прекратить бессмысленное накопление ненужной информации, которое тормозит важные инновации. Даже небольшой налог заставил бы сборщиков данных применить критическое мышление и снизить уровень информационного загрязнения.

Срочная необходимость в законодательстве о загрязнении информационной среды назрела потому, что в настоящее время законодательство о защите частной информации доказало свою полную неэффективность. Действительно, новые решения в законах о защите частной информации могут в будущем привести к успеху там, где прежние инструменты (в первую очередь раскрытие информации) были неэффективными. Возможно, люди станут больше заботиться о защите своей цифровой частной жизни. Однако обеспечение приватности не решает социальных проблем, связанных с информацией. Информационное загрязнение остается проблемой, даже если частная жизнь защищена.

Научная ценность представленной статьи не в том, что она решает проблему информационного загрязнения. Хотя мы и боремся против доминирования проблем приватности в сфере информационного законодательства, однако мы не призываем уделять меньше внимания защите цифровой частной жизни. Главным образом, мы стремились показать, что проблема информационного загрязнения существует. Если, как мы утверждаем, информационное загрязнение вызвано влиянием баз данных, то законодатели должны тщательно разграничить внешние эффекты данных и вред, наносимый приватности данных, и найти способы снизить социальные издержки от этих явлений.

Список литературы / References

1. Economist. (2017, May 6). Data Is Giving Rise To A New Economy. *Economist*. <https://www.economist.com/news/briefing/21721634-how-it-shaping-up-data-giving-rise-new-economy>
2. DeVries, Will Thomas. (2003). Protecting Privacy in the Digital Age. *Berkeley Tech. L. J.*, 18, 283–311.
3. Isenberg, Howard. (1995). The Second Industrial Revolution: The Impact of the Information Explosion. *Ind. Eng.*, 27, 14.
4. Granville, Kevin (2018, March 19). Facebook and Cambridge Analytica: What You Need to Know as Fallout Widens. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2018/03/19/technology/facebook-cambridge-analytica-explained.html>
5. Schwartz, Paul M., Karl-Nikolaus Peifer. (2017). Transatlantic Data Privacy Law. *Geo. L. J.*, 106, 115–179.
6. Westin, Alan. (1967). *Privacy and Freedom*. New York, NY, Atheneum Press.
7. Reiman, Jeffrey H. (1982). Privacy, Intimacy, and Personhood. In F.D. Schoeman, ed., *Philosophical Dimensions of Privacy: An Anthology* (pp. 300–316). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
8. Schwartz, Paul M. (1999). Privacy and Democracy in Cyberspace. *Vand. L. Rev.*, 52, 1609–1702.

9. Cohen, Julie E. (2000). Examined Lives: Informational Privacy and the Subject as Object. *Stan. L. Rev.*, 52, 1373–1437.
10. Nehf, James P. (2003). Recognizing the Societal Value in Information Privacy. *Wash. L. Rev.*, 78, 1–92.
11. Ashenmacher, George. (2016). Indignity: Redefining the Harm Caused by Data Breaches. *Wake Forest L. Rev.*, 51, 1–56.
12. Solove, Daniel J. (2002). Conceptualizing Privacy. *Cal. L. Rev.*, 90, 1087–1155.
13. Sunstein, Cass R. (2017). *#Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. Princeton, NJ, Princeton University Press.
14. Sunstein, Cass R. (2018, January 22). Is Social Media Good or Bad for Democracy. *Facebook Newsroom*. <https://newsroom.fb.com/news/2018/01/sunstein-democracy/>
15. Wittes, Benjamin, Jodie C. Liu. (2015, May). *The Privacy Paradox: The Privacy Benefits of Privacy Threats*. Center for Technology Innovation at Brookings. https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Wittes-and-Liu_Privacy-paradox_v10.pdf
16. Hermstrüwer, Yoan. (2017). Contracting Around Privacy: The (Behavioral) Law and Economics of Consent and Big Data. *J. Intell. Prop. Info. Tech. & Elec. Com. L.*, 8, 9–26.
17. Athey, Susan et al. (2018). *The Digital Privacy Paradox: Small Money, Small Costs, Small Talk*. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2916489
18. Froomkin, A. Michael. (2015). Regulating Mass Surveillance as Privacy Pollution: Learning from Environmental Impact Statements. *U. Ill. L. Rev.*, 1713–1790.
19. Acquisti, Alessandro, Brandimarte, Laura, Loewenstein, George. (2015). Privacy and Human Behavior in the Age of Information. *Science*, 347, 509–514.
20. Dewees, Donald N. (1992). The Role of Tort Law in Controlling Environmental Pollution. *Can. Public Pol'y*, 18, 425–442.
21. Hirsch, Dennis D. (2006). Protecting the Inner Environment: What Privacy Regulation Can Learn from Environmental Law. *Ga. L. Rev.*, 41, 1–63.
22. Hirsch, Dennis D. (2014). The Glass House Effect: Big Data, the New Oil, and the Power of Analogy. *Me. L. Rev.*, 66, 373–395.
23. Hirsch, Dennis D., Jonathan H. King. (2016). Big Data Sustainability: An Environmental Management Systems Analogy. *Wash. & Lee L. Rev.*, 72, 406–419.
24. Kaiser, Brittany. (2018, April 9). Facebook Should Pay Its 2bn Users for Their Personal Data. *Financial Times*. <https://www.ft.com/content/7a99cb46-3b0f-11e8-bcc8-cebcb81f1f90>
25. Posner, Eric, Glen Weyl. (2018). *Radical Markets*. Princeton, NJ, Princeton University Press.
26. Abraham, Kenneth S. (2008). *The Liability Century: Insurance and Tort Law from the Progressive Era to 9/11*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
27. Thomsen, Simon. (2015, July 21). Extramarital Affair Website Ashley Madison Has Been Hacked and Attackers Are Threatening to Leak Data Online. *Business Insider*. <https://www.businessinsider.com/cheating-affair-websiteashley-madison-hacked-user-data-leaked-2015-7>
28. Keats Citron, Danielle. (2019). Sexual Privacy. *Yale L. J.*, 128, 1870–1961.
29. Silverman, Jacob. (2016, June 14). Just How ‘Smart’ Do You Want Your Blender to Be? *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2016/06/19/magazine/just-how-smart-do-you-want-your-blender-to-be.html>
30. Steinberg, Joseph. (2014, January 27) These Devices May Be Spying On You (Even In Your Own Home). *Forbes*. <https://www.forbes.com/sites/josephsteinberg/2014/01/27/these-devices-may-be-spying-on-you-even-in-your-own-home/#7eb0e320b859>
31. Morey, Timothy et al. (2015, May). Customer Data: Designing for Transparency and Trust. *Harvard Business Review*, 1–11. <https://hbr.org/2015/05/customer-data-designing-for-transparency-and-trust>
32. Pollack, Wendy, Mike Sullivan. (2018, April 20). The Information Subscribers Most Likely to Pay for Google Among Tech Services. *The Information*. <https://www.theinformation.com/articles/the-information-subscribers-most-likely-to-pay-for-google-among-tech-services>
33. Dell Technologies. (2014). EMC Privacy Index. *Dell*. <https://www.emc.com/campaign/privacy-index/global.htm>
34. IBM. (2018, April 16). New Survey Finds Deep Consumer Anxiety over Data Privacy and Security. *IBM News Room*. <https://newsroom.ibm.com/2018-04-15-New-Survey-Finds-Deep-Consumer-Anxiety-over-Data-Privacyand-Security>
35. Acquisti, Alessandro, Leslie K. John, George Loewenstein. (2013). What Is Privacy Worth? *J. Legal Stud.*, 42, 249–273.
36. Strahilevitz, Lior J., Matthew B. Kugler. (2016). Is Privacy Policy Language Irrelevant to Consumers? *J. Legal Stud.*, 45, 69–95.
37. Matthews, Alex, Catherine Tucker. (2017). *Government Surveillance and Internet Search Behavior*. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2412564
38. Perez-Pena, Richard, Matthew Rosenberg. (2018, January 29). Strava Fitness App Can Reveal Military Sites, Analysts Say. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2018/01/29/world/middleeast/strava-heat-map.html>
39. Brown, Daniel. (2018, January 29). Here are Some of the Biggest Reveals from a Fitness Tracker Data Map That May Have Compromised Top-secret US Military Bases around the World. *Business Insider*. <https://www.businessinsider.com.au/strava-heatmap-most-revealing-images-2018-1>

40. Cohen, Bret et al. (2017). Data Localization Laws and Their Impact on Privacy, Data Security and the Global Economy. *Antitrust*, 32, 107–114
41. Yanqing, Hong. (2017, June 20). The Cross-Border Data Flows Security Assessment: An important part of protecting China's basic strategic resources. Yale Law School Paul Tsai China Center. *Working Paper*.
42. Miller, Amalia R., Catherine Tucker. (2017). Frontiers of Health Policy: Digital Data and Personalized Medicine. *Innovation Policy and the Economy*, 17, 49–75.
43. Lambrecht, Anja, Catherine Tucker. (2018). *Algorithmic Bias? An Empirical Study into Apparent Gender-Based Discrimination in the Display of STEM Career Ads*. <https://www.ssrn.com/abstract=2852260>
44. Datta, Amit et al. (2015). Automated Experiments on Ad Privacy Settings: A Tale of Opacity, Choice, and Discrimination. *PoPETs*, 92–112.
45. Sweeney, Latanya. (2013). Discrimination in Online Ad Delivery. *ACMQueue*, 11, 1–10.
46. Datta, Amit et al. (2018). Discrimination in Online Advertising a Multidisciplinary Inquiry. *Proc. Mach. Learn. Res.*, 81, 1–15.
47. Benkler, Yochai, Robert Faris, Hal Roberts. (2018). *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*. Oxford, Oxford University Press.
48. May, Ashley. (2018, April 27). Took an Ancestry DNA Test? You Might Be a 'Genetic Informant' Unleashing Secrets about Your Relatives. *USA Today*. <https://www.usatoday.com/story/tech/nation-now/2018/04/27/ancestry-genealogy-dna-test-privacy-golden-state-killer/557263002/>
49. Lamotte, Sandee. (2017, December 27). After 60 Years of Friendship, They Learned They're Biological Brothers. *CNN*. <https://www-m.cnn.com/2017/12/27/health/friends-brothers-dna-discovery-hawaii-trnd/index.html?r=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F>
50. Crossland, Kiley. (2018, January 5). The Hidden Risks of At-home DNA Testing. *World*. https://world.wng.org/content/the_hidden_risks_of_at_home_dna_testing
51. Constine, Josh. (2015, April 28). Facebook Is Shutting Down Its API for Giving Your Friends' Data to Apps. *TechCrunch*. <https://techcrunch.com/2015/04/28/facebook-api-shut-down/>
52. Lewis, Paul. (2018, March 20). 'Utterly Horrifying': ex-Facebook Insider Says Covert Data Harvesting Was Routine. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/20/facebook-data-cambridge-analyticasandy-parakilas>
53. Ben-Shahar, Omri, Anu Bradford. (2012). Efficient Enforcement in International Law. *Chi. J. Int'l L.*, 12, 376–431.
54. Ben-Shahar, Omri, Kyle Logue. (2012). Outsourcing Regulation: How Insurance Reduces Moral Hazard. *Mich. L. Rev.*, 111, 197–248.
55. Insurance Information Institute. (1999). *HO3, Section I.E.6*. Insurance Information Institute. https://www.iii.org/sites/default/files/docs/pdf/HO3_sample.pdf
56. Liberty Mutual Insurance. (2019). Identity Fraud Expense Coverage. *Liberty Mutual Insurance*. <https://www.libertymutual.com/identity-theft-insurance>
57. McAfee. (2017). Grand Theft Data – Data Exfiltration Study: Actors, Tactics, and Detection. *McAfee Report*. <https://www.mcafee.com/us/resources/reports/rp-data-exfiltration.pdf>
58. Center for Strategic and International Studies. (2014, June 5). *Net Losses: Estimating the Global Cost of Cybercrime: Economic Impact of Cybercrime II. Intel Security*. https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/140609_rp_economic_impact_cybercrime_report.pdf
59. Norton Security. (2012, September 5). 2012 Norton Cybercrime Report. *Symantec*. https://www.symantec.com/about/newsroom/press-releases/2012/symantec_0905_02
60. Kramer, Ann. (2019, July 24). Ransomware, Data Breaches Expose Gaps in Cyber Insurance Market. *Bloomberg Law*.
61. Bar-Gill, Oren, Omri Ben-Shahar, Florencia Marotta-Wurgler. (2017). Searching for the Common Law: The Quantitative Approach of the Restatement of Consumer Contracts. *U. Chi. L. Rev.*, 84, 7–35.
62. Bode, Karl. (2016, March 17). AT&T Charges Steep Premium for Privacy, Calls it a 'Discount'. *DSL Reports*. <https://www.dslreports.com/shownews/ATT-Charges-Steep-Premium-for-Privacy-Calls-it-a-Discount-136511>
63. Google. (2019). Google Privacy Checkup. *Google*. <https://myaccount.google.com/privacycheckup>
64. Nesheim, Malden C. et al. eds. (2015). *A Framework for Assessing Effects of the Food System*. Washington, DC: National Academic Press. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK305182/>
65. Kohn, Jeff, Kelsey Kruger. (2016, November 17). Understand Pollution, Environmental Impacts from Food in 6 Charts. *GreenBiz*. <https://www.greenbiz.com/article/understand-pollution-environmental-impactsfood-6-charts>
66. Marotta-Wurgler, Florencia. (2016). Self-Regulation and Competition in Privacy Policies. *J. Legal Stud.*, 45, S13–S39.
67. Froomkin, A. Michael. (2000). The Death of Privacy? *Stan. L. Rev.*, 52, 1461–1543.

68. PrivacyGrade.org. (2014). Search Results for "facebook." Carnegie Mellon University. <http://privacygrade.org/apps/search?utf8=%E2%9C%93&q=facebook>
69. Johnson, Dominic, Simon Levin. (2009). The Tragedy of Cognition: Psychological Biases and Environmental Inaction. *Curr. Sci.*, 97, 1593–1603.
70. Adjerid, Idris et al. (2016). A Query-Theory Perspective of Privacy Decision Making. *J. Legal Stud.*, 45, S97–S121.
71. Jensen, Carlos, Colin Potts. (2004). Privacy Policies as Decision-Making Tools: An Evaluation of Online Privacy Notices. In *Proceedings of the 2004 Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 471–478). Vienna, Austria, ACM Press.
72. Pan, Yue, George M. Zinkhan. (2006). Exploring the Impact of Online Privacy Disclosures on Consumer Trust. *J. Retailing*, 82, 331–338.
73. Ben-Shahar, Omri, Carl Schneider. (2014). *More than You Wanted to Know: The Failure of Mandated Disclosure*. Princeton, NJ, Princeton University Press.
74. McDonald, Alecia M., Lorrie Faith Cranor. (2008). The Cost of Reading Privacy Policies. *I/S: J.L. & Pol'y for Info. Soc'y*, 4, 540–565.
75. Radin, Margaret Jane. (2013). *Boilerplate: The Fine Print, Vanishing Rights, and the Rule of Law*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
76. Willis, Lauren E. (2013). When Nudges Fail: Slippery Defaults. *U. of Chi. L. Rev.*, 80, 1155–1229.
77. Ben-Shahar, Omri, Lior J. Strahilevitz. (2016). Contracting over Privacy. *J. Legal Stud.*, 45, S1–S11.
78. Rosenberg, David. (1984). The Causal Connection in Mass Exposure Cases: A "Public Law" Vision of the Tort System. *Harv. L. Rev.*, 97, 849–949.
79. Dewees, Donald N. et al. (1996). *Exploring the Domain of Accident Law: Taking the Facts Seriously*. Oxford, UK, Oxford University Press.
80. Esty, Daniel C. (2004). Environmental Protection in the Information Age. *NYU L. Rev.*, 79, 115–211.
81. Koo, Jimmy H. (2017, December 12). Equifax Negligent in Data Breach, Community Banks Allege. *Class Action Litigation Report, Bloomberg BNA*. <https://news.bloomberglaw.com/class-action/equifax-negligent-in-databreach-community-banks-allege>
82. Keats Citron, Danielle. (2007). Reservoirs of Danger: The Evolution of Public and Private Law at the Dawn of the Information Age. *S. Cal L. Rev.*, 80, 241–297.
83. Viscusi, Kip. (2000). Foreword. In Richard L. Stroup and Roger E. Meineres, eds., *Cutting Green Tape: Toxic Pollutants, Environmental Regulation, and the Law*, ix. Piscataway & New Brunswick, NJ, Transaction Publishers.
84. Schroeder, Christopher H. (2002). Lost in the Translation: What Environmental Regulation Does That Tort Cannot Duplicate. *Washburn L. J.*, 41, 583–606.
85. Lin, Albert C. (2005). Beyond Tort: Compensating Victims of Environmental Toxic Injury. *S. Cal. L. Rev.*, 78, 1439–1528.
86. Shavell, Steven. (1987). *Economic Analysis of Accident Law*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
87. Harrell, Erika, Lynn Langton. (2017). *Victims of Identity Theft 2014*. U.S Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics. <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/vit14.pdf>
88. Brennan, Troyen A. (1988). Causal Chains and Statistical Links: The Role of Scientific Uncertainty in Hazardous-Substance Litigation. *Cornell L. Rev.*, 73, 469–533.
89. Solove, Daniel J., Danielle Keats Citron. (2018). Risk and Anxiety: A Theory of Data Breach Harms. *Tex. L. Rev.*, 96, 737–786.
90. Silverman, David L. (2017). Developments in Data Security Breach Liability. *Bus. L.*, 73, 215.
91. Gelpe, Marcia R., A. Dan Tarlock. (1974). The Uses of Scientific Information in Environmental Decisionmaking. *S. Cal. L. Rev.*, 48, 371–427.
92. American Law Institute. (1991). *Enterprise Responsibility for Personal Injury* (pp. 319–321). Philadelphia, PA, American Law Institute.
93. Ben-Shahar, Omri, Ariel Porat. (2018). The Restoration Remedy in Private Law. *Colum. L. Rev.*, 118, 1901–1952.
94. Solove, Daniel J., Paul Schwartz. (2017). *Information Privacy Law* (6th ed.). Philadelphia, PA, Wolters & Kluwer.
95. American Law Institute. (2010). *Principles of the Law of Aggregate Litigation*. Philadelphia, PA, American Law Institute.
96. Barnett, Kerry. (1987). Equitable Trusts: An Effective Remedy in Consumer Class Actions. *Yale L. J.*, 96, 1591–1614.
97. Abraham, Kenneth S. (2002). The Relation Between Civil Liability and Environmental Regulation: An Analytical Overview. *Washburn L. J.*, 41, 379–398.
98. Butler, Henry N., Jonathan R. Macey. (1996). Externalities and the Matching Principle: The Case for Reallocating Environmental Regulatory Authority. *Yale L. & Pol'y Rev.*, 14, 23–66.
99. Lin, Albert C. (2012). Public Trust and Public Nuisance: Common Law Peas in a Pod. *U.C.D. L. Rev.*, 45, 1075.
100. Sharkey, Catherine. (2003). Punitive Damages as Societal Damages. *Yale L. J.*, 113, 347–453.

101. Swanson, Elizabeth J., Elaine L. Hughes. (1990). *The Price of Pollution: Environmental Litigation in Canada*. Edmonton, Environmental Law Center.
102. Bradshaw, Karen. (2016). Settling for Natural Resource Damages. *Harv. Env. L. Rev.*, 40, 211–253.
103. American Law Institute. (2019). *Principles of the Law, Data Privacy: §§ 3–4*. American Law Institute.
104. Ben-Shahar, Omri, Adam Chilton. (2016). Simplification of Privacy Disclosures: An Experimental Test. *J. Legal Stud.*, 45, 42–67.
105. Barnhill, Allison Rosser. (1989). The Unraveling of California's Proposition 65. *Wake Forest L. Rev.*, 24, 367–408.
106. Barsa, Michael. (1997). California's Proposition 65 and the Limits of Information Economics. *Stan. L. Rev.*, 49, 1223–1247.
107. Bui, Linda T. (2005). Public Disclosure of Private Information as a Tool for Regulating Environmental Emissions: Firm-Level Responses by Petroleum Refineries to the Toxics Release Inventory. *Center for Economic Studies, U.S. Census Bureau, Working Papers*, 05–13.
108. Bae, Hyunhoe et al. (2010). Information Disclosure Policy: Do State Data Processing Efforts Help More than the Information Disclosure Itself? *J. Pol'y Anal. Mgmt.*, 29, 163–182.
109. Federal Trade Commission. (2012, March). Protecting Consumer Privacy in an Era of Rapid Change: Recommendations for Businesses and Policymakers. *Federal Trade Commission*. <https://www.ftc.gov/sites/default/files/documents/reports/federal-trade-commission-report-protecting-consumer-privacy-era-rapid-change-recommendations/120326privacyreport.pdf>
110. National Telecommunications and Information Administration. (2013). *Short Form Notice Code of Conduct to Promote Transparency in Mobile App Practices*. https://www.ntia.doc.gov/les/ntia/publications/july_25_code_draft.pdf
111. White House. (2012, February). *Consumer Data Privacy in a Networked World: A Framework for Protecting Privacy and Promoting Innovation in the Global Digital Economy*. White House. <https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/privacy-final.pdf>
112. Robinson, Matt. (2018, April 25). Yahoo to Pay First SEC Penalty over Its Response to Massive Hack. *Bloomberg BNA*. <https://news.bloomberglaw.com/tech-and-telecom-law/yahoo-to-pay-first-sec-penalty-over-its-response-to-massive-hack>
113. John D. Graham, Jonathan Baert Weiner eds. (1997). *Risk versus Risk: Tradeoffs in Protecting Health and the Environment*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
114. Schwartz, Paul M. (2013). The EU-US Privacy Collision. *Harv. L. Rev.*, 126, 1966.
115. Revesz, Richard L., Michael A. Livermore. (2011). *Rethinking Rationality: How Cost-Benefit Analysis Can Better Protect the Environment and Our Health*. Oxford, UK: Oxford University Press.
116. Jun, S-P, H.S Yoo, S. Choi. (2018). Ten Years of Research Change Using Google Trends: From the Perspective of Big Data Utilizations and Applications. *Technol. Forecast. Soc. Change*, 130, 69–87.
117. Ginsberg, Jeremy et al. (2009). Detecting Influenza Epidemics Using Search Engine Query Data. *Nature*, 457, 1012–1014.
118. Calo, Ryan. (2013). Consumer Subject Review Boards: A Thought Experiment. *Stan. L. Rev.*, 66, 97–102.
119. Schneider, Carl E. (1998). *The Practice of Autonomy: Patients, Doctors, and Medical Decisions*. Oxford, UK, Oxford University Press.
120. Congressional Budget Office. (2001, June). Evaluation of Cap-and-Trade Programs for Reducing U.S. Carbon Emissions. *Congressional Budget Office*. <https://www.cbo.gov/publication/13107>.
121. Stavins, Robert N. (2003). Experience with Market-Based Environmental Policy Instruments. In Karl-Göran Mäler and Jeffrey Vincent, eds., *Handbook of Environmental Economics* (pp. 355–435). Amsterdam, Netherlands, Elsevier Science.
122. Burtraw, Dallas, Sarah Jo Szambelan. (2009). *U.S. Emissions Trading Markets for SO₂ and NO_x. Resources for the Future, Discussion Paper*, 09–40.
123. Metcalf, Gilbert E., David Weisbach. (2009). The Design of a Carbon Tax. *Harv. Envtl. L. Rev.*, 33, 499–556.
124. Mossoff, Adam. (2004). Spam-Oy, What a Nuisance! *Berkeley Tech. L. J.*, 19, 625–666.
125. Zhang, Lily. (2005). The CAN-SPAM Act: An Insufficient Response to the Growing Spam Problem. *Berkeley Tech. L. J.*, 20, 301–332.
126. Walmart. (2017, November). Walmart Privacy Policy. *Walmart.com*. <https://corporate.walmart.com/privacy-security/walmart-privacy-policy>
127. Environmental Protection Agency. (2017). The Social Cost of Carbon: Estimating the Benefits of Reducing Greenhouse Gas Emissions. *Environmental Protection Agency*. https://19january2017snapshot.epa.gov/climatechange/social-cost-carbon_.html.
128. Johnston, Jason Scott. (2016). The Social Cost of Carbon. *Regulation*, 39, 36–44.
129. Office of the New York State Attorney General. (2014, July 7). *Information Exposed: Historical Examination of Data Breaches in New York State*. New York State Attorney General. https://www.ag.ny.gov/pdfs/data_breach_report071414.pdf.
130. Department of Justice. (2015, September). *Victims of Identity Theft, 2014, NCJ 248991*. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics. <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/vit14.pdf>

131. Ponemon Institute. (2017, June). *Cost of Data Breach Study: Global Overview*. Ponemon Institute. <https://www-01.ibm.com/common/ssi/cgi-bin/ssialias?htmlfid=SEL03130WEN&>
132. Juniper Research. (2017, March). Cybercrime Will Cost Businesses over \$2 Trillion by 2019. *Juniper Research: Press Releases*. <https://www.juniperresearch.com/press/press-releases/cybercrime-cost-businesses-over-2trillion>
133. Identity Theft Research Center. (2017). 2017 Annual Data Breach Year-End Review. *Identity Theft Research Center*. <https://www.idtheftcenter.org/images/breach/2017Breaches/2017AnnualDataBreachYearEndReview.pdf>
134. Agelidis, Yasmine. (2016). Protecting the Good, the Bad, and the Ugly: Exposure Data Breaches and Suggestions for Coping with Them. *Berkeley Tech. L. J.*, 31, 1057–1078.
135. Cheng, Long, Fang Liu, Danfeng (Daphne) Yao. (2017). Enterprise data breach: causes, challenges, prevention, and future directions. *WIREs: Data Mining and Knowledge Discovery*, 7, 1–14.
136. Schwartz, Paul M., Edward J. Janger. (2006). Notification of Data Security Breaches. *Mich. L. Rev.*, 105, 913–984.
137. Froomkin, A. Michael. (2009). Government Data Breaches. *Berkeley Tech. L. J.*, 24, 1019–1059.
138. Romanovsky, Sasha et al. (2011). Do Data Breach Disclosure Laws Reduce Identity Theft? *J. Pol’y Anal. & Management*, 30, 256–286.
139. Ponemon Institute. (2014, April). *The Aftermath of a Data Breach: Consumer Settlement*. Ponemon Institute. <https://www.ponemon.org/local/upload/file/Consumer%20Study%20on%20Aftermath%20of%20a%20Breach%20FINAL%202.pdf>
140. Kiernan, John. (2015, January 20). Fraud Liability Study: Which Cards Protect You Best? *Wallethub*. <https://wallethub.com/edu/fraud-liabilitystudy/25726/>
141. Pierce, Justin C. (2016). Shifting Data Breach Liability: A Congressional Approach. *Wm. & Mary L. Rev.*, 57, 975–1017.
142. LexisNexis. (2013, September). LexisNexis True Cost of Fraud Study: Merchants Struggle Against an Onslaught of High-Cost Identity Fraud and Online Fraud. *LexisNexis*. <https://www.lexisnexis.com/risk/downloads/assets/true-cost-fraud-2013.pdf>
143. Harrell, Erika, Lynn Langton. (2013). *Victims of Identity Theft 2012*. U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics. <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/vit12.pdf>
144. Pascual, Al et al. (2018, February 6). Identity Fraud: Fraud Enters a New Era of Complexity. *Javelin Strategy*. <https://www.javelinstrategy.com/coverage-area/2018-identity-fraud-fraud-enters-new-era-complexity>
145. Abraham, Kenneth S. (1986). *Distributing Risk: Insurance, Legal Theory, and Public Policy*. New Haven, Yale University Press.
146. Shavell, Steven. (1979). On Moral Hazard and Insurance. *Q. J. Econ.*, 93, 541–562.
147. Shavell, Steven. (2000). On the Social Function and Regulation of Liability Insurance. *Geneva Papers on Risk & Ins.*, 25, 166–179.
148. Talesh, Shaubin A. (2017). Data Breach, Privacy, and Cyber Insurance: How Insurance Companies Act as “Compliance Managers” for Business. *Law and Social Inquiry*, 43, 417–440.
149. Kunzman, Steven A. (1985). The Insurer as Surrogate Regulator of the Hazardous Waste Industry: Solution or Perversion? *Forum*, 20, 469–488.
150. Richardson, Benjamin J. (2002). Mandating Environmental Liability Insurance. *Duke Envtl. L. & Pol’y F.*, 12, 293–330.
151. Experian. (2017). Delivering Value in the Digital Age: Exploring UK Attitudes Towards Data. *Experian*. <https://engage.experian.co.uk/delivering-value-in-the-digital-age/>
152. Federal Trade Commission. (2013). Lost or Stolen Credit, ATM, and Debit Cards. *Federal Trade Commission, Consumer Information*. <https://www.consumer.ftc.gov/articles/0213-lost-or-stolen-credit-atm-and-debit-cards#Limit>
153. Rogers, Anna. (2015, October 21). Breast Implants: The Ticking Time Bomb in Millions of Women’s Bodies. *Collective Evolution*. <https://www.collective-evolution.com/2015/10/21/breast-implants-the-ticking-time-bomb-in-millions-of-womens-bodies/>
154. Turow, Joseph. (2008). The Federal Trade Commission and Consumer Privacy in the Coming Decade. *J. L. & Pol’y for Info. Soc.*, 3, 723–749.
155. Weiss, N. Eric, Rena S. Miller. (2014). *The Target and Other Financial Breaches: Frequently Asked Questions*. Cong. Research Serv., R43496. <https://fas.org/srg/crs/misc/R43496.pdf>
156. Wikipedia. (2019). Environmental Certification. *Wikipedia*. https://en.wikipedia.org/wiki/Environmental_certification
157. Zetter, Kim. (2009, March 9). Do Breach Notification Laws Work? *Wired*. <https://www.wired.com/2009/03/experts-debate/>
158. Ben-Shahar O. Data Pollution, *Journal of Legal Analysis*, 2019, Vol. 11, pp. 104–159.

Дата поступления / Received 29.10.2021

Дата принятия в печать / Accepted 10.11.2021

Э. Л. РУБИН¹

¹ Университет Вандербилта, г. Нэшвилл, шт. Теннесси, США

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ДЕМОКРАТИИ НА КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ДАЛЕЕ: ТЕОРИЯ НАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Эдвард Л. Рубин, профессор права и политологии, университет Вандербилта
E-mail: ed.rubin@vanderbilt.edu

Аннотация

Цель: проведение комплексного анализа влияния принципов демократического правления в государстве на корпоративное управление.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: в настоящей статье дается иное обоснование корпоративной демократии, основанной на принципе эквивалентности, а не аналогии. Эквивалентность состоит в том, что отдельный гражданин во многом одинаково воспринимает субординацию независимо от того, исходит ли она от государственного или частного субъекта. В политической системе демократия противостоит субординации через политическую автономию, предоставляемую каждому в виде права голоса, позволяющего контролировать властные структуры. По тому же принципу лица, зарабатывающие на жизнь своим трудом, должны, как мы считаем, контролировать институты, на которые они работают. Таким образом, демократические нормы, перенесенные в экономическую сферу, означают, что человек не должен зарабатывать себе на жизнь на условиях, определяемых другими людьми. Это положение можно назвать принципом народного экономического суверенитета.

Научная новизна: в работе впервые делается вывод о том, что современное понимание как государства, так и корпорации возникло из средневековой доктрины корпоративизма. Та же самая доктрина породила идею представительства, которая позволила отдельным лицам, не будучи лидерами структурированной иерархии, участвовать в принятии государственных решений; эта идея, несомненно, является одним из величайших достижений западной политической мысли. Представительство стало тем механизмом, с помощью которого утвердилось демократическое управление. По мере развития демократии объем представительства увеличивался, включив всех дееспособных взрослых людей. Эту расширенную концепцию представительства можно распространить на трудовые отношения, что послужит тем же целям, что и на политической арене, – личной автономии и противодействию угнетению. Корпорациями будут управляться советы, состоящие из членов, выбранных работниками; мелкие компании и индивидуальные предприниматели должны будут нанимать сотрудников на биржах труда, которые будут также управляться работниками.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с теорией народного экономического суверенитета.

Ключевые слова: демократия, народный экономический суверенитет, доктрина корпоративизма

© Рубин Э. Л., 2022. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (<http://rusjel.ru>) 25.03.2022

© Rubin E. L., 2022

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале University of the Pacific Law Review. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала: mgibney@pacific.edu.

Цитирование оригинала статьи на английском: Edward L. Rubin, *Extending Democracy to Corporate Governance and Beyond: A Theory of Popular Economic Sovereignty*, 53 U. Pac. L. Rev. 39 (2021).

URL публикации: <https://scholarlycommons.pacific.edu/uoplawreview/vol53/iss1/8/>

Благодарности: автор выражает благодарность Роберту Эшфорду [Robert Ashford], Маргарет Блэр [Margaret Blair], Роберту Куттеру [Robert Cooter], Эрику Ортсу [Eric Orts] и Рэндаллу Томасу [Randall Thomas] за помощь в подборе информации о корпоративном управлении и идеи, нашедшие отражение в данной статье.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Рубин Э. Л. Распространение принципов демократии на корпоративное управление и далее: теория народного экономического суверенитета // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 176–201. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.176-201>

The scientific article

E. L. RUBIN¹

¹ Vanderbilt University Law School, Nashville, TN, USA

EXTENDING DEMOCRACY TO CORPORATE GOVERNANCE AND BEYOND: A THEORY OF POPULAR ECONOMIC SOVEREIGNTY

E. L. Rubin, University Professor of Law and Political Science, Vanderbilt University
E-mail: ed.rubin@vanderbilt.edu

Objective: to carry out a comprehensive analysis of the impact of democratic governance principles in a state on corporate governance.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: the article proposes a different rationale for corporate democracy based on an equivalence, not an analogy. The equivalence is that subordination feels essentially the same to an individual whether a public or a private entity carries it out. In the political system, democracy counteracts subordination by giving everyone political autonomy, an independent voice in controlling the power structure. By the same reasoning, those who work for a living should arguably control the institutions for which they work. Thus, the norms of democracy, when translated into the economic realm, yield the principle that people should not work for their livelihood on terms another person establishes. This can be called the principle of popular economic sovereignty.

Scientific novelty: for the first time, the work makes a conclusion that the modern understanding of both the state and the corporation developed from medieval corporatist thinking. This same mode of thought generated the idea of representation that enabled individuals who were not leaders of a structured hierarchy to participate in state decisions, certainly one of the great insights of Western political thought. Representation became the mechanism by which democratic government was instituted. As democracy developed, the scope of representation expanded to include all competent adults. This same expanded concept of representation can be extended to employment relations and would serve the same purposes as it serves in the political arena – individual autonomy and opposition to oppression. Corporations would be controlled by boards elected by the workers; small employers and individuals would be required to hire employees from labor exchanges run by the workers who are being provided. This proposal, although it sounds radical and impractical, could rather easily be implemented for both major corporations and all other employment relationships as well, and might well be more economically efficient than current modes of economic organization, as well as being more fair to the workers.

The article was first published in English language by University of the Pacific Law Review. For more information please contact: mgibney@pacific.edu.

For original publication: Edward L. Rubin, *Extending Democracy to Corporate Governance and Beyond: A Theory of Popular Economic Sovereignty*, 53 U. Pac. L. Rev. 39 (2021). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1>.

Publication URL: <https://scholarlycommons.pacific.edu/uoplalawreview/vol53/iss1/8/>

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the theory of popular economic sovereignty.

Keywords: Democracy, Popular economic sovereignty, Corporativist thinking

Acknowledgements: The author thanks Robert Ashford, Margaret Blair, Robert Cooter, Eric Orts, and Randall Thomas for their assistance with the corporate governance information and ideas that are incorporated in this article.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Rubin, E. L. (2022). Extending Democracy to Corporate Governance and Beyond: a Theory of Popular Economic Sovereignty. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 176-201. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.176-201>

В настоящее время западные страны считают демократию единственным приемлемым режимом управления. Мы требуем демократии для страны в целом и для ее зависимых элементов, таких как штаты или провинции, города, а иногда и более мелкие и специализированные общественные образования. Поэтому естественным образом возникает вопрос, не следует ли применить ту же модель управления к корпорациям – важнейшим экономическим структурам нашего общества.

Рабочую демократию традиционно связывают с социализмом¹, при котором государство владеет средствами производства. Однако и в рамках капиталистической системы предлагаются варианты демократического управления корпорациями. В настоящее время такие варианты можно разделить на три основные категории. Первая – демократия работников, когда контроль над корпорацией полностью или частично осуществляется теми, кто в ней работает, а не ее владельцами². Вторая – демократия стейкхолдеров, когда все или некоторые решения принимаются теми, кто

напрямую зависит от корпорации, – это ее работники, а также субподрядчики, клиенты и связанные с ней организации³. Обе эти категории относятся к режимам корпоративного управления. Третья категория состоит в одном из вышеуказанных вариантов, но в этом случае понимается как способ, с помощью которого граждане могут участвовать в процессе управления и развить свои навыки такого участия в управлении общественными делами – в ситуации, когда широкое участие в общенациональном политическом процессе затруднено и, вероятно, нереалистично⁴.

При всех трех вышеуказанных подходах к корпоративному управлению взаимосвязь между политической демократией и корпоративным управлением остается неизменной. В первых двух категориях проводится аналогия между государственным управлением и управлением частным предприятием. Утверждается, что режим контроля или принятия решений, действующий в общественной сфере, можно перенести в частную сферу для достижения различных целей. Демократия в общественной сфере обосновывается как средство, позволяющее гражданам контролировать свое положение и избегать давления со стороны государства. В приложении к корпоративному управлению демократический процесс принятия решений предлагается в первом случае как средство достижения эффективности и повышения мотивации или удовлетворенности трудом. Во втором случае он рассматривается преимущественно как способ контролировать влияние корпорации на людей

¹ См., например, [1] (единой идеологией французского рабочего социализма была следующая: «Федералистский профсоюзный социализм, при котором средства производства находятся в коллективной собственности в рамках профессионального объединения»). См. в целом [2] (рабочая демократия была аргументом сопротивления давлению во время приватизации в Китае после 1980 г.); [3] (рабочая демократия предлагается в качестве основы социализма, сменяющего капитализм).

² [4. Рр. 114–134] (описываются примеры участия работников в управлении и программы управления). См. в целом [5] (обзор 43 работ, который показал, что большинство форм участия и контроля со стороны сотрудников повышают производительность труда).

³ См., например, [6–8].

⁴ См. в целом [9–11].

и лишь затем как средство повышения эффективности. В третьем случае проводится аналогия между индивидуальным поведением на рабочем месте и на политической арене. Таким образом, речь идет скорее о взаимоотношениях между личностями, чем между организациями, однако это все же аналогия.

В данной статье предлагается иное обоснование принципов корпоративного управления, а именно такое, которое охватывает все формы занятости. Оно основывается не на аналогии, а на эквивалентности. Эквивалентность состоит в том, что субординация воспринимается человеком практически одинаково, исходит ли она от государственной или частной структуры. В общественной сфере общепризнано, что она подрывает достоинство и независимость человека и приводит к потенциальному, а зачастую и реальному подавлению. Основываясь на этой эквивалентности, мы предлагаем иное обоснование корпоративного управления. Сторонники демократии в общественной сфере убеждены, что граждане страны должны осуществлять контроль над своим правительством. По той же причине работники должны, вероятно, контролировать те организации, в которых они работают. Таким образом, нормы демократии, перенесенные в область экономики, диктуют принцип, что люди не должны зарабатывать себе на жизнь по правилам, установленным другими людьми. Этот принцип можно назвать принципом народного экономического суверенитета.

Операциональный аргумент, который поддерживает это утверждение об эквивалентности между государством и корпорацией, является этиологическим. Оба указанных института в своей современной форме развились из средневековой доктрины корпоративизма. Оба они понимаются как юридические лица, структуры, способные к независимым действиям. Тем самым, они имеют одинаковую возможность доминировать и подавлять тех лиц, на которых распространяется их контроль. Чтобы дать этим лицам чувство независимости и защитить их от подавления, нужно создать из них отдельную юридическую структуру, которая сможет контролировать государство или корпорацию, будь то напрямую или – если государство или корпорация велики – через выбранных представителей.

В статье представлены пять этапов рассуждений. На первом этапе показано, что современное восприятие государства и корпорации берет начало

в средневековом корпоративном мышлении. Затем это же направление мысли породило идею представительства, позволившую лицам, не стоящим во главе структурированной иерархии, участвовать в принятии государственных решений. Далее представительство превратилось в механизм, устанавливающий демократическое управление. По мере развития демократии степень представительства расширялась, включая в себя все дееспособное взрослое население. Наконец, показано, что все та же расширенная концепция представительства может быть использована для описания корпораций и служить тем же целям, которым она служит на политической арене. В разд. I описываются два первых этапа: становление корпоративного мышления и концепции представительства в политике. Раздел II посвящен двум следующим этапам: использованию принципа представительства при демократии и расширению его границ. В разд. III показано, что эту расширенную идею представительства можно применить к корпорациям, поскольку их происхождение концептуально совпадает с происхождением государства. Автор приходит к выводу, что управляющей силой хозяйствующих субъектов в современном мире должны быть наемные работники, будь то напрямую или – что более типично – через выборных представителей. Этот принцип, который играет ту же роль на рабочих местах, какую демократия играет в политике, называется народным экономическим суверенитетом. На этом заканчивается теоретическая часть. В разд. IV показано, что предложение автора, хотя и выглядит достаточно радикальным и непрактичным, может быть применено как к крупным корпорациям, так и к другим типам трудовых отношений.

I. Теоретические основы народного экономического суверенитета

Для понимания может быть чрезвычайно важно посмотреть свежим взглядом на то, что давно кажется само собой разумеющимся. Это справедливо и для государства, и для бизнес-корпорации. Возможно, у предшественников западной цивилизации и были различные варианты организации этих структур, но их современные формы берут свое начало от так называемого готического периода, который гуманисты эпохи Возрождения ассоциировали с неграмотными варварами. Этот широко распространенный взгляд ничем не подкреплён. Эпоха готики, или Средневековья,

была одним из самых творческих периодов в истории человечества⁵, и два ее величайших достижения – концепции государства и корпорации. Эти концепции явились продуктом одного и того же теоретического прорыва и поэтому тесно связаны друг с другом на глубинном уровне, а не просто на уровне аналогии.

Как поясняет Ernst Kantorowicz, в эпоху раннего Средневековья люди считали евхаристический хлеб мистическим телом Христа (*corpus mysticum*), а Церковь – истинным телом Христа (*corpus verum*) [14. Рр. 195–197]. Это последнее понятие выводилось в средневековом обществе из представления, что то, что мы сейчас называем организациями, – это группы людей, объединенных эмоциональными узами – связями, основанными на их чувствах друг к другу. Экономические организации были предприятиями, которые управлялись семьями, связанными биологическим родством или узами брака, а также привязанностью между членами⁶. Политические организации представляли собой город, которому все его жители были верны [17; 18. Рр. 1236–1262], или королевство, целостность которого обеспечивалась верностью монарху. В ответ на споры XI в. о пресуществлении церковь стала считать хлеб реальным телом Христа (*corpus verum*). Таким образом, идея о мистическом теле Христа стала пониматься как описание Церкви – описание, которое соответствовало различным теоретическим тенденциям того времени и одновременно продвигало эти тенденции⁷.

При описании организации в качестве мистического тела она приобретает отдельную идентичность; она становится самостоятельной сущностью, способной к действию. Как только Церковь определили в этих терминах, государство, которое в Средние века соперничало с ней за власть, также стало возможно определять таким образом. Оно также стало *corpus mysticum*, но как преимущественно политический институт. Мистическое стало юридическим – оно по-прежнему было отдаленно связано с религиозными концепциями, но все больше становилось светским по мере того, как монархии превращались в более централизованные и обростали персоналом, офици-

альными документами и другими признаками администрации. Результатом стало, по словам Kantorowicz, «обозначение характера корпорации как ‘фиктивного’ или ‘юридического’ лица» [14. Р. 209]. В XII в. Иоанн Солсберийский обратился к известной аналогии между обществом и человеческим телом, в котором правитель ассоциируется с головой, военные и государственные чиновники – с руками, а крестьяне – с ногами [20]. Теперь, однако, это воображаемое существо представлялось в виде функционирующего единства – «политического тела», главой которого является король как юридическая, т. е. бессмертная, функция, а не личность. Kantorowicz цитирует мысль итальянского юриста XIV в. Луки да Пенне о том, что «люди морально и политически объединяются в республике, которую возглавляет суверен» [14. Р. 216]. Наглядным изображением этой концепции является знаменитый фронтиспис «Левиафана» Гоббса, на котором показан монарх, чье тело составлено из множества тел его подданных, поднимающийся над страной с мечом и скипетром в руках⁸.

Когда и церковь, и государство начинают восприниматься как юридические лица – отделенные от составляющих их людей, а значит, свободные от смертности, присущей их физическим телам, – открываются возможности для создания других таких же бессмертных объектов. С тех пор как германские завоевания положили конец централизованной власти Рима в Европе, короли возникающих государств жаловали права на управление своим сторонникам и союзникам, обычно в форме предоставления земель, что сформировало феодальную систему⁹. Начиная с XII в., когда развитие торговли и производства начало превращать феодализм из системы управления в церемониальную систему¹⁰, монархи зарождающихся национальных государств стали выпускать хартии для групп людей, которые создавали это важнейшее экономическое развитие или создавались им. В частности, были выпущены юридические хартии, устанавливающие семейные предприятия или деловые партнерства как первые корпорации¹¹. В то же время появлялись хартии городов как растущих центров

⁵ См. в целом [12, 13].

⁶ См. в целом [15. Рр. 1–12; 16].

⁷ [14. Рр. 197–208]; см. [19. Рр. 351–390] (обсуждается движение за Григорианскую реформу как основной тренд).

⁸ [21] (репродукция оригинального фронтисписа 1651 г.).

⁹ См. [22. Рр. 145–210; 23. Рр. 141–156]. См. в целом [24].

¹⁰ См. в целом [25. Рр. 950–1350; 17. Рр. 49–67].

¹¹ См. [26. Рр. 88–91]. См. в целом [27].

коммерции [28. Рр. 950–1350; 26. Рр. 92–129; 29. Рр. 87–114, 141–157; 17. Рр. 35–48]. И тот и другой тип хартий создавал структуры, обладавшие статусом юридического лица, *corpus mysticum*, при этом юридические характеристики заняли место мистических [27. Рр. 199–217].

В тот период оппозицию централизованной власти монархов составляли две силы: католическая церковь и аристократия. Церковь, несмотря на довольно отчаянные попытки сохранить свое влияние путем организации крестовых походов¹², быстро теряла его благодаря появлению университетов. Их выпускники – преимущественно юристы – могли противостоять существовавшей тогда монополии церкви на грамотных чиновников. Кроме того, различные территориальные захваты и распады приводили к появлению солдат (преимущественно наемных), которые воевали за деньги, а не за веру. Попытки церкви контролировать назначение священников повысили авторитет папства на короткий срок, однако вызвали титаническую борьбу с монархами, которая с течением времени ослабляла власть церкви¹³. В результате церковь сама способствовала возникновению Великого раскола, который в основном положил конец возможностям церкви противостоять монархам¹⁴ и стал предвестником дальнейшего краха ее влияния в эпоху Реформации¹⁵.

Аристократия оказалась сильнее. Ее военная мощь быстро угасала по мере того, как монархи обращались к наемникам, обладавшим большей мощью на поле боя, и организовывали артиллерию, которая могла сокрушить их замки. Аристократия дольше удержи-

вала рычаги местного управления, поскольку владела сельскохозяйственными угодьями, но постепенно и эта власть перешла в руки королевских органов управления, состоявших из тех же выпускников университетов [38; 39. Рр. 257; 40. Рр. 29; 41. Р. 3]. Однако у аристократии оставался еще такой ресурс, как закон и традиции, что в данном случае оказалось более надежным, чем сталь, камни или земля. Феодализм явно склонялся к упадку, но аристократы, чьи боевые схватки свелись в основном к турнирам, защищали свои абстрактные права и привилегии с неугасимым пылом [22. Рр. 320–331].

В период централизации монархий корпоративизм стал для них эффективным ответом на юридические и обычные права аристократии. Одной из причин успешного удержания позиции и привилегий аристократии было то, что ее статус основывался на том же источнике, что и у монархии, а именно контроле над землей. Однако корпоративные хартии, выпускавшиеся монархами для торговых и производственных организаций, создали юридические структуры, чьи владельцы и управляющие строили свое богатство на менее благородных занятиях; это ставило их общественный статус в зависимость от монарха. Города, получившие хартию от монарха как корпоративные структуры, также оказывались выведены из феодальной системы, а значит, также зависели напрямую и исключительно от монарха. В Священной Римской империи, где хартии распространили свое влияние на восток и способствовали появлению Ганзейских портов, была поговорка: «Городской воздух дает свободу» [15. Р. 4; 42. Р. 343]. Это не было намеком на сибаритский или анонимный образ жизни в городах, а отражало тот факт, что крепостные, проведя более одного года в городе, получали независимость от своих феодалов и становились прямыми подданными короля.

Свободные жители городов и других территорий, получивших хартии, в дальнейшем развили принцип политического представительства. Феодальные законы и обычаи давали королям различные источники дохода, которые могли иносказательно называться карукаж, передача земли в обмен на вечное поминовение, скутагий (налог за освобождение от военной службы), пошлина в пользу сюзерена и меркет (налог при выдаче дочери замуж), но все они оказались бесполезными в отношении юристов, управленцев,

¹² См. в целом [30].

¹³ См., например, [19. Рр. xvi–xx, 374–390] (объясняется ситуация борьбы за инвеституру как конфликт императора Генриха IV и папы Григория VII о назначениях высших священников); [31. Рр. 105–236; 32. Рр. 154–173] (обсуждается конфликт короля Иоанна Безземельного с папой Иннокентием III относительно назначения Стефана Лэнгтона архиепископом Кентерберийским).

¹⁴ См. в целом [33; 34. Рр. 297–331; 35]. Великий раскол заключался в отделении Восточной православной церкви от Римско-католической церкви в 1054 г. В свою очередь, Великий западный раскол, который продолжался с 1376 по 1417 г., состоял в соперничестве Рима и Авиньона по поводу папской власти; в целом общепризнано, что он подорвал положение церкви как института в глазах народа.

¹⁵ См. в целом [36, 37].

солдат, которые нужны были для централизации государства. Обойти эти ограничения и установить новые налоги короли могли только с согласия тех, кто будет эти налоги платить¹⁶. Такое согласие должно было быть получено от всех трех сословий, на которые подразделялось общество, – духовенства, аристократии и простого народа¹⁷. Запрос на такое согласие, хотя и не предполагавший обязательного согласия, было несложно сделать в отношении духовенства, организованного по принципу строгой иерархии с четко обозначенными лидерами. Аристократия также имела свою иерархию в рамках феодальной системы, и лишь относительно небольшое число аристократов были непосредственными вассалами короля (главными владельцами лена). В Англии во время подписания Великой хартии вольностей в 1215 г. таких было всего 25, и, вероятно, именно о них – и уж точно не о малом жюри присяжных – говорится в знаменитой главе 39, в которой король Иоанн обещает не подвергать суду или наказанию никого из подписавших данную хартию «иначе как по законному приговору равных ему» [49. Рр. 448, 461].

Сложнее было получить согласие третьего сословия – свободных людей, которые проживали в городах, получивших королевскую хартию, или владели собственными наделами земли. Эта часть общества быстро росла по мере возрождения торговли и, соответственно, богатела. Но как получить согласие этой обширной, разбросанной и неиерархической группы? Со временем было выработано решение: они должны были собираться на местах и выбирать из своей среды представителей, которые затем присоединятся к духовенству и аристократии в советах или собраниях для одобрения дополнительных налогов. Ученые определили, что процесс выбора гражданами своих представителей был заимствован из римского граж-

данского права, в частности, положение *Quod omnes tangit, ab omnibus approbetur*: «То, что затрагивает всех, должно быть одобрено всеми» [50. Рр. 61–67; 51. Рр. 97–133; 52; 53].

В тот период появлялось множество комментариев к римскому праву [54–55], поэтому неудивительно, что такое положение было концептуально понятно людям. Однако без развития корпоративистского мышления его нельзя было перенести из области гражданского права в область управления налогами. Группа лиц, избиравшая и одобрявшая своего представителя, должна была восприниматься как юридическое лицо, как субъект, уполномоченный на такие действия. Представитель должен был восприниматься как некто, действующий от имени юридического субъекта, выражающий коллективное согласие этого субъекта так же, как это делает церковь – *corpus mysticum* – или небольшая группа высшей аристократии. Это было огромным шагом вперед по сравнению с Древней Грецией или Древним Римом¹⁸.

Бизнес-корпорации пошли по несколько иному, хотя и родственному, пути. Здесь концепция представительства также оказалась полезной, но это было представительство капиталовложений, а не отдельных людей. Королевская хартия могла передать конкретный рынок отдельному лицу или группе лиц, тем самым создавая корпоративную единицу, во многом так же, как король жаловал «надел» для управления королевской собственностью, сбора налогов на определенной территории или сбора войска для военных целей. Со временем образовались более крупные предприятия, требующие капитала, который они получали от выпуска акций – долей в прибылях предприятия. Поскольку эти предприятия воспринимались как юридические лица, способные действовать автономно, постольку они могли управляться выборными представителями акционеров [55; 27. Рр. 146–199]. Эта организационная структура не является демократией, она фактически предшествовала демократии на протяжении нескольких веков. Однако она вышла из того же, что и демократия, концептуального источника в корпоративистском мышлении Средневековья.

¹⁶ См. в целом [43. Р. 473; 44. Р. 449].

¹⁷ По такому принципу были организованы французские Генеральные штаты. См. в целом [45] (описывается последнее заседание Генеральных штатов перед Французской революцией и обобщаются предшествующие события). В английском Парламенте духовенство и аристократия заседали вместе в Палате лордов, тогда как представители народа заседали отдельно. См. [46]. В Средние века люди в целом воспринимали общество как состоящее из этих трех сословий. См. [47; 48; 18. Рр. 236–237]. Их часто называли терминами *oratores, bellatores* и *laboratores* – те, кто молится, кто сражается и кто работает.

¹⁸ См. [56. Рр. 293–298] (описывается история демократии с фокусом на Древней Греции).

II. Представительство как механизм экономического народного суверенитета

Как следует из вышесказанного, политическое представительство развилось не как один из элементов демократии. Напротив, с его помощью монархи стремились расширить свою власть, получить экономические ресурсы, которые были нужны им, чтобы пошатнуть влияние церкви, подавить аристократию и, конечно, вести войны друг против друга¹⁹. Во Франции и Испании этот инструмент был незначительным благодаря абсолютизму XVI–XVII вв., когда монархи могли отбросить всякие ограничения своей власти со стороны феодалов и назначать такие налоги, которые были способны вынести экономики и население их стран²⁰. В Англии, однако, представительство расцвело, и попытки Стюартов насадить абсолютизм закончились переворотом со стороны Парламента – представительного собрания²¹. За ним последовала диктатура, восстановление монархического правления Стюартов, еще одна революция [62–64], а затем постепенное расширение роли Парламента в управлении²². К концу XVIII в. этот процесс привел к появлению режима, который мы теперь называем демократией и который быстро переняли революционные правительства во Франции и в только что образованных Соединенных Штатах.

Таким образом, политическое представительство, хотя и возникло как инструмент централизации монархии, развилось в Англии в демократическую систему, которая затем была заимствована Францией и Соединенными Штатами в ходе демократических

революций. К началу XIX в. представительство стало важным, а возможно, и определяющим свойством демократического управления по мере распространения этого типа управления в западном обществе.

Еще раз подчеркнем, что это было важнейшее достижение. Такой подход был неизвестен древнегреческой демократии, которая, несомненно, является главной предшественницей нашей нынешней политической системы. В Афинах политика определялась собранием всех граждан – сейчас мы называем это прямой демократией, в отличие от представительской; чиновники выбирались по жребию²³.

Фактически крах Римской империи можно объяснить – по крайней мере частично – ее неспособностью создать систему представительства, объединяющую население ее огромной территории с центральным правительством.

Как только представительство стало средством установления демократического правления в современных западных странах, объем избирательных прав стал предметом ожесточенных споров. Во время перехода к демократии в Британии многие члены Палаты общин происходили из крошечных округов, которые назывались карманными округами, потому что голоса горстки живущих в них избирателей находились в распоряжении местного магната, или гнилыми округами, потому что этот магнат обеспечивал себе их поддержку с помощью различных форм взяточничества [72. Рр. 29–43, 112–122; 73. Рр. 7–44]. От этих округов, часто размером менее тысячи избирателей, выбира-

¹⁹ По-видимому, идея о связи представительного собрания с принципами демократического правления была впервые развита в период гражданской войны в Англии группой писателей – радикальных республиканцев, среди которых следует особо отметить Джеймса Харрингтона, Элджернона Сидни и Генри Невилла. См. [58]. Например, Харрингтон предлагал следующее: «Демократия... состоит из отдельных групп... подчиненных сенату, который состоит из не более чем трехсот сенаторов, и народному собранию, которое состоит из не менее чем тысячи депутатов, каждый из которых... заменяется на одну треть во время ежегодных выборов в указанных группах; при этом в сенате проходят дебаты, а народное собрание принимает решения по всему содружеству» [59. Р. 261].

²⁰ См. в целом [60, 61].

²¹ См. в целом [62, 63].

²² Центральной фигурой этого процесса был премьер-министр Великобритании Роберт Уолпол. См. в целом [67–69].

²³ В экклесии (собрании), которое – по крайней мере теоретически – принимало все важные решения, могли участвовать все граждане с равным правом голоса. На нем выбирались военачальники, по одному от каждой из десяти афинских общин; однако, согласно Аристотелю, эти выборы проходили по олигархическим, а не демократическим принципам. Тем не менее эти десять военачальников выбирались именно в экклесии, и ожидалось, что они будут эффективно выполнять свои обязанности как военачальники, а не выступать в интересах своей общины. Хотя члены Буле (совета), который определял повестку экклесии и приводил в исполнение ее решения, представляли все общины в равном количестве, они избирались по жребию, а Буле был структурирован по принципу преемственности власти, а не совещательного органа с участием каждой общины. См. [70; 71. Рр. 476–502]. См. в целом [56. Рр. 77–90, 105–122]. Исследователи в целом согласны с тем, что афинская конституция не была написана Аристотелем, но скорее является одним из дошедших до нас примеров изучения конституций греческих полисов, написанных его учениками.

лись по два члена Парламента, так же, как и от таких активно развивающихся промышленных городов, как Бирмингем и Манчестер с десятками тысяч избирателей²⁴. Широко известно, что Эдмунд Бёрк показал, как представители этих сельских продажных округов обеспечивают «виртуальное представительство» жителей промышленных центров²⁵, но это не могло убедить горожан примириться с ситуацией. Их требования пропорционального представительства стали одним из самых спорных вопросов британской политики XIX в., поставив общество на грань социальной революции и приведя к появлению двух законопроектов (в 1832 и 1867 гг.), которые постепенно сгладили эту проблему [77. Рр. 43–50; 73. Рр. 57–76, 234–279; 78. Рр. 172–179].

С ней был тесно связан вопрос об имущественном цензе. В 1830 г., когда Вильгельм IV стал первым по-настоящему конституционным монархом территории, которая была на тот момент Соединенным Королевством, на парламентских выборах могли голосовать лишь около 300 тысяч человек из 16-миллионного населения, включая 6 миллионов взрослых мужчин [79. Р. 403]. Сказать, что имущественные ограничения определяли эти цифры, будет, пожалуй, преуменьшением этого аспекта. Фактически именно обладание собственностью, а не гражданством давало человеку право голосовать; эта ситуация во многом сходна с корпоративным управлением. Человек, владевший собственностью в определенном районе, мог голосовать там, даже если проживал в другом месте, а тот, кто владел собственностью в нескольких округах, мог голосовать в каждом из них. В так называемых городских ленах [участках городской земли, арендованных у феодала] голоса принадлежали арендаторам конкретных объектов недвижимости, а кандидат мог

выкупить их и передать своим сторонникам [80. Р. 64]. Выступая в защиту такого положения, герцог Веллингтонский, премьер-министр действовавшего в то время правительства тори, не вполне точно, но показательно отметил, что «ни в одной части света демократия не устанавливалась без того, чтобы немедленно не объявить войну против собственности» [77. Р. 49].

Как во Франции, так и в Соединенных Штатах идея о том, что народ состоит из личностей, а не владельцев имущества и что к этим личностям нужно относиться равноправно, стала частью их революционных идеологий. Во Франции в разгар революции было введено всеобщее избирательное право для взрослых мужчин при выборах в Национальный конвент, однако при консервативном режиме после поражения Наполеона ввели имущественные ограничения, превосходившие таковые в Британии, – избирательные права для выборов в законодательные органы имели всего 90 тысяч мужчин при общей численности населения более 26 миллионов; после Революции 1830 г. это число возросло до 241 тысячи [80. Рр. 78, 98]. Революция 1848 г. во многом была сознательным повторением своей предшественницы; всеобщее избирательное право для мужчин было восстановлено, однако диктатура Наполеона III превратила французские выборы в шараду – политическую игру, результаты которой были известны заранее, но тщательно скрывались от избирателей с помощью целого спектра манипулятивных методов [82. Рр. 95–133]. Потребовалась еще одна революция, прежде чем граждане смогли по-настоящему воспользоваться революционным принципом всеобщего избирательного права для мужчин [83. Рр. 25–39].

В Соединенных Штатах отцы-основатели настолько сконцентрировались на создании механизма не прямых выборов президента и сенаторов, что оказались уже не в силах определить механизм выбора членов палаты представителей – единственных избираемых напрямую – и оставили этот вопрос в ведении штатов²⁶. Многие штаты наложили имущественные ограничения, но постепенно сняли их в течение последующих десятилетий [84. Рр. 117–280; см. в целом 85. Р. 219], вероятно, благодаря духу эгалитаризма, о котором писал Токвиль [86]. Однако сразу возникли

²⁴ [73. Рр. 45–76, 165–197]; см. там же. Р. 166 («В небольших избирательных округах... власть патрона была так велика, что голоса можно было получить без всякого взяточничества. Однако в более крупных округах, где электорат был более независим, эта независимость рассматривалась просто как возможность продать свой голос тому, кто больше заплатит»).

²⁵ См., например, [74. Р. 155]; см. [75. Рр. 168–189] (обсуждается теория представительства Бёрка, включая противопоставление доверительного и проводникового представительства и положение о виртуальном представительстве); [76. Р. 83] (обсуждается ведение политических дебатов в Парламенте до появления теории Бёрка в свете непропорционального представительства различных избирательных округов).

²⁶ См. U.S. Const., art. I, § 2, cl. 1.

противоположные тенденции, например, лишение избирательных прав «неимущих», которые получали финансовые пособия; эти ограничения имели место еще долгое время, пока не были окончательно отменены [87. Р. 335].

Вплоть до XX в. избирательные права принадлежали исключительно мужчинам; в 1893 г. Новая Зеландия стала первой демократической страной, в которой эти права были предоставлены женщинам²⁷. Такое положение частично оправдывалось тем, что голосовать должны главы домохозяйств или полностью независимые граждане, однако это опровергается тем, что права голоса были лишены вдовы и незамужние женщины, некоторые из которых владели значительным имуществом; это свидетельствует о том, что прямая дискриминация и мизогиния были не менее значимой причиной. Несложно связать расширение избирательных прав на женщин с изменением их положения в гражданском обществе, однако этих изменений было недостаточно для сохранения полученного избирательного права. Борьба суфражисток, которая состояла в агитации, политическом давлении и демонстрации способности к независимым действиям, была необходима, пока демократические страны в конце концов не ввели избирательные права для женщин [90–92]; в некоторых случаях это произошло не скоро – например, во Франции – в 1944 г., а в Швейцарии – в 1971 г. [89. Р. 744].

Утверждение Бёрка о том, что представители сельских продажных «карманных» или «гнилых» округов Британии обеспечивают виртуальное представительство огромного населения промышленных городов, могло бы показаться абсурдным, выражающим бездумный традиционализм или откровенную коррумпированность, если бы он не продемонстрировал свой здравый смысл и честность, признав, что ни один англичанин не может стать таким представителем для американских колонистов [93; 74. Р. 233–293]. В XIX в. то же самое утверждение привело к обретению независимости большинством колоний в обеих

Америках, которые перестали верить, что их основатели представляют их интересы [94. Рр. 149–210; 95]. В XX в. к такому же выводу пришло население колоний в Африке и Азии²⁸. Конечно, не все освобожденные колонии стали демократическими государствами, но таковых значительное число²⁹, а некоторые в настоящее время являются более демократическими, чем Соединенные Штаты, судя по оценкам независимых агентств³⁰. В любом случае очевидно, что ни один из этих режимов не мог бы считаться демократическим, если бы не получил независимости.

Несложно определить принцип, послуживший основой расширения избирательных прав на городское население, мужчин, не имеющих собственности, женщин, колонизированные народы. Это принцип народного политического суверенитета, т. е. убежденность в том, что в рамках демократического процесса каждый человек должен иметь голос и никто не должен зависеть от других при выражении своей позиции. Разумеется, в современном государстве люди не могут выражать свое мнение непосредственно, как это происходило в Афинах или маленьких городах-полисах в Древней Греции³¹. Голоса граждан передают представители – великое политическое новшество западного общества, которое зародилось как инструмент королевской власти и превратилось в характерную черту государств, пришедших ей на смену. Таким образом, более строго этот принцип определяется так: каждый гражданин должен иметь

²⁸ См. в целом, например, [96, 97]. См. также [98]. Алжир играл особенно важную роль в осмыслении краха колониализма в результате освободительного движения, поскольку в этой стране борьба за независимость была особенно ожесточенной, а также благодаря большому количеству талантливых авторов – как собственных, так и зарубежных, – которые писали об этой борьбе. См. в целом [99–102].

²⁹ [94. Рр. 269–376]. См. в целом [103, 104].

³⁰ Economist Intelligence Unit, the Democracy Index 2020: In Sickness and in Health? (2021); Freedom House, Freedom in the World 2021: Democracy Under Siege (2021). Обе указанные организации в своих рейтингах ставят Чили, Коста-Рику и Уругвай выше США, а также выше Австралии, Канады и Новой Зеландии, т. е. британских переселенческих колоний, которые стали независимыми в XIX или XX в. Другие крупные постколониальные страны, которые указанные организации в своих рейтингах признают демократическими, хотя и с оговорками, – это Бразилия, Аргентина, Перу, Гана, Южная Африка, Индия, Малайзия, Индонезия, Филиппины.

³¹ См. [56. Рр. 145–169]. См. в целом [105].

²⁷ [88; 89. Рр. 735, 743–744] (перечислены страны, предоставившие женщинам избирательные права между 1890 и 1990 гг. с указанием года, когда эти права были впервые предоставлены; показано, что избирательное право для женщин является международной нормой, которая в течение XX в. стала преобладать над отдельными нормами конкретных стран).

право голоса при выборе представителей, которые затем осуществляют управление от имени граждан.

По мере развития демократических государств этот принцип стал общепринятым, с уточнением, что все граждане имеют равные голоса при выборе представителей. Это не значит, что голос каждого имеет одинаковое значение. Такой стандарт был бы слишком жестким и, вероятно, невыполнимым на практике, а возможно, недостижимым и в теории³². Идея равенства применима скорее к входным, чем к выходным данным. Каждый имеет равное количество голосов (обычно один, но это не обязательно), даже если некоторые из них оказывают большее влияние на результат из-за разделения на округа, методов подсчета или особенностей демографии. Нормативный принцип состоит в том, что каждый человек действует

независимо от всех других избирателей и находится в равных условиях, по крайней мере, с юридической, если не с прагматической точки зрения.

Сохраняющиеся до сих пор исключения из избирательного права можно объяснить тем, что это право находится в процессе развития, хотя с той же точки зрения их можно и раскритиковать. Право голоса не входит в число прав человека, как свобода совести или свобода слова, но является политическим правом, т. е. правом участия в организованном субъекте государственного управления. Оно основано на двойственной концепции корпоративизма, появившейся в Средние века. С одной стороны, государство является юридическим органом, четко очерченным субъектом, обладающим способностью к действиям. С другой – избирательный округ каждого представителя также является юридическим органом, субъектом, который может выбрать отдельное лицо или небольшую группу лиц, которые будут действовать в его интересах. Таким образом, государство ограничивает голосование теми, кого признает в качестве составных частей государства и членов избирательных округов. Эти лица наделены правом голоса, следовательно, именно они выступают от своего имени. Однако могут возникнуть вопросы относительно посторонних лиц, которые проживают в данном избирательном округе, но не являются членами другого политического субъекта³³; эта проблема требует наличия общих норм натурализации или принятия в члены сообщества³⁴. Обоснованием исключения не членов сообщества из числа избирателей служит не то, что другие выступают от их имени, а то, что они не имеют права выступать за это сообщество.

Еще одно значительное исключение из избирательного права – это дети, которые, в отличие от первой категории, являются членами данного сообщества; однако государство отказывает им в праве голоса.

³² Процедуры выбора членов законодательных органов могут быть различными, при этом каждый вариант дает преимущества одной какой-либо группе избирателей перед другими. Основное разделение лежит между одномандатными и многомандатными округами. В настоящее время первые распространены в Великобритании и многих странах, испытавших на себе ее влияние, например, в Соединенных Штатах. В большинстве случаев победителем становится тот, кто набрал наибольшее количество голосов, что описывается термином из области конного спорта «первый на финише». В большинстве современных демократий используется система пропорционального представительства. Иногда, как, например, в Израиле, Нидерландах и Словакии, выбираются все члены законодательных органов; чаще страна разбивается на округа, от которых избираются от двух до 70 представителей. См. в целом [106, 107]. Если используется пропорциональное представительство, необходимо определить, каким образом количество голосов будет переводиться в количество мест. Предположим, в округе, от которого выбирается три представителя, одна партия получила 48 % голосов, вторая – 22 %, третья – 17 %. Поскольку первая партия получила в два раза больше голосов, чем вторая, должна ли она направить двух представителей, вторая – одного и третья – ни одного? Или каждая партия должна направить по одному представителю? Два самых распространенных метода решения этого вопроса – метод Д'Ондта (*D'Hondt Divisors method*) и метод наибольшего остатка (*Hare Quota and Largest Remainders method*, *HQLR* – метод Хейра – Нимейера) в честь теоретиков политологии, которые дали им определения. Оба эти метода дают преимущество небольшим партиям по сравнению с одномандатными округами, но метод Хейра делает это преимущество более выраженным, чем метод Д'Ондта. См. [108. Рр. 535–597; 109; 73. Рр. 61–66]. Оба эти метода валидны; они не являются злоупотреблениями, как «избирательная география» («джерримэндеринг», перекройка избирательных округов с целью обеспечения результатов выборов, удобных данной партии) или давление на избирателей. Однако при выборе того или иного метода значение отдельного голоса будет различным.

³³ См. в целом [110. Р. 153]. Аргументация заключается в том, что в определенный момент постоянные жители становятся членами сообщества, даже если не могут стать гражданами по законам страны. При этом никто не выступает за предоставление права голоса лицам, временно посещающим страну.

³⁴ В целом состояние безгосударственности является серьезной проблемой в области прав человека в современном мире, особенно в свете Вестфальской системы международных отношений, согласно которой обитаемая часть Земли подразделена на суверенные государства. См. в целом [111, 112. Р. 156].

Обоснование для этого общеизвестно, но тоже подвергается критике. Во-первых, дети младше определенного возраста не обладают компетентностью в области принятия политических решений и выражении собственных взглядов. Однако в этом случае следует обозначить границу, и граждане должны приобретать права по мере приближения к ней. Это относится к любой границе, и индивидуальное определение уровня компетентности является, как правило, запретительным³⁵. Во-вторых, исключение детей из числа избирателей не является проявлением несправедливости, поскольку каждый взрослый был когда-то ребенком и не имел права голоса в течение того же срока, что и любой другой человек. В-третьих – и это наиболее существенно для целей настоящего исследования – общество считает, что взрослые избиратели имеют право голосовать от имени своих детей, так как они будут принимать решения в интересах своих детей. Разумеется, некоторые взрослые не имеют детей, но практически каждый ребенок имеет хотя бы одного взрослого, ответственного за его благополучие³⁶. В нашем обществе сложилась практика почти нерегулируемого делегирования прав детей их родителям, обоснованная тем, что родители будут действовать в интересах детей. В эти широкие полномочия включается и право выступать от имени ребенка по вопросам политического представительства³⁷.

Третья группа лиц, исключенных из избирательного процесса, – это некомпетентные лица, т. е. те, кого общество считает умственно или психически неполноценным для понимания процесса или результатов выборов. В этом также есть противоречие, так как законы многих штатов отражают устаревшие и несправедливые взгляды на психические нарушения

ния³⁸. Для целей настоящего исследования достаточно отметить, что любое законное ограничение такого рода должно определять заболевание как неспособность индивида выступать в собственных интересах и функционировать как независимое лицо. Таким образом, лишение этих лиц избирательного права имеет то же обоснование, что и исключение детей, а именно: по мнению нашей законодательной системы, они не могут выступать в своих интересах, а следовательно, за них должны выступать другие люди³⁹.

Еще одна группа, которую исключают из избирательного процесса некоторые штаты США, – это лица, в настоящее время или в прошлом осужденные за фелонию (тяжкие преступления)⁴⁰. Для первых обоснование такое же; согласно закону, они должны находиться под надзором других лиц и им запрещено действовать от своего имени. Что касается лиц, в прошлом осужденных за фелонию, мы не будем касаться обоснования для лишения их избирательного права. Такого обоснования нет, и существующая во многих штатах США практика такого рода является нарушением прав человека.

III. Механизм представительства как основа экономического народного суверенитета

Теперь мы можем перенести идеи корпоративизма, изложенные в разд. I, и концепцию представительства, описанную в разд. II, из политической сферы в область экономики. Теоретики политологии, которые предвидели возможность такого переноса, обычно сосредоточивались на распределении богатства. Некоторые, например Аристотель [71. Рр. 491–493, 506–507] или герцог Веллингтонский [77. Р. 49], были глубоко озабочены вероятностью того, что демократия потребует определенного уровня распределения богатства

³⁵ Это положение также подвергается критике. См. [113. Рр. 136–144; 114. Р. 215]. См. в целом [115. Р. 133; 116. Р. 108].

³⁶ В настоящее время в Соединенных Штатах около 73 миллионов детей. См. U.S. Census Bureau, Current Population Reports. URL: <https://www.childstats.gov/americaschildren/tables/pop1.asp> (дата обращения: 25.08.2021). Без родительского попечения и под опекой находятся 443 тысячи детей, т. е. всего около 0,6 %. Кроме того, можно отметить, что само по себе наличие опеки воплощает политическое решение о том, что каждый ребенок должен находиться под попечением родителя или лица, его заменяющего.

³⁷ На этом основании можно показать, что родители должны иметь право голосовать по доверенности от имени своих детей. Обсуждение этого вопроса см. в целом [117. Р. 503; 118. Р. 1463].

³⁸ См. [119. Р. 849, 850] («Лица с психическими нарушениями являются одной из немногих категорий, которые до сих пор выделяются в отдельную группу при опросах. По состоянию на 1997 г. в конституциях, законах или прецедентах 44 штатов имелись запреты на голосование для отдельных групп граждан с психическими заболеваниями или задержкой психического развития»); [120. Рр. 931, 936–945] (обобщаются законы штатов, касающиеся избирательных прав лиц с психическими нарушениями).

³⁹ Противоположный аргумент состоит в том, что голосование служит сплочению общества, что может благоприятно сказаться на людях, имеющих проблемы с психикой. См. в целом [120; 121. Р. 697].

⁴⁰ См. в целом [122; 123. Р. 1137].

или будет способствовать ему. Фактически этот вопрос настолько смутил Аристотеля, что он потерял свою обычную ясность мысли. В своем труде «Политика» он явно считает «демократию» искаженной формой правления⁴¹, однако неясно, определяет ли он демократию как правление многих или как правление бедных⁴². Возможно, его определение было верным, если считать, что большинство населения Древней Греции было бедным, но в современных условиях бедные должны расцениваться как меньшинство.

Многие современные исследователи скорее приветствуют возможную связь между демократией и распределением благ, чем чувствуют в ней угрозу. Одно из самых радикальных предложений было выдвинуто Джоном Ролзом, который выводил из своей теории справедливости как демократическое правление, так и принцип справедливости. Согласно принципу справедливости, имущественное неравенство оправдано только в том случае, если оно улучшает положение беднейших членов общества [124, §§ 11–13]. Более умеренная и широко распространенная точка зрения состоит в том, что демократия требует перераспределения богатства, достаточного для обеспечения минимальных потребностей каждого члена общества⁴³. Это обосновывается тем, что лица, плохо обеспеченные питанием, жильем, не имеющие возможности быть здоровыми и образованными, не могут участвовать в управлении – т. е. не могут эффективно реализовать свое право голоса или воспользоваться возможностями для более активного участия в управлении. Гегель, даже не будучи сторонником демократии, отмечал, что обладание собственностью является важным первым шагом в развитии рационального мышления человека:

⁴¹ По мнению Аристотеля, правление многих, как и правление одного и правление немногих, существует в добродетельной и искаженной форме. В добродетельной форме, которую он называет «полития», многие правят в интересах общего блага. В искаженной форме они правят лишь в своих собственных интересах и ущемляют богатых ради собственной выгоды [71. Рр. 278–279].

⁴² При этом Аристотель называет демократию искаженной формой правления многих, когда описывает свою тройственную классификацию (правление одного, правление немногих, правление многих). См. [71. Рр. 278–279]. В другом своем определении, основанном на распределении богатства, он называет демократию правлением бедных. Там же. Р. 277.

⁴³ См. в целом [125–129].

она дает возможность определить собственную волю через воплощение этой воли во владении объектами⁴⁴.

Исследователи указывали на множество рисков как со стороны демократии по отношению к собственности, так и рисков для демократии при отсутствии собственности. Для целей настоящей работы важно отметить, что выделяемые взаимосвязи или конфликты между демократией и собственностью являются скорее эмпирическими, чем органическими. Однако исторические факты их не подтверждают. В противовес путаным сомнениям Аристотеля и истерическим заявлениям герцога Веллингтонского, демократии вряд ли когда-либо занимались экстремальным – и даже сколько-нибудь заметным – перераспределением богатства. С другой стороны, демократии явно способны выжить даже при наличии неравенства. Согласно стандартному показателю неравенства доходов – индексу Джини Всемирного банка⁴⁵, в число стран с самым равномерным распределением богатства входят Дания, Финляндия и Нидерланды, которые являются самыми демократическими странами мира, но также Беларусь, Казахстан и Алжир. При этом внизу списка по распределению богатства находятся демократические Южная Африка, Белиз и Бразилия, но также Центральнаяафриканская Республика, Мозамбик и Гондурас.

С теоретической точки зрения связь между демократией и распределением собственности, которую пытаются доказать политологи, также кажется достаточно слабой. Распределение богатства – это политическое решение, принимаемое выборными представителями. Нет никаких очевидных причин, по которым они или избиратели должны систематически предпочитать какой-то конкретный подход. Если считать, что избиратели или их представители мотивированы, прежде всего, собственными интересами, то избиратели будут принимать решение на основе представлений о том, как перераспределение увеличит или уменьшит их доходы, и это не обязательно приведет к усилению

⁴⁴ [130. Рр. 38–42]. См. в целом [131] (делается вывод, что, согласно Гегелю, каждый гражданин государства или член общества должен обладать хотя бы небольшой собственностью).

⁴⁵ GINI Index (World Bank Estimate) Country Ranking, World Bank Development Research Group. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/SI.POV.GINI/rankings> (дата обращения: 25.08.2021).

равенства. Отсюда следует, что представители будут принимать решения на основе представлений о том, какой подход больше понравится избирателям, что опять же не обязательно приведет к экономическому равенству⁴⁶. Если избиратели и представители основываются на идеологических или иных соображениях (что кажется более вероятным), то возникает больше различных вариантов. Аргументация Ролза основана на наших интуитивных представлениях о справедливости, которые он оценивает с точки зрения исходной позиции⁴⁷. Его аргументация кажется интуитивно верной в отношении минимальных потребностей: мало кто захочет жить в обществе, где такие потребности с большой вероятностью не будут удовлетворяться. Но его принцип справедливости и в еще большей степени умеренные подходы к достижению равенства, очевидно, входят в противоречие с теми же изначальными представлениями: многие люди предпочтут воспользоваться шансом получить больше, чем средний уровень богатства. Аналогичным образом связь между богатством и участием в управлении кажется убедительной только в отношении борьбы с голодом, тяжелыми болезнями или тотальной нищетой. Нет причины, почему бедные люди не могут выступить за более справедливое отношение к себе.

⁴⁶ См. в целом [132] (показано, что американцы, проживающие в экономически депрессивных районах, которые могли бы получить преимущества от государственных программ, регулярно голосуют против собственных интересов, поскольку их убедили обращать больше внимания на социальные проблемы, например, такие, как аборт и гей-культура); [133] (показано, что расистские взгляды приводят людей к отрицанию коллективных действий, которые могли бы дать им преимущества); [134] (делается вывод, что избиратели отсталых районов, нуждающиеся в улучшении медицинского обслуживания, выступают против федеральных программ из-за своего идеологического несогласия с предоставлением помощи меньшинствам, которых они считают недостойными ее).

⁴⁷ [124, §§ 4, 20–30]. Следует отвергнуть критику Сэндела о том, что, помещая людей за «занавесом неведения», Ролз вырывает их из их социального контекста, тем самым искажая их предпочтения. См. [135. Рр. 140–166]. Этот аргумент несостоятелен, поскольку Ролз обращается к своим читателям в их социальном контексте, используя «занавес неведения» как инструмент, с помощью которого они могут исследовать свои собственные представления о справедливости. Такое исследование вряд ли может привести к мысли, что любое увеличение богатства, даже незаконное, должно служить во благо беднейшим слоям общества; в этом заключается проблема принципа справедливости.

То, что современные концепции государства и корпорации происходят из одного источника – средневекового корпоративизма, – обеспечивает более прямую, органическую связь между демократией и экономикой. Это позволяет сосредоточиться не на распределении богатства, а на организации корпораций. Мыслители Средневековья воспринимали государство как юридическое лицо, обладающее способностью к действию. Они считали, что оно состоит из трех традиционных сословий: аристократии, священнослужителей и простого народа. Затем они стали воспринимать группы простых граждан, таких как горожане или свободные землевладельцы, в качестве юридических лиц, действующих через представителей. Эта двойственная концепция корпоративных субъектов привела к появлению нашей современной системы представительской демократии, когда простые граждане ниспровергли власть первых двух сословий, а представители народа стали контролирующей силой в правительстве⁴⁸.

Ту же самую концепцию можно применить и к нашей экономической системе. Мы уже воспринимаем наши крупнейшие бизнес-организации как корпоративных субъектов. По словам Эрика Ортса, важно помнить, что это юридический конструкт⁴⁹. Корпорации – это лица со своими правами и способностью действовать, однако природу и объем этих прав определяет закон, так же как в Средние века короли давали корпорациям хартии. Можно также рассматривать сотрудников корпораций как юридическое лицо, обладающее способностью к действиям через своих выборных представителей, так же как мы рассматриваем политические образования. Приняв эти

⁴⁸ В Англии это произошло во время Реформации, когда Англиканская церковь стала подчиняться светским властям, см. [136]; при этом законодательные полномочия Палаты лордов постепенно сокращались и из координирующей ветви законодательной власти она превратилась в церемониальный и судебный орган, см. [137; 138. Р. 461]. Во Франции это произошло, когда на начальных этапах Французской революции Генеральные Штаты были преобразованы в Национальное собрание. См. [139. Рр. 428–470; 140. Рр. 117–208].

⁴⁹ [141. Р. 27–51] («С точки зрения закона фирмы – это организационные “субъекты” со своими правами и обязанностями, которые можно отстаивать в судебном порядке, – это и делает их “юридическим лицом”... В то же время необходимо признать законные обязанности этих организационных субъектов наряду с их законными привилегиями»).

допущения, можно на основе законодательства создать модель корпорации, которая будет служить тем же целям в экономической сфере, каким демократия служит в политической.

По мере развития демократии концепция представительства расширялась, включив в себя всех дееспособных взрослых граждан. Это обосновано тем, что каждый дееспособный взрослый должен иметь равный голос в управлении. Перенесенный в экономическую сферу, этот принцип означает, что каждый сотрудник должен иметь равный голос в определении условий своей работы. В крупной организации, как и в политической сфере, единственным способом достичь этого является процесс представительства. Таким образом, принципиально, чтобы все лица, работающие в крупной организации, имели право голоса при определении условий своей работы через выборы представителей, которые управляют корпорацией и определяют ее политику по отношению к своим работникам⁵⁰. Это базовая концепция народного экономического суверенитета.

Цели народного политического и народного экономического суверенитетов совпадают. Их положительная цель состоит в том, чтобы дать людям возможность определять, по крайней мере в некоторых значительных пределах, политику и практику институтов, которые обладают широкими полномочиями контроля над их жизнями. Не следует идти на поводу у всех грандиозных клише относительно самоуправления – о том, что эти структуры могут полностью или по большей части контролироваться теми, кем они управляют. В обоих случаях – существующих выборов политических лидеров и предлагаемых выборов руководства корпораций – цель состоит в том, чтобы дать некую меру контроля и хотя бы некоторое чувство независимости тем, кто без этого не имеет вообще никакой власти. Говоря точнее, государство обладает более широкими полномочиями и более символической значимостью, поэтому контроль над

ним, вероятно, представляется человеку более важным. С другой стороны, работодатель часто пользуется более прямой и непосредственной властью над жизнью человека, а благодаря меньшим размерам и области действия организации ее сотрудники могут ощущать более высокую степень контроля, когда выбирают руководителей корпорации. И снова мы видим прямое подобие. Расширение демократических принципов на экономическую сферу служит той же цели – дать независимость – и использует тот же механизм – представительство.

Отрицательная цель обоих механизмов состоит в том, чтобы защитить граждан от притеснений и дать им честную и справедливую среду для жизни. Идея в том, что те, кто может контролировать жизни людей, избираются самими этими людьми, а значит, ограничены в использовании жестких и подавляющих мер. Трудно сказать, какая из структур – государство или корпорация – является потенциально более подавляющей. Государство может отнять у человека его основные свободы, такие как свобода слова или вероисповедания, и подвергнуть крайним мерам, таким как лишение свободы или смертная казнь. Более того, обычный человек не имеет реального выхода из-под власти государства. С другой стороны, те более ограниченные формы притеснения, которым может подвергнуть своих работников корпорация, происходят изо дня в день и обычно носят более непосредственный характер. Многие люди не думают о выражении политических взглядов, однако для большинства совсем небезразличны их условия работы. Несомненно, работники могут уйти из корпорации, но те, кто имеет сбережения или недвижимость, часто переоценивают легкость смены работы для людей, которым она дает все средства к существованию. Более того, в отсутствие корпоративной демократии такой уход становится лишь переходом от одного притеснителя к другому такому же. И снова мы видим, что перенос политической демократии в область экономики является не просто аналогией или средством для приложения политических навыков, а тем же средством защиты человека от притеснений, но в другой сфере.

Теоретики в области социальных наук часто подразделяют понятие общества на политическую, экономическую сферы и гражданское общество [142, 144, 18], которое возникает из действий простых

⁵⁰ Некоторые корпорации (как и компании с некорпоративной структурой, которые будут рассмотрены в следующем разделе) достаточно невелики для того, чтобы их сотрудники могли обойтись без представительства и управляли компанией напрямую. Это аналогично прямой демократии, которая существовала в древнегреческих городах-государствах и которую они и Аристотель считали единственной формой демократии. См. в целом [70]; см. [71. Рр. 476–502; 56. Рр. 77–90, 105–122].

людей и включает в себя сложные системы норм и убеждений, определяющих их повседневную жизнь [144]. Разумеется, в гражданском обществе также существует возможность плохого обращения или подавления личности через социальную стигматизацию или неприятие, однако будет уместно предположить, что в нашем открытом, мобильном обществе таких возможностей становится все меньше. Напротив, в политической и экономической сферах возможности подавления личности возрастают. В определенной степени это происходит потому, что в этих сферах все более доминирующую роль начинают играть крупные организации, способные эффективно влиять на жизнь человека. Более того, обычный человек уже практически не может воспринимать их в силу их все возрастающей сложности. Хабермас называл этот процесс колонизацией жизненного мира⁵¹. Демократический способ принятия решений служит противовесом этому процессу. Он предоставляет человеку некоторую меру контроля над политическими институтами и в определенной степени заставляет эти институты объяснять свои действия простому человеку. В данной работе мы пытаемся показать, что основные институты экономической сферы воз-

никли из той же корпоративистской концепции, что и основные институты политической сферы, и что то же самое корпоративистское решение – выборы представителей для осуществления контроля над этими институтами – может служить тем же целям в экономической сфере, а именно предоставлять независимость и противодействовать притеснениям.

IV. Экономический суверенитет как практический метод организации экономики

В предыдущих разделах мы изложили идею народного экономического суверенитета – механизма, с помощью которого принципы демократии – единственной формы политической организации, приемлемой для большинства людей в западном мире, – могут быть перенесены в область экономики. Мы не утверждаем, что этот механизм позволит более эффективно управлять бизнесом, хотя этот аргумент наиболее часто используют в пользу корпоративной демократии. В той достаточно абстрактной форме, в которой эта идея была изложена выше, она может показаться экстремальной и непрактичной, требующей полной трансформации нашей экономики и чреватой экономической катастрофой. Фактически это не так. Введение народного экономического суверенитета потребует относительно небольших изменений в существующих практиках и приведет к созданию более эффективной и справедливой экономической системы. В данном разделе мы рассмотрим этот вопрос. Хотя наше предложение носит общий характер, данное обсуждение строится на ситуации в Соединенных Штатах для простоты изложения. В отношении уровня социальной справедливости Соединенные Штаты находятся внизу рейтингового списка западных демократий⁵²,

⁵¹ [142. Рр. 301–403]; См. также там же. Рр. 153–197 (проводится разграничение между системой и жизненным миром). Жизненный мир – это концепция, берущая начало в феноменологии Гуссерля. См. в целом [145, 146]. Жизненный мир – это весь комплекс субъективного опыта отдельной личности. Информация от других людей поступает в жизненный мир человека посредством процесса междисубъектной коммуникации. По мнению Хабермаса, до современного этапа большая часть сил, воздействующих на человека, была доступна его пониманию. Сейчас же жизненный мир человека «колонизируется» внешними силами, которые слишком велики для понимания; по аналогии, африканские или азиатские страны ранее управлялись самостоятельно, а в колониальный период оказались под контролем европейских государств. Пример из области политики и экономики: раньше жизнь в какой-нибудь деревне в Европе в целом контролировалась местным землевладельцем и священником; эти две фигуры были всем знакомы, их действия наглядны и понятны. Современный небольшой городок находится под управлением органов администрации, которые находятся в столице и в которых работает обученный персонал. Раньше передвижение осуществлялось на повозках, принцип действия которых понимал любой человек, а починить мог обычный местный умелец. Современные средства передвижения – автомобили со сложнейшими двигателями и электронными системами контроля, которые не могут починить даже автомеханики в местных мастерских.

⁵² См. Economist Intelligence Unit, the Democracy Index 2020: In Sickness and in Health? (2021) (согласно рейтингу «Индекс демократии», составленному этой организацией, США характеризуются как «искаженная демократия» и оцениваются ниже любой западноевропейской страны, кроме Италии, Мальты и Португалии, а также ниже других бывших британских переселенческих колоний, Тайваня, Уругвая, Чили, Коста-Рики, Республики Маврикий, Японии и Южной Кореи); Freedom House, Freedom in the World 2021: Democracy under Siege (2021) (Соединенные Штаты находятся в данном рейтинге ниже любой западноевропейской страны, ниже других бывших британских переселенческих колоний, ниже стран, перечисленных выше в списке журнала

однако эта страна экономически успешна, поэтому такой фокус обсуждения не приведет к искажению анализа в пользу предлагаемых реформ.

С самого начала следует отметить, что явление народного экономического суверенитета выходит за рамки корпоративного управления. Принцип «ни один человек не может быть нанятым другим человеком, то есть зависеть от другого человека в плане обеспечения своей жизнедеятельности» должен применяться ко всем экономическим организациям. Корпорации являются крупнейшими нанимателями в нашей экономической системе и самыми влиятельными бизнес-структурами, но существует еще и огромное количество трудовых отношений более мелкого масштаба, которые тем не менее важны и должны быть приняты во внимание, если мы хотим рассматривать убедительную и практическую аргументацию в вопросе экономического суверенитета. В данном разделе мы обсудим корпорации, а затем кратко и другие формы трудовых отношений.

Хотя народный экономический суверенитет может привести к развитию социализма⁵³, он также полностью совместим с капитализмом и не потребует никаких серьезных изменений современных форм собственности в американской экономике. Причина этого в том, что, как показали Берли и Минз, в современной корпорации собственность отделена от управления [147]. Это положение приводит к теории агента-принципала, которая, вероятно, лучше всего объясняет, как управляются крупные корпорации⁵⁴. Согласно этой теории, лица, владеющие голосующими акциями корпорации, слишком многочисленны, слишком рассредоточены в пространстве и недостаточно компетентны, чтобы реально управлять компанией. Очень часто они владеют капиталом лишь как инвестицией, которую считают более выгодным вложением денег, чем счет в банке, государственные облигации, недвижимость или наличные. Даже если большинством голосующих акций владеет одно лицо,

тем самым контролируя корпорацию целиком, у него часто недостает желания либо возможности управлять ею. Вместо этого основные решения принимает совет директоров, избранный по недемократическому принципу – количество голосов соответствует доле капитала. Совет директоров назначает главных управляющих корпорации (которые могут быть или не быть членами совета), а те, в свою очередь, контролируют работу компании⁵⁵. При этом владельцы, действуя напрямую или через совет директоров, сохраняют свои полномочия принимать основные решения относительно формы собственности и структуры. Они могут распустить компанию, объединить ее с другой, поменять область деятельности путем покупки другой компании, поменять общие подходы и способы ведения бизнеса.

Не существует причин, почему нельзя заменить назначаемых управляющих корпорации на управляющих, избираемых ее сотрудниками. В этом нет ничего особенно радикального или экзотического; расширенное участие работников или руководителей нередко применяется в рамках структуры капиталистической экономики⁵⁶. Руководство, избираемое сотрудниками, функционирует как средство реализации основного принципа народного экономического суверенитета – что каждый человек должен действовать как экономически независимый субъект и никто не может быть нанят другим человеком. Для нашего обсуждения не релевантен аргумент, что выборные представители сотрудников корпорации не будут по-настоящему обеспечивать контроль этих сотрудников над управлением корпорацией. Вопрос состоит в том, можно ли распространить основной принцип демократии – народный политический суверенитет – на сферу экономики так, чтобы это было убедительно и практически выполнимо. Какие бы трудности ни сопровождали процесс представительства в компании, управляемой работниками, они будут не более, а возможно, менее серьезными, чем те, с которыми сталкиваются избиратели в рамках политической демократии.

Economist, кроме Южной Кореи, с которой связана эта организация, а также ниже ряда других стран, среди которых Аргентина, Белиз, Хорватия, Чехия, Латвия, Монголия, Словакия, Словения, большинство островных государств Карибского моря).

⁵³ См. ссылку 1 о традиционной связи между рабочей демократией и социализмом.

⁵⁴ См. в целом [148. Р. 650; 149. Р. 288; 150. Р. 327; 151. Р. 305].

⁵⁵ См., например, [152. Рр. 61–116].

⁵⁶ См. в целом [153] (приводятся различные примеры управления работниками на разных уровнях). Один из ярких примеров, значительно повлиявший на понимание этого вопроса, – система сплошной разработки на Даремских угольных месторождениях (Англия). См. [154]. Более современный пример – несколько шведских проектов по участию рабочих в управлении. См. в целом, например, [155. Р. 65; 156. Р. 175].

Тем не менее процесс политического представительства вызывает вопросы, которые стоит рассмотреть в контексте корпоративной демократии. Самый очевидный из них – структура представительства. С одной стороны, все работники могут выбирать всех представителей, как в Израиле выбирают всех членов законодательных органов⁵⁷. С другой стороны, можно использовать принцип географических подразделений, который широко используется в таких демократических странах, как США, Великобритания и Франция. Такой способ лучше подходит для крупных и географически рассредоточенных корпораций. Сотрудники каждой отдельной фабрики или регионального офиса избирали бы либо одного представителя простым большинством голосов, либо нескольких по принципу пропорционального представительства. Еще одна возможность, которую гораздо проще реализовать в корпорации, чем в стране, – это голосование по функциональным категориям: например, офисные работники, руководители, продавцы, рабочие цехов голосуют по группам. Конкретная форма голосования может влиять на результаты, однако все эти варианты соответствуют базовому принципу народного экономического суверенитета. Каждый сотрудник будет иметь равный голос в управлении корпорацией, что и является положительной целью представительской демократии. Кроме того, администрация корпорации, будучи избираемой работниками, будет воздерживаться от репрессивных мер, тем самым реализуя отрицательную цель демократии⁵⁸.

В нашей экономике доминируют крупные корпорации, поэтому на них сосредотачивается основное внимание; однако существует множество мелких предприятий, на которых работают десятки и сотни тысяч сотрудников, принося миллиарды долларов прибыли. Для использования корпоративной формы управления,

как правило, не ставится какой-либо нижней границы размера компании. Ниже определенной численности (например, 100 сотрудников в единственной локации) в представительстве нет необходимости, а при еще более низкой численности сотрудников (скажем, 25 сотрудников) оно вообще не имеет смысла. Однако в таких ситуациях принцип народного экономического суверенитета может применяться путем прямого участия в управлении, эквивалентом которого является политический механизм прямой демократии. Идея народного экономического суверенитета от этого не пострадает. Фактически многие классические мыслители, такие как Аристотель и Руссо⁵⁹, считали прямую демократию единственно приемлемой формой демократии, а множество современных авторов сожалеют о невозможности ее применения в нашем обществе и рассматривают представительскую демократию лишь как ее небезупречную модель⁶⁰.

Несомненно, принципу народного экономического суверенитета отвечают рабочие кооперативы – корпорации, принадлежащие рабочим. Однако то же верно и в отношении корпораций, принадлежащих акционерам. Разделение полномочий между владельцами и управляющими в системе народного экономического суверенитета останется в целом тем же, что и теперь; оно не нарушает капиталистических принципов права собственности. Представители сотрудников будут контролировать условия работы, а владельцы, также посредством голосующих акций, будут определять само существование и общую структуру компании. Эти группы должны будут договариваться по поводу распределения прибыли на зарплаты, премии, улучшение условий труда, дивиденды, займы, расширение бизнеса, так же как сейчас администрация и владельцы согласовывают эти вопросы с эффективно работающим профсоюзом⁶¹. Возможно, возрастет

⁵⁷ См. сноску 32.

⁵⁸ Одна из современных идей в области теории управления организацией – это идея гегемонии администрации, согласно которой назначенные управляющие не только независимы, но и используют различные методы для контроля и доминирования над сотрудниками. См. в целом [157. Р. 108]. Возможности использования этих методов остаются предметом изучения, см. [158. Р. 204], однако можно утверждать, что они представляют реальную угрозу для работников. Избрание управляющих непосредственно работниками стало бы эффективным способом противодействия этой угрозе.

⁵⁹ [159]. Как отмечалось выше, Аристотель вообще не считал демократической систему управления выборными чиновниками. [71. Рр. 476–502; 56. Рр. 77–90, 105–122].

⁶⁰ См. в целом, например, [160; 161. Р. 185].

⁶¹ Учитывая количество и разнообразие компаний в современном мире, это разграничение следует признать очень сложным. Некоторые инвесторы, даже крупные, останавливаются на управлении портфелем активов и не пытаются влиять на решения управляющих; другие занимают более активную позицию, хотя и редко на уровне повседневного управления. См. в целом, например, [162. Р. 1729] (описывается, как хеджевые фонды ис-

тенденция выплачивать сотрудникам вознаграждение в зависимости от прибыли, но такой порядок не всегда неэффективен. Собственники бизнеса могут высоко оценить народный экономический суверенитет как средство поощрения сотрудников, способствующее долгосрочным стратегиям корпоративного роста, а сотрудники увидят в нем средство накопления с потенциальной перспективой роста.

Сложно сказать, будет такая форма управления более или менее эффективной, чем нынешняя система, используемая в США. Самые очевидные недостатки действующей системы неоднократно становились предметом изучения науки о корпоративном управлении – это агентские проблемы, которые исходят непосредственно из анализа Берли и Минза. Неподотчетность советов директоров и вопиющее отсутствие регулирования привели к тому, что оплата управляющих в настоящее время исключительно высока [164; 165; 166. Р. 71; 167. Р. 449]. При этом в случае проблем управляющие могут легко переместиться на пост в другой компании или выйти на пенсию с огромным капиталом; печально известны «золотые парашюты», которые они назначают друг другу [168. Р. 664; 169. Р. 861]. Кроме того, если акционеры слабо контролируют управляющих, они могут принимать различные нерациональные решения, например, оказывать финансовую поддержку консервативным политикам, которые фактически препятствуют развитию бизнеса⁶², или приобретать компании по своим личным пристрастиям [171; 172. Р. 323].

пользуют некоторые формы активности акционеров, эффективно снижая агентские издержки); [163. Р. 174] (объясняется, почему объединенные усилия совместных фондов и пенсионных фондов редко приводят к значительным выгодам для акционеров). Фактически активность акционеров, какова бы ни была ее ценность в настоящий момент, может принести большую выгоду компании, управляемой работниками, чем это происходит сейчас, потому что, во-первых, выборные управляющие будут иметь больше перспектив, и, во-вторых, это даст сигнал рынку, что управление компанией происходит с учетом фискальных соображений.

⁶² См. в целом [170. Р. 1015] (анализ экономических достижений в период правления президентов от Трумана до Обамы показывает: рост занятости был в 2,2 раза выше при демократах; безработица снижалась в среднем на 0,8 % при демократах и росла в среднем на 1,1 % при республиканцах; реальный рост ВВП был в 1,7 раза выше при демократах; дефицит бюджета возрастал на 0,7 % больше при республиканцах; среднее значение индекса S&P составляло 8,4 % при демократах и 2,7 % при республиканцах, т. е. разница в 3,1 раза; наконец, в течение

Если бы управляющие избирались представителями работников, они, возможно, стали бы скорее играть роль распорядителей, что многие специалисты считают правильным⁶³. Возможно, они назначали бы работникам более высокие зарплаты, премии или обеспечивали лучшие условия труда⁶⁴. Во всяком случае управляющие воздерживались бы от назначения себе заоблачных выплат, если бы знали, что их будут переизбирать работники. Хотя каждый отдельный сотрудник имеет возможности для смены места работы⁶⁵, у рядовых сотрудников эти возможности более ограничены, чем у менеджеров, а у многих вообще нет выбора. Они привязаны к корпорации, а значит, имеют стимул увеличить свой доход и упрочить положение. Кроме того, благодаря величине этой группы личные интересы должны постепенно уступать место соображениям общего блага – эту черту демократии отметил еще Руссо [159] и развили современные специалисты-политологи [176].

Очевидно, что идея народного экономического суверенитета относится не только к открытым акционерным обществам, но и ко всем другим предприятиям в сфере бизнеса, а также ко многим индивидуальным предпринимателям. В таких случаях она потребует несколько большего отхода от ныне действующих практик, однако необходимые изменения не являются чрезмерно радикальными, но могут дать значительные дополнительные преимущества. В случае партнерств проблем не возникнет. По большей части деловое партнерство функционирует по принципу прямой демократии, а значит, соответствует идее народного экономического суверенитета без каких-либо изменений своей существующей формы⁶⁶. Иногда в партнерстве могут возникать определенные элементы неравенства

исследуемого периода 41 из 49 кварталов, когда экономика находилась на спаде, приходились на время правления Республиканской партии).

⁶³ См. [173. Р. 115].

⁶⁴ В отношении благосостояния работников они могут применять подходы, более выгодные для компании, чем это делают нынешние менеджеры, даже если последние относительно свободны от агентской проблемы и имеют мотивацию для максимизации прибылей акционеров. См. [174].

⁶⁵ См. в целом [175] (проводится сравнение решений сотрудников организации покинуть ее или остаться и противостоять или подчиниться существующей политике).

⁶⁶ См., например, [177. Рр. 245–357; 178].

при голосовании и других формах контроля, которые, хотя и не противоречат законам штатов, могут вызвать вопросы относительно экономического суверенитета; однако это всего лишь детали, которые поддаются регулированию со стороны законодательства. Безусловно, партнерство может нанимать на работу лиц, не являющихся его членами, но тогда оно функционирует как некорпоративный работодатель, о чем будет сказано ниже.

В современной экономике многие люди работают в некорпоративных организациях. Это могут быть партнерства, компании, организованные в рамках какого-либо положения законодательства штата, или индивидуальные предприниматели. Такие отношения найма часто возникают на маленьких предприятиях с неформальными связями, где неприменима модель корпоративной демократии, при которой сотрудники выбирают представителей. Отношения в таких организациях больше напоминают личные, и любая формализованная структура их разрушит.

Тем не менее существует реальный и прагматический способ применить институт народного экономического суверенитета в этом контексте. Он состоит в том, чтобы никто не имел права напрямую нанимать других людей – за исключением случаев, которые будут описаны ниже. Вместо этого работодатель должен будет заключить контракт с агентством по найму или биржей труда. В соответствии с принципом народного экономического суверенитета эти агентства или биржи будут представлять собой рабочие кооперативы или, что более вероятно, корпорации, управляемые выборными представителями работников⁶⁷.

Отношения между работодателем и этими биржами труда могут принять две основные формы. Во-первых, работодатель может обратиться на биржу в поисках сотрудников, провести собеседования и отобрать людей среди тех, кого биржа предоставит в ответ на запрос. При этом работодатель и биржа договариваются об условиях найма, включая обязанности, оплату, бонусы и условия труда. Во-вторых,

работодатель может нанять конкретное лицо. В этом случае это лицо должно зарегистрироваться на бирже, а работодатель и биржа договариваются об условиях найма, как и в первом случае. Разумеется, биржи труда должны подчиняться строгим нормам, направленным против дискриминации, учитывая описанные ниже исключения, а значит, принимать каждого, кто желает зарегистрироваться с целью трудоустройства. При этом биржи будут иметь право ограничивать свою деятельность определенными видами работ или отраслями. Поскольку они будут, как правило, коммерческими организациями, у них будет стимул трудоустроить как можно больше людей, будь то в выбранной сфере деятельности или в целом. В обоих случаях, в соответствии с принципом народного экономического суверенитета, работник будет в результате нанят биржей труда, которой управляют сами работники, а не напрямую работодателем.

Что касается экономических аспектов, данный режим непрямого найма, несомненно, потребует некоторого возрастания транзакционных издержек, которые можно уменьшить через стандартные формы контрактов. Однако экономическая выгода будет значительной как для работников, так и для общества в целом. Одна из отличительных черт экономики последних лет – широкое распространение аутсорсинга и использования внештатных сотрудников. Это, вероятно, является результатом современных возможностей обработки данных – сейчас стало легко управлять сложным рабочим графиком внештатных сотрудников, а раньше это потребовало бы чрезмерных транзакционных издержек. Как бы то ни было, результатом стало тяжелое давление на таких сотрудников [179–181]. Они не получают бонусов, не имеют гарантий занятости, не могут рассчитывать на регулярный режим работы и регулярный доход, подвергаются вредным условиям труда. Личные отношения, которые могли бы облегчить их положение, заменяются эпизодическими, инструментальными отношениями. Этот подход используется работодателями на всех уровнях, от самых крупных корпораций до небольших предприятий с дюжиной внештатных сотрудников.

Это положение стало возможным благодаря отношениям найма, и именно его может устранить народный экономический суверенитет. Каждому работодателю придется брать сотрудников с биржи труда. Хотя эти биржи будут конкурировать друг с другом,

⁶⁷ Сделаем пояснение, хотя оно, вероятно, выходит за рамки данного обсуждения. У крупных бирж труда будут управляющие, избранные представителями работников, которые в данном случае являются как лицами, которым находят работу (и которые в результате работают на биржу, заключившую контракт с конечным работодателем), так и собственным персоналом биржи. При этом, вероятно, было бы целесообразно разделять электорат по категориям работников.

им придется договариваться об условиях, особенно если учесть, что они будут находиться под контролем работников. Они смогут нанять высококвалифицированных профессионалов для ведения переговоров по контрактам, что, очевидно, недоступно отдельному, низкооплачиваемому работнику. Такие биржи легко смогут удовлетворить законные требования работодателей к гибкому найму, например, сезонные колебания в количестве необходимого персонала, но при этом защитить работников от неопределенности и беспорядка, которые возникают в таких случаях.

Можно предположить, что народный экономический суверенитет займет место нынешних профсоюзов, во всяком случае в большинстве ситуаций. Когда-то профсоюзы и коллективные договоры были естественной реакцией на притеснения рабочих со стороны собственников и, возможно, спасли капиталистические страны от развала через социальные революции, однако в современной экономике они не являются особенно эффективными⁶⁸. Там, где профсоюзы очень сильны, они зачастую подрывают экономическую устойчивость самих работников, поскольку их этика рабочей солидарности не учитывает специфику конкретных предприятий⁶⁹. Чаше работники сами отворачивались от профсоюзов, оказавшихся неспособными защитить их от нашествия временного персонала. В любом случае профсоюзы защищают только каждого десятого рабочего⁷⁰. Народный экономический суверенитет может обеспечить более надежную защиту каждому работнику, так как работодателю будет сложнее изменить обговоренные условия.

Несомненно, при разработке системы народного экономического суверенитета будет много сложно-

стей, которые отражают огромное многообразие трудовых отношений в современной экономике. При этом в системе народного экономического суверенитета необходимы или желательны определенные исключения, поскольку аналогия между политической и экономической сферами в некоторых случаях отсутствует. Так, хотя каждый взрослый человек имеет право голоса, было бы, вероятно, целесообразно исключить обязательство регистрироваться на бирже труда для семейных предприятий, так как семья представляет собой отдельную экономическую единицу. Для религиозных организаций такое обязательство также должно быть исключено в отношении сотрудников, выполняющих их основные функции, но сохранено для остальных работников, таких как бухгалтеры или уборщики. Государственные служащие также должны быть исключены, поскольку система народного политического суверенитета уже обеспечивает для них справедливые условия труда, а экономический суверенитет может стать препятствием для этой более базовой формы народного контроля.

V. Заключение

В данной работе показана глубокая органическая связь между демократическим правительством и корпорацией на основе их этиологии. И государство, и корпорации в их современном понимании возникли в Средние века из корпоративистского мышления и идеи о том, что некий социальный институт может конструироваться как юридическое лицо, способное к действию. Этот подход привел также к формированию групп людей в качестве юридических субъектов, которые могут выбирать представителя, действующего от их имени. Изначально это явление создавалось, чтобы продвигать централизацию монархий, однако оно оказалось таким эффективным, что послужило основой демократического правления крупных современных государств. Группы граждан получили возможность выбирать своих представителей, чтобы контролировать государство и вынуждать его действовать в их интересах, – теперь этот процесс называется народным политическим суверенитетом.

Таким образом, основываясь на общности происхождения и понятийной структуры государства и корпорации, указанное явление можно распространить с политики на экономические институты. В этом выражается не то обычное понимание демократических

⁶⁸ [182] (описываются конфликтующие идеологии, которые подрывали единство профсоюзного движения); [183; 184. Р. 323; 185. Р. 19].

⁶⁹ См., например, [186] (описывается, как профсоюз рабочих автомобильной промышленности добился высоких зарплат, бонусов и пенсий, которые оказались не по карману корпорации *General Motors*, в результате чего компания уменьшила свою долю рынка и в конце концов обанкротилась).

⁷⁰ Union Members Summary, U.S. Bureau of Labor Statistics. URL: <https://www.bls.gov/news.release/union2.nr0.htm> (дата обращения: 25.08.2021) (отмечается, что в 2020 г. членами профсоюзов были 10,8 % рабочих и служащих, что на 0,5 % выше, чем в 2019 г., при этом их количество в 2020 г. составило 14,3 миллиона человек, что на 321 тысячу человек, или 2,2 %, ниже, чем в 2019 г.).

принципов как более эффективных средств корпоративного управления и не та менее обычная, но также достаточно распространенная практика использования рабочего самоуправления в политике. Описанное здесь распространение является скорее непосредственным и нормативным. Аналогично тому, как наша концепция политического представительства привела к признанию права голоса каждого дееспособного взрослого, так же и каждый работающий человек должен иметь право контролировать условия своего труда, будь то напрямую или чаще через выборных представителей. Никто не должен подвергаться контролю со стороны работодателя. Этот принцип, называемый народным политическим суверенитетом, должен служить тем же глубинным, нормоустанавливающим целям, каким на политической арене служит демократия. Он даст работникам чувство независимости и достоинства и обеспечит им защиту от притеснений.

Очевидно, что народный политический суверенитет не будет внедрен в ближайшее время, а может быть,

и вообще никогда. Но исследование этого вопроса выявляет проблемные места существующей экономической системы и то, в чем она существенно расходится с демократическими нормами, которые считаются обязательными в государственном управлении. Изучая возможности распространения основных принципов нашей политической системы на экономическую сферу, мы раскрываем ситуации зависимости и подавления, в которых оказываются люди независимо от того, работают ли они в крупнейшей корпорации с сотнями тысяч сотрудников или в самых маленьких организациях, таких как семейный бизнес или магазинчик с единственным сотрудником. Наше исследование служит предупреждением: нельзя успокаиваться, полагаясь на Закон о регулировании трудовых отношений⁷¹ или Закон об охране труда и технике безопасности⁷², нужно продолжать искать пути создания справедливого и равноправного общества для большинства наших граждан, которые должны работать, чтобы обеспечить себе средства для жизни.

Список литературы / References

1. Bernard H. Moss. (1976). *The origins of the French labor movement: the socialism of skilled workers, 1830–1914* (1st ed.). Univ. of Calif. Press.
2. Stephen E. (2009). *Phillion, workers' democracy in China's transition from state socialism*. Routledge.
3. David Schweickart. (2011). *After capitalism* (2nd ed.). Rowman & Littlefield Publishers.
4. Jergen Goul Andersen, Jens Hoff. (2001). *Democracy and Citizenship in Scandinavia* (1st ed.). Palgrave Macmillan.
5. Chris Doucouliagos. (1995). Worker Participation and Productivity in Labor-Managed and Participatory Capitalist Firms: A Meta-Analysis, *Indus. & lab. Rel. Rev.*, 49, 58.
6. Archie B. Carroll, Ann K. Buchholtz. (2014). *Business & society: ethics, sustainability and stakeholder management* (9th ed.) Cengage Learning.
7. James E. Post, Lee E. Preston, Sybille Sachs. (2002). *Redefining the corporation: stakeholder management and organizational wealth* (1st ed.). Stanford Business Books.
8. Ian Verbeke, Vincent Tung. (2012). The Future of Stakeholder Management Theory: A Temporal Perspective, *J. Bus. Ethics*, 112, 529.
9. Cole G. D. H. (1920). *Guild socialism restated*.
10. Cole G. D. H. (1919). *Self-government in industry*.
11. Carole Pateman. (1970). *Participation and democratic theory*. Cambridge Univ. Press.
12. Southern R. W. (1953). *The making of the middle ages*. Yale Univ. Press.
13. Joseph R. Strayer. (1970). *On the medieval origins of the modern state*. Princeton Univ. Press.
14. Ernst Kantorowicz. (1957). *The king's two bodies: a study in medieval political theology*. Princeton Univ. Press.
15. John Micklethwait, Adrian Wooldrige. (2003). *The company: a short history of a revolutionary idea*. Modern Library.
16. Andreas Televantos. (2020). *Capitalism before corporations: the morality of business associations and the roots of commercial equity and law*. Oxford Univ. Press.

⁷¹ National Labor Relations Act, Pub. L. No. 74–198, 49 Stat. 449 (1935), codified as amended at 29 U.S.C. §§ 151–169.

⁷² Occupational Safety and Health Act, Pub. L. No. 91–596, 84 Stat. 1590 (1970), codified as amended at 29 U.S.C. § 651 et seq.

17. Henri Pirenne. (1952). *Medieval cities: their origins and the revival of trade*. Frank D. Halsey, trans.
18. Max Weber. (1978). *Economy and society*. Guenther Roth & Claus Wittich, eds.
19. Tom Holland. (2010). *The Forge of Christendom: The End of Days and the Epic Rise of the West*.
20. John of Salisbury. (1990). Polycraticus: of the frivolities of courtiers and the footprints of philosophers. Cary J. Nederman, trans.
21. Thomas Hobbes. (1996). *Leviathan* 2. Richard Tuck, ed., Cambridge Univ. Press.
22. Marc Bloch. (1961). *Feudal society*. L. A. Manyon, trans.
23. Heinrich Fichtenau. (1991). *Living in the tenth century: mentalities and social orders*. Patrick J. Geary, trans.
24. F. L. Ganshof. (1963). *Feudalism* (3rd ed.). Philip Grierson, trans.
25. Robert S. Lopez. (1976). *The commercial revolution of the middle ages*. Cambridge Univ. Press.
26. John P. Davis. (1905). *Corporations: a study of the origin and development of great business combinations and their relation to the authority of the state*. G. P. Putnam's Sons.
27. Germain Sicard. (2015). *The Origins of Corporations: The Mills of Toulouse in the Middle Ages*. Matthew Landry, trans.
28. Robert Bartlett. (1994). *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change*. Princeton Univ. Press.
29. David Nicholas. (1997). *The Growth Of The Medieval City: From Late Antiquity To The Early Fourteenth Century* (1st ed.). Routledge.
30. Steven Runciman. (1987). *A History of the Crusades*. Vol. 1: *The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem*. Cambridge Univ. Press.
31. L. S. Robinson. (2003). *Henry IV of Germany, 1056–1106*. Cambridge Univ. Press.
32. W. L. Warren. (1978). *King John* (2nd ed.). Univ. of Cal. Press.
33. Joelle Rollo-Koster. (2015). *Avignon and its Papacy 1309–1417: Popes, Institutions and Society*.
34. F. Donald Logan. (2012). *A History of the Church in the Middle Ages* (2nd ed.). Routledge.
35. John Strickland. (2020). *The Age of Division: Christendom from the Great Schism to the Protestant Reformation*.
36. Owen Chadwick. (1964). *The Reformation*. (1st ed.). Penguin Books.
37. Diarmaid MacCulloch. (2004). *The Reformation: a history* (1st ed.). Viking Adult.
38. Jonathan Dewald. (1996). *The European nobility* (1st ed.). Cambridge Univ. Press.
39. Norbert Elias. (1994). *The civilizing process*. Edwin Jephcott, trans.
40. Michael Rush. (2007). The Decline of the Nobility. In *Democratic representation in Europe: diversity, change and convenience*. Maurizio Cotta & Heinrich Best, eds.
41. Christopher Storrs, H. M. Scott. (2005). The Military Revolution and the European Nobility, 1600–1800. In *Warfare in Europe, 1650–1792*. Jeremy Black, ed.
42. Jeffrey S. Debiez-Carl, Christopher M. Huggins. (2009). “City Air Makes Free”: A Multi-Level, Cross-National Analysis of Self-Efficacy. *Soc. Psych. Q.*, 72.
43. Yoram Barzal, Edgar Kiser. (2002). Taxation and Voting Rights in Medieval England and France. *Rationality and Soc’y*, 14.
44. Bernd Schneidmuller. (2014). Rule by Consensus: Forms and Concepts of Political Order in the European Middle Ages. *Medieval Hist. J.*, 16.
45. Michael Hayden. (1974). *France and the estates general of 1614* (1st ed.). Cambridge Univ. Press.
46. Clyve Jones et al. (2012). *A short history of Parliament*.
47. Maddicott, J. R. *The origins of the English Parliament. 924–1327* (1st ed.). Oxford Univ. Press.
48. Georges Duby. (1980). *The Three Orders: Feudal Society Imagined*. Arthur Goldhammer, trans.
49. Magna Carta. (1992). J. C. Holt ed. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
50. Otto Gierke. (1958). *Political theories of the Middle age*. Frederic Maitland, trans.
51. Arthur Monahan. (1987). *Consent, coercion and limit: the medieval origins of parliamentary democracy* (1st ed.). McGill-Queen's Univ. Press.
52. Gaines Post. (1964). *Studies in medieval legal thought: public law and the state, 1100–1322*.
53. Gaines Post (1950). A Roman Legal Theory of Consent: Quid Omnes Tagit. *Wisc. L. Rev.*, 66.
54. Peter Stein. (1999). *Roman Law in European History* (1st ed.). Cambridge Univ. Press.
55. Hermann Kantorowicz. (1969). *Studies in the glossators of the Roman law: newly discovered writings of the 12th century*.
56. Paul Cartledge. (2018). *Democracy: a life*.
57. Ron Harris. (2020). *Going the distance: Eurasian trade and the rise of the business corporation 1400 to 1700*.
58. Christopher Hill. (2021). *The World turned upside down: radical ideas during the English revolution*.
59. James Harrington. (1992). *A System of Politics*. In *The commonwealth of Oceana and a system of politics*. J. G. A. Pocock, ed.
60. John Lynch (1984). *Spain under the habsburgs*. Vol. 1: *Empire and Absolutism, 1516–1598* (2nd ed.). New York Univ. Press.
61. Geoffrey Treasure (1967). *Seventeenth century France: a study in Absolutism*.

62. Michael Braddick. (2009). *God's fury, England's fire: a New History of the English Civil Wars*.
63. David R. (2018). *Como, Radical Parliamentarians and the English civil war*.
64. Eveline Cruickshanks. (2000). *The Glorious revolution*.
65. Steve Pincus. (2011). *1688: The First modern revolution*.
66. Edward Vallance. (2008). *The Glorious revolution: 1688: Britain's fight for liberty*.
67. Jeremy Black. (2001). *Walpole in Power*.
68. Brian W. Hill. (1989). *Sir Robert Walpole: Sole and Prime minister* (1st ed.). Penguin.
69. John Morley. (2015). *Walpole: the first Prime minister of Britain*. Lume Books (1889).
70. Aristotle. (2002). *The Athenian Constitution*. P. J. Rhodes, trans.
71. Aristotle. (1952). *Politics*. In *The Works of Aristotle*. Benjamin Jowett, trans.
72. Derek Hirst. (1976). *The representatives of the people? Voters and voting in England under the Early Stuarts*.
73. Charles Seymour. (1915). *Electoral reform in England and Wales*.
74. Edmund Burke. (1999). *Speech at Mr. Burke's Arrival in Bristol*. In *The portable Edmund Burke*. Isaac Kramnick, ed.
75. Hanna Fenichel Pitkin. (1967). *The Concept of Representation*.
76. Paul Langford (1988). Property and Virtual Representation in Eighteenth Century England. *Hist. J.*, 31.
77. Winston Churchill. (1958). *A history of the English speaking peoples*. Vol. 4: *The great democracies*.
78. G. M. Trevelyan. (1952). *History of England*, Vol. III.
79. Paul Johnson. (1991). *The Birth of the Modern* (1st ed.). HarperCollins.
80. Edward Porritt. (1894). The Revolt Against Feudalism in England. *Pol. Sci. Q.*, 9.
81. Alfred Cobban. (1961). *A History of Modern France*. Vol. 2.
82. Roger Price. (2001). *The French Second Empire: an anatomy of political power*.
83. Charles Sowerwine. (2018). *France since 1870: culture, politics, and society* (3rd ed.). (1960).
84. Chilton Williamson. (1960). *American suffrage: from property to democracy*.
85. Donald Ratcliffe. (2013). The Right to Vote and the Rise of Democracy, 1787–1828, *J. Early Republic*, 33.
86. Alexis de Tocqueville. (2000). *Democracy in America*. Harvey C. Mansfield & Delba Winthrop, trans.
87. Robert J. Steinfeld. (1989). Property and Suffrage in the Early Republic, *Stan. L. Rev.*, 41.
88. Patricia Grimshaw. (1988). *Women's Suffrage in New Zealand*.
89. Francisco O. Ramirez et al. (1997). The Changing Logic of Political Citizenship: Cross-National Acquisition of Women's Suffrage Rights, 1890 to 1990. *Am. Soc. Rev.*, 62.
90. Harold L. Smith. (2009). *The British Women's Suffrage Campaign, 1866–1928* (2nd ed.).
91. Ellen Carol Dubois. (2020). *Suffrage: women's long battle for the vote*. New York: Simon & Schuster.
92. Doris Weatherford. (2020). *Victory for the Vote: the Fight for Women's Suffrage and The century that Followed*.
93. Edmund Burke. (2016). Thoughts on the Cause of the Present Discontents; Speech on American Taxation; Speech on Conciliation with the Colonies; Letter to the Sheriffs of Bristol on American Affairs. In Edmund Burke, *The Imperatives of Empire, and the American Revolution: an Interpretation* (H. G. Callaway, ed.).
94. Marshall C. Eakin. (2007). *The history of Latin America: collision of cultures*.
95. John Charles Chasteen. (2008). *Americanos: Latin America's struggle for independence*.
96. Bipan Chandra et al. (1989). *India's struggle for independence*.
97. Larry Collins, Dominique Lapierre. (1975). *Freedom at midnight* (1st ed.). Book Club Associates.
98. Shiraz Durrani. (2018). *Kenya's War of Independence: Mau Mau and its Legacy of Resistance to Colonialism and Imperialism, 1948–1990*.
99. Jeffrey James Byrne. (2016). *Mecca of revolution: Algeria, decolonization and the Third world order* (1st ed.). Oxford Univ. Press.
100. Matthew Connelly. (2002). *A diplomatic revolution: Algeria's fight for independence and the origins of the post-cold war era*.
101. Frantz Fanon. (1965). *A Dying Colonialism*. Haakon Chevalier, trans.
102. Robert Malley. (1996). *The Call from Algeria: Third Worldism, Revolution, and the Turn to Islam* (1st ed.). Univ. of California Press.
103. Jeff Haynes. (2001). *Democracy In the developing World: Africa, Asia, Latin America and the Middle East* (1st ed.). Polity.
104. Martin Meredith. (2011). *The Fate of Africa: a History of the Continent Since Independence*.
105. Eric W. Robinson. (2015). *Democracy Beyond Athens: Popular Government in the Greek Classical Age*.
106. Arend Lijphart. (1994). *Electoral systems and party systems: a study of twenty-seven democracies, 1945–1990*.
107. Arend Lijphart. (1999). *Patterns of democratic government: forms and performance in thirty-six democracies*.
108. Michael Gallagher. (2005). *The politics of electoral systems*.

109. Eric S. Herron et al. (2018). Terminology and Basic Rules of Electoral Systems. In *The Oxford Handbook of Electoral Systems*.
110. Ludvig Beckman. (2006). Citizenship and Voting Rights: Should Resident Aliens Vote?, *Citizenship Stud.*, 10.
111. Brad K. Blitz. (2009). *Statelessness, Protection Andequality*.
112. Carol A. Batchelor. (1998). Statelessness and the Problem of Resolving Nationality Status. *Int'l J. Refugee L.*, 10.
113. David Archard. (2014). *Children: Rights and Childhood* (3d. ed.). Routledge.
114. Eric Wiland. (2018). Should Children Have the Right to Vote? In *The Palgrave Handbook of Philosophy and Public Policy*. David Boonin, ed.
115. Steven Lecce. (2009). Should Democracy Grow Up? Children and Voting Rights, *Intergenerational JusT. Rev.*, 9.
116. John Wall. (2014). Children and Youth Should Have the Right to Vote. An Argument for Proxy-Claim Suffrage, *Children, Youth & Environments*, 24.
117. Robert W. Bennett. (1999). Should Parents Be Given Extra Votes on Account of Their Children? Toward a Conversational Understanding of American Democracy. *Nw. U. L. Rev.*, 94.
118. Jane Rutherford. (1998). One Child, One Vote: Proxies for Parents. *Minn. L. Rev.*, 82.
119. Paul S. Applebaum. (2000). "I Vote, I Count": Mental Disabilities and the Right to Vote, *Psychiatric Serv.*, 51.
120. Sally Balch Hume, Paul S. Applebaum. (2007). Defining and Assessing Capacity to Vote: The Effect of Mental Impairment on the Right to Vote, *McGeorgel. Rev.*, 38.
121. Michael Nash. (2002). Voting as a Means of Inclusion for People with Mental Illness, *J. Psychiatric & Mental Health Nursing*, 9.
122. Jeff Manza, Christopher Uggen. (2006). *Locked Out: Felon Disenfranchisement And American Democracy*.
123. Pamela S. Karlen. (2004). Convictions and Doubts: Retribution, Representation, and the Debate Over Felon Disenfranchisement, *Stan. L. Rev.*, 56.
124. John Rawls. (1999). *A Theory of Justice §§ 11–13* (2nd rev. ed.). Belknap Press.
125. Ganesh Sitaramin. (2018). *The Crisis Of The Middle-Class Constitution: Why Economic Inequality Threatens Our Republic*.
126. Joe Soss. (2010). *Remaking America: Democracy And Public Policy In An Age Of Inequality*.
127. Cass R. Sunstein. (2006). *The Second Bill of Rights: Fdr's unfinished Revolution and Why We Need it More Than Ever*.
128. Goran Therborn. (2020). *Inequality and the Labyrinths of Democracy*.
129. Elizabeth Warren. (2017). *This Fight Is Our Fight: How To Save America's Middle Class*. 130. G. W. F. Hegel. (1962). *Philosophy of Right*. T. M. Knox, trans.
131. Jeremy Waldron. (1991). *The Right to Private Property*.
132. Thomas Frank. (2005). *What's the Matter With Kansas: How Conservatives Won the Heart of America*.
133. Heather McGee. (2021). *The Sum of Us: What Racism Costs Everyone and How We Can Prosper Together*.
134. Jonathan M. Metz. (2020). *Dying of Whiteness: How the Politics of Racial Resentment is Killing America's heartland*.
135. Michael Sandel. (2010). *Justice: What's the right thing to do?*
136. Diarmaid McCulloch. (2000). *The Later Reformation in England 1547–1603* (2nd ed.). Red Globe Press.
137. Walter Bagehot. (2009). *The English Constitution* (reissue ed.). Oxford Univ. Press, 1872.
138. Corinne Comstock Weston. (1986). Salisbury and the Lords, 1868–1895. In *Peers, Politics and Power, 1603–1911*. Clyde Jones and David Lewis Jones, eds.
139. Simon Schama. (1990). *Citizens: a Chronicle of the French Revolution*.
140. Timothy Tackett. (1996). *Becoming a Revolutionary: the Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture 1789–1790*.
141. Eric Orts. (2013). *Business Persons: a Legal Theory of The Firm*.
142. Jurgen Habermas. (1987). *The theory of communicative action*. Vol. 2. *Lifeworld and system: a critique of functionalist reason*. Thomas McCarthy, trans.
143. Talcott Parsons. (1971). *The System of Modern Societies*.
144. Jean L. Cohen, Andrew Arato. (1992). *Civil Society and Political theory*.
145. Edmund Husserl. (1970). *The Crisis of the European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenology*. David Carr, trans.
146. Edmund Husserl. (1962). *Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology*. W. R. Boyce Gibson, trans.
147. Adolph A. Berle, Gardiner C. Means. (1932). *The modern corporation and private property*.
148. Frank Easterbrook. (1984). Two Agency Cost Explanations of Dividends. *Am. Econ. Rev.*, 74.
149. Eugene F. Fama. (1980). Agency Problems and the Theory of the Firm. *J. Pol. Econ.*, 88.
150. Eugene F. Fama, Michael C. Jensen. (1983). Agency Problems and Residual Claims. *J. L. & Econ.*, 26.

151. Michael C. Jensen, William H. Meckling. (1976). Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs, and Ownership Structure. *J. Fin. Econ.*, 3.
152. Dambisa Moyo. (2021). How Boards Work: and How They Can Work Better. In *A Chaotic World*.
153. Paul Blumberg. (1968). *Industrial Democracy: the Sociology of Participation*.
154. E. L. Trist. (1963). *Organizational Choice: Capability of Groups at the Coal Face Under Changing Technologies: the Loss, Re-Discovery and Transformation of a Work Tradition*.
155. Olaf Bergqvist. (1982). Worker Participation in Decisions within Undertakings in Sweden. *Comp. Lab. L.*, 5.
156. Clyde Summers. (1984). Worker Participation in Sweden and the United States: Some Comparisons from an American Perspective. *U. Pa. L. Rev.*, 133.
157. J. W. Lorsch, Elizabeth McIver. (2004). Pawns or potentates? The reality of America's corporate boards. In Thomas Clarke, ed., *Theories of corporate governance: the philosophic foundations of corporate governance*.
158. Steven P. Vallas. (2003). The Adventures of Managerial Hegemony: Teamwork, Ideology and Worker Resistance. *Soc. Probs.*, 50.
159. Jean-Jacques Rousseau. (1920). *The Social Contract*. G. D. H. Cole, trans. 1762.
160. Bernard Manin. (1997). *The Principles of Representative Government*.
161. John G. Matsusaka. (2005). Direct Democracy Works. *J. Econ. Persp.*, 19.
162. Alon Brav et al. (2008). Hedge Fund Activism, Corporate Governance and Firm Performance. *J. Fin.*, 63.
163. Roberta Romano. (2001). Less is More: Making Institutional Investor Activism a Valuable Mechanism of Corporate Governance. *Yale J. Reg.*, 18.
164. Lucian Bebchuk, Jesse Fried. (2004). *Pay without Performance: the Unfulfilled Promise of Executive Compensation*.
165. Steven Clifford. (2017). *The Ceo Pay Machine: How it Trashes America and How to Stop It*.
166. Lucian Arye Bebchuk, Jesse M. Fried. (2003). Executive Compensation as an Agency Problem. *J. Econ. Persp.*, 17.
167. David Yermack. (1997). Good Timing: CEO Stock Option Awards and Company News Announcements. *J. Fin.*, 52.
168. Philip L. Cochran et al. (1985). The Composition of Boards of Directors and Incidence of Golden Parachutes. *Acad. MGMT. J.*, 28.
169. Judith C. Machlin et al. (1993). The Effect of Golden Parachutes on Takeover Activity. *J. L. & Econ.*, 36.
170. Alan S. Binder, Mark W. Watson. (2016). Presidents and the US Economy: An Econometric Exploration. *Am. Econ. Rev.*, 106.
171. Oliver Williamson. (1964). *The Economics of Discretionary Behavior: Managerial Objectives in a Theory of the Firm*.
172. Michael Jensen. (1986). Agency Costs of Free Cash Flow, Corporate Finance and Takeovers. *Am. Econ. Rev.*, 76.
173. James F. Davis, et al. (2004). Toward a Stewardship Theory of Management. In Thomas Clarke, ed., *Theories of corporate governance: the philosophic foundations of corporate governance*.
174. Lynn Stout. (2012). *The Shareholder Value Myth: How Putting Shareholders First Harms Investors, Corporations and the Public*.
175. Albert O. Hirschman. (2004). *Exit, Voice and Loyalty*.
176. David Estlund. (2009). *Democratic Authority: A Philosophic Framework*.
177. Daniel S. Kleinberger. (2017). *Examples and explanations for agency, partnership and LLCs* (5th ed.). Wolters Kluwer.
178. Geoffrey Morse. (2015). *Partnership and LLP Law* (8th ed.). Oxford Univ. Press.
179. Kathryn Eden, H. Luke Shaefer. (2016). *\$2.00 a day: living on almost nothing in America*.
180. Barbara Ehrenreich. (2011). *Nickel and Dimed: On (Not) Getting by in America*.
181. Arne L. Kalleberg. (2011). *Good Jobs, Bad Jobs: the Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s to 2000s*.
182. Ronald L. Filippelli. (1994). *Cold War in the Working Class: the Rise and Decline of the United Electrical Workers*.
183. David Witwer, Catherine Rios. (2020). *Murder in the Garment District: the Grip of Organized Crime and the Decline of Labor in the United States*.
184. William T. Dickens, Jonathan S. Leonard. (1985). Accounting for the Decline in Union Membership, 1950–1980. *Ilr Rev.*, 38.
185. C. Timothy Koeller. (1994). Union Activity and the Decline of American Trade Union Membership. *J. Lab. Rsch.*, 15.
186. Alex Taylor Iii. (2010). *Sixty to Zero: an Inside Look at the Collapse of General Motors – and the Detroit Auto Industry*.
187. Rubin E. L. (2021). Extending democracy to corporate governance and beyond: a theory of popular economic sovereignty. *U. Pac. L. Rev.*, 53.

Дата поступления / Received 18.10.2021

Дата принятия в печать / Accepted 05.11.2021

ДИСКУССИИ / DISCUSSIONS

Редактор рубрики А. Г. Никитин / Rubric editor A. G. Nikitin

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.202-218>

УДК 303:316.4:330.34:338.24(470+571)

JEL: O10, P2

Ю. В. ЛАТОВ¹

¹ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В РОССИИ ЗАПРОС НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ?

Латов Юрий Валерьевич, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; главный научный сотрудник, Академия управления МВД России; профессор, РЭУ им. Г. В. Плеханова

E-mail: latov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7566-4192>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-7344-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1489-6446, AuthorID: 152966

Аннотация

Цель: изучение проблемы запроса на перемены с точки зрения поиска ответа на вопрос, не идет ли речь о реакционном стремлении наименее модернизированных слоев россиян «вернуться в СССР», полностью отказавшись от результатов «либеральной революции» 1990-х.

Методы: для ответа на вопрос, существует ли в современной России запрос на реставрацию «советского социализма», анализируются материалы общероссийских социологических опросов по репрезентативной выборке (главным образом предковидного опроса 2019 г.), организованных Институтом социологии ФНИСЦ РАН.

Результаты: доказано, что, хотя в последнее десятилетие среди россиян растет популярность более авторитарных моделей государства, в то же время активно происходит «привыкание» к институтам частной собственности и предпринимательству. Сделан вывод, что в настоящее время главным объектом протестных настроений является не эксплуатация труда капиталом, а бюрократическая коррупция. Это означает, что высокий «запрос на перемены» объективно связан с массовым стремлением не «вернуться в СССР», а завершить демонтаж квазисоциалистических (политарных) институтов, начатый в 1990-е, но затем прерванный и частично аннулированный.

Научная новизна: на основе оригинальных баз данных общероссийских опросов сделаны нетривиальные выводы о направленности «запроса на перемены», полемизирующие с популярным в последние годы утверждением о запросе на реставрацию СССР.

© Латов Ю. В., 2022

© Latov Yu. V., 2022

Латов Ю. В. Существует ли в России запрос на социалистические перемены?
Latov Yu. V. Does an Enquiry for Socialistic Changes Exist in Russia?

Практическая значимость: понимание направленности массового запроса на перемены дает возможность, не дожидаясь социального взрыва, заранее планировать те социально-экономические реформы, которые в наибольшей степени соответствуют требованиям российских граждан.

Ключевые слова: запрос на перемены, общественное сознание, национальное социально-экономическое развитие, частная собственность, предпринимательство, постсоветская экономика

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» № 19-011-00277.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Латов Ю. В. Существует ли в России запрос на социалистические перемены? // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 202–218. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.202-218>

The scientific article

Yu. V. LATOV¹

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOES AN ENQUIRY FOR SOCIALISTIC CHANGES EXIST IN RUSSIA?

Yuri V. Latov, Doctor of Sociology, PhD (Economics), Chief Researcher, Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs; Professor, Plekhanov Russian University of Economics

E-mail: latov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7566-4192>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-7344-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1489-6446, AuthorID: 152966

Objective: to study the problem of the request for change from the viewpoint of answering the question whether there is a reactionary desire of the least modernized strata of Russians to “return to the USSR”, completely abandoning the results of the “liberal revolution” of the 1990s.

Methods: to answer the question whether there is a request for the restoration of the “Soviet socialism” in modern Russia, the materials of the all-Russian sociological surveys on a representative sample (mainly the pre-COVID survey of 2019), organized by the Institute of Sociology of the FCTAS RAS, are analyzed.

Results: it is proved that, although the popularity of more authoritarian models of the state has been growing among the Russians in the last decade, at the same time, there is an active “habituation” to private property institutions and entrepreneurship. It is concluded that at present the main object of protest sentiments is not the exploitation of labor by capital, but bureaucratic corruption. This means that the high “demand for change” is objectively connected with the mass desire not to “return to the USSR”, but to complete the dismantling of quasi-socialist (political) institutions, which began in the 1990s, but then interrupted and partially canceled.

Scientific novelty: based on the original databases of all-Russian surveys, non-trivial conclusions were drawn about the direction of the “request for change”, which controvert with the statement popular in the recent years about the request for the USSR restoration.

Practical significance: understanding the direction of the mass request for change makes it possible, without waiting for a social explosion, to plan in advance those socio-economic reforms that best meet the requirements of the Russian citizens.

Keywords: Request for change, Public consciousness, National socio-economic development, Private property, Entrepreneurship, Post-Soviet economy

Financial Support: The research was carried out with the financial support of RFBR, grant No. 19-011-00277 “Social transformation of the Russian society: actors of a request for change”.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Latov, Yu. V. (2022). Does an Enquiry for Socialistic Changes Exist in Russia? *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 202–218 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.202-218>

Введение

В последние годы при обсуждении перспектив развития российского общества популярной темой стал запрос на перемены (см., например, [1–4]). Этот термин начал активно употребляться еще в начале 2010-х, при обсуждении «болотной революции». Новая волна его распространения связана с обсуждением результатов общероссийских социологических опросов, согласно которым в российском обществе после 2014 г. стало быстро меняться соотношение тех респондентов, по мнению которых страна нуждается в стабильности, и тех, кто полагает, что Россия нуждается в существенных переменах. Речь идет об изменении не только общественного сознания, но и установки на определенные социальные действия, протестные по отношению к существующим правилам игры в политике и экономике. Быстрое превращение данного понятия в популярный медиамем скрывает, однако, большие проблемы, связанные с пониманием сущности социального явления, которое таится за этими мемами. В данной статье будут рассмотрены два основных аспекта анализа этого явления – степень экстраординарности фиксируемого соцопросами роста запроса на перемены и, самое главное, направленность этого запроса. Изучение этих аспектов важно для ответа, чем объективно является этот запрос – прогрессивным устремлением в будущее или реакционным стремлением «вернуться в СССР», отказавшись от результатов «либеральной революции» 1990-х.

Среднесрочная динамика запроса на перемены

Действительно, согласно данным общероссийских мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, если в 2012–2014 гг. доля россиян, желающих стабильности, составляла квалифицированное большинство (около 70 %), то затем начался быстрый рост доли желающих существенных перемен в стране

(рис. 1). Осенью 2017 г. она даже превысила долю сторонников стабильности, породив к 100-летию революций 1917 г. ожидание очередной «революционной ситуации», когда «„низы“ не хотят старого» [5. С. 69]. В действительности, однако, после 2018 г. тенденция к росту запроса на перемены переломилась: на протяжении 2018–2020 гг. доля сторонников перемен в России была лишь немного выше доли сторонников стабильности, а в 2021 г. они практически сравнялись.

Данные Института социологии о первоначально растущем, но затем стабилизировавшемся уровне запроса на перемены у россиян подтверждаются и другими исследованиями. Так, согласно данным опросов «Левада-центра»¹, если за 2017–2018 гг. произошел подскок на 13 п. п. доли россиян, считающих, что стране «нужны решительные, полномасштабные перемены», то в 2018–2019 гг. эта доля изменилась лишь на 2 п. п., т. е. почти в пределах ошибки измерения (рис. 2). Доля тех, кто в опросах «Левада-центра» выбирал ответ «нужны решительные, полномасштабные перемены», практически равна доле тех, кто в опросах Института социологии в те же годы выбирал ответ «страна нуждается в существенных переменах...», что доказывает смысловую однозначность обеих формулировок.

Такое практически одинаково фиксируемое разными исследовательскими организациями (как более радикальным «Левада-центром», так и более умеренным Институтом социологии) распределение мнений означает, что внутри российского общества с конца 2010-х гг. наблюдается высокое недовольство положением дел в стране, которое, однако, стабилизировалось и определенно не перерастает в «революционную ситуацию». Возможно, на это влияет негативный опыт «революций» в соседних с Россией странах: хотя на Украине в 2014 г. массовые

¹ С 2016 г. «Левада-центр» включен в реестр иностранных агентов.

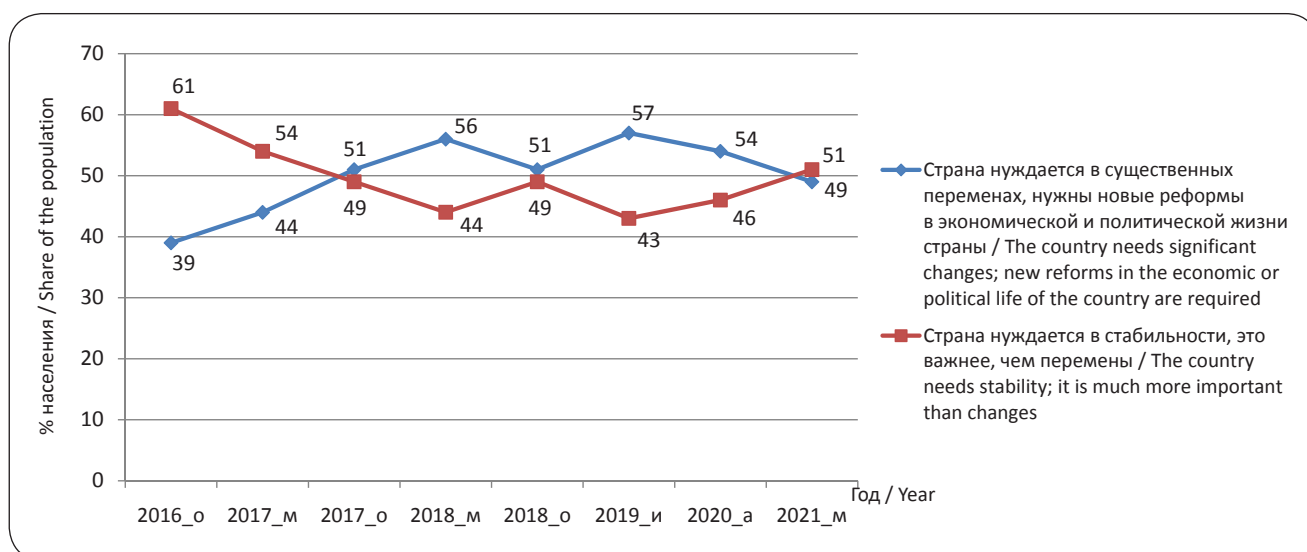

Рис. 1. Динамика отношения россиян к стабильности и переменам, по данным Института социологии ФНИСЦ РАН, 2016–2021 гг.

Примечание: сокращенные обозначения здесь и далее: ф – февраль, м – март, а – апрель, и – июнь, о – октябрь, н – ноябрь.

Источник: составлено автором по данным общероссийских репрезентативных социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН.

Fig. 1. Dynamics of the Russians' attitude towards stability and change, by the data of the Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences, 2016–2021

Note: abbreviations here and further: ф – February, м – March, а – April, и – June, о – October, н – November.

Source: compiled by the author based on the data of all-Russia representative sociological polls of the Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences.

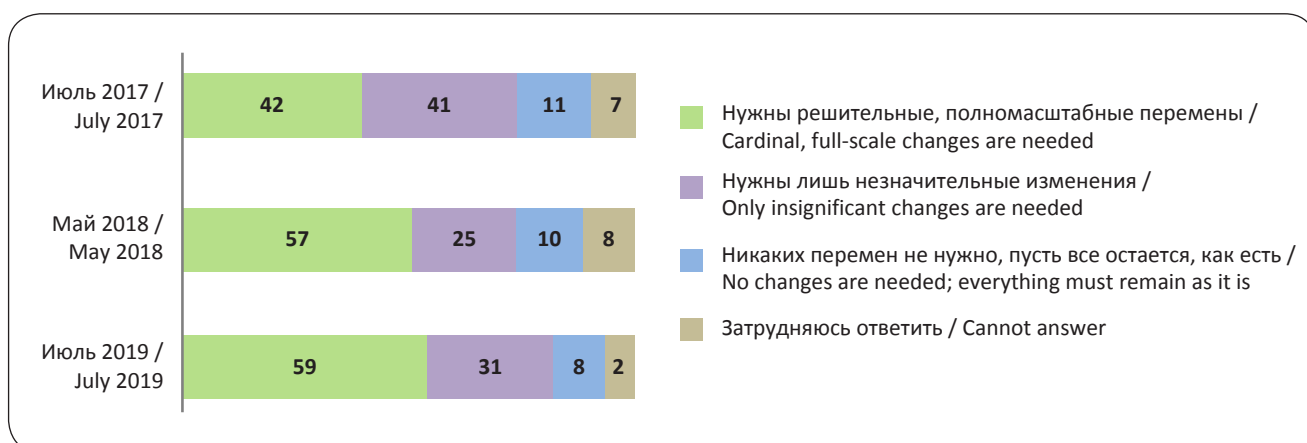

Рис. 2. Динамика отношения россиян к стабильности и переменам, по данным «Левада-центра», 2017–2019 гг., %

Источник: [6. С. 3].

Fig. 2. Dynamics of the Russians' attitude towards stability and change, by the data of Levada Center, 2017–2019, %

Source: [6. P. 3].

протестные выступления привели к смене власти, а в Белоруссии в 2020–2021 гг. они под давлением власти заглохли, но в обоих случаях результаты протестов трудно назвать положительными для массовых слоев граждан. Другой стабилизирующий фактор – начавшийся весной 2020 г. коронакризис, неизбежно порождающий настроения, что «коней на переправе не меняют», и переключающий сознание россиян с желания общественных перемен на стремление лично выжить в трудных условиях.

Долгосрочная динамика запроса на перемены

Для лучшего понимания тенденций запроса на перемены целесообразно взглянуть на события последних лет как на элемент длительных волнообразных изменений. Ведь благодаря длинной серии репрезентативных общероссийских опросов, организованных Институтом социологии РАН, динамика стремления россиян к переменам/стабильности прослеживается на протяжении более 20 лет (рис. 3).

При внимательном рассмотрении длительных трендов произошедшее в конце 2010-х превышение желающих перемен над стремящимися к стабильности теряет черты исключительности. На самом деле такое превышение типично для большей части наблюдаемого 24-летнего периода. В 1997–2021 гг. наблюдалось лишь два интервала времени, когда стремящиеся к стабильности были существенным (с разрывом более чем на 5 п. п.) большинством, – это 2008 г. (один замер) и 2012–2017 гг. (шесть замеров). Все остальные 13 замеров – ситуации, когда желающих перемен было примерно столько же или (чаще) существенно больше, чем сторонников стабильности.

Таким образом, рост желающих перемен в 2016–2018 гг. не что-то экстремальное, а скорее возвращение российского социума к нормальному для него в постсоветский период состоянию общего недовольства («всё не так!»). Это вялое недовольство можно объяснить тем, что существующая институциональная система россиянам не слишком нравится, но ей трудно противопоставить что-то лучшее, а потому

Рис. 3. Динамика соотношения россиян, желающих перемен и стремящихся к стабильности, по данным опросов Института социологии РАН, 1997–2021 гг.

Источник: составлено автором по данным общероссийских репрезентативных социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН.

Fig. 3. Dynamics of the ratio between the Russians wishing changes and longing for stability, by the polling data of the Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences, 1997–2021

Source: compiled by the author based on the data of all-Russia representative sociological polls of the Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences.

приходится приспосабливаться к существующему порядку из опасений в поисках лучшего потерять удовлетворительное. Обычное для постсоветских россиян преобладание желания перемен временно сменялось доминированием стремления к стабильности, видимо, лишь в небольшие периоды хорошего экономического роста – перед кризисом 2008 г. и перед кризисом 2014 г. Поскольку влияние начавшегося весной 2020 г. коронакризиса будет заметно еще долго, то и в ближайшие годы, вероятнее всего, будет наблюдаться либо небольшое преобладание желающих перемен (как в 2018–2020 гг.) либо их примерное равенство со сторонниками стабильности (как в текущем 2021 г.).

Проблемность направленности запроса на перемены

Хотя запрос на перемены, согласно изложенным наблюдениям, остается далеким от «революционной ситуации», стабильно высокий уровень этого запроса заставляет поставить вопрос о том, *каких* именно перемен желают современные россияне.

Априори ясно, что желания качественных изменений в современной России в значительной степени разнонаправлены: одни россияне желают усиления «защиты национальных интересов», другие – «возвращения в СССР», третьи – углубления либеральных реформ 1990-х. Эта существенная разнонаправленность порождает настороженное отношение к запросу на перемены, которое может обернуться не модернизацией общества, а его антимодернизацией (как это не раз наблюдалось, например, в азиатских странах во время «исламских революций»).

Чтобы понять направленность запроса на перемены, необходимо, прежде всего, рассмотреть, не является ли он желанием реставрировать «советский социализм», который, в чем сходится большинство исследователей, оказался в целом тупиковым путем социально-экономического развития. Ведь эта общественная система – наиболее явная (хорошо известная россиянам старше 50 лет по их личному опыту) альтернатива «правилам игры» в современной Российской Федерации. О высокой популярности этой альтернативы свидетельствует хотя бы то, что КПРФ остается крупнейшей оппозиционной партией, не говоря уже о массе более мелких политических движений, в той или иной форме выступающих за путь национального развития а-ля «вперед в (советское) прошлое». Не

случайно не только в нашей стране², но и на Западе феномену «посткоммунистической ностальгии» [7] (или «красного похмелья» [8]) уделяют большое внимание, считая его дополнительным стимулом для опасений развитием России при В. В. Путине.

Ранее [9] автор уже анализировал векторность идеологических предпочтений современных россиян и пришел к выводу, что социалистический вектор (требования социальной справедливости)³ сам по себе относительно слаб в сравнении с либеральным и националистическим векторами. Однако этот вывод был основан на анализе предпочтений *идеологов*, а не конкретных социально-экономических *институтов*. Поэтому есть предположение, что, отвергая социализм, россияне будут еще более активно отвергать рыночные институты, что будет означать предпочтение именно социализма (не столько потому, что он больше нравится, сколько потому, что он меньше не нравится).

Чтобы ответить на вопрос о перспективах «советской реставрации», далее на основе материалов общероссийских репрезентативных социологических опросов будет рассмотрено отношение россиян к различным базовым институтам современного рыночного хозяйства. Будут использоваться главным образом материалы предковидного опроса 2019 г., организованного Институтом социологии ФНИСЦ РАН и отражающего состояние общественного сознания россиян в относительно спокойные времена. Для понимания динамических изменений общественного сознания россиян данные опроса 2019 г. сопоставляются в основном с результатами опросов 2005 г. (тоже организованного Институтом социологии) и 1990 г. (организованного ВЦИОМом).

² См., например: Ностальгия по СССР // Левада-Центр. 24 декабря 2021 г. URL: https://www.levada.ru/2021/12/24/nostalgiya-po-sssr-3/?utm_source=mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter-post-title_81 (дата обращения: 05.11.2021).

³ При обсуждении вопроса о социализме в России приходится постоянно сочетать анализ двух существенно разных объектов – с одной стороны, «советского социализма» (реальных практик государственного регулирования в СССР) и, с другой стороны, социалистической идеи (социального равенства, понимаемого как снятие эксплуатации и отчуждения). Объяснение их соотношения выходит за рамки данной статьи, в которой социализм условно редуцируется до единого понятия, отражающего советский опыт.

Отношение россиян

к различным типам общества в целом

На противоречивость симпатий/антипатий современных россиян к институтам рыночного хозяйства указывают, прежде всего, парадоксальные ответы респондентов общероссийских социологических опросов на вопросы о желательных «правилах игры» в стране (табл. 1). В частности, в июне 2019 г. 37 % высказались за «государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики», 17 % – за «государство, которое, используя частный сектор экономики, одновременно расширит частные экономические и политические возможности граждан» и всего лишь 8 % – за «государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе».

Таблица 1

Мнения россиян о желательном типе государства в России, %

Table 1. Opinions of the Russians about the desired type of state in Russia, %

Типы государства / Types of state	Год / Year		
	2005	2011	2019
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами («социализм») / The state which would completely restore the centralized regulation of economy and control over prices ("socialism")	25	29	37
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмет на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику («добрый царь») / The type of the state does not matter; the country needs a leader who would take full responsibility for the situation in Russia and would carry on a resolute policy ("good tsar")	17	22	25
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан («смешанная экономика») / The state which would restore the public economy sector, at the same time expanding private economic and political opportunities of the citizens ("mixed economy")	39	41	17
Государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе («капитализм») / The state which would reduce to a minimum its intervention to economy, granting maximal freedom to a private initiative ("capitalism")	5	9	8

Последний опрос демонстрирует существенное усиление негативизма в адрес рыночного хозяйства. Если во время опросов 2005 и 2011 гг. наибольшей популярностью пользовалась модель смешанной экономики, то теперь она ушла на 3-е место, уступив первенство откровенно этатистским моделям – восстановленному социализму и даже решительному лидеру, своего рода доброму царю, который возьмет на себя всю ответственность.

Хотя популярность коммунистов остается умеренной (к их сторонникам относили себя во время опроса в 2019 г. лишь 11 % респондентов), наблюдаемое падение популярности неэтатистских моделей реально ставит на повестку дня вопрос о возможности «социалистической» реставрации. Хотя полное «возвращение в СССР» находится за рамками современного коридора возможностей, однако вполне реальным кажется предположение о перспективе качественного усиления государственного регулирования, опирающегося на негативизм значительной части россиян в отношении «капиталистических» институтов.

В то же время для глубокого понимания того, насколько современные россияне приняли рыночные институты, целесообразно отказаться от анализа ответов *только* на прямые вопросы. Ведь средний россиянин, далекий от профессионального обществоведения, далеко не всегда хорошо понимает смысл концептов «капитализм» и «социализм». Их часто упрощают и вульгаризируют, понимая под капитализмом мрачные реалии современной России, а под социализмом – розовые воспоминания о советской жизни. К тому же в сознании людей старшего поколения (старше 50 лет) продолжают жить воспитанные в СССР стереотипы о «бесчеловечном капитализме» и «гуманном социализме». Такие стереотипы активно воспроизводятся, прежде всего, в сознании тех россиян, для кого трудные времена пришлись именно на постсоветский период.

Чтобы выяснить, каких именно новых реформ желают россияне, надо узнать их отношение к основным «правилам игры», лежащим в основе того или другого общественного строя. Базовые же институты, лежащие в основе типологий социально-экономических систем, – это отношения собственности (частная или государственная) и принципы управления (через решения частных предпринимателей или через государственный план).

Отношение россиян к частной собственности

Рассмотрим в первую очередь отношение современных россиян к институту частной собственности как к наиболее общей предпосылке рыночного хозяйства.

На прямой вопрос, как они относятся к существованию в стране частной собственности, респонденты в июне 2019 г. чаще всего (41 %) отвечали «положительно». Однако не положительных ответов оказалось гораздо больше: 36 % относятся к частной собственности нейтрально, 12 % затруднились ответить, а 11 % дали отрицательный ответ (табл. 2).

Таблица 2

Динамика отношения россиян к существованию частной собственности, %

Table 2. Dynamics of the Russians' attitude towards private property, %

Варианты ответов / Variants of answers	ВЦИОМ, 1990 г. / Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), 1990	Институт социологии ФНИСЦ РАН / Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences		
		Год / Year		
		2005	2014	2019
Положительно / Positive	45	52	61	41
Нейтрально / Neutral	29	24	30	36
Отрицательно / Negative	24	16	9	11
Затруднились ответить / Cannot answer	2	8	Вариант отсутствовал / No answer	12

Сопоставление с предыдущими общероссийскими опросами показывает, что, хотя пропорции ответов сильно варьировались, доля не положительных ответов всегда была выше 1/3. Проведенный в 2019 г. опрос Института социологии показал результаты, парадоксально очень близкие к результатам опроса ВЦИОМ в предпоследний год существования СССР (главное отличие между ними – это сокращение доли отрицательных ответов за счет роста нейтральных

и «затрудняюсь ответить»). Такая высокая доля не положительных ответов после почти 30 лет провозглашения «свободы экономической деятельности» (ст. 8 Конституции Российской Федерации) представляется явлением, требующим специального объяснения.

Изучение мнений в полярных социальных группах показало, что *выражающие отрицательное отношение к частной собственности сосредоточены главным образом в трех самых слабых социальных группах*. В группах молодых, хорошо материально обеспеченных и высокообразованных отрицательное отношение к частной собственности встречается только как редкое исключение, у менее 10 % респондентов (рис. 4). Зато оно довольно часто наблюдается среди пожилых (старше 50 лет), бедных (по их самооценке) и низкообразованных (с образованием не выше среднего). При этом, хотя в трех слабых социальных группах неприятие частной собственности является заметно более (в 1,5–2,5 раза) частым, чем у россиян в целом, но и в таких группах положительное отношение к частной собственности наблюдается чаще, чем отрицательное (рис. 5). Между отношением к частной собственности и стремлением к переменам связи практически нет: среди желающих перемен негативно к ней относятся 10 %, а среди желающих стабильности – 12 %.

В то же время вопрос о последствиях существования в России частной собственности сразу демонстрирует наблюдающееся в общественном сознании столкновение социалистической и либеральной идеологии. Если суммарный процент позитивных суждений составлял в 2019 г. 101 %, то негативных – 71 %, лишь на 1/3 меньше (табл. 3).

Это показывает, что социалистическая идеология, акцентирующая внимание на «несправедливых» последствиях частной собственности, в конце 2010-х гг. не сильно уступала в популярности либеральной идеологии, которая считает неравность людей аксиоматичной и, соответственно, видит в частной собственности только позитивные черты. При сравнении данных 2019 г. с данными 2005 г., когда позитивные и негативные суждения высказывались с почти одинаковой частотой (68 % отметили позитив, 70 % – негатив), заметен явный сдвиг в сторону усиления одобрения частной собственности. В то же время сопоставление с «позднесоветским» опросом 1990 г. показывает, что

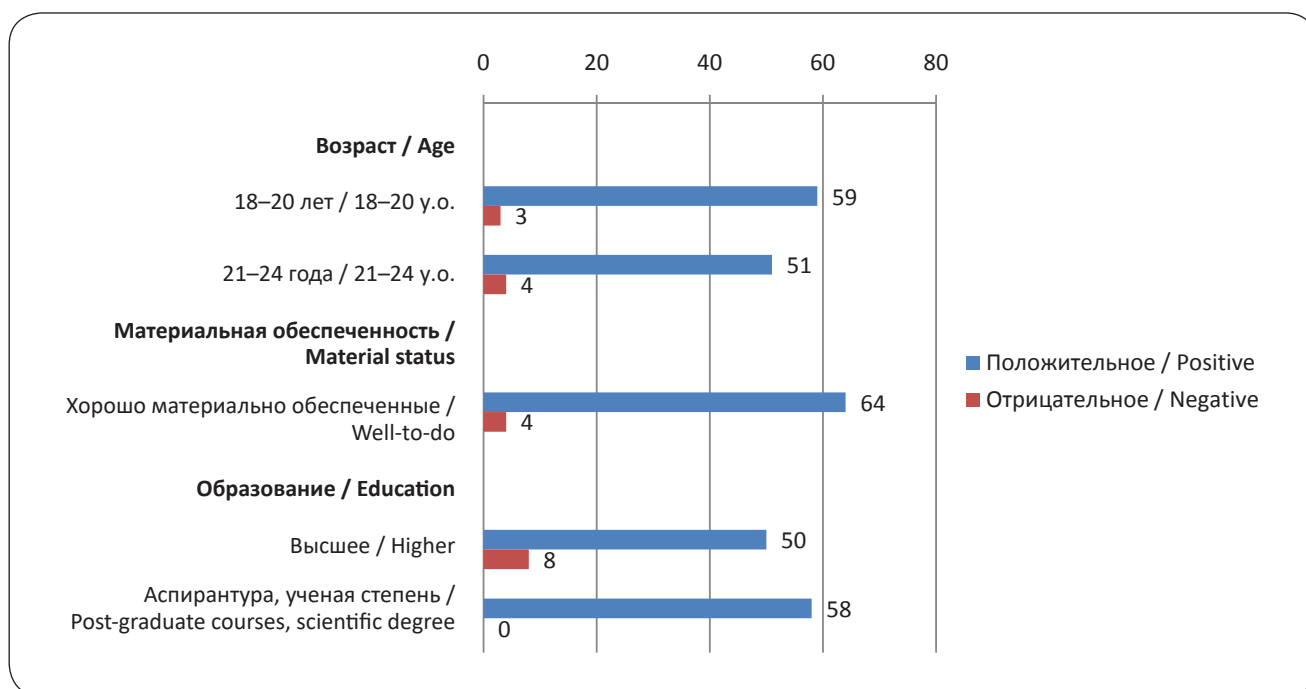

Рис. 4. Отношение к частной собственности в сильных социальных группах, июнь 2019 г., %

Fig. 4. Attitude towards private property in strong social groups, June 2019, %

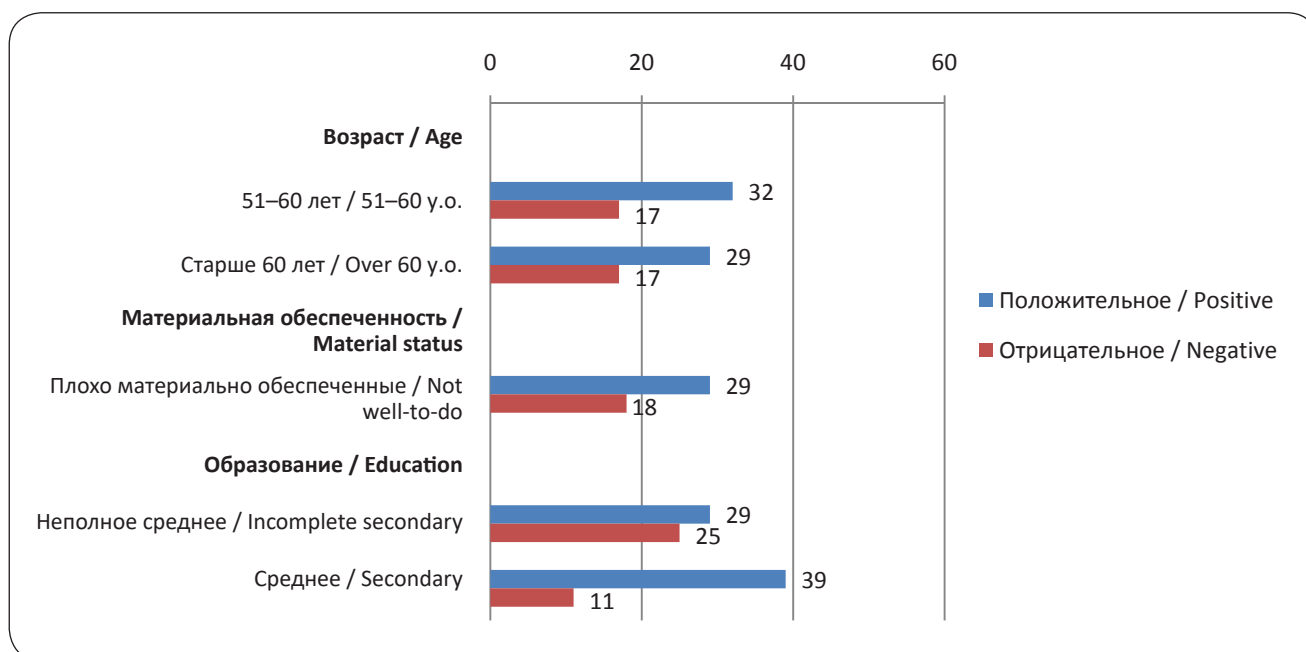

Рис. 5. Отношение к частной собственности в слабых социальных группах, июнь 2019 г., %

Fig. 5. Attitude towards private property in weak social groups, June 2019, %

Таблица 3

Мнения россиян о последствиях частной собственности
Table 3. Opinions of the Russians about the consequences of private property

Последствия частной собственности / Consequences of private property	Доля респондентов, % / Share of the respondents, %		
	Время опроса / Period of polling		
	1990 г., январь / January	2005 г., апрель / April	2019 г., июнь / June
Позитивные суждения / Positive statements			
Возрождение у людей чувства хозяина / Sense of ownership is restored in people	51	30	44
Преодоление дефицита потребительских товаров / Deficit of consumer goods is overcome	27	25	33
Выход из экономического кризиса / Economic crisis is overcome	26	13	24
Негативные суждения / Negative statements			
Ускорение расслоения общества на богатых и бедных / Stratification of the society into the rich and the poor is accelerated	37	54	46
Появление эксплуатации человека человеком / Exploitation of man by man appears	16	16	25

до радикальных рыночных реформ представления о последствиях развития частной собственности были гораздо более оптимистическими (104 % отмечали позитив и лишь 53 % – негатив). Таким образом, определенный эффект разочарованности заметен до сих пор.

Максимальная доля противников частной собственности может быть получена по ответам респондентов, которым надо было выбирать, с каким из крайних суждений они больше согласны, – «Только обладание собственностью делает человека по-настоящему свободным» (в 2019 г. выбрали 70 %) или «По-настоящему свободен лишь тот, кто не имеет никакой собственности; собственность лишь закабалает человека» (30 %). Эта дилемма показывает, что даже при предельно широкой оценке доли противников частной собственности они в последние годы сильно уступают ее сторонникам. Данная тенденция является устойчивой: во время опросов Института социологии в 2005–2015 гг. указанная дилемма предлагалась респондентам четыре раза, и каждый раз сторонники обладания собственностью (от 61 % в 2010 г. до 73 % в 2015 г.) сильно преобладали над ее противниками.

Диссонанс, наблюдающийся в общественном сознании россиян при оценке частной собственности, становится более понятен, если посмотреть на перечень объектов собственности, в отношении которых, по мнению респондентов, государство должно иметь

право ограничивать права собственников. Хорошо видно, что эти объекты делятся на три группы (табл. 4): естественные, капитальные и потребительские ресурсы. Сопоставление данных разных лет показывает, что, хотя отношение к отдельным объектам может существенно изменяться, сама иерархия объектов очень стабильна.

Подавляющее большинство (более 80 %) россиян сходятся в том, что естественные (полученные «даром» от природы) ресурсы должны приватизироваться в наименьшей степени. Это общественное мнение полностью совпадает с современной экономической теорией, в рамках которой обсуждаются разные механизмы госконтроля за природными объектами, но не оспаривается необходимость такого контроля. На другом полюсе находятся объекты личной собственности (квартира, дача и прочая недвижимость), в отношении которых лишь очень немногие (не более 4 %) требуют ограничений. Наиболее настораживающими (показывающими высокий негативизм в отношении капитализма) выглядят ответы россиян по поводу допустимости ограничения частной собственности на капитальные ресурсы – ведь за такие ограничения выступает в настоящее время от 1/5 до 3/5 россиян. Видна закономерность: чем более «капиталистической» (предполагающей использование наемного труда) является такая собственность, тем чаще россияне требуют ее ограничения.

Таблица 4

Мнения россиян о необходимости ограничивать частную собственность, %

Table 4. Opinions of the Russians about the need to restrict private property, %

Объекты частной собственности / Objects of private property	Доля респондентов, выступающих за ограничения, % / Share of the respondents advocating restrictions, %		
	Год / Year		
	2005	2010	2019
Естественные ресурсы / Natural resources			
Леса, реки, озера и другие водоемы / Forests, rivers, lakes, other water basins	86	–	90
Побережья морей и водоемов / Coasts of seas and other water basins	84	70	82
Капитальные ресурсы / Capital resources			
Заводы, фабрики, магазины и т. п. / Plants, factories, shops, etc.	66	44	60
Акции предприятий / Shares of enterprises	37	26	33
Крупная сумма денег / Large sum of money	16	12	27
Земельный участок, используемый для производства сельхозпродукции на продажу / Land lot used for producing agricultural goods for sale	9	13	18
Потребительские ресурсы / Consumer resources			
Земельный участок, используемый для собственных нужд / Land lot used for personal needs	4	2	4
Квартира / Apartment	3	3	2
Автомобиль / Car	3	3	1
Дача, загородный дом / Country house	3	3	1

Подводя итог изучению мнений современных россиян о частной собственности, следует подчеркнуть *очень большое место в общественном сознании смешанных оценок, сочетающих в разных пропорциях одобрение и осуждение*. Частная собственность не часто рассматривается как откровенно негативное явление, но и те, кто ее однозначно одобряют, составляют заметно менее половины граждан. Это значит, что *начавшееся в конце прошлого века «привыкание» к этому «реабилитированному» институту еще не завершилось, хотя этот процесс активно идет* (в частности, неприятие частной собственности среди молодых встречается в 5–6 раз реже, чем среди пожилых). Поскольку *разногласия в оценках полезности частной собственности практически не коррелируются с желанием перемен*, следует утверждать, что данный вопрос однозначно вышел из актуальной политической повестки дня.

**Отношение россиян
к предпринимательству**

Понимание отношения россиян к предпринимательству крайне важно для понимания принятия ими рыночных правил игры, поскольку главным социальным актором развитого (с наемным трудом) рыночного хозяйства, бесспорно, является предприниматель. При обсуждении его роли в обществоведении на протяжении последнего столетия сталкиваются две позиции: социалисты (прежде всего, последователи идей К. Маркса) подчеркивают приоритетность эксплуатации наемного труда, в то время как либералы (последователи идей Й. Шумпетера) – стремления к инновациям. Ожесточенность дискуссии связана с тем, что правы обе стороны, но в переменчивой степени, поскольку соотношение этих двух функций предпринимателей различно в разных сферах хозяйственной жизни в разные исторические периоды

и в разных странах. А каким видят современного предпринимателя обычные россияне?

Когда в 2019 г. респондентам предложили охарактеризовать современных отечественных предпринимателей (табл. 5), то структура оценок оказалась асимметричной: если просуммировать позитивные (132 %) и негативные (106 %) оценки, то обнаруживается, что благожелательные мнения высказывали приблизительно на 1/4 чаще. Это показывает, что современные россияне все же чаще не осуждают отечественных предпринимателей, а одобряют. Сопоставим это со структурой оценок в 2001 г.: тогда пропорция была почти обратной (118 % позитивных оценок против 135 % негативных). В то же время результаты 2019 г. почти не отличаются от данных за 2005 г. (139 % против 107 %). Напрашивается вывод, что в начале 2000-х гг., после завершения кризиса 1990-х, россияне поняли, что отечественные «буржуи» все-таки способны «поднимать» экономику, хотя их способность организовывать прорывное развитие (как, например, в Южной Корее и в КНР) остается под вопросом. Поэтому в последние 20 лет позитивные мнения о предпринимателях встреча-

ются устойчиво чаще, чем негативные, хотя и без явного перевеса.

Интересно отметить, что за 2005–2019 гг. предпринимателей стали гораздо реже (на 9 п. п.) считать непорядочными, но и энергично-инициативными тоже стали считать реже (на 10 п. п.), а ведь способность к инноваторству – главная черта «настоящего» (по Шумпетеру) предпринимателя.

Полученный результат почти совпадает с другой пропорцией ответов, когда респондентам надо было выбрать, с чем они больше согласны – с тем, что предприниматели наживаются на чужом труде, или с тем, что они дают людям рабочие места. За первый вариант в 2019 г. высказались 43 %, за второй – 57 %, т. е. благожелательное отношение к предпринимателям проявляется на 1/3 чаще, чем негативное отношение. И здесь в динамике заметно усиление позитива в восприятии бизнеса: во время опроса 2005 г. мнение об эксплуатации чужого труда выбирали несколько чаще (47 %), а мнение о создании рабочих мест – чуть реже (53 %).

При переходе от анализа частот разных оценок к анализу частот разных «пакетов» оценок обна-

Таблица 5

Мнения россиян о качествах большинства предпринимателей
Table 5. Opinions of the Russians about the qualities of the majority of businesspeople

Личные качества предпринимателей / Personal qualities of businesspeople	Доля респондентов, % / Share of the respondents, %		
	Год / Year		
	2001	2005	2019
Позитивные суждения (либеральная идеология) / Positive statements (liberal ideologue)			
Энергичность, инициативность, находчивость / Energy, initiative, resourcefulness	44	51	41
Хорошие организаторские способности / Good organizational skills	28	30	37
Профессионализм, компетентность, знание своего дела / Professionalism, competence, skills in one's business	22	29	29
Трудолюбие, работоспособность / Industriousness, working capacity	24	29	25
Негативные суждения (социалистическая идеология) / Negative statements (socialist ideologue)			
Безжалостность, потребительское отношение к людям / Mercilessness, objectification of people	35	27	32
Рвачество, стремление к легкой наживе / Self-seeking, desire for easy money	32	27	29
Безразличие к государственным и общественным интересам / Indifference towards state and public interests	36	27	28
Непорядочность, нечестность, неразборчивость в средствах / Indecency, dishonesty, unscrupulousness	32	26	17

руживается, что только положительные качества предпринимателей указывали 22 % респондентов, только отрицательные качества – 16 %, а остальные 62 % сочетали в разных пропорциях позитивные и негативные оценки. Соотношение одобряющих и осуждающих предпринимателей снова то же самое: одобряющих на 1/3 больше, т. е. то *противостояние небольших долей однозначно одобряющих и однозначно осуждающих наблюдается на фоне «колеблющегося» большинства* (более чем 4/5) россиян, у которых нет четкой позиции.

Пропорция распространенности среди россиян в 2019 г. трех типов оценок (однозначно позитивных, смешанных и однозначно негативных) предпринимателей повторяет аналогичную пропорцию оценок последствий частной собственности: по собственности пропорция выглядит как 24 : 61 : 15, по предпринимателям – как 22 : 62 : 16. Социальная структура тех, кто видит в предпринимателях лишь негатив, снова демонстрирует повышенную долю представителей трех слабых социальных групп: среди них почти половина (48 %) оценивает свое материальное положение как плохое (в населении в целом таких только 32 %), почти половина (46 %) – люди старше 50 лет (в населении их 35 %), 22 % – люди с образованием не выше среднего (в населении таких 18 %). Но доля желающих перемен среди людей с «антикапиталистической ментальностью» практически такая же (55 %), как и среди россиян в целом. Следовательно, повторяется вывод, сделанный ранее по итогам анализа группы россиян, негативно относящихся к частной собственности: *негативно относящиеся к предпринимателям тоже являются меньшинством, среди них также сильно повышена доля бедных и пожилых, но не наблюдается повышенного стремления к переменам.*

С каких позиций критикуют российских предпринимателей?

Хотя, как мы видим, современные россияне предпринимателей чаще одобряют, чем осуждают, однако они видят и негативные черты в развитии отечественного бизнеса. Важно, однако, обратить внимание на то, с каких позиций – социалистических или либеральных – россияне во время социологических опросов осуществляют эту критику.

В частности, во время опроса в 2019 г. в рейтинге частот ответов на вопрос о причинах сильного оттока

капиталов за рубеж на первых местах фигурировали причины, связанные с «плохим» государством: 43 % выбрали «высокий уровень коррупции и криминальное давление на бизнес», 37 % – «неблагоприятный предпринимательский климат (высокие налоги, бесконечные проверки, бюрократические препоны и т. д.)». Лишь потом упоминаются причины, связанные с «плохим» бизнесом (36 % – «криминальное происхождение части российского капитала»). Сходны мнения россиян и о причинах, в силу которых в стране «мало людей занимаются предпринимательской деятельностью»: среди семи наиболее частых объяснений (каждое из них выбирали более 20 % респондентов) два являются универсально значимыми (в любой современной стране занятие бизнесом тормозится необходимостью высокого стартового капитала и высокими рисками), одно возлагает «вину» на криминализованный бизнес, а остальные четыре наиболее частые причины тоже связаны с «плохим» государством (табл. 6).

Таблица 6

Мнения россиян, почему мало людей занимаются предпринимательской деятельностью, июнь 2019 г.

Table 6. Opinions of the Russians about why few people engage in business, June 2019

Причины слабого развития предпринимательства / Reasons for poor development of business	Доля респондентов, % / Share of the respondents, %
Высокие налоги / High taxes	54
Отсутствие стартового капитала / Absence of the initial capital	46
Высокие административные барьеры, коррупция / High administrative barriers, corruption	43
Высокие риски ведения бизнеса и страх потерять деньги / High risks of doing business and fear to lose the money	43
Недостаточная поддержка бизнеса со стороны государства / Insufficient support of business on the part of the state	28
Криминализация бизнеса в России / Criminalization of business in Russia	27
Страх появления проблем с законом, правоохранительными органами / Fear of problems with the law or law-enforcement bodies	24

Как видим, бизнес/предпринимательство критикуют чаще с позиций не социалистических (за эксплуатацию труда), а либерально-демократических (за нарушение правил честной конкуренции). Получается, что возмущает россиян не столько сам по себе отечественный капитализм (система наемного труда), сколько его недоразвитость (система коррупционных связей между бизнесом и властью, как в третьем мире).

Поскольку повышение желания перемен в последние пять лет связано, как показывают социологические исследования, с усилением недовольства главным образом государственными чиновниками и политиками, в общественном сознании должно происходить вытеснение одного образа социального «врага» другим, т. е. *относительное снижение недовольства россиян предпринимателями*. Действительно, хотя на вопрос «Как изменился российский бизнес за прошедшие 10–15 лет?» чаще всего (35 %) отвечали «каким был, таким и остался», но при этом утверждающих, что «бизнес стал более цивилизован-

ным и ответственным» (31 %), почти вдвое больше, чем считающих, что, наоборот, он «стал менее цивилизованным и ответственным» (17 %). Если сравнить эти ответы с теми, которые на аналогичный вопрос давали в 2005 г. (тогда 32 % не видели изменений, 41 % видели изменения к лучшему, а 11 % – к худшему), то можно увидеть длительную тенденцию к улучшению восприятия российского бизнеса.

Чтобы проверить, действительно ли российский бизнес становится более цивилизованным, рассмотрим по данным мониторинговых опросов 2013–2018 гг. Института социологии динамику ответов на вопрос, как часто работодатели выполняют «цивилизованные» правила взаимоотношений с наемными работниками (табл. 7).

Данные опросов показывают, что в течение 2013–2017 гг. наемных работников стали чаще официально оформлять на работу и выплачивать белую зарплату. Однако надо учитывать, что значительная часть респондентов работала в государственном секторе, где принципиально невозможно не оформлять работников

Таблица 7

Динамика свидетельств о выполнении работодателями «цивилизованных» правил отношений с наемными работниками

Table 7. Dynamics of the evidences of employers observing the “civilized” rules of relations with hired employees

Условия труда / Working conditions	Доля респондентов, % / Share of the respondents, %							
	Время опроса / Period of polling							
	2013	2015, весна / spring	2015, осень / autumn	2016, весна / spring	2016, осень / autumn	2017, весна / spring	2017, осень / autumn	2018, весна / spring
Соблюдение правил / Observance of rules								
Официальное оформление на работу / Official employment	49	50	48	49	52	52	56	54
Белая заработная плата / Official wages	38	43	43	41	44	47	48	47
Структура занятости / Employment structure								
Государственный сектор / Public sector	33	27	27	23	26	27	28	26
Коммерческий сектор / Commercial sector	28	29	30	33	30	33	36	40
Доля работников коммерческого сектора, чьи права не нарушаются / Share of the employees in the commercial sector whose rights are not violated								
Право на официальное оформление на работу / The right for official employment	57	79	70	79	87	76	78	70
Право на белую заработную плату / The right for official wages	18	55	53	55	60	61	56	53

и платить им черную зарплату. Если же сделать приблизительную оценку доли работников коммерческого сектора, чьи права соблюдались предпринимателями, то ситуация выглядит неоднозначной.

С одной стороны, в 2013–2016 гг. (особенно в период 2013–2015 гг.) действительно происходило качественное улучшение положения рабочих; положительная оценка этой тенденции тем более высока, поскольку отмеченное повышение цивилизованности бизнеса происходило во время экономического кризиса, когда предпринимателям тяжелее выживать. Но, с другой стороны, в 2017–2018 гг. цивилизованность стала, наоборот, снижаться – нарушения прав работников существенно участились. В целом следует все же сделать вывод, что *если в начале 2010-х гг. большинство предпринимателей нарушали права своих работников* (особенно это было заметно по широкой распространенности черных зарплат), то к концу 2010-х такие взаимоотношения перестали преобладать.

Таким образом, улучшение имиджа предпринимателей в глазах россиян – результат не только вытеснения «капиталистического» социального конфликта (капиталист – наемный работник) «социалистическим» конфликтом (власть имущие – граждане), но и реального общего повышения цивилизованности российского бизнеса, снижения частоты нарушений прав работников. Это повышение хорошо заметно в долгосрочном периоде, хотя в последние годы наблюдалась противоположная тенденция.

Запрос на перемены vs антикапиталистический протест

Подведем итоги анализа отношения современных россиян к институтам частной собственности и предпринимательства – базовым институтам современного рыночного (капиталистического) хозяйства.

Как показал анализ, в отношении обоих институтов, частной собственности и предпринимательства, одобрительные оценки хотя и не сильно, но преобладают над осуждающими, причем большинство не имеет по данным вопросам четкой позиции. *Негативное отношение к частной собственности и предпринимательству чаще наблюдается в слабых социальных группах* (малоимущие, пожилые, люди с низким образованием), но и в этих группах негативное отношение к ним не является абсолютно доминирующим.

Принципиально важно отметить, что на протяжении последних двух десятилетий наблюдается *общий рост положительного отношения к частной собственности и предпринимательству* как базовым институтам «капиталистической» экономики. Поэтому отмеченный *рост популярности нерыночных социально-экономических моделей* правомернее интерпретировать не как «коммунизацию» сознания россиян, а как феномен протестного голосования. Современные россияне выступают не столько за какую-либо модель общества, сколько *против* вполне конкретного современного общественного строя – того, который существует в современной России, соединяя олигархический «капитализм» с бюрократическим «социализмом». *Запрос на перемены*, таким образом, носит не положительный, а отрицательный характер (впрочем, это типично для большинства социально-политических бифуркаций): отрицается существующее общественное устройство, но нет четкого образа того, что должно прийти ему на смену.

Безусловно, в общественном сознании современных россиян существует *противоречие между*, с одной стороны, *ростом сознательного запроса на «социалистический» ренессанс* и, с другой – *снижением остроты восприятия конфликта наемного труда и капитала*. Это противоречие объясняется тем, что рост требований усилить госрегулирование отражает стремление большинства вовсе не к отказу от частной собственности и предпринимательства, к которым россияне в целом привыкли, а к росту полезности государственного регулирования, какими бы конкретными методами оно ни осуществлялось. «Советский миф» ассоциируется для большинства не с тотальной национализацией и со всеобщим учетом и контролем, а с бесплатным образованием и медициной, с отсутствием рисков безработицы и нищеты.

Для понимания степени актуальности противоречия между предпринимателями и наемными работниками следует вспомнить, как часто респонденты во время предыдущих опросов называли различные противоречия в современном российском обществе. В 2005–2017 гг. в семи общероссийских опросах, организацией которых занимался Институт социологии, задавался вопрос, между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее

острые противоречия. Во всех случаях «капиталистическое» противоречие «*между собственниками предприятий и наемными работниками*» в рейтинге частот упоминаний (его называли от 13 до 20 % респондентов) никогда не поднималось выше 4-й позиции, чаще всего оно попадало на 5-е место. Несколько чаще (в интервале 16–27 %) называли противоречие «*между олигархами и остальным обществом*», но и оно не поднималось выше 4-й позиции. К самым же частым позициям относились ответы «*между богатыми и бедными*» (в интервале 31–55 %), «*между властью и народом*» (26–36 %) и «*между чиновниками и гражданами*» (17–31 %). Из этих трех самых актуальных противоречий первое свойственно любым антагонистическим формациям (от «азиатского способа производства» до «капитализма»), в то время как второе – обществам «азиатского способа производства», своеобразной модификацией которого часто считают советский «социализм».

Итак, следует сделать вывод, что *рост* в конце 2010-х гг. *запроса на перемены в России* мало связан с «марксистским» конфликтом наемных работников и предпринимателей-капиталистов. Современный российский запрос на перемены имеет, как мы видим, в основном не антикапиталистический, а антибюро-

кратический («антиноменклатурный») характер. По отношению к бюрократической власти, навязывающей всем россиянам свои «правила игры», наемные работники и предприниматели оказываются не столько антагонистами, сколько союзниками (по крайней мере, временными). Находясь в одной лодке, они выступают не антагонистическими классами, а скорее общей совокупностью граждан, коллективно противостоящих государственной бюрократической и политической системе.

В то же время «капиталистический» социальный конфликт объективно сохраняется, хотя в настоящее время в числе относительно *второстепенных проблем*. В перспективе этот конфликт может, наложившись на существенное стремление к «социалистическому» ренессансу, привести к временным откатам в освоении рыночных институтов (например, к национализации собственности у отдельных бизнес-олигархов, кажущихся политической власти нелояльными).

Популярные в последние годы идеи «национализации элит» [10] являются опасным движением именно в этом направлении, когда апелляция к идеализированному советскому прошлому предполагает усиление административно-командных институтов.

Список литературы

1. Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? Москва: Московский центр Карнеги, 2017. 33 с. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov_Volkov_web_Rus1.pdf (дата обращения: 05.11.2021).
2. Петухов В. В., Петухов Р. В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>
3. Латова Н. В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Journal of Institutional Studies. 2019. № 3. С. 119–134. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134
4. Петухов Р. В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 103–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08>
5. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. Москва: Политиздат, 1974. С. 1–104.
6. Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен – 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения. Москва: Московский центр Карнеги, 2019. 16 с. URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Rus_Nov2109_final.pdf (дата обращения: 05.11.2021).
7. Todorova M., Gille Z. Post-communist Nostalgia. Berghahn Books, 2010. 310 p.
8. Ghodsee K. R. Red Hangover: Legacies of Twentieth-Century Communism. Duke University Press, 2017. 256 p.
9. Латов Ю. В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 15–28.
10. Латов Ю. В. Дискурс о «национализации элит» как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 128–138. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013216250010302-5>

References

1. Volkov, D., Kolesnikov, A. (2017). *We are waiting for changes. Does a mass demand for change exist in Russia?* Moscow, Carnegie Endowment for International Peace (in Russ.).
2. Petukhov, V. V., Petukhov, R. V. (2019). Request for Change: Factors and Causes of its Actualization, Key Components, and Potential Carriers. *Polis. Political Studies*, 5, 119–133 (in Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>
3. Latova, N. V. (2019). The Actors of the Request for Institutional Changes in Modern Russia (the Socio-Psychological Context). *Journal of Institutional Studies*, 11 (3), 119–134. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134>
4. Petukhov, R. V. (2020). The Request for Change: Political and Value Dimension. – Polis. *Political Studies*, 6, 103–118 (in Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08>
5. Lenin, V. I. (1974). "Left-Wing" Communism: An Infantile Disorder. In V. I. Lenin, *Complete works* (5th ed.). Vol. 41. Moscow, Politizdat (in Russ.).
6. Volkov, D., Kolesnikov, A. (2019). *We are waiting for changes – 2. Why and how is a demand for radical changes formed?* Moscow, Carnegie Endowment for International Peace (in Russ.).
7. Todorova, M., Gille, Z. (2010). *Post-communist Nostalgia*. Berghahn Books.
8. Ghodsee, K. R. (2017). *Red Hangover: Legacies of Twentieth-Century Communism*. Duke University Press.
9. Latov, Yu. V. (2019). Ideological Vectors and Scalars of Action for Proponents of Change. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 12, 15–28 (in Russ.).
10. Latov, Yu. V. (2020). Discourse on the "Nationalization of Elite" as an Object of Sociological Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 11, 128–138 (in Russ.). <https://doi.org/10.31857/s013216250010302-5>

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 28.11.2021

Дата принятия в печать / Accepted 11.01.2022

ПОЗНАНИЕ

Бегишев, И. Р.

Преступления в сфере обращения цифровой информации / И. Р. Бегишев, И. И. Бикеев. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 300 с. (Серия: Цифровая безопасность).

Монография представляет собой первое в России комплексное исследование феномена преступлений в сфере обращения цифровой информации. В ней рассмотрены вопросы уголовно-правовой природы преступлений в сфере компьютерной информации, предложены решения выявленных проблем ответственности за их совершение, внесены рекомендации по противодействию исследуемой категории преступлений, а также варианты устранения пробелов нормативного регулирования.

Будет полезна научным и педагогическим работникам, обучающимся разных уровней профессионального и дополнительного образования, слушателям специализированных учебных заведений, сотрудникам правоохранительных и судебных органов, разным категориям пользователей цифровой информации, а также всем интересующимся вопросами обеспечения цифровой безопасности.

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Андрюшин Сергей Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, г. Москва

Sergey A. Andryushin, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, PhD (Economics), Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России; профессор кафедры юридических дисциплин, Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Pavel A. Kabanov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Sciences; Naberezhniye Chelny branch of Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Никитин Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань

Andrey G. Nikitin, PhD (Law), Dean of the Faculty of Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, PhD (Economics), Associate Professor of the Department “Economic theory and econometrics”, Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Джеффри Шаббар, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, Ph.D. in Economics, Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем журнала является частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова». Издатель – ООО «Татарский центр образования «Таглитат».

Тематика журнала представлена в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двойное слепое) всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим специальностям:

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ: 08.00.01 Экономическая теория; 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; менеджмент).

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Статья передается в редакцию журнала “Russian Journal of Economics and Law” (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Для публикации научной статьи автор (авторы), согласно приведенным ниже требованиям, должен оформить необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней.

Рукопись оформляется строго в соответствии с правилами оформления материалов, а аннотация – в соответствии с приведенным на сайте rusjel.ru образцом.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Объем статьи должен быть не менее 0,5 авторского листа (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами) и не более 1 авторского листа (40 000 печатных знаков).

Сопроводительные документы к рукописи статьи должны включать в себя:

- авторские справки на каждого автора;
- статус аспиранта должен быть подтвержден справкой об учебе в аспирантуре, заверенной подписью руководителя организации и печатью;
- заявление;
- согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных.

Вышеперечисленные материалы предоставляются в электронном виде через форму на сайте. Если не удастся отправить файлы через эту форму, материалы можно присылать на e-mail: aimurzaeva@ieml.ru

Автор, направляющий статью в журнал “Russian Journal of Economics and Law”, выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Если у авторов при написании статьи упоминаются запрещенные в Российской Федерации организации (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), то после первого упоминания такой организации в статье обязательно должна быть ссылка на то, что «деятельность данной организации запрещена на территории РФ».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания.
Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полусторонний. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...

2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков отдельным файлом с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – от 150 до 250 слов. Печатается в начале статьи. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Подробнее см. на сайте журнала: rusjel.ru

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения издания в редакции достаточно передать туда письмо-заявку о желании получить журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитмат» 400 руб. за один экземпляр с пометкой «Журнал “Russian Journal of Economics and Law”».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40702810762000000536, К/счет 30101810600000000603. Отделение «Банк Татарстан» № 8610 (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию издания.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

GENERAL INFORMATION

about the Journal “Russian Journal of Economics and Law”

The Journal “Russian Journal of Economics and Law” is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. The founder of the Journal is the private educational establishment of higher education “Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov”. The publisher is “Tatar Center for Education “Taglimat” Ltd.

Titles and contents of sections correspond to branches of science and groups of specialties of scientists according to Nomenclature of specialties for scientists.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

The journal accepts articles in the following specialties for publication:

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES: 08.00.01 Theory of economics; 08.00.05 Economics and management of national economy (economy, organization and management of enterprises, sectors, complexes; management of innovations; regional economy; management).

12.00.00 LEGAL SCIENCES: 12.00.01 Theory and history of law and state; history of doctrines of law and state; 12.00.03 Civil law; entrepreneurship law; family law; international private law; 12.00.08 Criminal law and criminology; criminal-execution law.

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office for 5 years.

Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

The Journal adheres to editorial ethics standards in compliance with the international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Ethics of scientific publications, Association of scientific editors and publishers (RASEP).

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal “Russian Journal of Economics and Law”

The article is submitted to the Executive secretary of the Journal “Russian Journal of Economics and Law” (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The manuscript should be prepared in strict conformance with the rules listed in rules of registration of the materials, and the summary in accordance with the example given in the web-site rusjel.ru (summary example).

The Editorial Board reserves the right not to review the articles prepared with violations of the Rules.

The article should be no less than 0.5 author's sheets (20 000 characters, including spaces) and no more than 1 author's sheet (40 000 characters).

Accompanying documents include the following:

- author's profile for each author. It should contain the address and telephone number at the working (studying) place, as well as contact telephone number and e-mail;
- the status of a post-graduate student should be confirmed by a certificate of the post-graduate course, signed by the head of the organization and stamped.
- application.
- letter of consent of the personal data subject for processing the personal data.

The listed documents are submitted electronically at web-page. If the materials cannot be loaded to the web-page, they can be submitted to aimurzaeva@ieml.ru.

Thus the author submitting an article to the Journal “Russian Journal of Economics and Law” expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

If in the text of the article the author mentions any organizations prohibited in the Russian Federation (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), then after the first mention of such organization in the article there must be a note that “The functioning of this organization is prohibited on the territory of the Russian Federation”.

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY

(according to ГОСТ 7.5-98 “Journals, collections, information publications.
Publishing typography of the published materials”)

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indention – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indention with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...

2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. It is advisable to submit figures as separate files indicating the article title and the figure number. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The abstract should contain between 150 and 250 words. It is published at the beginning of the article. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

For more details visit: rusjel.ru

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION

to the Journal “Russian Journal of Economics and Law”

The Journal “Russian Journal of Economics and Law” is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue “Press of Russia”. The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of “Tatar Educational Centre “Taglimat” Ltd, with a mark “The Journal “Russian Journal of Economics and Law”.

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40702810762000000536, Corr Acc 30101810600000000603. Otdeleniye “Bank Tatarstan” #8610 (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent “collect on delivery”.

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer’s address or to any other address per procuracionem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal “Russian Journal of Economics and Law” editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

**Представляем вашему вниманию новинки издательства «Познание»
Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова**

Бородина, Ж. Н.

Практикум по праву интеллектуальной собственности: практическое пособие / Ж. Н. Бородина. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 168 с.

Пособие содержит материалы, необходимые для проведения практических занятий по курсу «Право интеллектуальной собственности». Подготовлено на основе материалов судебной практики и содержит методические указания, контрольные вопросы по изучаемым темам, задачи, контрольно-тестовые задания, задания по комментированию норм права и материалов судебной практики, списки рекомендуемых нормативных правовых актов, материалов судебной практики и специальной литературы, библиографический список.

Предназначено для обучающихся, аспирантов и преподавателей юридических факультетов и вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся вопросами права интеллектуальной собственности.

Бигиев, М. Д.

Мусульманская трапеза / М. Д. Бигиев: пер. с татаро-османского яз., предисл. А. В. Тимирязовой, Е. Л. Яковлевой; предисл. А. Г. Хайрутдинова. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 66 с. – (Серия «Сокровищница Татарстана»).

«Мусульманская трапеза» – перевод малоизвестной книги Мусы Бигиева «Маида». В ней повествуется о наставлениях благородного Корана и исламской религии, касающихся пищи, питья и трапезы мусульман.

Предназначена для всех интересующихся проблемой запретной и дозволенной пищи в исламе.

Подборка современных китайских стихов / сост. Ли Ямей. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 172 с. (на китайском языке).

Сборник представляет собой материал для чтения, ориентированный на русскоговорящих студентов, изучающих китайский язык как иностранный. В сборник вошли 50 стихов известных китайских авторов.

Он раскрывает идеологию и художественные особенности китайской поэзии.

Рассчитан на широкий круг читателей, а также на изучающих китайский язык, на преподавателей и переводчиков китайского языка.

Яковлева, Е. Л.

Философские импровизации на тему гламура / Е. Л. Яковлева. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 400 с.

Гламур, гламур и еще раз гламур... В предлагаемой книге вы не найдете ничего, кроме гламура. Но, возможно, вы измените свою точку зрения на гламур, посмотрев на него как явление довольно многогранное и неоднозначное.

В монографии впервые гламур осмысливается в качестве социального феномена, в котором произошло много бытийственных разрывов и потерянные звенья не были восстановлены, что привело к его упрощенному пониманию в современности. Гламур рассматривается как (пост)неоязычество и идеология, пространство абсурда и мифизаций. Автор осуществил попытку описания человека гламурного и выявил законы, на основе которых он живет и проявляет себя в социокультурном пространстве.

Книга о гламуре может читаться в любой последовательности, в зависимости от настроения или интересующего аспекта. Написанная в свободной манере импровизаций на заданную тему (гламур), монография не предполагает единственного взгляда на феномен и приглашает читателей к собственному интерпретированию гламурного дискурса и выстраиванию взгляда на него.

Предназначена для всех, кто интересуется современной культурой и ее гламурным дискурсом, может использоваться в качестве дополнительного материала в преподавании дисциплин философско-культурологической и социальной направленности.

В качестве иллюстраций к книжке и на обложке использованы работы студентки отделения дизайна Казанского инновационного университета Д. О. Сычевой.